

О.Ю. ПЛЕНКОВ

ТАЙНЫ Третьего Рейха

КУЛЬТУРА
НА СЛУЖБЕ
ВЕРМАХТА

О. Ю. ПЛЕНКОВ

**ТАЙНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.
КУЛЬТУРА НА СЛУЖБЕ
ВЕРМАХТА**

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

Москва

2011

ББК 63.3(0)62
ПЗ8

Пленков О. Ю.

ПЗ8 Тайны Третьего Рейха. Культура на службе вермахта.—
М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. — 480 с.
ISBN 978-5-373-01992-7

Очередная книга О. Ю. Пленкова посвящена особенно деликатной части истории Третьего Рейха, а именно — его культуре. По мнению автора, именно культура становится первоочередной мишенью любых тоталитарных режимов, поскольку утверждение контроля над обществом требует узурпации всех каналов воздействия на народное сознание. Последовательное и беспристрастное воссоздание картины духовного состояния немецкого общества в условиях нацистского правления раскрывает новые, ранее невидимые стороны тоталитарной действительности.

ISBN 978-5-373-01992-7

© О. Ю. Пленков, 2005
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа — третья по счету в серии, посвященной идеологическим мифам и социальной утопии Третьего Рейха. Читателям предыдущих книг может показаться, что в них и так довольно подробно рассматривалась история нацизма и особенности его эволюции, поэтому дальнейшая детализация может привести лишь к повторам. Что ж, повторы на самом деле есть, и они неизбежны, поскольку любой автор, обрисовывая разные грани сложного явления, обречен вновь и вновь возвращаться к своему первичному впечатлению. Так бывает и в художественной литературе — американский писатель Скотт Фицджеральд называл этот феномен «*twice-told taie*» (повторяющаяся история). Для автора таким изначальным впечатлением, а точнее, переживанием было грубое несоответствие людоедской сущности национал-социализма — и многих его конкретных проявлений, внешне имевших вполне презентабельный вид. Особенно явно, на мой взгляд, эта «дихотомия нацизма» проявилась в сфере культуры, искусства и в морально-этическом бытии немецкого общества эпохи Адольфа Гитлера, которое отнюдь не было отчетливо неполноценным. Поэтому, несмотря на упомянутую опасность повторов и возвратов, я все же решил посвятить этой теме отдельную монографию. Ибо чем точнее мы сможем понять и полнее прочувствовать «обаятельную сторону» национал-социализма, тем эффективнее сумеем профилактировать возможное возрождение очередного штамма тоталитарно-ксенофобской системы.

На первый взгляд, соединение в рамках одной книги двух разноплановых проблем — во-первых, культуры

Третьего Рейха и, во-вторых, морально-этического состояния его общества — не совсем органично. Однако, как представляется, это вполне оправданно, поскольку оба эти феномена относятся к духовной сфере. Как выразился один французский острослов: «Культура — это то, что с нами делает общество, а искусство — это то, что делаем мы сами». Оба эти процесса — социокультурный и социально-этический, — как нетрудно понять, тесно связаны, между ними существуют многочисленные взаимные интенции и влияния. И нацизм, и большевизм придавали особенно большое значение воспитанию «нового человека», и в этом процессе огромное значение имели новые этика и эстетика, воспринимавшиеся как целостный комплекс.

Ставя перед собой столь тематически обширные задачи, автор попросту обречен доверять не только собственноручно добытым фактам и извлеченным выводам, но и тем локальным наблюдениям, которые сделали его коллеги — отечественные и зарубежные исследователи, тщательно изучавшие отдельные стороны истории образования, искусства, духовной жизни, пропаганды, спорта, а также морально-этических реалий эпохи Третьего Рейха. Ясно поэтому, что данная книга не претендует на статус «классического научного исследования», основанного непосредственно на исторических источниках.

Сфера культуры составляет особенно деликатную часть истории Третьего Рейха, поскольку многие тенденции и феномены в этой сфере были связаны с устойчивой и продолжительной традицией развития немецкой культуры (одной из самых интегральных и мощных в современной цивилизации); они имели долговременную природу и только отчасти пресеклись (или видоизменились) в период нацизма. В этой связи особенно важно помнить, что «тысячелетний рейх» просуществовал всего двенадцать лет: культура общества за этот короткий промежуток времени просто не могла существенно измениться.

Последовательное и беспристрастное воссоздание картины духовного состояния немецкого общества в условиях

Третьего Рейха раскрывает новые, ранее невидимые стороны тоталитарной действительности. Это особенно актуально для России, поскольку, несмотря на видимое преодоление тоталитаризма в отечественной политике, тоталитарный менталитет в нашей стране, кажется, отнюдь не изжит. В формировании же (или разрушении) последнего огромную роль играет духовная, культурная сфера, которая и составляет предмет рассмотрения в данной книге.

***

Постановка проблемы, как писал французский историк Люсьен Февр, есть начало и конец всякого исторического исследования. Где нет проблем, там нет и истории — лишь пустые разглагольствования и компиляции¹. В этой связи полагаю важным отметить, что, приступая к работе над этой темой, я был изначально воодушевлен перспективой сопоставления тенденций развития искусства в тоталитарных политических системах нацистской Германии и Советского Союза. Это воодушевление обуславливалось кажущейся возможностью, посредством сравнительного анализа искусства и культуры в обеих диктатурах, прийти к выводам, проясняющим их общую природу. На поверку, однако, сходство упомянутых феноменов оказалось ложным, ибо действие тоталитарных тенденций в обеих странах было различным.

В нацистской Германии унификация культуры предпринималась нацистами в рамках прежней буржуазной традиции, в СССР же большевики замыслили полное преобразование культуры в соответствии с доктриной ленинизма, поэтому изменения в Германии не носили столь радикального характера, как в Советском Союзе. Еще в 1981 г. немецкий германист Ганс-Дитер Шёфер указал в своей монографии (к сожалению, не нашедшей откликов среди специалистов), что в Третьем Рейхе существовала довольно обширная культурная сфера ненацистского свойства, которую власти терпели, а также была свободная от давления конформизма лакуна в повседневной

жизни и в обыденной культуре². В советском искусстве и обыденной жизни такая лакуна также была, но она кажется менее обширной по сравнению с реалиями нацистской Германии. К тому же, если в Советском Союзе человека хотели изменить в первую очередь морально, то в нацистской Германии его хотели трансформировать еще и физически. Поэтому какие-то генеральные совпадения в духовной эволюции общества в Советском Союзе и в гитлеровской Германии в рассматриваемое время практически не видны, или они слишком неопределенны, чтобы на их основании делать однозначные умозаключения.

Я не хотел бы в предисловии предвосхищать итоговые выводы. Замечу лишь, что нацистские культура и обыденность столь же отличны от советских, сколь немецкая культура вообще отлична от русской. Как писал бывший польский министр иностранных дел Анджей Шиперский, «перфекционизм — это самое демоническое немецкое свойство. Немцы всегда стремились быть пай-мальчиками истории и делать все лучше других. Еще 10 лет назад ФРГ была лучшей копией США, а ГДР — СССР. Немцы основательны во всем — и в плохом и хорошем». Этот перфекционизм ни с какой точки зрения не соответствует русской культуре и традиции. По очень точному наблюдению Давида Самойлова, «от чисто фашистского образа мысли нас, советских, спасла привычка к брехне, идеализм лжи, которые мешают нам всё додумывать до конца, до голой схемы».

В то же время нельзя не заметить бросающегося в глаза внешнего сходства (которое вновь и вновь притягивает исследователей) между искусством и культурной политикой двух диктатур: монументализм (особенно в архитектуре); литературные и художественные романтические образы, прославляющие труд и борьбу; искусство, последовательно утверждающее культ вождя. Объединяет оба режима и то, что и национал-социализм, и большевизм были чрезвычайно динамичными движениями, стремившимися интенсивно воздействовать на культурную жизнь общества. Искусство и культура общества как таковая

становятся первоочередной мишенью тоталитарных режимов по той причине, что утверждение контроля над обществом требует узурпации любых каналов воздействия на народное сознание. Нацисты, как и большевики, не считали сферу культуры автономной. С точки зрения национал-социализма, культура должна была служить государству, расе, народу.

Инструментализация искусства нацистами не ограничивалась попытками тотально воздействовать на его содержание, особое внимание уделяя приспособлению к своим целям «высокого искусства». Огромное значение имели попытки изменить традиционную иерархию искусств (так же поступали и большевики). Предпочтение, которое нацисты отдавали скульптуре, по сравнению с живописью следует признать незначительным. Гораздо важнее то, что изящные искусства вкупе с литературой, театром и классической музыкой были подвержены перманентной переоценке в пользу радио и кино, которым, по мнению нацистских функционеров, принадлежало будущее (вспомним ленинское определение кинематографа как «важнейшего из всех искусств»). Некоторые нацистские вожди приравнивали кино — по степени его воздействия на культуру нации — к народному образованию.

Негибкость, ригидность тоталитарного государства необходимым (естественным?) образом отражалась на искусстве, становившимся объектом манипуляций государства и, в силу этого, деградировавшим. Искусство — это шок, боль, самоотречение. Сэмюэл Беккет писал: «Быть художником, значит терпеть страх: уклоняться от этого провала — дезертирство». Тоталитарное государство намеренно поощряло это дезертирство, поэтому ожидания тоталитарного государства, которое стремится управлять искусством в собственных интересах, никогда не сбываются, ибо искусство служит не государству и обществу, а самому себе. Манипулировать сферой искусства сложно, практически невозможно: художественные гении по команде не появляются. Отсюда и снижение

художественного уровня искусства в тоталитарных государствах. Это снижение, однако, оправдывается массовостью искусства, которое отвечает вкусам большинства. Утонченному эстету это искусство покажется примитивным и грубым, но такая оценка не может быть исчерпывающей. Французский интеллектуал Раймон Арон в 30-е гг. писал о нацизме: «Протест здорового жизнелюбия против утонченности и скептицизма не заслуживает ни презрения, ни иронии. Коллективная вера всегда груба, легко показать ее абсурдность, но История не признает правоты резонерствующего ума»³.

Иными словами, было бы слишком большим упрощением напрочь отвергать тоталитарное искусство как ложное и лишенное ценности, не заслуживающее внимания только из-за своего происхождения и своей «грубоватой пошлости». Многие в советском или нацистском искусстве было воодушевляющим и возвышенным, наивным и трогательным. Отвращение к фону тоталитарного искусства и опасение оказаться причастным к тоталитаризму долгое время побуждали к замалчиванию этого искусства или его игнорированию. Цитированный выше Раймон Арон писал, что некоторые историки (например, Саул Фридлендер) более других смогли доискаться до причины того, почему именно евреи стали козлами отпущения, мишенью немецкого озлобления. Но должно ли это быть причиной запрета на любые дальнейшие размышления над этой проблемой? Если да, то всякий анализ современных событий будет сводиться к ожесточенной «манихейской» критике, а не к попыткам понять. В то же время Арон считал, что стремление к объективности не должно мешать естественному возмущению⁴. Недопустимо обратное: когда естественное возмущение мешает беспристрастному анализу. Сказанное, безусловно, следует отнести и к изучению культуры Третьего Рейха — ее следует интерпретировать честно и непредвзято, не опасаясь быть заподозренным в каком-либо партийном пристрастии.

Когда мы говорим о сходстве и различиях советской и нацистской моделей тоталитаризма, необходимо также

всегда иметь в виду, что Советский Союз погиб без посторонней помощи, в силу чего достижения искусства советской эпохи во многом продолжают восприниматься нами отдельно от его политической сущности. В то же время Третий Рейх умер «насильственной смертью», и победители, осуществив денацификацию, силой заставили немцев отказаться от нацизма и его культуры. В этой связи уместно предположить, что в сегодняшней России нет обнадеживающего настоящего прежде всего потому, что в ней по-настоящему не преодолено тоталитарное прошлое — и даже не столько в политике, сколько в сфере культуры.

Когда после войны немцев заставили отвергнуть все, что было связано с нацизмом, они поначалу внутренне сопротивлялись перевоспитанию. Однако затем, в 60—70-х гг. в Германии началось беспрецедентное национальное покаяние за нацизм и его преступления. В ходе этого покаяния культура нацизма была полностью в Германии отвергнута. В то же время культура советской эпохи в течение минувших 15 лет плавно трансформировалась в современную культуру квазидемократических, а на деле авторитарных постсоветских обществ.

Отторжение нацистской культуры в послевоенной Германии оказалось столь мощным, что на протяжении долгих лет немецкие искусствоведы занимались преимущественно «вырожденческим» (нацистский термин) искусством, совершенно игнорируя искусство нацистское. Лишь в 1974 г. в ФРГ была устроена первая большая выставка официального искусства Третьего Рейха, явившаяся первым опытом современной оценки этого периода в развитии искусства (в отличие от англо-саксонского мира, в ФРГ эта искусствоведческая линия, впрочем, так и не получила значительного развития).

Помимо чисто академического интереса к нацистской культуре как к значительному историческому феномену, ее изучение актуально также и по той причине, что многие ее элементы были органически связаны с немецкой культурой как донацистской, так и постнацистской эпох. Существовала личная преемственность, сохранились

определенные тенденции в развитии тех или иных видов художественного творчества, системы образования, массовой культуры общества. Для того чтобы выяснить, какие именно тенденции и в каком виде были восприняты немцами после краха Третьего Рейха, нужно представлять себе, как эволюционировала сфера культуры при нацистах.

В первой части книги рассматриваются несколько сюжетов. Прежде всего речь идет о системе народного образования при нацистах: излишне говорить о важности этой сферы для воспитания нации в любой политической системе. Затем следует глава о политике нацистов в сфере искусства: для меня настоящим откровением было весьма интенсивное развитие в Третьем Рейхе некоторых видов искусства (например, музыкального исполнительского искусства) и значительная государственная поддержка искусства. Также кажется очень важным раздел, посвященный взаимодействию нацистского режима с обеими христианскими церквями. Уже после войны богослов Жак Маритен писал: «Теологические проблемы пронизывают все развитие западной культуры и цивилизации, и поныне они продолжают действовать настолько, что тот, кто их игнорирует, окажется принципиально неспособным проникнуть в смысл нашего времени и его внутренних конфликтов»⁵. Весьма значимой для эволюции Третьего Рейха была сфера пропаганды. Также важной составляющей культуры нацистского общества были спорт и физическая культура.

Вторая часть книги посвящена морально-этическому состоянию немецкого общества в годы диктатуры, включая аспекты конформизма и Сопrotивления. Активный контроль тоталитарных систем за обыденной жизнью является одной из самых примечательных их сторон. Немецкий социолог Карл Мангейм писал, что сопротивление перманентно активизирующегося общества, которое вынуждены преодолевать современные диктатуры, оказывается столь значительным, что для осуществления тотального контроля за социумом приходится проникать

в его мельчайшие ячейки и союзы, вплоть до сборищ завсегдаев пивных. В Средние века, например, идеократическому планированию церкви никогда не требовалась такая радикальность, так как массы были еще пассивны и могли быть приведены в повиновение посредством традиции⁶.

Сочетание анализа сфер культуры и повседневности, как представляется, позволяет проникнуть в сущность культурной политики нацистского Рейха и понять ее наиболее значительные отличия от культурной политики, с одной стороны, большевистской Страны Советов и, с другой стороны, западных демократий того времени.

Советскую культурную политику и контроль за повседневной жизнью вдохновляли теория и практика революции; эта политика была включена в глобальное видение истории. В немецких условиях, в принципе, имела место та же тенденция. Это, впрочем, не является специфической чертой тоталитарных систем: политика и культура, мораль и эстетика всегда необходимым образом включены в единый комплекс представлений общества о том, какой была, какова есть и какой должна быть его жизнь. Корреляция между жизнью культуры и обыденной жизнью существует и в демократических государствах. Последние должным образом также осуществляют свою культурную экспансию, которая, что вполне закономерно, протекает отнюдь не гладко и иногда встречает сопротивление.

В культурной экспансии Запада своей особенной напористостью выделяется американская культура, которая сочетает морально-этический идеализм и культурные стереотипы, которые часто настойчиво проводятся на практике и даже насаждаются вовне. Американская культура и ее экспансионизм некоторое время вызывали в Европе сильное раздражение, да и ныне она отнюдь не везде встречает радушный прием. Это не является чем-то принципиально новым: в новейшей истории существовали и англофобия, и франкофобия, и германофобия, — теперь распространен антиамериканизм; временами

«фобии» имели какие-то основания, но чаще были простыми предрассудками. Как и в прежние времена, люди и сейчас считают, что только они правы, а остальные заблуждаются.

Как бы то ни было, но в основе как притяжения, так и неприязни «чужой» культуры лежит ее глубокая сопряженность с традициями повседневной жизни, ее укладом, радикальной перемене которого любое общество, как правило, стихийно и в то же время весьма активно сопротивляется.

При этом как западный либерализм, так и различные тоталитарные системы отличают универсализм и основанная на нем высочайшая степень экспансивности. Те и другие не признают государственных, расовых и этнических границ. Те и другие считают, что человечество развивается по одним и тем же неизменным законам, поэтому предполагается, что идеи, которые они исповедуют, одинаково применимы для всех стран и народов.

Таким образом, проблема культурной экспансии в современном мире в некотором смысле оказывается универсальной, и принятие или непринятие какой-либо культуры, интерес к ней или отсутствие интереса, симпатии к ней или антипатии должны рассматриваться прежде всего в историческом плане, а не в плане идеологическом.

Разумеется, я отнюдь не собираюсь ставить на одну доску современную культурную экспансию Запада и многообразную экспансию нацистской Германии или Советского Союза — это совершенно разнородные явления. Еще Карл Мангейм писал, что демократическому и либеральному устройству массового общества можно предъявить рад обвинений. Однако необходимо признать одно его преимущество: то, что при всей неправильности его развития оно сохраняет возможность спонтанного образования противоположных течений, и коррекций. Большое преимущество либеральной структуры даже на стадии массового общества — его невероятная гибкость⁷. Этого нельзя сказать о тоталитарных системах, которые были обречены уже в силу своей ригидности.

Вместе с тем, немецкая культура при нацистах (до разоблачения последних) рассматривалась европейцами как часть тогдашней европейской культуры и так же интерпретировалась. Соответственно, задача историка и состоит в том, чтобы добросовестно реконструировать эту картину.

Хосе Ортега-и-Гассет писал, что «история полна странностей и неожиданностей — ведь это не геометрия. Чтобы добраться до истины, нужна не серьезность, а детская непосредственность, человек должен быть открыт действительности и ждать, что она принесет»⁸. Кажется, эти слова испанского мыслителя особенно подходят предмету, о котором идет речь в данной книге.

Как и в предшествующих книгах, автор не ставил перед собой задачу систематического и хронологического изложения истории Третьего Рейха — в работе применяется проблемный подход, и какая-либо строгая хронологическая последовательность отсутствует.

Часть I

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Мы понимаем национал-социалистическую революцию как восстание немецкого духа против произвола бесплодного и холодного интеллекта.

Эта победа означает триумф духа над механистическими материалистическими воззрениями».

(Бальдур Ширах)⁹

«Zukunft braucht Herkunft»¹⁰.

(Michael Quand)

«По всей видимости, в ближайшем будущем не останется никакого сомнения в том, что нет и не может быть патриотического искусства или патриотической науки — они, как и все хорошее, принадлежат человечеству как единому целому, и всемерно способствовать их развитию можно только объединив усилия всех без исключения людей, бережно и внимательно относясь к тому, что нам досталось от прошлого совокупного человеческого знания и умения».

(Гете)

ВВЕДЕНИЕ

Значение сферы культуры и духовной жизни народа для социальной мобилизации, к которой стремились нацисты, трудно переоценить по той причине, что — в отличие от большевиков, сосредоточивших основные свои усилия на изменении материальных условий существования народа — нацисты, несмотря на значительные до-

стижения в социальной сфере, сделали иной акцент: они сосредоточились на сфере культурной политики и духовных ценностей; именно здесь они за 12 лет господства совершили (или хотели совершить) наиболее радикальные перемены. Народное образование, политика нацистов в сфере искусства, в духовной сфере, в пропаганде, а также в других проявлениях культуры современного массового общества и реакция немецкого общества являются предметом анализа данной работы.

По приходу к власти нацисты сразу декларировали свое стремление отделить в сфере культурной традиции «немецкое» от «ненемецкого» (вопреки вышеприведенному высказыванию Гете). Под давлением нацистов рационалистическая традиция Просвещения отступила в Германии на второй план, и на ее место встали интуиция, инстинкт и мифы нации. По Гитлеру, нужно было отвернуться от духа и морали и обратиться к инстинктам¹¹.

Мощное, обусловленное романтизмом «контрпросвещение» стало в конце XIX в. общеевропейским явлением; его связывают с именами Жоржа Сореля, Томаса Карлейля и Анри Бергсона, обращавшихся в своих текстах к тому, что находится за пределами рационального и материального. Дальше всего процесс «разрушения разума» в пользу иррационализма зашел именно в Германии¹². В 1933 г. нацисты провозгласили новую эпоху, знаменующуюся отступлением рассудка перед динамикой жизни (как говорили берлинские остряки — воля есть, ума не надо).

К этим нацистским декларациям и устремлениям можно относиться по-разному, также по-разному можно трактовать их итоги: в одних направлениях нацистская политика унификации культурной жизни достигла своих целей, в других — сопротивление старинной и могучей немецкой традиции культурной и духовной жизни было столь велико, что никаких существенных перемен в пользу нацификации не произошло; кое-где произошло совпадение нацистской культурной политики с объективным ходом развития и модернизации культуры современного общества. Как будет видно из нижеследующего материала,

нацистам в гораздо меньшей степени, чем большевикам, удалось создать «тоталитарное» общество в сфере культуры. Причин тому много: от краткосрочности нацистской «социальной инженерии» (по сравнению с большевистской) до мелких, частных, даже личных обстоятельств, которые неожиданно встали на пути нацистских культурных политиков, пропагандистов и идеологов и которые следует рассматривать отдельно применительно к конкретным проявлениям этой политики.

ГЛАВА I

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Начальная и средняя школа

Школа, как и любой общественный институт, отражает состояние общества. Школьная система в Германии до 1914 г. соответствовала авторитарному духу кайзеровского рейха и, являясь для своего времени одной из самых эффективных в мире, была все же весьма тяжеловесна: она ориентировалась на пассивное усвоение учащимися учебного материала; учителя без всяких отклонений следовали учебным планам; в школе царил строгая дисциплина. Лишь перед Первой мировой войной под влиянием первых прецедентов спонтанной молодежной солидарности (например, группа «Перелетные птицы» и движение «бюндише») в школе начались перемены. Следует подчеркнуть, что это произошло не вследствие осознанного реформирования школы педагогами (такие попытки, впрочем, были: подтверждением этому является деятельность Густава Винекена), а прежде всего вследствие активности молодежного движения. Именно молодежное движение помогло во многих отношениях гуманизировать школу, привлечь к делам школы родителей; оно способствовало организации многочисленных кружков по интересам — театральным, певческим, туристическим и спортивным объединениям. После Первой мировой войны молодежные организации возобновили свою деятельность, аргументируя ее тем, что молодежь должна сама являться активной составляющей частью воспитательного процесса. Прогрессивных немецких педагогов межвоенной поры (например, Людвига Гурлита) привлекал мощный воспитательный потенциал молодежных организаций. Под влиянием молодежной активности в Веймарской республике была предпринята попытка реформировать немецкую школьную систему. Эти прогрессивные

изменения были пресечены нацистами, которые стремились сделать школу одним из инструментов утверждения своего господства. Установку нацистского руководства афористично сформулировал глава ГЮ Бальдур Ширах: «Для нас чувства значат больше, чем рассудок. Рабочий паренек, сердце которого открыто фюреру, более важен для Германии, чем высокообразованный эстет, который с помощью рассудочных умозаключений стремится преодолеть любой спонтанный душевный порыв»¹³. Уже по этой декларации видно, что нацисты стремились заменить примат образования приматом воспитания. Еще более ясно новую задачу образования выразил президент немецкого Союза библиотекарей Шустер: «Ценность человека в нацистском государстве составляет не то, читал ли он Канта, понимает ли Шпенглера, владеет ли языком и знанием литературы, знаком ли с великими произведениями искусства и поэзии. С нацистской революцией навсегда уходит в прошлое царство образования, и на его место вместе с новым мировоззрением приходит идеал воспитания»¹⁴.

Гитлер никогда не скрывал своего презрения к школьному и университетскому образованию, к учителям и преподавателям, а также к академическому образованию в целом. Это, впрочем, соответствовало его личному опыту неудач как в средней школе, так и неудаче (трижды) при поступлении в Художественную академию в Вене. В сфере школьного образования для Гитлера и его функционеров приоритетами стали не содержательная часть, не усвоение учащимися объективных научных знаний, не культивирование высоких духовных ценностей, но совсем другие вещи: подчеркнуто политизированный стиль преподавания, связанный с расовой теорией, спорт, а позднее и парамилитаристские занятия. Еще в «Майн кампф» Гитлер писал, что «немецкая система образования до войны была весьма слабой и ориентированной преимущественно на содержательную сторону обучения, а не на умение. Еще меньшее значение придавалось укреплению характера, воспитанию у детей ответственное -

ти и решительности. Результатом стало появление не сильного и решительного человека, но приспособленца-всезнайки: таковыми немцы и слыли в Европе до войны. ...Следствием слабости воспитания была трусость перед лицом ответственности и нерешительность в преодолении проблем, которые ставила жизнь»¹⁵. Во «Второй книге» он высказывался еще определеннее: «Народная школа в своей воспитательной работе должна в первую очередь заботиться не о накачивании в головы молодежи абстрактных знаний, но о формировании физически здорового молодого человека. Лишь во вторую очередь следует думать о духовных и умственных качествах. Во главу угла нужно поставить развитие характера и воли, связанных с воспитанием чувства ответственности, а содержательная часть образования должна рассматриваться как второстепенная. Народная школа должна неизмеримо больше времени уделять физическому воспитанию и возмужанию. Сейчас в учебном плане школы предусмотрено всего два часа физкультуры в неделю, и участие в этих уроках не рассматривается как обязательное — это недоумение. Не должно проходить и дня, чтобы молодой человек минимум один час до обеда и один час после обеда не занимался физкультурой. При этом нельзя забывать о спорте, который в глазах многих фелькише является грубым — бокс. Народная школа не должна воспитывать миролюбивых эстетов и физических дегенератов»¹⁶. В частных беседах Гитлер высказывался даже за физические наказания (которых уже давно не было в школах Германии); строгости в воспитании он придавал большое значение. Шпеер описывает следующий эпизод: Гитлер сказал как-то, что часто получал от своего отца подзатыльники, и что это было необходимо и пошло ему на пользу. На что министр внутренних дел Фрик заметил: «Да, как теперь видно, это пошло вам на пользу, мой фюрер». Присутствующие оцепенели от ужаса. Быстрее всех нашелся Геббельс, считавший Фрика полным идиотом, — он прокомментировал: «Подозреваю, дорогой Фрик, что вас в молодости никто не бил!»¹⁷

В целом, схема народного образования в Третьем Рейхе по сравнению с Веймарской республикой не изменилась: начальная школа (*Volksschule*) — четыре года, а для одаренных детей — три года. Первый класс носил красные фуражки, второй — темно-голубые с желто-зеленым околышем, третий — оранжевые; потом нацисты это отменили, чтобы ликвидировать неравенство между детьми по классам, а также между детьми, продолжающими ходить в среднюю школу, и детьми, поступившими в гимназию¹⁸. Затем пять лет средней школы¹⁹ (дети с 12 до 17 лет); эта ступень оставалась преимущественно политехнической — классическая гимназия хоть и сохранялась, но предназначалась она для весьма узкого круга учащихся и стала менее привлекательной по причине преимущественно гуманитарной ориентации и незначительного — по сравнению с политехнической школой — внимания к точным наукам. В школах с раздельным обучением разбивка по годам была такой же, но в последние три года обучения между этими школами появлялось значительное различие в учебной программе.

Законом от 25 февраля 1933 г. нацистское правительство ликвидировало общие средние школы (*Sammelschulen*), инициаторами которых были в свое время политики, стоявшие близко к левым партиям. Эти общие средние школы отличались от обычных народных школ (*Volksschule*) отказом от религиозного воспитания и образования. В Дюссельдорфе, например, роспуск светских школ начал осуществляться с 9 сентября 1933 г. и коснулся 11 школ с 1459 учащимися. Из этих детей в евангелические школы было определено 70,5%, а в католические — 27,8% детей. Из 37 учителей, работавших в светских школах Дюссельдорфа, 2 ушли на пенсию и 2 учительницы были уволены без пособия на основании Закона о защите немецкого служилого сословия²⁰. Эта картина в целом соответствовала происходящему в рейхе. Полное реформирование школьной системы в Третьем Рейхе завершилось в 1937 г. — это также видно на примере Дюссельдорфа: до 1937 г. в городе существовало 70 различных

форм школьного обучения, а с 1937 г. это многообразие было сведено к двум формам. В Дюссельдорфе было 8 типов школ, а стало 2. Из гуманитарных гимназий остались только две, остальные были переведены в статус «немецкой детской школы повышенного уровня» (*höheren deutschen Knabenschule*), в которых английский язык начинали изучать в шестом классе. Параллельно с ликвидацией религиозных школ шло наступление на частные школы: нацистская концепция предполагала монополию государства на образование. В Дюссельдорфе были частные средние школы только для девушек. Все они с 1 апреля 1937 г. были переведены в государственное ведение, осталась только одна школа Святой Урсулы, но ей было запрещено принимать новых учащихся, и она со временем также закрылась²¹. Кроме того, членам партии было запрещено отдавать своих детей в частные школы.

Унификация школы отразилась и в названиях: обершколе, гимназия, лицей, оберлицей (*Oberschule, Gymnasium, Lyzeum, Oberlyzeum*) получили общее наименование **обершколе**, в Дюссельдорфе осталась только одна гимназия, сохранившая название и статус — гимназия имени Гинденбурга (*Hindenburgschule*). В принципе, унификацию типов школ можно рассматривать как прогрессивную (ликвидация социального неравенства), но обучение в школе сокращалось на год. Также нельзя считать однозначной ликвидацию при нацистах школьного самоуправления: оно было ликвидировано, а родительские советы — заменены лидерами ГЮ, которых назначал директор. Законом от 26 марта 1935 г. совет школы (*Schuldeputation*), устанавливавший и утверждавший внутренний распорядок в школе, был распущен, а все его полномочия были переданы совещательному совету, состоявшему из двух представителей учителей, трех членов попечительского совета, директора, представителя ГЮ, а также по одному представителю от разных вероисповеданий. Родители в этом органе не имели права голоса²². Иными словами, унификации в государственном масштабе соответствовала унификация школы. Родители часто жаловались, что

теперь у них нет никаких прав на детей²³. Им не нравилось, что в походах и в играх в рамках ГЮ дети часто получают травмы. Также не нравились родителям постоянно растущие расходы на детей: полная униформа ГЮ (включая зимнюю) стоила 135,40 рейхсмарок, что превышало месячный доход рабочей семьи²⁴. Трудно сказать, были ли довольны родители, когда их отпрыски после 50-километрового марша в пятницу отлеживались весь остаток недели и не могли ничего делать по дому.

По приходу к власти нацистское руководство в «Указе о новом порядке средней школы» декларировало принципиальную необходимость введения повсеместного раздельного обучения мальчиков и девочек²⁵. Это мотивировалось различными социальными ролями мужчины и женщины; до войны, однако, этот принцип — вследствие сопротивления отдельных школьных функционеров — удалось осуществить лишь частично, поэтому некоторый плюрализм в этой сфере сохранился. К примеру, в Тюрингии в середине 30-х гг. в смешанные школы ходило больше девочек, а приблизительно половина — в женские школы; в Северной Германии только 25% девочек в старших классах посещали совместные школы²⁶. Традиция раздельного обучения детей, впрочем, в Германии существовала: в период Веймарской республики социал-демократы ратовали за совместное обучение, а католическая церковь была против этого. Значительные перемены произошли при нацистах и в женском гимназическом образовании: нацисты отвергали необходимость подготовки научных работников из женской среды; женская гимназия получила задачу подготовки домохозяек, медицинских сестер, рукодельниц. Женское гимназическое образование стало сворачиваться, это видно на примере Дюссельдорфа: из 65 женских классов (в 1932 г.) к 1935 г. осталось только 49, — соответственно, число девушек, посещавших старшие классы, сократилось в эти годы с 1574 до 1188²⁷.

30 апреля 1934 г. оберштурмбанфюрер СС Бернгард Руст, бывший гауляйтер Ганновера, стал министром науки, образования и народной культуры. В годы Веймар-

ской республики он, тогдашний школьный учитель, был уволен со службы из-за психических отклонений. Впрочем, для Гитлера это была скорее лестная характеристика, так как сам он считал, что «учителями, к сожалению, становятся люди, которые просто не выстояли бы в жизненной борьбе, если бы избрали свободную профессию»²⁸. Нацистские школьные теоретики давно настаивали на реформе школы в духе воззрений фелькише; по приходу к власти они начали реализовывать свою программу: с 1933 г. началась унификация учителей, исправление учебных планов; мировоззренческое оболванивание школьников стало всеобщим явлением, в школьных программах на первое место стали ставить историю, германистику, биологию, географию, спорт — все, что имело отношение к реалиям Третьего Рейха. Спорт и физическое воспитание объявлялись главными воспитательными целями. Это привело и к изменению принципа отбора учащихся в высшую школу — во главу угла были поставлены физические кондиции абитуриентов.

Национал-социалистический союз учителей так формулировал свои задачи в реформировании школы: «Национал-социализм — это мировоззрение, которое претендует на тотальное положение и не хочет, чтобы человек приходил к нему в результате случайного стечения обстоятельств. Средство, которое поможет преодолеть всякую случайность, называется воспитание. Немецкая молодежь не должна, как в либеральной системе, стоять перед проблемой так называемого свободного объективного выбора: быть ли ориентированной материалистически или идеалистически, национально или космополитически, атеистически или религиозно. Немецкую молодежь следует осознанно воспитывать и формировать на тех основаниях, которые ныне являются в Германии общепризнанными и правильными — на основаниях национал-социалистического мировоззрения. В первую очередь, разумеется, этой задачей должен проникнуться каждый немецкий учитель»²⁹. Соответственно этим программным требованиям НСЛБ — после принятия «Закона о реставрации немецкого

служилого сословия» от 7 апреля 1933 г. — в Дюссельдорфе, например, уволила 8 неугодных нацистам учителей народных школ (из 952), в том числе и 4 директоров школ; из 132 учителей средней школы была уволена одна учительница и несколько пенсионеров; из 196 учителей гимназий было уволено 12³⁰. Эти цифры, показательные и для рейха в целом, говорят о том, что нацисты не стали прибегать к фронтальной замене учительского корпуса. Вместо этого нацисты в школьные каникулы решили собирать учителей в специальные центры для идеологической обработки, но они не смогли выполнить свою задачу до конца, поэтому НСЛБ перешел к другим методам идеологической обработки и перевоспитания учителей — на всевозможных вечерних курсах, конференциях и совещаниях³¹. Столь незначительные усилия нацистов по унификации учительского корпуса объясняются не слабостью НСЛБ, а высокой степенью активности и энтузиазма, с которыми был воспринят национал-социализм учителями. Нацисты внимательно относились к лояльности учительского корпуса: к 1936 г. 97% всех учителей стали членами партии. Из учительской среды вышло 7 гауляйтеров, 78 крайсляйтеров, 2668 ортсгруппенляйтеров³².

Нацистские методисты умудрялись использовать в политических целях даже математические задачи. Так, в «Задачнике по математике» (1935 г.) в задаче 58 говорилось, что на строительстве автобанов в октябре 1934 г. на 50-ти площадках было занято 7 тыс. человек. Требовалось вычислить: А — сколько человек работало на каждой стройке; Б — сколько всего людей получило работу и хлеб, если учесть, что еще столько же людей было занято на поставках строительных материалов? В задаче 68 говорилось: рождаемость в крупных городах Германии составляет 58%, в средних городах — 69%, в сельской местности Германии — 113%. В общей численности населения Германии на крупные города приходится 30,4% населения, на средние города — 36,3%, на сельскую местность — 33%. Требуется: представить графически картину роста

народонаселения в разных частях страны в виде трех прямоугольников, затем соединить вершины треугольника, что и даст представление о динамике роста. В задаче 97 говорилось: ежедневное содержание душевнобольного стоит 4 рейхсмарки, калеки — 5,50, преступник в тюрьме обходится в 3,5. В то же самое время чиновник зарабатывает в день 4 рейхсмарки, служащий — 3,50, чернорабочий — 2. В Германии приблизительно 300 тыс. калек, душевнобольных и т. п. Требуется узнать, сколько денег в год понадобится стране, чтобы содержать такое количество не занятых на производстве людей? Сколько семейных пособий на эти деньги можно предоставить безработным? В задании 95 говорилось, что на строительство одного сумасшедшего дома требуется потратить 6 млн рейхсмарок, и спрашивалось: сколько обыкновенных домов можно построить на эти деньги, если каждый дом стоит 15 тыс. рейхсмарок?³³ Чуть сложнее была задача на пропорции, в которой утверждалось, что в стране приблизительно поровну здоровых семей и семей с плохой наследственностью; в последних, как правило, детей больше. Требуется подсчитать, какое соотношение здоровых и нездоровых семей будет через 100 лет, если в здоровых семьях рождалось по 3 ребенка, а в нездоровых — по 5?³⁴

Помимо жесткой фиксации на нацистских идеологических ценностях, большую роль играла фиксация нацистских функционеров от образования на физическом воспитании детей. Нацистские методисты были убеждены, что в довоенной Германии и в период Веймарской республики, как ни в какой другой стране, воспитание было сосредоточено на знании, а не на деятельности, не воспитывало характер человека. Грубо говоря, если англичане уподобляли жизнь спорту, то немцы — накоплению знаний; ни то, ни другое нацисты не считали правильным. Главной ценностной установкой нацистских школьных методистов и теоретиков было игнорирование содержательной части образования и выдвижение на первый план физического воспитания, трудового воспитания и обучения, допризывной подготовки, воспитание

активизма, понимаемого исключительно с идеологических позиций. Главными и опорными установками в процессе нацистского воспитания были сознательно культивируемый антиплюрализм, антирационализм (ученики должны были в первую очередь верить в партию и в фюрера и меньше думать и сомневаться), коллективизм (понимаемый как проявление национал-социализма на более низком социальном уровне), а также активизм, который касался как метода, так и содержания образования; активизм основывался на механистическом представлении о единстве тела и духа — эти монистические взгляды должны были способствовать осуществлению тоталитарных целей³⁵. В целом, однако, не следует переоценивать воздействие нацистской идеологии на школу, ибо период истории нацизма сам по себе мал, к тому же не везде давление нацистских школьных политиков было значительным. Наименьших успехов нацисты добились в Гамбурге, так как ганзейские города отличались прогрессивной школьной системой, при которой директора школ избирались коллегией учителей на определенный срок, а родительские советы принимали участие в управлении школой. Нацисты не смогли сразу покончить с прогрессивными либеральными началами, для этого им понадобилось довольно много времени.

Ганс Змарзлик (тогдашний школьник) вспоминает, что влияния нацистской идеологии в школе часто не было заметно, антисемитизма детям специально никто не внушал, а антисемитский листок «Штюрмер» (*Stürmer*), который вывешивали на улице, привлекал подростков лишь порнографическими рисунками³⁶. Учитель немецкого, будучи членом партии, сказал однажды, что Генрих Гейне — это еврей, которого нельзя считать великим немецким поэтом, но ряд его стихотворений все равно следует выучить наизусть. Когда Змарзлик в 1939 г. отказался писать сочинение на тему «Солдат — немецкий мужской идеал» (сказав, что он так не считает), учитель дал ему другую тему. Когда дети в классе потребовали у учителя литературы обсуждения романов Ремарка, запрещенных

в Третьем Рейхе, учитель уклонился, заявив, что писатель того не стоит. При этом он пояснил, что книги Ремарка похожи на описание соревнований по прыжкам в воду, которые в целом прошли успешно, но двое прыгунов получили травму. Однако, изображая блестящий спортивный праздник, автор сосредоточился только на этих двух несчастных случаях³⁷. Педагогу нельзя отказать в находчивости, тем более что пацифизм и интеллектуализм Ремарка мало соответствовали духу того времени, — гораздо больше читали романтика войны и фронтового товарищества Эрнста Юнгера.

Когда директор школы (убежденный нацист) упрекнул Змарзлика в том, что он, будучи звеньевым в ГЮ, ходит на уроки закона божьего, мальчик ответил, что хочет остаться верующим католиком. Директор похвалил школьника и сказал, что каждый человек должен иметь собственные убеждения и не отступать от них под давлением обстоятельств³⁸.

О расовом учении в школе особенно не распространялись, лишь на уроке биологии описывали различные расовые типы; некоторое время в классе было модно завидовать «нордическим типам», но Змарзлик успокаивал себя тем, что «восточно-балтийский расовый тип», к которому он сам относился, обладает, по словам педагога, «способностью к языкам и музыкальностью».

Часто и сами учащиеся пытались из идеологии нацизма и собственного активизма извлечь для себя хоть какую-нибудь пользу. Так, Дресслер вспоминает, что он и его друзья-гимназисты, измученные латынью и греческим, не готовили уроки, мотивируя это занятостью общественной работой в ГЮ. На недовольного их пропусками и хронической неуспеваемостью учителя они решили надавить через партийные инстанции. В итоге лоботрясы избавились от утомительных занятий древними языками, а учителя уволили³⁹. ГЮ претендовала на роль воспитателя молодежи — для этого ей была выделена суббота (при сохранении ежедневного учебного плана в 6 часов занятий). Затем следовали различные кампании, собрания

и митинги — из-за них произошло выпадение 25—30% учебного времени: вследствие этого учебный год — по подсчетам учителей Дюссельдорфа — составил максимум 30 недель⁴⁰.

Наряду с обычной школой нацистами были учреждены элитные школы НАПОЛА (*NAPOLA* — *Nationalpolitische Lehranstalten*) — национально-политические учебные учреждения, в которых готовили будущих функционеров нацистского государства. Первые три НАПОЛА возникли уже в 1933 г., в них принимались 10—18-летние молодые люди. После преобразования кадетских интернатов до 1935 г. возникло еще 12 НАПОЛА. Они были основаны как полные средние школы (*höheren Schulen*), отчасти как гуманитарные гимназии, и готовили для поступления в университет; это были интернаты, построенные по образцу прусских кадетских училищ. Наряду с интенсивным военно-политическим обучением (каждый год кадетов отправляли на военные маневры), учащиеся несколько месяцев должны были отработать на заводах, в шахтах и в деревне. Ответственным за НАПОЛА был инспектор, генерал СС Август Хайсмайер. Девизом НАПОЛА были слова «*Glauben, Gehorchen, Kämpfen*» (верить, слушаться, бороться).

Программа НАПОЛА была направлена на воспитание в юношах солдатского духа, мужества, простоты и готовности к жертве. Первоначально руководство этих школ находилось в руках партии, но потом СС перехватило инициативу и подмяло эти школы под себя; эсэсовцами были и большинство учителей. До начала войны число школ НАПОЛА достигло 31 (из них три школы НАПОЛА для девочек). Наиболее характерным для школ НАПОЛА было подчеркнуто милитаристское воспитание на фоне строгой нацистской идеологической выучки; школы готовили будущих руководителей СС, полиции, других учреждений нацистского государства, а также офицеров. Услышав, что часть учеников в одной из школ НАПОЛА посещают католическую церковь и проходят там конфирмацию, Гиммлер рекомендовал руководству школы требовать у родителей и учеников выхода из церкви⁴¹.

Школы НАПОЛА располагали прекрасной материальной базой — конюшнями, парком мотоциклов, автомобилями, аэродромами с планерами и т. д. Во время войны Гитлер согласился на предложение Гимmlера создать две школы НАПОЛА в Голландии с одной третью учеников-голландцев и двумя третями немцев, причем заключительную часть курса голландцы должны были пройти в Германии; аналогичные школы Гимmlер планировал создать и в Норвегии⁴².

Знаком системы образования в Третьем Рейхе немецкий историк Гаральд Шольтц указывал, что только в войну были созданы условия для действительного превращения интернатов в учреждения мировоззренческой муштры и сокращенных учебных программ⁴³. Любопытно, что Шольтц настаивал на тезисе о том, что при нацистах не было элитных школ, но были школы, более отвечающие потребностям режима. По Шольтцу, парадокс состоял в том, что нацисты, сами будучи враждебны образованию и просвещению, стремились и новую элиту общества сделать такой же⁴⁴. Иными словами, отборные школы (*Ausleseschulen*) не производили элиту, но имитировали процесс отбора.

Несколько иначе, чем с НАПОЛА, обстояло дело со «школами Адольфа Гитлера» — АГШ (*Adolf Hitler-Schulen*), — в них принимали 12—18-летних юношей и готовили из них кадры для НСДАП. Если учебные планы школ НАПОЛА базировались на старых программах для средней школы, то в АГШ основное внимание было обращено на политическое воспитание, а интеллектуальным развитием вовсе пренебрегали. В АГШ на занятиях учащиеся вели себя свободно; учителя, в отличие от обычных немецких школ, были не высшими, недостижимыми личностями, но, скорее, старшими товарищами и друзьями юношей. Оценки не выставлялись, но в конце каждого года устраивались нацистские «показательные выступления»⁴⁵. Так же, как в НАПОЛА, большое значение придавалось военному обучению, но в АГШ детей меньше ориентировали на практическую работу (на заводах,

в шахтах, в деревне). В АГШ не было даже стандартного «аттестата зрелости» — документ об окончании АГШ по приказу Гитлера приравнялся к аттестату⁴⁶. АГШ финансировались партией (теоретически все расходы брало на себя государство, а на практике родители должны были делать взносы в специальный фонд АГШ), учащиеся были в полном распоряжении партии — они могли быть исключены, но самовольно или по желанию родителей из школы их не отпускали. АГШ не имели большого успеха, ибо родители-ненацисты неохотно отдавали в них детей⁴⁷. Вопреки протестам Руста, АГШ были подчинены не министерству просвещения, а партии и ГЮ. Даже по признанию партийных инстанций, АГШ не достигли академического уровня нормальной школы... К началу войны таких школ было 10, и они конкурировали с НАПОЛА. В середине 30-х гг. Альфред Розенберг разрабатывал планы создания Высшей школы партии на Химзее, которая должна была стать своего рода альтернативой АГШ, НАПОЛА и эсэсовским орденсбургам⁴⁸. Война помешала этим планам. В АГШ дети с 12-летнего возраста бесплатно учились 6 классов; в будущем нацисты планировали иметь АГШ в каждом гау. К 1942 г. в Германии насчитывалось 11 АГШ⁴⁹.

Ежегодно в каждом гау производился отбор в АГШ 12-летних мальчиков с «выдающимися способностями к руководству», при этом во внимание прежде всего принималась расовая «чистота» и здоровье, а не знания и сообразительность; социальное положение не имело никакого значения. После тщательного многоступенчатого отбора (проходил лишь небольшой процент кандидатов) 20 апреля — в день рождения Гитлера — происходил торжественный прием в школу. Новая методика преподавания в этих школах состояла в направляемой преподавателем дискуссии с заранее известным итогом, в поощрении инстинктивных оценок школьников тех или иных явлений без обязательного доказательного или документального подтверждения точки зрения. И все это — на фоне обязательной военно-спортивной муштры, идеолого-

политического оболванивания в «главных» предметах — биологии, истории, этнографии немцев и географии.

Своего рода партийной академией — последней ступенью в системе формирования нацистской элиты — были так называемые орденсбурги, которые были отстроены в виде крепостных сооружений, как рыцарские замки, от чего они и получили свое название. В орденсбургах готовили к партийной работе, поэтому идеологическая муштра и идеологическая «учеба» доминировали над содержательной частью образования и профессиональным обучением. В мае 1936 г. Роберт Лей открыл три орденсбурга-интерната в Фогельзанге (*Vogelsang*), Зонтхофене (*Sonthofen*) и Гроссинзее (*Grössinsee*). В орденсбурги принимали избранных выпускников НАПОЛА и АГШ; располагались они в бывших областях средневекового «Немецкого Ордена». Первые юнкера из АГШ и НАПОЛА пришли в орденсбурги в 1937 г. В одном орденсбурге одновременно обучалось 1000 юнкеров. Они должны были пройти все три орденсбурга. Запланированную Леем смену орденсбургов юнкера начинали в орденсбурге *Grössinsee*, занимаясь парусным спортом, легкой атлетикой, планеризмом и верховой ездой. Затем в «крепости веры» (в орденсбурге *Vogelsang*) юнкерам предъявляли более высокие требования: там планировали создать самый большой в мире дворец спорта. Крытый бассейн и манеж для верховой езды был уже готов. Орденсбург *Sonthofen* поднимал планку еще выше — там занимались горными лыжами и альпинизмом. В 1938 г. Гитлер распорядился, чтобы в этом орденсбурге юнкеров обучали еще и пилотированию спортивных самолетов⁵⁰. Лей считал, что верховая езда необходима для обучения юнкеров повелевать живым существом⁵¹. Воспитанники проходили пробы на мужество, дисциплинированность и организованность.

Все три здания орденсбурга были построены на средства ДАФ. Обстановка не была спартанской: уютные спальни, покрытые белыми скатертями столы в столовой, официанты; юнкерам выдавались деньги для посещения театров, кино, туристических поездок. Лей хотел придать

политическим руководителям такой же социальный престиж, как офицерам и священникам, никак не ограничивая их в юридическом смысле, но сделав их обособленной частью общества. Выпускник орденсбурга не получал аттестат — его заменял подробный отчет экспертов о личности и способностях юнкера⁵².

В войну партийная газета ФБ сравнивал школы орденсбурги и школы НАПОЛА с английскими *public school*, указывая при этом на более древнее (естественно) происхождение немецких школ, первые образцы которых создал в 1543 г. Мориц Саксонский⁵³. Орденсбурги со временем также перешли к Гиммлеру; во время войны в орденсбургах готовили младший командный состав для Ваффен-СС, и на войне выпускники этих училищ рекомендовали себя великолепно. Полную программу орденсбургов до войны успел завершить только один курс юнкеров⁵⁴, поэтому трудно что-либо определенное сказать об эффективности этих образовательных учреждений в плане формирования новой элиты.

Школа в нацистские времена была ареной борьбы компетенций многих нацистских организаций: не только РМВЕФ — (*RMWEV — Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung*) — Имперское министерство науки, воспитания и народного образования, но и ГЮ, СА, СС, ДАФ и даже вермахт время от времени пытались повлиять на школу. Однако вред, нанесенный школе ГЮ, был самым большим, а влияние ее — самым продолжительным. Нацистское руководство никогда не пыталось фронтально реализовать собственную программу школьного образования. Был предпринят ряд не особенно последовательных попыток преобразовать школу в целом, переделать учебные планы, но никакого концептуального переворота в системе народного образования, как это имело место в СССР, не произошло. Это было просто краткосрочное, близорукое и политически обусловленное администрирование. Государство и НСДАП хотя и постоянно и незримо присутствовали в учебном процессе,

но скорее как помеха осмысленному и целесообразно организованному обучению детей, а в итоге активность партии стала причиной постепенной деградации и разрушения образовательного процесса. Это особенно усилилось в войну, поскольку в первые военные месяцы в армию была мобилизована треть школьных учителей; оставленные без присмотра дети становились неуправляемыми, резко возросла детская преступность⁵⁵.

Университеты и наука при нацистах

«Наука не в состоянии обосновывать и преподносить ценности, она должна делать только одно: учить каждого отдельного человека глубокому смыслу его собственных действий».

(Макс Вебер)

Немецкие университеты, как и прочие образовательные учреждения в Третьем Рейхе, также стали жертвами государственного и партийного вмешательства. Вмешательство это облегчалось элитным характером самой высшей школы. Сословный характер образования не способствовал распространению демократических убеждений в высшей школе, и она отнюдь не была оплотом демократии; такими университеты стали только после Второй мировой войны, и такими мы привыкли воспринимать их сейчас.

Немецкие университеты отличались от прочих университетов Европы наибольшим развитием традиций студенческих корпораций и наивысшей в Европе (по крайней мере, в первой трети XX в.) научной репутацией, которая, разумеется, не была одинаковой у всех. Впрочем, не эта репутация отделяла разные немецкие университеты друг от друга, а прежде всего стиль студенческой корпоративной жизни. Считалось, что Йена и Виттенберг превосходят всех по количеству выпитого пива и проломленных черепов, Марбург опережал других по числу дуэлей, а в Лейпциге студенты были наиболее распущенными.

Студенчество являлось грозой бюргеров (*Bürgerschreck*), на горожан смотрели в лучшем случае снисходительно (если не с презрением), зачастую пренебрегая их гражданскими правами и человеческим достоинством. Простой люд вынужден был мириться с оскорблениями по соображениям меркантильного характера: для пивоваров, оружейников, портных, коновалов студенты были не последним источником доходов. Что касается тех сословий, откуда выходили студенты — знать, чиновничество, духовенство, богатые бюргеры, — то они терпимо относились к проделкам своих отпрысков, считая их нормальным средством избавления от естественной склонности к насилию и распутству. В конце XIX в. Фридрих Паульсен писал, что студенческие корпорации с их давней историей и крепкими традициями являются «своего рода школой общественной жизни, прививающей навыки самообладания и сдержанности». Несмотря на нелепые ритуалы и обильные пивные возлияния, сопутствовавшие их формальной активности, корпорации учили своих членов уважению к традиции, порядку, иерархии и, поощряя дуэли и суды чести, развивали качества, необходимые будущей правящей элите⁵⁶. Примечательно, однако, что всякий раз, когда организованная деятельность студентов ставила своей целью коренные политические изменения, реакция имущих классов и властей становилась немедленной и суровой — так было во времена наполеоновских войн.

С 1880-х гг. студенческие корпорации стали испытывать влияние антисемитизма, чему способствовало образование и деятельность гипернационалистического, фёлькише и монархического Союза немецких студентов «Киффхойзер» (*VDS Kyffhäuser — Verband der Deutscher Studenten*). Активность «Киффхойзера» возымела результаты — с 1906 г. в студенческие корпорации перестали принимать евреев. В первой трети XX в. 56% студентов были членами каких-либо корпораций, остальных презрительно называли «учащимися ради заработка» (*Brotstudenten*)⁵¹.

В основной массе корпоранты политикой не интересовались, поэтому они стали легкой добычей нацистских

пропагандистов, делавших упор на аполитичные ценности и установки. Под руководством «Киффхойзера» студенты-нацисты внедрили террор в лекционные залы и аудитории, третируя либерально настроенных профессоров. Большую роль сыграло апеллирование нацистов к идеалистическим представлениям студентов, к их юношеской воинственности, а также призывы спасти Германию, воюя с ее врагами не на словах, а на деле — кулаками, дубинками и ножами. Национал-социалистический студенческий союз — НСДШБ (*NSDStB*) был создан в 1926 г. и за 5 лет стал самой значительной политической силой среди немецкого студенчества. Его поддерживала половина немецких студентов, абсолютное большинство в студенческих представительских организациях Всеобщего студенческого союза АСТА (*ASTA*) (двенадцать университетов) и большинство еще в восьми университетах. Столь безоговорочное принятие студентами нацистов произошло вследствие упомянутой традиционной аполитичности студенческого движения — эту аполитичность нацисты смогли обратить в свою пользу⁵⁸. В 1931 г. за НСДАП голосовало 50—60% студентов, что в два раза больше, чем было отдано голосов за нацистов по стране в целом⁵⁹. Может быть, удовлетворительное объяснение сближения нацистов и студенчества можно найти в объективных причинах: в социальной и духовной неустойчивости, в антиреспубликанских установках немецких студентов; эти установки разделяла значительная часть немецкой интеллигенции, воспринимавшая республику как результат поражения в войне. С 1933 г. зачисление в студенты стало автоматически означать вступление в НСДШБ; правда, не все девушки привлекались в организацию — с 1936 г. только 65% девушек-студенток входило в «Сообщество национал-социалистических студенток» (*Arbeitsgemeinschaft nationalsozialistischer Studentinnen*), во главе которого стояла Лизелотта Махвирт⁶⁰.

Приход нацистов к власти открыл одну из самых печальных страниц в истории немецких университетов: они лишились самоуправления, университетские сенаты

превратились всего лишь в совещательные органы, а ректоры стали назначаться. В соответствии с принципом фюрерства, с 1935 г. ректорам были подчинены университетские руководители Союза доцентов и студенческое руководство⁶¹. Факультетское руководство также было организовано по принципу фюрерства: декан становился фюрером факультета, ему подчинялся Совет факультета, всех своих заместителей он назначал сам. Однако нацисты четко не определили функции новоиспеченных «фюреров», поэтому академический истеблишмент при желании мог защитить ценности свободных научных изысканий от дилетантизма и коричневой политизации науки. Поэтому нельзя сказать, что конфликт между академической традицией и нацистской идеологией определенно разрешился в чью-либо пользу, но господство нацистов в студенческих организациях облегчило им унификацию университетов. При полном одобрении учащихся, 9 ноября 1933 г. было введено правило, по которому еврейские студенты получали желтые студенческие билеты, неарийцы (без гражданства) — синие, а арийцы — коричневые⁶². Один из нацистских идеологов заявил, что университеты должны стать войсковыми подразделениями, а обязанность профессоров — этому способствовать. Перестройка университетов в соответствии с принципом фюрерства завершилась к 1935 г.; студенчество также было организовано на военных началах сверху донизу и подлежало неусыпному контролю со стороны партии и Министерства культуры. По приказу министра Руста, четвертый семестр студенты должны были выполнять трудовую повинность на сельскохозяйственных работах. Важной воспитательной инстанцией в рейхе после 1933 г. стала Имперская трудовая служба РАД, главой которой с 31 марта 1933 г. стал Константин Хирл. С 1935 г. издавался журнал РАД «Человек труда». Перед началом обучения студенты отбывали трудовую повинность в рабочем лагере. Из абитуриентов 1933 г. 10 500 добровольцев записались в «трудовой семестр», который состоял из 4 месяцев рабочего лагеря и 2 месяцев военно-спортивного лагеря. С 1934 г. все абитуриенты

обязательно проходили этот трудовой семестр, и летний семестр целиком выпадал из учебного процесса. В 1935 г. Гитлер объявил о всеобщей воинской повинности, и начало учебы отодвинулось еще на полтора года (отсрочки от воинской службы в Германии студентам не давали). 26 июня 1935 г. вышел Закон о 6-месячной обязательной трудовой повинности для мужчин от 18 до 25 лет. К 1939 г. в РАД насчитывалось более 300 тыс. человек; с началом войны — в связи с увеличением занятости студентов в РАД из-за нехватки рабочих рук — был на месяц продлен летний семестр и на неделю — зимний⁶³.

Задачи РАД были весьма многообразны — строительство дорог, очистка лесов, прудов, осушение болот, а в войну РАД часто использовали в военном строительстве. В дальнейшем прием в высшую школу стал невозможен без отбытия полугодовой трудовой повинности: 4 месяца в РАД и 2 месяца — в рабочем лагере СА. Было объявлено, что для воспитания духа товарищества студенты первых трех курсов должны жить в общежитиях. Там царил строгий порядок: подъем в 6.30, заправка кровати, уборка, поднятие флага, утренняя поверка и вечерняя зоря. Кандидаты же на занятие вакантных должностей преподавателей в университетах должны были проходить шестинедельные сборы, где изучались их взгляды и благонадежность⁶⁴.

Нацистской унификации подвергся и профессорско-преподавательский состав университетов. Штрайхер, выступая в Берлинском университете, изрек: «Если мозги всех университетских профессоров положить на одну чашу весов, а мозги Гитлера на другую, как вы думаете, какая чаша перевесит?» В очевидности ответа на этот вопрос можно усомниться, если учесть, что уже в марте 1933 г. многие профессора и доценты поспешили засвидетельствовать Гитлеру свою преданность, а историк Древнего мира профессор Карштедт заявил, что университетские ученые отвергают интернациональную науку, интернациональную общность ученых и исследования ради исследований и обращаются к ценностям идеологии национал-социализма.

На самом деле, немецкие профессора не долго колебались, прежде чем поддержать нацистов. Во Фрайбургском университете знаменитый философ профессор Мартин Хайдеггер, вступая в должность ректора, убеждал коллег признать в Гитлере лидера, которому судьбой предназначено спасти Германию. В другом ректорском обращении (в Регенсбурге) профессор Гёц барон фон Пельниц объявил приход к власти нацистов «победоносным моментом» для всей Германии; в Тюбингене профессор фольклористских исследований (*Volkskunde*) Густав Бабермейер провозгласил: «Ныне произошло чудо, и немецкий народ воспрял!» Известный социолог и философ Ганс Фрайер открыто призвал к политизации университетов в нацистском духе, а известные ученые Пиндер и Лауэрбрух призывали к солидарности с новым режимом⁶⁵. В Берлинском университете новый ректор (в прошлом штурмовик, по профессии — ветеринар) учредил 25 новых курсов по расовым наукам (в итоге по расовым наукам читалось 86 курсов)⁶⁶.

За беспрекословный переход на сторону нацистов университеты заплатили не только утратой позиций в научных исследованиях (и понижением морального авторитета), но и тем, что число студентов радикально сократилось: число студентов в летнем семестре 1931 г. составило 138 тыс. человек, а в 1939 г. оно сократилось до 62 тыс., а в 1943 г. — до 25 тыс. человек⁶⁷. Также уменьшилось число профессоров, да и условия конкурса были столь тяжелы (они предполагали, среди прочего, испытательный срок в лагерях ДАФ), что — несмотря на колоссальный престиж профессии преподавателя университета в прежние времена — открылось большое количество вакансий по многие кафедрам.

К середине XIX в. немецкие университеты превратились в пристанище для ученых, преданных чистой науке — в противовес утилитарным ремеслам (*Wissenschaft*) и культивации целостной личности (*Bildung*) — в соответствии с идеалами, сформулированными Вильгельмом фон Гумбольдтом в 1809 г. Благодаря своим научным достижениям

они были известны всему миру. Если в авангарде естественных наук шли такие ученые, как Юстус фон Либих (в химии), Карл Фридрих Гаусс (в математике), Вильгельм Вебер и Гельмгольц (в физике), Рудольф Вирхов и Роберт Кох (в медицине), то гуманитарии могли похвастаться такими именами, как Леопольд фон Ранке, Теодор Моммзен, Карл фон Гартман, Куно Фишер, Эдмунд Гуссерль и Эрнст Кассирер, Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф и Эрнст Курциус, Вильгельм Вундт, Фердинанд Тённис, Георг Зиммель и Макс и Альфред Веберы⁶⁸. Казалось бы, это наследие обязывало немецкую научную элиту к высокой степени ответственности и духовной зоркости, но искушение нацизмом она выдержать не смогла. Тому, правда, были и объективные посылки: дело в том, что немецкие профессора не могли испытывать ничего, кроме презрения, к выплачивавшей им мизерное жалование Веймарской республике, но это презрение переросло в ненависть, когда из-за инфляции, ответственность за которую профессора немедленно возложили на демократию, сократились правительственные ассигнования на высшее образование: были резко сокращены дотации на приобретение библиотеками книг и значительно уменьшился доход профессора (до войны он в семь раз превышал зарплату неквалифицированного рабочего, а потом лишь вдвое).

В годы нацизма в прежней системе оплаты труда профессорско-преподавательского состава произошли значительные перемены — 17 февраля 1939 г. вышел Закон об унификации зарплаты работников высшей школы (впервые в немецкой истории): оклад штатного профессора составлял по этому закону от 630 до 1100 рейхсмарок в месяц, а доцента — от 290 до 620 рейхсмарок (в зависимости от предмета)⁶⁹. Для сравнения — рабочий получал от 170 до 200 рейхсмарок в месяц (а автомобиль марки «опель» в середине 30-х гг. стоил около 1500 рейхсмарок). В связи с принятием Закона об унификации был изменен и порядок защиты диссертаций: теперь для защиты требовалось разрешение декана и положительная

резолуция Национал-социалистического союза доцентов. Звание «приват-доцент» было заменено «государственным доцентом» (*Staatsdozent*). Доцентам перестали доплачивать за лекции, а если такая необходимость возникала, то часы сверх нагрузки оформляли как совместительство, что преподавателям было невыгодно.

СД передавала, что во вновь присоединенных к рейху землях (в Австрии, Богемии, Моравии и Судетах) оклады профессоров и доцентов значительно ниже норм рейха и ниже прожиточного минимума: ассистент — получал 90—170 рейхсмарок, доцент — 210, профессор — 290 рейхсмарок. Имперское министерство культуры планировало найти деньги и в ближайшее время повсеместно унифицировать зарплату (речь идет об октябре 1939 г.). Сообщалось также, что сокращения числа университетов имперское правительство не предусматривает: только вместо некоторых теологических факультетов будут созданы факультеты и кафедры религиоведения и истории церкви⁷⁰.

Высшая школа безоговорочно поддерживала нацистов почти пять лет; первые трения начались, когда «Национал-социалистический союз доцентов», инспирированный штабом Гесса, попытался внедрить нацистские мировоззренческие постулаты и в уже существующие учебные курсы. «Неарийские» преподаватели к тому времени уже были удалены из высшей школы при почти полном одобрении «арийских» коллег. Всевозможные инструкции и запреты регламентировали любые ученые суждения и высказывания, гестапо и СД наблюдали за содержанием лекций, семинаров, ученых докладов и сообщений, издатели вынуждены были принимать к печати все нацистские публикации.

Особенно тяжелым было положение в сфере гуманитарных наук: в первый период после прихода к власти нацистов среди различных направлений в общественных науках проходила напряженная борьба за симпатии властей. В борьбе за место под солнцем из-за интриг коллег

первым сошел с дистанции известный теоретик сословного государства Отмар Шпанн. Любопытна судьба одного из самых популярных философов Третьего Рейха Людвига Клягеса (1872—1956). До Первой мировой войны Клягес занимался характерологией и графологией, а в 1929—1932 гг. выпустил работу (в трех томах) «Антагонизм духа и души» (*Geist als Widersacher der Seele*), которая сделала его одним из самых уважаемых немецких философов периода Веймарской республики. В честь 60-летия Клягес из рук президента Гинденбурга получил медаль Гете — высшую награду за заслуги в искусстве и науке. Клягес слыл одним из самых влиятельных критиков демократии и либерализма, провозвестником культа войны и патриотизма, противником пацифизма. Нацистам Клягес пришелся ко двору из-за своего антисемитизма — в его метафизике духа евреи олицетворяли зло: «Евреям даже страсть неведома, они испытывают лишь похоть. Всякое человеческое чувство всегда представляется им лишь гримасой, поэтому даже собственное человеческое лицо еврея — всего лишь маска. Еврей не врет, он сам является воплощением лжи. Можно с уверенностью констатировать, что еврей — это и не человек вовсе»⁷¹. Граничащая с манией преследования ненависть Клягеса к евреям заходила так далеко, что борьбу Германии против своих противников во Вторую мировую войну он изображал как апокалиптическое столкновение «Иуды» (войска коалиции) со всем человечеством (нацистская Германия). Нацистские идеологи часто цитировали антисемитские высказывания Клягеса, но сам высказывался о НСДАП как о сборище умственно ограниченных людей⁷². После серии публичных лекций на тему об основах характерологии, группа из 200 студентов Берлинского университета направила министру образования петицию о предоставлении Клягесу звания профессора. Этому, однако, решительно воспрепятствовал Институт политической педагогики во главе с Боймлером, который несколько лет вел войну против трактовки Клягесом наследия Ницше и Бахофена. Самого Боймлера студенты не очень-то жаловали,

и на его лекции ходило мало народу. Однако он добился того, чтобы Клягесу не дали звания профессора. Боймлера вскоре поддержал главный партийный идеолог Розенберг, объявивший Клягеса «лжеученым» со всеми вытекающими отсюда последствиями: с 1938 г. преподавательская деятельность Клягеса в немецких университетах была запрещена (жил он в Швейцарии). Несмотря на запрет, славы у Клягеса не убавилось: в 1942 г. в партийной брошюре говорилось, что его произведения — несмотря на сложность для восприятия — пользуются среди молодежи большой популярностью, а книги победивших в интригах оппонентов покрываются слоем пыли и совершенно не востребованы в библиотеках⁷³; до 1945 г. Клягеса продолжали изучать, иногда даже приглашали читать лекции. Несмотря на усиление цензуры и вынужденную экономию бумаги, в 1940—1944 гг. его книги «Основы характерологии» и «Почерк и характер» выходили всё новыми изданиями — это были самые популярные специальные монографии периода нацизма в Германии.

Безусловно, влияние Клягеса в студенческой среде было связано с антисемитизмом. В этой связи следует подчеркнуть, что антисемитские студенческие корпорации и антисемитизм в студенческой среде содействовали идеологизации в нацистском расистском духе. По «Закону о реставрации немецкого служилого сословия» от 7 апреля 1933 г. увольнению из университетов подлежали евреи и люди оппозиционных взглядов. Всего уволили 1684 ученых (примерно 15% от общего числа), в частности, 32% профессорско-преподавательского состава Берлинского университета⁷⁴. Коллеги уволенных не протестовали.

Таким безрадостным было положение в университетской науке, но немногим лучше оно было и в академической науке. Разделение на академическую и университетскую науку было характерно не только для Советского Союза, но и для Германии: там существовала система академических институтов в рамках центральной Академии наук. Последняя называлась «Общество кайзера

Вильгельма» (КВГ, *Kaiser Wilhelm Gesellschaft*); основанное 11 октября 1911 г., в первой половине XX в. оно было самым значительным немецким научным учреждением. Первым президентом КВГ был известный теолог Адольф фон Харнак. Список директоров различных институтов КВГ состоял сплошь из нобелевских лауреатов: Альберт Эйнштейн, Фриц Хабер, Макс Планк, Отто Хан, Петер Дебие, Вернер Гейзенберг, Макс фон Лауэ, Рихард Кун, Адольф Бутенау, Отто Мейерхоф. В 1922 г. КВГ насчитывало 19 институтов, в которых работал 371 ученый, через 20 лет в КВГ работало уже 1400 ученых в 38 институтах⁷⁵. Президентом КВГ в 1930—1937 гг. был Макс Планк (1858—1947), человек высочайших моральных качеств, воспринявший приход нацистов к власти как национальную трагедию. Планк использовал все возможности, чтобы сохранить немецкую науку; он открыто выступал в защиту еврейских ученых и требовал прекратить их преследования. Порой его слова приводили Гитлера в такое состояние, что он молча выслушивал все, что говорил Планк, и удалялся. В дальнейшем ученый изменил тактику, стал более сдержанным и осмотрительным, хотя нацисты, несомненно, знали о его взглядах. Сын Макса Планка Эрвин участвовал в заговоре полковника Штауффенберга и был казнен в 1944 г. Возродившееся после 1945 г. КВГ носит имя Макса Планка.

Коллега Планка, один из создателей современной квантовой теории Вернер Гейзенберг (1901—1976), был в 1941—1945 гг. директором Института физики КВГ. Именно в его институте были совершены открытия, которые вели к созданию атомной бомбы, но Гейзенберг сознательно вводил нацистское руководство в заблуждение, разъясняя, что перспективы практического использования цепной реакции лежат лишь в области получения нового источника топлива⁷⁶.

В отличие от Гейзенберга и Планка, некоторые директора институтов КВГ приветствовали нацистов. Например, Ойген Фишер, директор Института антропологии и евгеники, полностью идентифицировал себя с нацистским

режимом. Эрнст Рюдин из Института психиатрии в годы нацизма пропагандировал расовую гигиену, принимал активное участие в программе стерилизации, а также в разработке «Закона о предотвращении наследственных болезней» от 14 июня 1933 г., последствия которого были очень тяжелыми. Преемник Фишера барон фон Вершуэр сотрудничал со своим бывшим докторантом (затем ассистентом) доктором Йозефом Менгеле, проводившим в Освенциме опыты над людьми. Профессор Института мозга Юлиус Халлерфорден занимался своими исследованиями, используя трупы людей, убитых эсэсовцами.

Впрочем, давлению расизма и антисемитизма подверглись даже точные науки, имеющие дело с предметными вещами — были прокламированы, например, немецкая математика и арийская физика. Здесь на сторону нацистов встали некоторые известные ученые: Филипп Ленард (специалист в области свойств катодных лучей, Нобелевская премия 1905 г.) и Йоханнес Штарк (специалист по оптике, Нобелевская премия 1919 г.); и все только для того, чтобы в спорах с еврейскими учеными получить более «убедительные» позиции. В 1937 г. Штарк назвал Вернера Гейзенберга (Нобелевская премия 1932 г.) «штатгальтером еврейства в немецкой духовной жизни». Даже партийные боссы вынуждены были удерживать Штарка от огульных обвинений, ибо результаты и мнение профессионалов были важнее идеологием. Ленард написал книгу «Немецкая физика», полную нападок на квантовую теорию и теорию относительности, которые, на его взгляд, вдохновлялись «антигерманскими» настроениями. Ленард и Штарк считали Гитлера величайшим из живущих немцев. Коллега Штарка Бруно Тюринг возглавил публицистическую кампанию против теории относительности Эйнштейна. Известный германский химик, создатель искусственного каучука, философ и социолог Вернер Дайц стал в 1933 г. правой рукой Розенберга в его интригах и борьбе за полномочия⁷⁷. Именно Дайц сформулировал один из главных «арийских» законов жизни государства — автаркию; он настойчиво твердил о кате-

горическом императиве — жить собственной силой, за счет собственного пространства.

Под влиянием Штарка историк астрономии Эрнст Циннер (1886—1970) стремился даже польского астронома Коперника превратить в германского ученого; он писал, что «учение Коперника возникло в Германии и там было доведено до логического завершения Кепплером»⁷⁸. Самого Коперника он объявил немцем. Коперник был родом из Торуня, но Циннер говорил о «старом немецком городе Торне на Висле». Торунь, хотя и на самом деле была основана Немецким орденом в 1231 г., в течение истории много раз переходила то к Польше, то к Пруссии, затем к рейху. После Второй мировой войны этот город отошел к Польше; таким образом, Коперника можно было бы считать и польским и немецким ученым, но Циннер объявил о его немецкой принадлежности. Розенберг в своем «Мифе XX века» назвал Коперника (вместе с Кантом и Гете) духовной вершиной немецкой традиции. Особенную актуальность эти «изыскания» приобрели в 1943 г. в связи с празднованием 400-летия со дня рождения Коперника.

Нацистские историки и Галилея пытались сделать «немецким ученым» — последовательным сторонником этого тезиса был берлинский математик Людвиг Бибербах (1886—1982). В годы нацизма он «переквалифицировался» в идеолога от науки и пытался не только «нацифицировать» математику, но и применить к математике расовое учение; так, вместе со своим коллегой Теодором Валеном (президентом Прусской АН) он издавал журнал «Немецкая математика»⁷⁹.

По иронии судьбы созданием атомной бомбы США обязаны двум ученым, изгнанным за еврейское происхождение из Германии и Италии — Альберту Эйнштейну и Энрико Ферми (он построил первый ядерный реактор и первым (2 декабря 1942 г.) осуществил в нем цепную ядерную реакцию). Филипп Ленард смог убедить Гитлера, что ядерная физика и теория относительности используются евреями для разложения германского народа, поэтому

Гитлер именовал ядерную физику не иначе как «еврейской физикой»⁸⁰.

Психолог Курт Гаугер выступал против психоанализа Зигмунда Фрейда по той причине, что тот был еврей. Хотя фрейдовское учение, в принципе, продолжало существовать в неортодоксальных формах. Примером тому является судьба самого значительного ученика Фрейда — Карла Юнга; этот неортодоксальный фрейдист с его учением о коллективном бессознательном пришелся ко двору в нацистской Германии и возглавил немецкое Общество психиатрии⁸¹.

Самой запятнанной сотрудничеством с нацистами оказалась медицина. Символом чудовищных преступлений немецких медиков в годы войны является имя доктора Йозефа Менгеле, который приказывал убивать подопытных детей, рост которых на 1 см был меньше требуемых 1,56 м. Не меньшими чудовищами были профессор Иоахим Кремер, который наблюдал на своих «пациентах» за воздействием голода на организм, или «врачи», испытывавшие на русских военнопленных действие отравленных пуль (они стреляли им по ногам и протоколировали самочувствие испытуемых). Нацистские «врачи» стерилизовали около 350 тыс. человек, убили по программе «эвтаназии» около 200 тыс. больных, калек и престарелых.

Чистки по расовым и мировоззренческим признакам среди медиков были особенно тщательными: в известной берлинской раковой клинике «Карите» (*Charite*) из 13 исследователей вскоре после прихода нацистов к власти остался один доктор Ганс Аулер. Однако, несмотря на колоссальные кадровые потери и преступления части врачей, немецкая медицина в нацистские времена совершила качественный скачок в своем развитии, ее успехи были неоспоримы, некоторые из них сохранили свое значение до наших дней. Так, американский историк Роберт Проктор указывал⁸², что немецкие врачи в годы Третьего Рейха находились в первых рядах борцов против рака груди и легких, что среди них были не только врачубийцы, запятнавшие само звание врача, но и истинные новаторы в своей сфере. Проктор показал, что немецкие

врачи добились значительных успехов в профилактике раковых заболеваний. С началом массовой рентгеноскопии в Германии врачи выявляли на ранней стадии туберкулез, сердечные заболевания, рак желудка. В середине 30-х гг. консультационные пункты по раковым заболеваниям открывались повсеместно. Проктор писал, что каждый день в Кенигсберге в таком пункте обслуживались 35—60 женщин. В среднем две минуты длился тест на рак груди, 8 минут — полное гинекологическое обследование на обнаружение рака шейки матки. В просветительской листовке специалисты дрезденского Института гигиены писали: «каждая женщина старше 35 лет должна каждые 4 недели осматривать собственную грудь на предмет обнаружения затвердевших узлов и новообразований». Для своего времени это было беспрецедентно: для сравнения — в США подобная пропагандистская кампания началась лишь 30 лет спустя. Именно немецкий врач (кельнский медик Франц Мюллер) впервые указал на взаимосвязь курения и рака легких, хотя в современной литературе «антиникотиновым» пионером считают английского врача Ричарда Долла (писавшего о том же в 1950 г.).

Заслугой немецких медиков было то, что в марте 1939 г. во Франкфурте-на-Майне состоялся конгресс по алкоголю и табаку, в нем принимали участие имперский руководитель медицины Леонардо Конти, шеф ДАФ Роберт Лей, известный берлинский хирург Фердинанд Лауэрбух. Перед многочисленными присутствующими и слушателями специалисты бичевали оба порока, которые, как говорилось на съезде, «не только вредят воспроизводству арийской расы, но и наносят тяжелый урон немецкому народному хозяйству»⁸³. Вред от курения в пропагандистской литературе оценивался в 2,3 млрд марок ежегодно, что соответствовало стоимости 2 млн легковых автомобилей. Особенно подчеркивалось вредоносность курения для рожениц. Эти цифры впечатляли даже Гитлера, курившего в молодости по 25—40 сигарет в день. Гитлер сожалел, что в начале войны в армии был установлен сигаретный паек, и для того, чтобы уменьшить потребление

никотина, он приказал сократить норму до 6 сигарет в день (некурящим выдавали шоколад). Государство шло на всяческие меры по ограничению торговли сигаретами, несмотря на то что налоги на табак составляли $\frac{1}{12}$ всех государственных доходов. Под впечатлением выводов медиков Гитлер (даже для финансирования собственной партии) отказывался принимать деньги от табачных фабрикантов.

Многие крупные ученые, бывшие, как правило, людьми консервативных убеждений, оказались довольно устойчивыми к влиянию нацистской идеологии, несмотря на все попытки нацистских функционеров перетянуть этих мыслителей в свой лагерь. Например, великолепный историк Герхард Риттер в соответствии с прусской традицией считал авторитарное государство необходимым, но, по его мнению, оно должно было обуздывать деструктивные склонности масс, одновременно сдерживая при помощи прусско-протестантской самодисциплины «демонию власти». И другие значительные ученые-историки (Фридрих Майнеке, Герман Онкен) занимали по отношению к нацизму весьма сдержанную позицию, осуждая «иконоборцев», которые — как сказал Онкен в мужественной речи перед прусской Академией в 1934 г. — обязательно появляются в смутные эпохи. Ответом на это выступление стала статья Вальтера Франка в главном печатном органе НСДАП, в которой, в частности, говорилось: «Вместо того, чтобы поставить себя на службу свершающимся великим событиям, сегодня этот релятивистский мировоззренческий метод снова используется для того, чтобы сделаться судьей нацистского движения. Подлинная объективность принадлежит только национал-социалистической науке»⁸⁴. Как тут не вспомнить слова Ленина, что «учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Однако, в отличие от большевиков, репрессий по отношению к ученой фронде гитлеровцы не практиковали (даже в случае со Шпенглером, который заявил, что в «Майн кампф» верна только нумерация страниц). Правда, Майнеке отстранили от руководства «Историческим журналом» (его заменил видный медиевист Карл Мюллер⁸⁵),

Онкен и Риттер не публиковались после 1933 г., но ведь участь старой интеллигенции в Советском Союзе была гораздо худшей. Ради справедливости надо все же вспомнить, что в 1933—1938 гг. из-за несогласия и трений с нацистами было уволено четверть немецких профессоров.

Настоящий исход еврейских и либеральных ученых из Германии принес США самый мощный (после войны за независимость и Гражданской войны) толчок к модернизации и поступательному развитию науки. Целые научные школы и направления перемещались за океан. Когда нацистский министр образования спросил патриарха немецкой математики Давида Гилберта, как обстоят дела с математикой в Геттингенском университете после очищения его от евреев, тот ответил: «Господин министр, в Геттингене больше нет математиков»⁸⁶. До 1933 г. на квадратный километр территории в Берлине вокруг научного общества имени кайзера Вильгельма приходилась дюжина нобелевских лауреатов, и по числу «нобелиатов» Германия решительно опережала все остальные страны. После нацистского кровопускания научным кадрам по расовому признаку страна в этой сфере стала середнячком среди индустриальных западных стран. Таков был итог нацистской политики в сфере науки.

Выводы

В итоге этой главы следует подчеркнуть, что нацисты пребывали у власти относительно небольшое время, поэтому говорить о каких-либо фундаментальных изменениях — в том числе и в сфере науки — не приходится. Тем не менее, кое-какие наблюдения являются любопытными и проясняют некоторые аспекты жизни немецкого общества. В отличие от советской науки, которая была практически вся без изъятия унифицирована, о Германии этого сказать нельзя. Еврей-ученые эмигрировали⁸⁷, но оставшиеся смогли сохранить некоторую дистанцию по отношению к нацистскому режиму. Особенно это относится к крупным уче-

ным-гуманитариям. В тех же случаях, когда отмечалось прямое сотрудничество с режимом (Карл Шмитт, Гельмут Фрайер, Мартин Хайдеггер), оно было кратковременным и непродолжительным. Случаев непосредственного коллективного сотрудничества с нацистским режимом социологов или историков вообще не было⁸⁸. Это, однако, не отменяло некоторое влияние идеологических и политических импульсов режима на ученую мысль: так, брат Макса Вебера Альфред развивал социологическую концепцию, весьма близкую шпенглеровской. При этом Альфред Вебер рассматривал цивилизацию и культуру как противоречащие друг другу понятия и выступал против дальнейшего развития промышленности, отмеченного радикальным разделением (и отчуждением) труда и непомерным ростом бюрократии. Эти суждения, в принципе, отвечали антимодернизму нацистской доктрины в том виде, в котором ее представляли Дарре или Розенберг, но излишне говорить, что концепция Альфреда Вебера не была «социальным заказом»: он и до нацистов писал в том же духе. В отличие от нацистской Германии, подобные «социальные заказы» в Советской России были обычным явлением, собственно, все обществознание только в рамках этих заказов и развивалось.

С формальных же позиций состояние академической автономии в нацистские времена изменилось довольно серьезно: за 12 лет нацистского господства профессора утратили контрольные позиции не только в вопросах назначений и продвижения по службе, но также и при определении содержания учебных курсов и в экзаменационной и приемной политике. Ректоры стали носить титул «университетский фюрер»; университеты демонстрировали упадок во всех отношениях — отчасти из-за перенасыщения учебных планов идеологическими предметами и из-за падения уровня подготовки абитуриентов: студенты первых курсов вынуждены были наверстывать упущенное в школе, что никогда не было свойственно старой университетской системе, покоившейся на прочном и качественном гимназическом образовании.

В 1945 г. 4000 университетских преподавателей, открыто придерживавшихся нацистских принципов, потеряли свои места⁸⁹.

Итак, история науки при нацистах подтверждает, что высокая ученость не означает автоматически человечность, гуманность (ни один крупный немецкий ученый не участвовал в Соппротивлении)⁹⁰. Настроение национального воодушевления и националистических эмоций охватило всю немецкую нацию после 1933 г., погасив или заглушив при этом все трезвые голоса перед лицом магии нацизма.. Самыми «слабыми в коленках» перед лицом упомянутого гипноза оказались высшие военные чины и, как ни странно, духовная элита нации. Среди тех, кто устремился в объятия нацистской партии в первые дни после прихода к власти Гитлера — их в шутку называли «павшие в марте» (*Märzgefallene*) — оказалось немало университетских профессоров и представителей интеллигенции...

Нельзя сказать, что угодничество в университетской среде и рвение профессоров выказать лояльность режиму было вознаграждено или вообще замечено, В общей массе нацисты с презрением относились к университетам и людям, занимавшимся преподавательской деятельностью. Сам Гитлер имел настолько укоренившуюся неприязнь к интеллигентам, что с безразличием относился к особой роли университета как учебной площадки для специалистов, в которых крайне нуждался нацистский режим. Работодатели жаловались, что уровень специальных знаний молодых специалистов сильно упал, так как в университетах стали придавать слишком большое значение физическому воспитанию и, спорту. Гитлер поощрял такую политику, а «хилой интеллигенции» советовал вместо мудрствований заниматься боксом⁹¹. Он не понимал и не сочувствовал таким функциям университетов, как проведение исследовательской работы и изучение гуманитарных дисциплин. В сущности, его представления об этой сфере были настолько примитивными, что он и не пытался разработать систематическую политику в отношении университетов, оставив их на милость всемогущих гауляйтеров.

ГЛАВА II

НЕМЕЦКОЕ ИСКУССТВО ПРИ НАЦИСТАХ

«Национал-социализм с самого начала имел внутреннее родство с миром искусства. Национал-социализм имеет истоки в искусстве. Национал-социализм видит в политике не простое ремесло, а величайшее и благороднейшее из искусств. Как скульптор делает из мертвого камня дышащее его вдохновением произведение искусства, как художник дает краскам жизнь, как композитор из мертвых звуков творит волшебную мелодию, так и политик из аморфной массы делает народ — это и объединяет искусство и политику. Следовательно, искусство должно следовать политическим указаниям, а политика — удовлетворять художественным вкусам».

(Йозеф Геббельс)⁹²

«Наука задается вопросом, почему так. Искусство никогда не задается вопросом — почему...»

(Огюст Маке)

«Искусство — это возвышенная и обязывающая к фанатизму миссия. Тот, кто объят видением, раскрывающим окружающий мир, душу народа, заставляющим их звучать в музыке или камне, тот, кто находится под напором всемогущего побуждения к творчеству, которое не зависит от того, понимают ли этот язык окружающие, тот скорее будет страдать от нужды, чем изменит звезде, которая его ведет».

(Адольф Гитлер)⁹³

«Стиль выше истины».

(Готфрид Бени)

Нацистские тоталитарные претензии в сфере искусства

Знаток немецкой культуры Георг Моссе писал, что, поскольку нацистская идеология возникла в недрах гуманистического мышления, — она и стремилась проявиться прежде всего не в сфере материального, а в сфере идеального, духовного, культуры, поэтому Гитлер придавал большое значение искусству, и в силу его ключевого положения в системе нацистской диктатуры его личные амбиции и представления в этой сфере играли огромную роль⁹⁴. С этим следует согласиться, так как Гитлер совершенно игнорировал то, что в марксистской терминологии называется «базис», а целиком сосредоточился на явлениях, относящихся к «надстройке», в которой искусство играло немалую роль. Более того, истинное искусство в Третьем Рейхе заключалось в формировании из этой надстройки тотального целого, это целое (государство) само считалось произведением искусства. В определенном смысле не только Гитлер, но и Сталин и Муссолини чувствовали себя архитекторами тотальной общности⁹⁵. Это понятно: на деле ни одно тоталитарное государство не обладало гармонией (в том числе и нацистское), поэтому и возникала настоятельная необходимость создания его красивой видимости с тем, чтобы сгладить или скрыть противоречия и несообразности. Именно по этой причине и происходила тотальная эстетизация политики⁹⁶, театрализация и ритуализация всей жизни общества; в этом процессе искусству (особенно монументализму в архитектуре и музыке) отводилась если не ключевая, то весьма ответственная роль. Как писал в свое время немецкий философ Эрнст Блох, «эстетическое в век масс имело не только человеческое измерение, но и было важной политической функцией». Еще в 1924 г. Блох увидел в «баварском трибуне» Гитлере «в высшей степени внушительную и гипнотическую натуру, к сожалению, гораздо более сильную, чем настоящие революционеры. Кажется, ослабленная и лишенная влияния патриотическая идеология

получила в персоне Гитлера загадочную силу и жар, она создала агрессивную секту, ядро мощной идеологической армии, войска, созданного мифом»⁹⁷. Бертольд Брехт объяснял невероятный успех Гитлера «театрализацией нацистами политики»⁹⁸. Важнейшим следствием неизбежной «в век масс» эстетизации политики и служение ей искусства, писал немецкий философ и литературовед Вальтер Беньямин, является то, что эта политика необходимо сводится к войне: «война и только война придает цель массовым движениям громадного масштаба, только на войне возможна мобилизация всех технических средств современного общества при сохранении прежних отношений собственности»⁹⁹. Такая констатация тем более важна, что она имела место задолго до начала войны.

Иными словами, эстетика как таковая была обращена к политическим целям — ясно, что после 1945 г. нацистская эстетика была объявлена полностью ложной и подлежащей ревизии; сейчас видится, что это упрощение, нуждающееся в некоторых уточнениях. Наиболее агрессивным нападкам подвергся монументализм: общее стремление тоталитарных систем к монументализму особенно бросалось в глаза на Парижской выставке 1938 г., где имперский орел (автором фигуры был немецкий скульптор Курт Шмид-Эмен) на вершине здания павильона Германии (здание проектировал Шпеер) противостоял мухинской скульптурной группе «Рабочий и крестьянка». Общность замысла бросалась в глаза, но этот замысел — при всей одаренности художников — был ложным. Дело в том, что те времена, когда этот монументализм внутренне соответствовал общественным настроениям и состоянию общества, прошли. Макс Вебер еще в 1920 г. указывал, что «высокие ценности в XX в. ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных людей. Не является случайным ни то, что наше наиболее высокое искусство интимно, а не монументально, ни то, что сегодня только внутри самых тесных общественных кружков в личном общении пи-

нессимо пульсирует нечто соответствующее тому, что раньше в качестве пророческого духа буйным пожаром проходило через большие общности и спланивало их. Если мы насильственно попытаемся пробудить вкус к монументальному искусству и «изобретем» его, появится нечто столь же жалкое и безобразное, сколь и нелепое»¹⁰⁰. При этом нелепость этих произведений монументального искусства заключается не в них самих, а в том, что они, как и тоталитарная идеология — по выражению Герберта Маркузе — служили правильному отражению ложной действительности: действительности театрализованной и искусственной.

Итальянские фашисты в эстетизации и театрализации действительности и использовании искусства для политических и воспитательных целей пошли несколько иным путем: Муссолини сделал основоположника футуризма Филиппо Маринетти¹⁰¹ (1876—1944) президентом Академии искусств. Итальянских футуристов в фашизме привлекали сила, борьба, скорость, техника, то есть все то, что обычно связывают с модернизацией — почему же в Германии не произошло того же привлечения художественного авангарда к новым задачам? Тем более что Маринетти настаивал на весьма важных для нацистов ценностях: он прославлял войну, являвшуюся, на его взгляд, единственным очищающим и оздоравливающим средством для дегенерирующего современного мира. Ясно, что воинственные декларации Маринетти — это всего лишь эстетическая провокация, но искусство не знает границ и проникает даже в те сферы, которые прямо к ней не относятся, в том числе и в политику. В Германии такого проникновения не состоялось — модернистский авангард объявили «культурным большевизмом»: по своим художественным вкусам Гитлер был человеком XIX в. и враждебно относился к модернизму. Шпеер в мемуарах таким образом объяснял отказ нацистов от ставки на авангард: «Гитлер был хранителем и сторонником XIX в. перед угрозой беспокойного большого урбанистического мира, которого он боялся, так как, на его взгляд, этот мир нес торжество уродливого техницизма и модернизма»¹⁰².

О роли искусства Гитлер однажды высказался так: «Мы, национал-социалисты, объявили себя приверженцами учения о героическом значении крови, расы, личности, а также вечного закона естественного отбора; тем самым мы вошли в непреодолимое противоречие с мировоззрением пацифистской интернациональной демократии и ее сторонниками. Наше национал-социалистическое мировоззрение необходимым образом ведет к абсолютно новой ориентации всей народной жизни»¹⁰³. Принимая во внимание это утверждение Гитлера, нужно помнить то, что краеугольным камнем нацистской идеологии были расизм и антисемитизм.

Гитлеру не откажешь в последовательности — если в XIX в. расовая теория для англичан или французов была идеологическим обоснованием колониальной экспансии, то нацисты в XX в. повернули расизм таким образом, что наравне с кровной, биологической общностью признавалась и культурная, историческая общность, при этом качества арийских или нордических народов считались наивысшими, соответственно, проявления этой «нордической» культуры всячески поощрялись. На деле, разумеется, после Великого переселения народов всякие связи между расой и ее культурной средой перестали быть актуальными, а в наше время культура лишь тогда чего-нибудь достойна, когда в состоянии ассимилировать достижения иных культур и цивилизаций. Нацисты же, напротив, считали, что новая атональная музыка, джаз, новая архитектура, новая живопись — футуризм, кубизм, экспрессионизм — это вторжение в немецкую культуру чужеродных элементов. Самой неразрешимой оказалась для нацистских политиков проблема описания «своего» или присущего только немецкому народу искусства. В этой связи композитор и музыкальный критик Вальтер Абендрот спрашивал, а что, собственно, является критерием «немецкости» музыкального произведения, и сам же давал расплывчатый ответ: «Все заключается в том, а можно ли себе представить, чтобы это произведение было написано не немцем, или нет?»¹⁰⁴

Преклонение перед всем национальным было столь велико, а неприятие всякой критики этой радикальной национальной ориентации столь сильно, что когда сидевшему в концлагере Карлу Осецкому Нобелевским комитетом — в пику нацистам — была присуждена премия, Гитлер запретил немцам впредь принимать эту награду и учредил 30 января 1937 г. Немецкую национальную премию по искусству и науке в 100 тыс. рейхсмарок (средняя зарплата в промышленности составляла 150—170 рейхсмарок). Первым лауреатом гитлеровской премии (посмертно) стал профессор Людвиг Троост — «за заслуги в формировании архитектурного и монументального стиля Третьего Рейха»¹⁰⁵.

По причине «ненационального» характера творчества под запрет попали художники так называемого «антивоенного направления» (их творчество, разумеется, только антивоенной тематикой не ограничивалось) — Отто Дикс, Георг Грош, Макс Бекман. Самый значительный немецкий экспрессионист, Макс Бекман, в 1938 г. эмигрировал в Голландию, где и пережил войну; после оккупации страны нацисты его не тронули. Для борьбы с «чуждыми художественными течениями» нацисты еще в 1929 г. создали «Союз борьбы за немецкую культуру» (КДК), во главе этой организации оказался Розенберг, а его ближайшим помощником стал профессор Пауль Шульце-Наумбург. В КДК были специальные группы изобразительных искусств, музыки, танца и литературы. В 1931 г. Шульце-Наумбург разъезжал по городам Германии с лекциями о мировоззренческом противостоянии в искусстве. Характеризуя произведения Нольде, Хофера, Кирхнера и Барлаха, Шульце-Наумбург писал: «Здоровый человек всегда тянется к здоровому искусству, а больной дух тяготеет к идиотизму, психическим клиникам и патологическим болезням»¹⁰⁶. Он сравнивал изобразительное искусство модерна с клиническими случаями идиотии, показывал на своих публичных лекциях фотографии дебилов и иллюстрировал таким образом произведения названных художников¹⁰⁷.

Крупнейший немецкий экспрессионист Эмиль Нольде — сам старый нацист — попал в немилость, когда в 1934 г. экспрессионизм был объявлен «художественным большевизмом». Занятный эпизод имел место во время так называемых «берлинских дебатов об экспрессионизме» в 1933—1934 гг., когда Геббельс объявил образцом для подражания всем «арийским» художникам члена нацистской партии с 1921 г. Эмиля Нольде, против которого выступал розенберговский КДК. Геббельс утверждал, что картины Нольде отражают мистические качества немецкой души. Итак, оценки КДК не следует считать безоговорочными: нацисты так до конца и не смогли выработать осмысленную и твердую линию по отношению к творчеству Пауля Хиндемита и скульптора Эрнста Барлаха, которых они то осуждали, то приветствовали. Так, окружение Геббельса считало, что немецкий экспрессионизм может найти себе место в новой Германии, что он отражает внутренние движения души немецкого народа и немецкой культуры. Аргументом в пользу экспрессионизма считалось также и то, что немецкие художники этого направления в основном писали пейзажи¹⁰⁸. В этот спор на партийном съезде 1934 г. вынужден был вмешаться сам Гитлер; он осудил как радикальный модерн, так и архаическое почвенно-народническое направление, упорно цеплявшееся за старые образцы и приемы. Геббельс не настаивал на своих художественных пристрастиях: когда Гитлер, осматривая новое помещение министерства пропаганды, не одобрил акварель Нольде, сам министр пропаганды, незадолго до этого восхищавшийся картиной, тут же велел ее снять¹⁰⁹.

Гитлер стремился ориентироваться на классические античные образцы и на Ренессанс; он был убежден, что изобразительное искусство Древней Греции и Рима представляло собой кульминацию в развитии искусства, а современный ему модерн он считал явлением, отмеченным упадком вкуса. По большому счету, так оно и есть, несмотря на творчество некоторых гениев модерна (Антонио Гауди, Михаила Врубеля), произведения которых отмечено яркой декоратив-

ностью и необычайной выразительностью. Гениальность и художественная высота иных достижений модерна не отменяет, однако, того факта, что элементы китча, элементы искусства массового общества привели к падению уровня искусства, которое уже нельзя сопоставить с творчеством великих титанов искусства прошлого. «Омассовлению» искусства соответствовало возникновение художественного авангарда, которое вылилось в лавинообразное возникновение все новых течений и направлений в искусстве — эту тенденцию нацисты уловили и расценили ее как отрыв художественного творчества от простого народа. Модернистское искусство, принципиально создававшееся для всех и направленное ко всем, оказалось на деле в высшей степени элитарным, а его устремления преобразовать действительность — пустыми. Импрессионистские реминисценции в картинах Макса Либермана, критические романы братьев Маннов и их публицистика, новые гармонические формы в музыке Арнольда Шёнберга и Антона фон Веберна казались нацистским теоретикам искусства и критикам «иностраниной». Они видели значимое и существенное только в немецкой народной поэзии, в музыке и живописи классических образцов. Послевоенная реакция на абстракционизм в виде поп-арта, вернувшего предметность искусству, также была сродни нацистской, только поп-арт стремился отразить нетрадиционными средствами состояние современного человека с его банальными идолами, тривиальными потребностями и развлечениями; поэтому своими истоками и задачами поп-арт был близок к искусству тоталитарного общества.

Гитлер в своей оценке модерна не учитывал того, что искусство должно внутренне соответствовать состоянию общества: вне общества, само по себе — оно не существует. Еще до Первой мировой войны линии развития европейского искусства сошлись: экспрессионизм, возникший в Германии, кубизм и орфизм, сформировавшиеся во Франции, футуризм, сложившийся в основном в Италии, абстракционизм, берущий начало в России, были одновременны и внутренне родственны, хотя и многим

различались. Было бы упрощением идентифицировать экспрессионизм с духовным изломом, кубизм — с рационализмом, футуризм — с новыми формами материального, а абстракционизм — с игрой линий, красок и форм. Каждое из этих направлений на свой манер отражало нечто весьма существенное и важное для людей того времени. Искусство не имеет каких-то общественных функций, оно представляет собой замкнутый и самодостаточный мир; споры о том, должно искусство служить элите или народу, не имеют решения, но этот мир искусства находится на Земле, а не на Марсе. В этом отношении и модерн в целом, и столь презираемый нацистами экспрессионизм, и фовизм, и примитивизм, и другие художественные течения имели свой глубокий художественный, эмоциональный и общественный смысл. После Первой мировой войны в изобразительном искусстве Германии сложилось течение, которое весьма точно выражало «дух времени» и называлось «новая вещность» (*neue Sachlichkeit*). В 1924 г. директор Мангеймского музея таким образом определял это течение: «Эта живопись была связана с повальными настроениями цинизма (после Версальского мира и беспрецедентного незаслуженного унижения Германии. — *О. П.*) и покорности судьбе, которые охватили немцев после того, как обратились в прах их радужные надежды на будущее (они-то и нашли себе отдушину в экспрессионизме). Цинизм и покорность судьбе составили отрицательную сторону “новой вещности”. Положительная сторона сказалась в том, что к непосредственной действительности относились с повышенным интересом, поскольку у художников возникло сильное желание воспринимать реальные вещи такими, какие они есть, без всяких романтических фильтров». По выражению Кракауэра, «действительность изображали не для того, чтобы из реальных фактов извлечь их сокровенный смысл, но для того, чтобы утопить любое их значение в океане конкретных явлений»¹¹⁰. Нет никакой необходимости повторять, что в этом был глубокий социально-политический смысл для Германии, оказавшейся у раз-

битого корыта и утратившей все прежние перспективы. В беллетристике внутренний протест выразился в антидемократическом и аполитичном культурном пессимизме, а также в литературной героизации и превознесении военных переживаний, в эстетизации войны.

Нельзя забывать и о том, что для Гитлера всегда был важен позитивный аспект диктатуры; своей главной задачей он считал создание и сохранение народной общности и национального единства, поэтому в сфере искусства Гитлер должен был принимать во внимание вкусы толпы. В этом отношении как советский социалистический реализм, так и нацистский псевдоклассицизм были разновидностями поп-культуры. Французский психолог Гюстав Ле Бон еще в 1895 г. писал о «консерватизме толпы», которая цепко держится за традиционные представления и идеалы; ее художественные вкусы меняются очень медленно. Вряд ли Гитлер изучал Ле Бона, но он был популистом с чрезвычайно развитым политическим инстинктом, поэтому интуитивно выбрал путь наименьшего сопротивления — ориентацию на испытанные образцы античного искусства и искусства Возрождения. Гитлеровские представления об античности были дилетантского свойства, даже банальными. Он хоть и утверждал, что часто задумывался над причинами гибели античного мира, но никогда не разговаривал на эту тему со специалистами. Ему хватало самых общих слов о простоте красоты, о героическом восприятии жизни в античную эпоху. Можно сказать, что гитлеровское восхищение античностью было прагматического свойства. Поэтому гитлеровский неоклассицизм в искусстве не только отражал популярные подходы к искусству, но и выражал претензии государства на стройность, гармонию и порядок, а также указывал на великую культурную традицию Древней Греции и Рима, наследие которых проецировали и в будущее, обещая столь же грандиозное величие и красоту. От Ницше и Шопенгауэра шло убеждение в приоритете воли над рассудком, а это, в свою очередь, способствовало политической радикализации.

Гитлер, будучи неплохим художником и обладая, хотя и специфическим, но развитым эстетическим вкусом, чувствовал «компенсационные» функции современного искусства и активно ему противодействовал: в период Веймарской республики нацистская партия пропагандировала «высокую классику; художники, по большей части ремесленно подлаживаясь под классические образцы, больше выставлялись и их больше покупали музеи. Эта политика совершенно игнорировала то, что искусство — это не эволюция технического умения (ремесла), а прежде всего смена мировоззрения, изменение характера самих эстетических установок. Весьма точно позиции Гитлера и нацистов еще на рубеже веков выразил почитаемый фелькише Юлиус Лангбен в книге с характерным названием «Рембрандт как воспитатель»: «Очевидно, что современная немецкая культурная жизнь находится в состоянии упадка. Наука вырождается в специализацию, в сфере философии и литературы нет эпохальных имен, в изобразительном искусстве хотя и есть имена, но нет монументальных произведений; музицирующих много, а музыкантов нет. Архитектура — это ось изобразительного искусства, также как философия — ось научного мышления; в настоящее время нет ни немецкой архитектуры, ни немецкой философии»¹¹¹. Вероятно, можно утверждать, что эстетические установки Гитлера были одним из источников его обаяния, поскольку народное отвлечение к Веймарской культуре, ее непонимание простыми людьми было огромным резервуаром политической энергии, который Гитлер весьма скрупулезно использовал.

На партийном съезде в сентябре 1933 г. Гитлер заявил, что все современное модернистское искусство является неприемлемым ни с расовой точки зрения, ни с точки зрения фелькише; оно угрожает здоровому инстинкту национал-социализма. С другой стороны, Гитлер был против и так называемого «искусства фелькише», поддерживаемого Розенбергом и профессором Шульце-Наумбургом (архитектором дворца Цецилиенхоф, в котором

проходила Потсдамская конференция). Это направление Гитлер считал оторванным от магистрального развития искусства, мещанским приспособленчеством и плоской стилизацией германских мифов и германского культурного наследия¹¹². Наверное, Гитлер осознавал внутреннее противоречие в политике руководства культурой, несовместимого со свободой творчества, но разрешить это противоречие он не мог.

С другой стороны, следует помнить о том, что все со временем начинают походить на своих врагов, и противостояние нацистской эстетики и художественного авангарда не составляет исключения. На самом деле, кто как не дадаисты, против которых так ожесточенно боролись нацистские художественные критики и пропаганда, первыми преодолели и расширили прежнюю художественную практику, связав политическую агрессивность с действительно жизненно важным и конструктивным, визуальное с инсценировкой. Именно благодаря художественному авангарду стал возможен плавный незримый переход от искусства к технике, от политики к театру¹¹³. Именно нацистская пропаганда и нацистская инсценировка жизни тоталитарного общества использовала все эти художественные открытия и новшества, превратив жизнь целой страны в один большой дадаистский *happening*. Настоящее большое искусство в новейшую историю имело преимущественно негативную функцию, это искусство не украшало действительность, но разоблачало и критиковало ее; иными словами, это искусство никогда не соответствовало тому, что общество от него ожидало. На это обстоятельство впервые обратили внимание большевики и нацисты, причем несмотря на то, что и большевизм и нацизм сами были выражением радикального политического протеста против того же буржуазного общества. Нацисты и большевики не приняли союза с авангардом по той причине, что средний человек, человек толпы был совершенно дезориентирован и в неясных, непонятных, причудливых художественных образах авангарда чувствовал для себя смутную угрозу и опасность. По этой причине

нацисты придавали гораздо большее значение традиционной буржуазной культуре и народной традиционной культуре. Поэтому нацизм — это не только продукт протеста против буржуазного общества, но и его наследник, точно так же, как большевизм одновременно и протест и продукт исторической и культурной традиции России: невозможно начать с нуля, традиция обязательно так или иначе возьмет свое.

Нужно признать, что 20—30 гг. XX в. стали в Европе самыми богатыми на художественные новшества, а Веймарский период Германии смело можно считать самым богатым в истории немецкого искусства: если в начале XX в. «центр» мирового искусства был в Париже, в конце века и в наше время — в Нью-Йорке, то в 20-е гг. он был в Берлине. Впервые модернизм как легитимное художественное явление выступил именно в Веймарской республике, которая была менее враждебна к новшествам в искусстве, чем любое другое общество в Европе. Ведущие германские музеи охотно покупали модернистскую живопись и скульптуру, а в концертных залах покровительствовали атональной музыке. Отто Дикс стал профессором живописи в Берлине, Пауль Клее — в Дюссельдорфе, Оскар Кокошка — в Дрездене. Также весьма важными для восприятия модернизма были труды таких теоретиков и историков искусства, как Карл Эйнштейн, Ворингер и Макс Дворжак — им в полной мере удалось вписать абстракционизм и экспрессионизм в контекст традиции европейского искусства. В итоге в межвоенный период Берлин в качестве выставочного центра модернистской живописи смог превзойти даже Париж. Возникший в Берлине стиль «новая вещность» и «новый реализм», которые после 1923 г. вытеснили умирающий экспрессионизм, вызвали у публики в Европе гораздо больший интерес, чем иные парижские движения.

Продуктивные идеи, прогрессивный плюрализм в изобразительном искусстве и архитектуре, в литературе и публицистике, в театре, в кино, в музыке, в кабаре (его нацисты считали наиболее ясным выражением «еврейского культур-

ного большевизма»), в танцах, в индустрии развлечений до сих пор поражают воображение своими масштабами. Литература и театр переживали революцию — новые художественные течения, казалось, отрицали старые добрые ценности, присущие немцам: ценности и идеалы героического солдатского прошлого. Вот по этой причине простой народ (и не только в Германии) по преимуществу воспринимал современный театр Пискаatora и Брехта, новые течения в изобразительном искусстве, архитектуру «Баухауса», скорбные скульптуры Эрнста Барлаха и трагически вытянутые образы Вильгельма Лембрука, атональную музыку Клода Дебюсси и Пауля Хиндемита, экспрессионизм Густава Малера¹¹⁴ как «культурный большевизм». Впечатление от последнего было тем более сильным, что закон о цензуре в Веймарской Германии хотя и был довольно строгим, но в то же время самым нерепрессивным в Европе. Представления на сценах и в ночных клубах Берлина были самыми свободными в Европе. Пьесы, романы и картины касались таких тем, как гомосексуализм, садомазохизм, транвестизм и кровосмешение. Именно в Германии труды Фрейда в наибольшей степени захватили интеллигенцию и проникли в самые широкие круги художественного творчества, среди которых в период Веймарской республики было немало евреев (что и использовали в своей пропаганде нацисты).

В политике, в финансах и в промышленности немецкие евреи не играли какой-либо роли — за немногими исключениями, связанными с активностью в начальной фазе Веймарской республики. В сфере же искусства дело обстояло по-другому. Для ущемленного национального самосознания (а у немцев оно было именно таким) нет ничего оскорбительнее, чем тирания в культуре, мнимая или настоящая, а в Веймарской культуре евреи на самом деле играли значительную роль. Самым ненавистным для обывателей был еврей Тухольский, непримиримый и жесткий критик современного состояния общества (таковым в свою эпоху был и Гейне). Ряд крупных критиков и влиятельных деятелей искусства также были евреями: Максимилиан Гарден, Теодор Вольф, Эрнст Блох, Феликс Зальтен; почти

все лучшие кинорежиссеры, а также около половины преуспевающих сценаристов (например, Штернхайм и Шницлер). Евреи преобладали в развлекательном жанре и театральной критике: Элизабет Бергнер, Эрна Зак, Петер Лорре, Рихард, Таубер, Конрад Вейдт, Фриц Кортнер. Евреи были редакторами значительных газет: «Франкфуртер цайтунг», «Берлинер тагеблатт», «Воссише цайтунг»; они являлись владельцами самых влиятельных художественных галерей. Издательская деятельность — наряду с городскими универмагами — была практически их монополией. В Германии был целый ряд талантливых еврейских писателей: Герман Блох, Альфред Дёблин, Франц Верфель, Арнольд Цвейг, Вики Баум, Лион Фейхтвангер, Бруно Франк, Альфред Нойман, Эрнст Вайсс. Во многих областях искусства — в архитектуре, в скульптуре, в живописи, в музыке (где перемены в Веймарский период были особенно разительными — неожиданными и отвратительными для сторонников традиционных вкусов и представлений) — евреи также были представлены весьма значительно, хотя редко возглавляли новые течения. Единственным исключением из последнего правила была музыкальная сфера, где зачинателя атональной музыки Арнольда Шёнберга нацисты обвинили в убийстве этого искусства, но более известным сочинителем такой музыки был ариец Альбан Берг¹¹⁵. Без всяких оговорок можно твердо сказать, что без еврейской составляющей Веймарская культура была бы бесконечно беднее; к сожалению, для обывателей это стало достаточным основанием, чтобы признать нацистскую теорию о еврейском заговоре в культуре¹¹⁶. Вот это и явилось главной причиной того, что именно в Веймарской Германии так быстро нарастал антисемитизм: ранее в немецкой культурной среде этого вовсе не ощущалось. В России имели место погромы, Париж был местом сосредоточения антисемитской интеллигенции, в Польше антисемитизм был частью повседневности, а в Германии до Ноябрьской революции и Веймарской республики ничего подобного не наблюдалось.

Примечательно, что левая интеллигенция (преимущественно еврейская) в Германии долгое время находилась в тени армии и государства, церкви, властей и университетов, но во время Веймарской республики пробил и ее час, час бывших аутсайдеров. В левом журнале «Вельтбюне», весьма красноречивом и остроумном, воспевались сексуальная свобода и пацифизм, а армия, университеты и церковь безжалостно высмеивались¹¹⁷.

В книге Фридриха Гусонга «Курфюрстендам», изданной через несколько недель после прихода нацистов к власти, можно было прочесть поразительные строки о левой интеллигенции: «Случилось чудо. Их больше нет... Они претендовали на то, чтобы быть олицетворением германского духа, германской культуры, германским настоящим и германским будущим. Они представляли Германию перед всем миром, они говорили от ее имени. Все остальные были для них греховной и жалкой поделкой, отвратительным мещанством. Они всегда сидели в первом ряду. Они присуждали себе рыцарские титулы духа и европейства. Нерешенных проблем для них не существовало. Они “создавали” себя и других. Кто бы им ни служил, его успех был гарантирован. Он появлялся на их сцене, печатался в их журналах, его рекламировали по всему миру; его товар рекомендовался, независимо от того, был ли это сыр или теория относительности, порох или современный политический театр, патентованное лекарство или права человека, демократия или большевизм, пропаганда за аборт или против устойчивой юридической системы, дурная негритянская музыка или танцы нагишом. Иными словами, никогда не существовало более наглой диктатуры, чем диктатура демократической интеллигенции и литераторов»¹¹⁸. Веймарская культурная революция на самом деле была революцией, восстанием против буржуазного общества, следует только обязательно уточнить, что симпатии художников привлекала не коммунистическая организация и дисциплина, но марксистская утопия, пробуждавшая фантазию, метафизическое беспокойство и страсть к справедливости и правде.

Упомянутая культурная революция равно относится и к экспрессионизму: эксперимент и игра, казалось, вовсе изгнали с пьедестала академическое искусство. То же можно сказать и о великолепных художниках-новаторах «Баухауса», собравшихся вокруг Вальтера Кропиуса: они поставили под сомнение мещанский культ гения и автономию эстетики и стали создателями современного дизайна (после прихода к власти нацистов они почти в полном составе эмигрировали в США. Нацисты, впрочем, также испытали сильное влияние этой школы и ее эстетики, особенно в сфере дизайна). Дело в том, что в 20-е гг. выяснилось, что промышленный дизайн имеет многообразные сферы применения — от посуды до электроприборов, от мебели до автомобилей. В этой связи в развитии дизайна можно отметить две тенденции: одна связана с нефункциональным украшательством и декоративностью, а другая — с чистой функциональностью. После 1933 г. главные носители последней тенденции — участники знаменитой дессаусской школы «Баухаус» — были осуждены нацистским режимом и, как указывалось выше, эмигрировали в США, где стали создателями современного мирового дизайна. Однако это не значит, что в Германии их наследие не было воспринято. В интересах промышленности и потребителей эти тенденции так или иначе давали о себе знать; это трудно интерпретировать однозначно — то ли как подспудное утверждение модернистских тенденций помимо нацистов, то ли как явление, близкое нацизму с его поначалу революционными начинаниями: ведь были же близки фашизму итальянские модернисты и футуристы. К тому же достигнутые к началу 30-х гг. эстетические стандарты не могли быть «нацифицированы» в принципе, ибо альтернативой промышленному модерну были традиционные ремесленные образцы, устаревшие и не соответствовавшие современности и ее темпам развития. После принятия четырехлетнего плана интересы крупной промышленности стали играть ведущую роль, и вопрос о средневековой традиции ремесленного производства и связанных с ним добродетелей и ценностей более не поднимался¹¹⁹.

Нацистскую политику в сфере искусства можно условно разделить на три периода: 1920—1934, 1934-1937 и 1937-1945.

В первый период действовали два крупных фактора, две эстетические программы — партийная программа 1929 г. и установки КДК, который первоначально играл ведущую роль в формировании культурной политики. Помимо Розенберга, политику КДК регулировали Шульце-Наумбург и венский социолог, сторонник философско-социологической концепции «универсализма» Отмар Шпанн. Эти люди исходили из фелькише-почвеннической концепции, категорически отвергавшей всякий авангард. Тюрингский министр внутренних дел Фрик, следуя указаниям КДК, еще в 1930 г. запретил в этой земле «Баухаус» как выражение искусства, несовместимого с немецким духом. Под подписью Фрика был выпущен первый нацистский государственный циркуляр относительно культурной политики, который имел весьма характерное название: «Против негритянской культуры за немецкую народность». Несмотря на энергичную деятельность, после 1933 г. Фрик и Розенберг не смогли полностью прибрать к рукам культурную политику, так как в этот вопрос вмешался Геббельс со своим Министерством пропаганды.

Нужно иметь в виду, что формальное руководство искусством в Третьем Рейхе осуществлялось так же, как и в других сферах — на основе борьбы компетенций; дело в том, что на руководство искусством претендовало несколько ведомств: розенберговский КДК, основанный 19 декабря 1929 г.¹²⁰ (до него с 1927 г. существовало «Национал-социалистическое общество немецкой культуры» во главе с тем же Розенбергом), Имперская палата культуры, основанная 15 ноября 1933 г. и входившая в Министерство пропаганды Геббельса, а также ведомство Лея — ДАФ (Немецкий рабочий фронт), располагавшее значительными средствами и имевшее собственные представления о том, как должна строиться культурная политика. В отличие от соперников, интересы Лея в сфере искусства были ориентированы не на собственно культурную

политику, а на вопросы организационных и политических компетенций, поэтому в 1933—1934 гг. главными контр-агентами в борьбе за сферу искусства были Геббельс и Розенберг; впоследствии Розенберг сдал свои позиции, зато свои полномочия и влияние укрепил Лей. Окружение Геббельса первое время настаивало на том, что немецкий экспрессионизм может найти себе место в новой Германии. В этой борьбе компетенций профессионально разбиравшийся в искусстве и обладавший риторическими способностями Геббельс имел преимущественные шансы. Антихристианский мистицизм Розенберга был внешне весьма эффектен, но у него не хватало политического инстинкта; Гитлер чувствовал беспомощность и нелепость позиций Розенберга, поэтому политическая карьера формального главного «партийного идеолога» не удалась — он не смог удержать симпатий Гитлера. Геббельс считал Розенберга тупым и своекорыстным догматиком, розенберговский «Миф XX века» он называл не иначе как макулатурой и «отрыжкой псевдофилософии». Эта книга крайне раздражала церковные круги: в августе 1935 г. СД в своих донесениях приводила список церковных сочинений, направленных против Розенберга и отдельно — против национал-социалистической идеологии в целом¹²¹. Понятно, что создавать режиму все новых врагов Гитлеру было незачем. В годы войны Розенберг как имперский министр восточных территорий развил активность в ограблении музеев на территории Восточной Европы, откуда специально созданный «штаб Розенберга» вывозил наиболее ценные произведения искусства.

Соперничество Геббельса с КДК продолжалось и в дальнейшем: Геббельс имел более современные взгляды на современное искусство и старался сотрудничать с Рихардом Штраусом, Вильгельмом Фуртвенглером, Готфридом Венном и Мартином Хайдеггером. Если сторонник культурной политики Розенберга Фрик, ставший имперским министром внутренних дел, вскоре примирился со своей неудачей, то сам Розенберг не сложил оружия и продолжал бороться за компетенции, правда, без успеха.

Под руководством ближайшего сотрудника Розенберга Вальтера Штанга КДК был преобразован в «Национал-социалистическую культурную общину» (*NS-Kulturgemeinde*), но она стала всего лишь обществом театралов. В 1937 г. «Культурная община» была вообще включена в КДФ, что окончательно подорвало позиции Розенберга в формировании культурной политики¹²². Но и Лею не удалось достичь полной монополии в культурной политике: его попытка создать «восьмой столп» ДАФ и объединить в отдельную корпорацию всех работников искусств провалилась.

Второй период нацистской культурной политики начался в 1934 г. В этот год, после «ночи длинных ножей» и ужесточения режима в целом, борьба по эстетическим вопросам приняла скрытый характер. Так, в октябре 1935 г. министр образования Руст принял участие в акции по негласному закрытию выставки современного искусства, размещавшейся в одном из крыльев Берлинской национальной галереи (в так называемом Дворце кронпринца). Акция была проведена без шума: якобы это крыло было закрыто на ремонт. Группа «Север» (*Der Norden*, которой благоволил Геббельс) вынуждена была покинуть помещение. Завуалированность акции свидетельствовала о том, что борьба против современного искусства велась довольно сдержанно. Такие современные художники, как Эрнст Барлах, Макс Пехштейн и Эмиль Нольде продолжали лелеять надежду, что они вновь получат возможность выставляться, а основатель знаменитой группы «Мост» видный экспрессионист Эрнст Людвиг Кирхнер отмечал: «Ложная мысль, что дни авангарда сочтены, после того как нацисты в 1935 г. осуществили ряд злобных нападков на него, более не оживала»¹²³. Галерея современного искусства Мёллера продолжала работать и после 1937 г., но уже только как главный продавец «вырожденческого искусства».

В год Олимпиады нацистам важно было произвести впечатление терпимости и лояльности, в том числе и в сфере культуры. Гитлер вообще старался быть максимально

осторожным в эстетической политике; как писал английский историк Петерсон, у него было две страсти — война и искусство, и в обеих этих сферах его политика характеризовалась активистскими динамичными подходами¹²⁴.

Последний (с 1937 по 1945 гг.) период нацистской культурной политики в наибольшей степени характеризуется растущим конформизмом и подлаживанием под вкусы Гитлера, который до 1937 г. стремился к прямому контролю над искусством, но со временем стал придавать все большее значение политическим соображениям. Его личные художественные вкусы вели Гитлера в антимодернистский лагерь, но по вышеупомянутой причине он был готов проявить определенную терпимость. Так, когда директор музея народного искусства в Эссене эсэсовец фон Баудиссон призвал очистить все государственные и частные собрания от произведений авангардного искусства, Гитлер возразил и предложил ограничиться только государственными коллекциями, а частные собрания оставить в покое¹²⁵. Соответственно и дискуссия о принципах эстетической политики переместилась в частную сферу. Само же нацистское руководство неохотно шло на декларирование принципов эстетической политики: эти попытки носили разрозненный характер и делались с оглядкой на Гитлера. Последний сам стремился опекать официальное искусство, отдавая предпочтение Брекеру, Шпееру, Циглеру. Другие нацистские бонзы всяк на свой лад покровительствовали разным художникам. Розенберг превозносил и пропагандировал произведения художника-«деревенщика» Вильгельма Петерсона. Геббельс покровительствовал Фрицу Климшу, восхищался немецким экспрессионизмом и заказал свой портрет известному импрессионисту Фрицу фон Кёнигу. Геринг ценил французский импрессионизм, регулярно покупая Боннара, Коро, Ван Гога. Риббентроп также предпочитал французских импрессионистов, он коллекционировал Курбе, Моне, Дерена. Эти симпатии нацистских бонз противоречили закупочной политике крупных музеев, руководство которых получило указание снять с экспозиции

французских импрессионистов, но попытки в массовом порядке продавать их за границу натолкнулись на решительное сопротивление музейщиков: например, директор Новой Пинакотеки в Мюнхене Эрнст Бухнер категорически отказался продавать импрессионистов. Реагируя на протесты профессионалов, министр образования Руст выпустил циркуляр, в котором говорилось, что продавать следует только те картины, которые не повредят общему состоянию коллекций¹²⁶. Короче говоря, принципы эстетической политики формировались хаотически, в зависимости от вкусов бонз, а также от решимости отдельных профессионалов защищать свои музеи.

Пожалуй, самые радикальные эстетические пристрастия высказывал Бальдур фон Ширах, который в 1941 г. сказал, что импрессионисты «отражают действительность», и не нужно слушать всяких недоумков. Ширах настоял на покупке целого ряда импрессионистов для музеев Вены, гауляйтером которой он был. В 1943 г. Ширах открыто оказал финансовую поддержку выставке импрессионистов, сам открыл выставку, сам написал предисловие к каталогу и купил для себя ряд картин. Этот каталог попал в руки Гитлера, которого расстроило такое вольнодумство: он сделал выговор Шираху, обвинив его в саботаже политики партии. Ширах в мемуарах писал, что это было началом конца его карьеры¹²⁷. Геббельс и Борман в итоге отвернулись от Шираха, усмотрев в симпатиях к такого рода искусству признак загнивания и непонимания идеологии. В этом инциденте как в зеркале отразилась двойственность нацистской эстетической политики: Геббельс повесил у себя в кабинете собственный экспрессионистский портрет работы Кёнига, а Геринг, не обращая внимания на партийную линию, украшал Каринхалле французскими импрессионистами. На публике, однако, они себя вели по-другому. Официально же признанное искусство было довольно плоским, как Геббельс неоднократно отмечал в дневнике; даже художественная критика в партийной газете ФБ вынуждена была прибегать к избитым, ничего не значащим формулам и выражениям.

Что касается общего руководства, организации и финансирования сферы культуры в Третьем Рейхе, то в этом деле, по всей видимости, самое большое значение имела геббельсовская Имперская палата культуры, созданная 22 сентября 1933 г. и состоявшая из семи отделов (кино, музыка, литература, пресса, театр, радио, изобразительные искусства). Главная ее задача, как формулировалось в уставе, состояла в «помощи немецкой культуре в деле ее служения народу и рейху, в удовлетворении экономических и социальных потребностей деятелей культуры»¹²⁸. Корпоративными членами палаты были: Имперский союз писателей (непродолжительное время; затем его члены вошли непосредственно в палату), Биржевой союз немецких книготорговцев, Союз библиотекарей, Общество библиофилов, Ассоциация авторских прав, союзы литературных и лекционных обществ, фонды по присуждению премий, Союз немецких производственных библиотек и Союзы писателей, пишущих на диалектах¹²⁹. Во всех этих организациях работало довольно много народа: искусство в нацистской Германии делали не только Брекер и Торак, Пфитцнер и Штраус, Каросса и Колбенхойер, но около 250 тыс. человек, занятых в отдельных подразделениях Имперской палаты искусств. Только в Палате изобразительных искусств были сосредоточены: архитекторы обычного профиля, архитекторы ландшафтных парков, художники, графики, скульпторы, графики-иллюстраторы, реставраторы, проектировщики, архитекторы внутренних помещений, копировщики, художественные ремесленники, рекламные художники — всего около 35 тыс. человек.

Довольно быстро Геббельсу удалось перетянуть на свою сторону наиболее способных работников; например, от Розенберга ушел Ганс Хинкель, впоследствии успешно руководивший Имперской палатой культуры, или Райнер Шлессер, ставший впоследствии руководителем театральных драматургов. Эти и другие функционеры Министерства пропаганды использовали партийные дразги и споры для успешного созидания собственной карьеры. Имперская палата культуры так энергично стала наби-

рать силу, что все сразу забыли, что она основывалась лишь в качестве противовеса планам Лея и Розенберга. Бесспорно, Имперская палата культуры играла огромную роль в кадровом отборе (в особо важных случаях Геббельс принимал решения сам) и в создании новых эстетических ориентиров. Усилиями Геббельса Палата искусств вскоре стала простым исполнительным органом Министерства пропаганды. Геббельсу удалось прибрать к своим рукам почти все вопросы развития культуры и искусств за исключением беллетристики, публицистики и прессы — в этих сферах у Геббельса были сильные конкуренты: прежде всего в лице директора центрального партийного издательства Макса Аманна. Воспользовавшись «Законом о реставрации немецкого служилого сословия», палата смогла быстро удалить из театров, музеев и музыкальных коллективов нежелательные для нацистов элементы; в том же направлении был задействован палатой и «Закон о редакторах» от 4 октября 1933 г.

Имперскую палату культуры Геббельс — в присутствии Гитлера — назвал первым по-настоящему сословным органом: «Если принять, что сословия являются крупнейшим социальным достижением человечества, тогда мы в Германии являемся настоящими первопроходцами в деле их возвращения к жизни. Профессии, связанные со сферой искусства, являются первыми из всех профессий, которые Третий Рейх организовал в сословные органы. Если эта попытка возрождения сословных корпораций удастся, — а я уверен, что это будет так, — то тогда и весь немецкий народ со временем будет охвачен подобной сословной организацией». Геббельс постарался развеять опасения в отношении цензурных функций новой сословной организации: «Мы не хотим сужать свободу и возможности художественного развития, — наоборот, мы хотим способствовать их расширению. Никому не дано права командовать в этой сфере. Мы хотим стать хорошими защитниками и опекунами немецкого искусства во всех его проявлениях. Мы далеки от мысли, что мировоззрение в состоянии заменить искусство»¹³⁰.

Действительно, как правило, прямого давления на художников не оказывали, но в то же время было ясно, чего ждет режим от художников, а это и есть несвобода творчества. Некоторым оправданием вмешательства государства в социальные проблемы мира искусства и создания корпоративной организации работников искусств было, например, то, что после возникновения звукового кино огромная армия музыкантов оказалась не у дел и существовала настоятельная необходимость занять их. Нацистская политика в сфере искусства была по преимуществу кадровой, персональной политикой; ясно очерченной была только фигура врага: в упадке истинно «немецкого» искусства и культуры были, конечно же, виноваты евреи. Поэтому осуществлялась радикальная «ариизация» всех работников искусств, при этом освобожденные места замещали, как правило, с большими проблемами и скандалами. Теоретические вопросы развития искусства или приверженность каким-либо художественным направлениям особенно важной роли в этом процессе не играли, гораздо больше значила личная энергия, высокое покровительство и связи.

Мысль о сословных организациях для творческих работников была не нова, Геббельс ее только использовал. Первый параграф «Закона о создании Имперской палаты культуры» поручал министру пропаганды Геббельсу объединить всех творческих работников в корпорации, обладавшие юридическим статусом и правами. Закон, по существу, наделял Геббельса чрезвычайными полномочиями в сфере культуры. Президентами отдельных палат (литературы, музыки, кино, изобразительного искусства) Геббельс назначал отдельных известных специалистов. При этом большинство художников, писателей, музыкантов и артистов почувствовало себя освобожденными от давления рынка и от борьбы за выживание. К несомненным достижениям нацистской культурной политики относятся многосторонние социальные гарантии занятых в театре актеров, режиссеров, сценаристов и т. п.¹³¹ С другой стороны, платой за эти гарантии была полная унифи-

кация палат по политическим и расовым мотивам: уже к концу 1936 г. Геббельс с гордостью заявил, что все палаты «очищены от евреев»¹³². С марта 1937 г. уже никаких самостоятельных художественных объединений в Германии не существовало — они все были унифицированы, и Геббельс получил беспрецедентные полномочия в сфере культуры. На тех, кто осмеливался заниматься творческой деятельностью, не будучи членом палаты, налагался штраф в 100 тыс. рейхсмарок. По представлению геббельсовского ведомства полиция обязана была применять к провинившимся суровые меры пресечения¹³³. С другой стороны, членство в палате не было обременительным, но обеспечивало ранее неимущим и вечно страдающим от безденежья художникам, музыкантам и писателям неплохие доходы, а также престиж и известность, о которых они и не мечтали в период Веймарской республики. Нацистское государство добросовестно исполняло свои обязательства по отношению к этим людям, а их было довольно много — в 1936 г. в Палате искусств насчитывалось 15 тыс. архитекторов, 14 300 художников, 2900 скульпторов, 2300 мастеров художественных ремесел, 1260 художников-оформителей, 2600 издателей¹³⁴.

Полномочия Геббельса так возросли, что для того чтобы ограничить амбиции «маленького доктора», 24 января 1934 г. Гитлер распорядился учредить в рамках партии Ведомство по контролю над общим мировоззренческим обучением и духовным развитием. Интересно, что со временем оно расширяло свои компетенции: так, в экспертной литературной службе этого ведомства работало в 1935 г. 25, а в 1940 г. — 1400 специалистов¹³⁵. Во главе ведомства был поставлен давний соперник Геббельса — Розенберг, но ведомство это имело только контрольные функции. Как говорилось выше, определенные амбиции в сфере культурной политики имел также Лей и его ДАФ. Когда Лей, руководствуясь собственным тезисом о необходимости поощрения «рабочей культуры», создал в рамках своей организации Ведомство культуры, то он предложил Геббельсу рекомендовать на пост руководителя

человека из Министерства пропаганды. Геббельс рекомендовал своего референта Ганса Вайдемана. Ведомство также обладало определенной степенью автономии в принятии решений в сфере культурной политики, а также большими возможностями финансовой поддержки художественных проектов.

Архитектура и ее значение в процессе национальной мобилизации в Третьем Рейхе

«Марксистская революция разрушила весь духовный мир: любовь к родине, народу, истории, семье, к прошлому и будущему... Материализм, меркантилизм, коррупция — вот корни современной архитектуры, означающей варварство, уничтожение и порабощение средних слоев, диктатуру финансового капитала».

(нацистский пропагандист Зенгер)¹³⁶

Архитектура — это одновременно самое конкретное и самое символическое из искусств; иногда здания очень ясно свидетельствуют о своей эпохе. Именно в этой сфере нацистам удалось в полной мере реализовать собственные представления о социальной активности искусства. Вполне можно сказать, что в 1933—1940 гг. нацистам удалось самовыразиться в архитектуре. Вообще, самой важной сферой искусства Гитлер считал архитектуру и неоднократно повторял, что хотел стать архитектором. В беседах с архитекторами он выказывал превосходную память и удивительное знание деталей профессии. Шпеер писал, что после смерти ведущего (поначалу) архитектора Третьего Рейха Пауля Трооста Гитлер сам хотел возглавить его бюро, считая, что только он сможет правильно интерпретировать мысли покойного. Вскоре, однако, Гитлер натолкнулся на решительное сопротивление со стороны заместителя Трооста Галля и, поняв, что последний

гораздо лучше делает эту работу, уступил¹³⁷. Немецкий историк Вернер Мазер писал, что Гитлер был талантливым художником (некоторые коллекционеры весьма ценили рисунки Гитлера: так, у шотландца Эдварда Грея накопилось около 100 его рисунков и акварелей¹³⁸), но сам он никакого значения своему дару не придавал, более считая себя архитектором¹³⁹. Поначалу Гитлер предпочитал перегруженный деталями (*schwülstige*) венский классицизм, а затем — под влиянием Трооста и Шпеера — стал отдавать предпочтение архитектурным формам берлинского классицизма Карла Шинкеля (строгий стиль которого Мёллер ван ден Брук в 1915 г. назвал «пруским») ¹⁴⁰.

С другой стороны, при несомненном архитектурном вкусе и художественном чутье Гитлера, в архитектуре наиболее отчетливо проявилась его параноидальная мегаломания, которую реализовали Шпеер, Гислер, Крайс и Троост, работавшие в стиле неоклассицизма. Гитлер, не знавший меры, раздул неоклассицизм до циклопических размеров. Надо отметить, что неоклассицизм и предназначался для строений больших размеров и восходил к художественным открытиям итальянского архитектора Андреа Палладио (1508—1580). Он приспособил систему классических античных архитектурных ордеров к многоэтажным постройкам, используя колоссальные колонны и пилястры. Безусловно, современная монументальность в сочетании с античной традицией имели захватывающий, магический эффект, однако монументализм великого итальянского архитектора перерос в архитектуре Третьего Рейха в имперскую манию величия, перейдя границы возможностей неоклассицизма (это признавал и сам Шпеер). Слепое подражание Палладио — и, в целом, классицизму — не достигло уровня собственной эстетической значимости, несмотря на все старания Гитлера.

В 1939 г. Гитлер декларировал свое намерение в ближайшем будущем обеспечить немецкому народу военными средствами ведущее положение в мире (*Weltführungsrolle*). По его словам, для достижения такой цели не только

немецкая армия должна быть «самой лучшей, первой и сильнейшей в мире», но грядущему величию Германии должна соответствовать и архитектура: «Я построю в Гамбурге небоскребы такой же высоты и масштабов, как американские. По той же причине я приказал перепланировать Берлин и сделать его самой представительной и мощной столицей мира. Поэтому в Нюрнберге построены колоссальные сооружения для проведения партийных съездов. Поэтому в рейхе строится столь мощная и разветвленная сеть автобанов, которые представляют собой не столько сеть дорог, сколько средство желанного и подлинного объединения 80-миллионного немецкого народа, который столь долгое время пребывал в разобленном состоянии»¹⁴¹.

В центре внимания Гитлера оказалась перестройка Берлина, архитектурный облик которого его совсем не удовлетворял. «Париж, — говорил Гитлер, — это самый красивый город мира, Вена — прекрасна. Эти города — самые смелые произведения архитектуры. Берлин же — это нагромождение построек; мы должны перещеголять Париж и Вену»¹⁴². В центре столицы рейха, которую планировалось переименовать в «Германия», проектировали проложить проспект Победы протяженностью в 5 км и шириной в 1,2 км (шире Елисейских полей); в конце этого проспекта Гитлер хотел построить Триумфальную арку высотой в 120 м (высота Триумфальной арки в Париже — 50 м), на граните которой были бы выгравированы имена 1,8 млн немцев, павших в Первую мировую войну. Под ней в восемь рядов могли бы проезжать автомашины¹⁴³. В планируемом Солдатском музее, спроектированном Вильгельмом Крейсом, хотели разместить свидетельства воинской доблести Германии, а на крыше дворца Геринга (с плавательным бассейном, теннисным кортом и театром на открытом воздухе), который Шпеер хотел расположить неподалеку, планировали насыпать толстый слой земли, чтобы там могли расти большие деревья. В проектах Гитлера огромная привокзальная площадь, обрамленная военными трофеями, напоминала аллею сфинксов в Египте,

соединявшую храмовый комплекс Карнака с Луксором времен Аменхотепа III. Сам вокзал планировали построить в четыре уровня; его проект напоминал нью-йоркский вокзал *Grand Central*.

Доминировать же в центре столицы должно было самое грандиозное сооружение в мире — гигантское купольное здание высотой 250 м (купол собора Святого Петра в Риме мог бы уместиться в нем 16 раз); главный зал этого дворца должен был вмещать 180 тыс. человек. С технической точки зрения, как указывал Шпеер, воздвигнуть купол диаметром в 250 м без перекрытий не составляло проблемы: ведущие немецкие конструкторы произвели необходимые расчеты; можно было даже обойтись без стали¹⁴⁴. Нерешенной, правда, оставалась одна проблема — испарения от дыхания такого огромного количества людей, скапливаясь в куполе и образуя облака, конденсировались бы и выпадали дождем. Для фундамента этого здания планировалось вынуть 30 млн кубометров земли и залить такое же количество бетона¹⁴⁵. Довод Гитлера был прост: он говорил, что если в средневековом Ульме монастырь занимал площадь в 2,5 тыс. квадратных метров (а населения в городе было 15 тыс. человек), то «они даже не могли заполнить этот зал; а для миллионного Берлина зал на 150 тыс. человек даже и маловат»¹⁴⁶. Гитлер планировал «купольный дворец» как своего рода пантеон, «храм всех богов», наподобие античного¹⁴⁷. Отец Шпеера — сам известный архитектор — после осмотра макетов реконструкции Берлина пробормотал: «безумие, да и только»...¹⁴⁸ Архитектурные проекты были, бесспорно, связаны с мегаломанией, но вовсе отвергать идеи новой перепланировки Берлина все-таки нельзя — самым удачным был новый Центральный вокзал с подземными транспортными развязками; масштабы его для современных условий не столь и велики. Шпеер после войны писал, что если строения и выходили за рамки нормальных человеческих представлений, дело было, однако, не столько в масштабах, сколько в навязчивости маниакальной архитектурной идеи¹⁴⁹. Любопытно, как

Гитлер оправдывал собственную мегаломанию: «Лично я вполне довольствовался бы маленьким скромным домиком в Берлине. У меня достаточно власти и авторитета, для ее поддержания мне вовсе не нужен подобный размах. Но поверьте моему слову: тем, кто рано или поздно придет за мной, такая репрезентативность будет нужна позарез. Многие из них только так и сумеют удержаться. Вы даже себе представить не можете, какую власть приобретают мелкие души над своим окружением, если смогут предстать на таком величественном фоне. Подобные залы с великим историческим прошлым возносят даже ничтожного преемника на исторический уровень. Вот поэтому мы должны достроить все при моей жизни, чтобы я успел здесь пожить, чтобы мой дух освятил это здание традицией. Доведись мне прожить здесь хоть несколько лет, этого будет вполне достаточно»¹⁵⁰.

Самым влиятельным архитектором Третьего Рейха (после смерти Пауля Трооста в 1934 г.) стал Альберт Шпеер, которого первым заметил Геббельс, поручивший молодому архитектору строительство здания Министерства пропаганды. Шпеер был учеником Генриха Тессенова, не являвшегося ни антимодернистом, ни радикалом — по принципиальным соображениям он отказался от участия в нацистских проектах. Эта твердость эстетических убеждений Тессенова вызывает уважение: не у всех хватало духа отказаться от таких заманчивых предложений, суливших астрономические доходы и славу. Близким Тессенову по стилю был известный архитектор Петер Беренс, вполне обеспеченный заказами в нацистские времена. Его более известные, чем он сам, ученики Вальтер Кропиус и Мис ван дер Роэ эмигрировали в США и сделали там блестящую карьеру. Любопытно, что Гитлер очень ценил построенное Беренсом еще в кайзеровские времена здание германского посольства на Большой Морской улице в Санкт-Петербурге¹⁵¹.

Будучи прилежным работником и угадав вкусы новых хозяев, Шпеер создал упомянутый проект здания Минпропа для Геббельса в рекордный срок (за три месяца),

но по-настоящему он заявил о себе, оформив празднование 1 мая 1933 г. на берлинском поле Темпельхоф: торжественное оформление митинга по случаю празднования Дня национального труда удалось на редкость; Гитлер был в восторге от его стиля. Вскоре Шпеер получил заказ на строительство нового здания рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе. Но особенно большой его удачей было оформление партийных съездов. Именно ему впервые пришлось в голову использовать армейские зенитные прожекторы для «соборов из света» — конуса, образуемого лучами прожекторов. У сотен тысяч нацистов, собравшихся на партийный съезд в Нюрнберге, было такое ощущение, что они находятся внутри колоссального помещения, потолком которому служили медленно проплывающие облака. Таким образом Шпееру удалось в полной мере отразить самовыражение масс¹⁵². Даже критически настроенные иностранцы находились под глубоким впечатлением шпееровского изобретения. Изобретение это способствовало созданию еще одного сакрального элемента в эстетизации национал-социализма. Непомерные масштабы сооружений для проведения партийных съездов в Нюрнберге создавали опьяняющую атмосферу грандиозности происходящего, при этом отдельный человек превращался в маленькую и незаметную часть коллектива, величие которого подавляло. Монументальные строения на самом деле имели огромный мобилизующий эффект: они требовали подчинения, послушания и вызывали благоговейный трепет.

Гитлер заметил Шпеера и после смерти Трооста поручил ему здание новой рейхсканцелярии; свой шанс для реализации блестящей профессиональной карьеры Шпеер использовал на все 100%. Во времена Бисмарка имперская канцелярия была снабжена незаметным входом с улицы, в 1938 г. Шпеер его перестроил — теперь канцелярия имела совершенно непропорциональный вход: колонны портала у входа были в 8 раз выше человека; тем самым навес у входа лишился практического смысла. Кроме того, от входа дипломаты должны были идти

до кабинета Гитлера 200 метров¹⁵³. Новое здание имперской канцелярии было готово в течение года, что говорило о выдающихся качествах Шпеера как организатора, планировщика и руководителя работ. Гитлер чрезвычайно ценил Шпеера как архитектора, а позднее и как организатора военного производства. Более того, если у Гитлера когда-либо был друг, то им был Шпеер; по наблюдениям окружающих, их отношения порой даже выглядели гомоэротическими¹⁵⁴. 30 января 1937 г. специальным гитлеровским указом Шпеер был назначен главным архитектором по перестройке Берлина; на этом посту он подчинялся лично фюреру¹⁵⁵.

Именно монументальному строительству Гитлер и придавал огромное значение; так, сравнивая современный город с античным, он указывал, что от античной культуры до нас дошли не обыкновенные жилища, но великолепные публичные строения и памятники, которые принадлежат вечности¹⁵⁶. По заданию Гитлера Шпеер в 1935 г. ездил в Грецию, чтобы на месте по оригиналам изучить дорический стиль; но, в конечном счете, оба более ориентировались на римские архитектурные образцы. Симметрия, монументальность и простота античных римских строений очаровала Гитлера; на него огромное впечатление производили даже руины античных строений, свидетельствовавшие об их масштабах и великолепии. В шпеевской модели комплекса построек для партсъездов в Нюрнберге легко увидеть признаки ориентации автора на античные образцы. На всемирной выставке в Париже 1937 г. эта модель получила Гран-при¹⁵⁷.

Вдохновляясь примером античных строений, Гитлер стремился к тому, чтобы «тысячелетний рейх», — просуществовавший, правда, всего 12 лет, — оставил у потомков соответствующее впечатление. «Было бы неверно, — считал Гитлер, — если бы мы начали со строительства рабочих кварталов и домов. Все это придет само собой. Это уже делали марксистские и буржуазные правительства. ...Со времени средневековых соборов мы первые, кто вновь поставил перед художниками задачу реализации

действительно дерзких и смелых проектов. Не приюты или жилые дома, но мощные и масштабные строения — наподобие строений Древнего Египта и Вавилона, — являются знаменами новой высокой культуры. Я хочу начать с этого. Тем самым я придам моему народу и моему времени печать несравненного духовного величия»¹⁵⁸. Надо отметить, что Гитлер в своих устремлениях не был особенно оригинален: прямолинейный и грубый классицизм был в одинаковой степени присущ вкусу Сталина и Муссолини, Мустафе Ататюрку и иранскому шаху Реза Пехлеви, а также вкусам демократических политиков 20—30-х гг., особенно в США. Нигде не было больше, чем в Америке, греческих античных колонн, римских античных капителей, орлов, фасций с топориками ликтора (символ имперской власти в Древнем Риме) и пышущих силой и мощью мужских и женских фигур. Мемориал Линкольна (1922 г.), мемориал Джефферсона (1937 г.), щедро украшенный статуями Арлингтонский мемориальный мост через Потомак (1926 г.) и поныне оставляют впечатление чисто фашистской архитектуры¹⁵⁹. Точно такое же впечатление оставляет и тяжелый «сталинский классицизм», образцы которого в изобилии сохранились в нашей стране. Любопытно, что 23 августа 1939 г. в Кремле (после подписания Пакта) присутствовавшие осмотрели выставку проектов новых помпезных сооружений столицы Третьего Рейха. Выставка понравилась Сталину: она была созвучна его представлениям об архитектуре новой эпохи. После войны в Москве возвели похожие на шпееровские проекты высотки и, что символично, для цоколей этих громадных строений использовали гранит, взятый с развалин гитлеровской имперской канцелярии¹⁶⁰.

Напротив, современная функциональная архитектура с ее гибкой пространственной пластикой зданий нацистами по преимуществу отвергалась (особенно при строительстве репрезентативных зданий) как разновидность «культурного большевизма»: Шарля Ле Корбюзье называли не иначе как «Ленин от архитектуры». Один из функционеров розенберговского КДК писал: «Новая

архитектура, живопись и пластика находятся в состоянии тяжелой болезни. Материализм, меркантилизм, коррупция — это символы современного варварства и разрушения, следствие отрешения от души, отрешения от крови, почвы и нации. Это планомерно наступает через марксистскую пропаганду и террор»¹⁶¹. Мнению лидера КДК и его сотрудников, однако, не следует придавать слишком большого значения — Гитлер не доверял их вкусам, а Геббельс часто делал всё наоборот. Гитлер вообще склонялся к тому, чтобы дать определенную свободу действий архитекторам — крупные заказы получал не один Шпеер (при всей своей усидчивости, всю работу сделать он не мог). Новое же поколение архитекторов и инженеров принесло деловитость, строгость и экономичность в выразительных средствах, рациональность и стремление к переменам. Последнее в полной мере выразил один из сотрудников Шпеера — Константин Гутчов — среди руин разбомбленного англичанами в 1944 г. Гамбурга: «Слова фюрера о том, что разрушенные города должны восстать из пепла, вдвойне справедливы по отношению к Гамбургу. Подавляющего большинства строений вовсе не жаль»¹⁶². Модернизация, привнесенная новым поколением архитекторов, не прошла мимо массового жилищного строительства — язык ясных форм и четких линий, новые материалы. После войны в архитектуре жилых кварталов сохранилась полная преемственность нацистским временам¹⁶³. Знатоки указывают на то, что при нацистах имела место не диктатура в эстетической политике, но скорее конвергенция различных архитектурных направлений, часто враждебных друг другу, то есть своеобразный архитектурный плюрализм¹⁶⁴. Как писал Шпеер, в архитектуре Гитлер не был доктринером: он понимал, что площадка для отдыха на автостраде не может походить на городское строение; ему никогда не пришло бы в голову, что фабричное здание следует строить в репрезентативном стиле; он мог восторгаться и зданием из стекла и бетона. Но постройки общественных зданий в государстве, которое ставит себе целью создать импе-

рию, должны были, по его мнению, носить определенный отпечаток¹⁶⁵.

Архитектурный плюрализм, кстати, особенно заметен на примере строительства мостов для знаменитых автобанов — всего их было построено 9000 (стоимость мостов составила треть всех расходов на автобаны). Некоторые мосты напоминали римские виадуки, другие были сделаны из стали и бетона и выглядели совершенно модернистски, а один из мостов через Рейн вообще был стилизован под средневековые крепостные сооружения. Нацисты так и не смогли удовлетворительно разрешить противоречия между враждебной современности реакционной идеологией и современным индустриальным государством, между дикой расовой утопией и высокой технологией. В итоге они склонялись, как правило, к прагматическим решениям или явным компромиссам. Если итальянские фашисты были более открыты техническому и эстетическому модерну, то нацисты в силу идеологической ригидности не смогли полностью воспринять и интегрировать динамику модерна; заметно, однако, что они к этому стремились — архитекторы, близкие к розенберговскому КДК, никогда не были доминирующей группой, и даже идеи «Баухауса» не отвергались полностью, но подвергались анализу, отбору и фильтрации; существовало много возможностей взаимовлияния и в эстетическом, и в личном, и в концептуальном отношении. Немецкая архитектура (кроме репрезентативных зданий) и после 1933 г. продолжала оставаться разнообразной, никакого заметного разрыва в традиции не произошло. Радикальный архитектурный авангард после 1933 г. оказался не у дел, но и ригидных типов из среды почвенников-фелькише тоже не очень жаловали, а главу этого направления, профессора Шульце-Наумбурга, Гитлер весьма низко расценивал как профессионала. В фаворе у Гитлера были архитекторы старшего поколения, и прежде всего Пауль Людвиг Троост, который еще в 1929 г. перестроил мюнхенский аристократический особняк в «коричневый дом», спроектировал «Дом немецкого искусства» (завершенный уже

после его смерти в 1937 г.). В этом строении очевидно обращение архитектора к античности и классицизму XVIII—XIX вв., особенно к наследию Карла Шинкеля (1781—1841). Современные стальные и бетонные конструкции здания музея скрыты облицовочным мрамором и известняком. Профессиональный авторитет этого художника для Гитлера был столь велик, что после смерти Троста его вдова долгое время выступала в качестве архитектурного советника фюрера.

Следует еще раз подчеркнуть, что параноидальный архитектурный монументализм Гитлера относился исключительно к общественным зданиям, но не ко всей архитектуре в целом. У Гитлера был бесспорно специфический, но довольно развитый архитектурный вкус, и он обладал определенным художественным чутьем, не позволявшим ему заходить слишком далеко. Поэтому нет никаких оснований считать, что архитектурный модерн был совершенно изгнан из немецкой архитектуры вместе с его носителями, в большинстве своем уехавшими в эмиграцию. В зданиях, не имеющих культового идеологического значения, возможно было использование самых передовых архитектурных приемов, которые обычно официально клеймили как «архитектурный большевизм»; часто политика в сфере архитектуры и культуры вообще обосновывалась не идеологически, а прагматически. Не имел шансов только экстремальный архитектурный авангард, как, впрочем, и замшелый почвенно-фелькише идиллический стиль, просто копирующий старину, особенно в деревенских строениях. Современная функциональная архитектура школы «Баухауса», как уже указывалось выше, отвергалась нацистами как «архитектурный большевизм», но потребности технической эстетики объективно требовали соответствия новых материалов (стекла, бетона, стальных конструкций) и новых форм. Гитлер это чувствовал, и когда Розенберг протестовал против строительства из стекла и бетона нового здания компании АЭГ, считая, что это испортит вид города, фюрер отверг эти опасения¹⁶⁶. На самом деле функциональный модернизм

все более теснил архитектурный традиционализм замшелых почвенно-фелькише культурных представлений. Из стекла, бетона и стальных конструкций архитекторами Бреннером и Дойчманом было построено здание Немецкой испытательной станции воздухоплавания (1936 г.) в Берлине, завод «Фольксваген» в Фаллерслебене (1938 г.); он задумывался нацистами как самый большой и красивый автомобильный завод мира.

Показательным примером архитектурного планирования в Третьем Рейхе был самый современный город в тогдашней Германии — Гамбург. Нацисты хотели превратить Гамбург в «символ Третьего Рейха», в «визитную карточку» для иностранцев. Планировалось полностью перестроить набережные Эльбы, построить высотные мосты, дом для размещения гауляйтера и его аппарата высотой в 250 метров. Гамбург должен был стать для Германии «окном в мир». Архитектор Гутчов разработал концепцию, которая пришлась по душе нацистскому руководству: она сводилась к организации и структурированию «группы строений как ячейки поселения» (*Ortsgruppe als Siedlungszelle*). По представлению Гутчова, большой город будущего — для преодоления разобщенности и сохранения чувства общности людей — должен состоять из хорошо внутренне организованных и структурированных общностей по 6—8 тыс. человек в каждой. Эти общественные ячейки должны были составлять как коммунальную, так и культурную общность. Генеральный план застройки Гамбурга (1944 г.) предусматривал восстановление города на новых началах; этот план имел много общего с восстановительным планом 1947 г.¹⁶⁷ В Гамбурге была предпринята серия «санаций» и широкая кампания составления картотек на всевозможные асоциальные группы: на «несостоятельные в экономическом отношении семьи» (*unwirtschaftliche Familien*), на тунеядцев, уголовников, проходимцев, мошенников, дебоширов и пьяниц. Для планирования и осуществления «санаций» использовали даже итоги выборов: районы с высокими показателями

симпатий к СДПГ и КПГ подлежали особой пропагандистской обработке, а если понадобится, то и «санации».

Итак, одномерная картина нацистской архитектуры и требований к ней не является адекватной: на самом деле существовал довольно большой стилевой плюрализм, обусловленный предназначением построек.

Изобразительное искусство и его место в культурной политике нацистов

Сразу по приходу к власти — в противовес «дегенеративному» изобразительному искусству авангарда — нацисты создали «Передвижную выставку чистого немецкого искусства»; некоторое время она путешествовала по городам Германии. Выставка вызвала интерес публики. Организаторы ее твердили, что лейтмотивом творчества должны быть сила, здоровье, красота, воинственность и мужественность, а проявления декадентства должны безжалостно искореняться. Именно по этой причине в нацистские времена на первый план вышла живопись, которая в период Веймарской республики находилась в тени — академический реализм с опорой на классические образцы. Шпеер неоднократно подчеркивал, что высшей точкой развития живописи Гитлер считал конец XIX в., но его оценки изобразительного искусства этого периода «иссякали на подступах к импрессионизму, тогда как натурализм какого-нибудь Лейбля или Тома вполне соответствовал его художественному вкусу»¹⁶⁸. Картины современных нацистских художников Гитлер покупал часто, но ценил немногих. В отличие от Сталина и Муссолини, Гитлер не полностью отвергал абстракционистскую живопись, хотя Вернер Мазер писал, что именно в живописи Гитлер придерживался консервативных ориентиров более, чем в других искусствах¹⁶⁹. Любимым немецким художником Гитлера был пейзажист и график эпохи Возрождения, глава дунайской школы Альбрехт Альтдорфер (1480—1538). Именно поэтому в нацистской иерархии мастеров

изобразительного искусства работавший под Альтдорфера художник Вернер Лайнер занимал особое место¹⁷⁰.

Впрочем, гонения на «передовое искусство» не были постоянными и последовательными: авангард, ориентированный на нацистов («нордический экспрессионизм»), первоначально находился «под крышей» Геббельса; эти художники основали группу «Север» (*Der Norden*) и издавали журнал «Искусство нации», который, однако, был закрыт уже в 1935 г. В апреле 1934 г. в галерее Фердинанда Мёллера в Берлине было выставлено 60 акварелей и литографий Эмиля Нольде, в ряде немецких городов прошли выставки Файнингера и Шмидта-Ротлуфа. Хотя Розенберг побуждал министра внутренних дел Фрика закрыть выставку в галерее Мёллера и демонстративно выставил у входа караул СС — все было напрасно: выставка продолжала работу. Шпеер писал, что «французские авангардисты располагали большей свободой, чем их немецкие коллеги. Во время войны парижские осенние салоны были заполнены картинами, которые в Германии считались «вырожденческим» искусством»¹⁷¹.

Симпатии к авангарду наиболее влиятельного функционера в сфере культурной политики — Геббельса — объясняются тем, что он сам находился под сильным влиянием «стальной романтики», экспрессионистские и футуристические истоки которой очевидны¹⁷². Проводниками этой политики были сотрудники Геббельса Отто Шрайбер и Ганс Вайдман (он возглавлял в Минпропе отдел изобразительных искусств и был поклонником Нольде, мистически экзальтированное творчество которого было построено на резкой деформации и контрастах насыщенного цвета). Оба эти сотрудника Геббельса вызывали особенную ненависть у Розенберга, который настоял на их увольнении, но Геббельс пристроил их в ДАФ, в котором было Ведомство культуры во главе с человеком Геббельса — Хорстом Дресслером¹⁷³. В рамках этого ведомства Шрайбер и Вайдман продолжали выставочную кампанию авангардистских художников, несмотря на протесты Розенберга, который жаловался, что

«бесформенная и безобразная» КДФ (подразумевалось Ведомство культуры) как мазутное пятно по поверхности воды расплзается по Германии. До войны было проведено несколько сотен закрытых выставок на фабриках и заводах. Розенберг однажды даже назвал Шрайбера «Отто Штрассером от искусства»¹⁷⁴.

В 1943 г. Геббельс в пику Розенбергу распорядился выставлять в рамках закрытых художественных выставок для рабочих на различных предприятиях картины того же Нольде, Барлаха и Шмидта-Ротлуфа¹⁷⁵; представителей «нордического экспрессионизма». Судьба Карла Шмидта-Ротлуфа (1884—1976) интересна и показательна: в свое время он — в качестве протеста против эклектики и невыразительности югендштиля и импрессионизма — основал знаменитое объединение «Мост». На него постоянно нападали розенберговский «Союз борьбы за немецкое искусство», но благодаря Геббельсу с 1937 г. он иногда выставлялся (преимущественно с натюрмортами и резьбой по дереву). В том же 1937 г. 608 (!) его работ было изъято из музеев; 55 из них выставлялись на знаменитой мюнхенской выставке «вырожденческого искусства». В 1941 г. он был исключен из Палаты изобразительных искусств, но друзья тем не менее продолжали поставлять ему краски и холст.

Высшей точкой споров об экспрессионизме (и одновременно пиком достижения находившейся под покровительством Геббельса группы художников «Север») стала выставка итальянской футуристической «воздушной живописи» (*Aeropittura*) в бывшей галерее Флехтхайма (Берлин) в марте 1934 г. В «Почетный комитет» по организации этой выставки входили: сам Геббельс, президент Имперской палаты изобразительного искусства профессор Ойген Хониг (директор Берлинской национальной галереи), близкий друг Гитлера Эрнст Ханфштенгл, примкнувший к нацистам сын бывшего кайзера Август Вильгельм Гогенцоллерн («Ауви»), а с итальянской стороны — глава и теоретик футуризма Филиппо Маринетти (1876—1944) и итальянский посол в Берлине Чарутти.

Открытие выставки сопровождалось скандалом: в партийной газете Розенберг обвинил итальянских футуристов в «культурном большевизме»¹⁷⁶. До судилища над современным искусством дело не дошло только по соображениям «политкорректности» перед итальянским фашизмом. Журналист Рудольф Блюмнер сравнивал итальянских футуристов с немецкими абстракционистами: на его взгляд, обоим течениям в живописи удалось передать дух эпохи. С итальянской стороны выступал Руджеро Вазари, который назвал стремление представить футуризм большевистским искусством «фальсификацией истории искусства». Вазари даже процитировал Гогена: «В живописи может быть либо революционная манера, либо плагиат». При этом он сослался на Муссолини, требовавшего, чтобы «новому государству, новой национальной общности соответствовало и новое искусство». Искусствоведческие журналы Германии также приветствовали выставку¹⁷⁷. Гитлер об этой выставке не высказывался.

Несмотря на выставку нового итальянского изобразительного искусства, нацисты продолжали потворствовать традиционным вкусам публики и спекулировать на них: 31 мая 1935 г. был опубликован «Закон о конфискации произведений дегенеративного искусства», в соответствии с которым конфискации подлежали произведения еврейских художников или картины, посвященные еврейским темам, картины абстракционистов, экспрессионистов, картины пацифистского направления (например, Отто Дикса), картины, посвященные марксистским сюжетам, а также картины, изображающие «неэстетические фигуры». В общей сложности из немецких музеев было конфисковано 16 тыс. единиц хранения. Эта акция коснулась даже таких уважаемых художников, как Брекер, Кольбе, Пайнер и Пипер, «дегенеративные» картины которых были конфискованы специальной комиссией во главе с президентом Имперской палаты искусств Адольфом Циглером. Комиссия разъезжала по музеям и выбирала для конфискации попавшие под запрет картины. Так, из Мангеймского музея было изъято 584 картины,

из Дюссельдорфского городского музея — 900, из Франкфуртской городской галереи — 496, из Силезского музея в Бреслау — 560, из Штутгартской галереи — 283, из Хемницкого общественного собрания — 366, из Дрезденской городской галереи — 150, из Дрезденского музея — 381, из Дрезденского собрания гравюр — 365 работ, из Гамбургского дворца искусств — 983, из Гамбургского музея ремесел — 269 картин¹⁷⁸. Судьбы картин были разные: большинство их хранили в запасниках, некоторые были проданы за границу, например, 20 июня 1939 г. на аукционе в швейцарском Люцерне продали несколько картин Пикассо, Брака, Дикса, Марка, Нольде и Шагала, всего на 750 940 швейцарских марок. Значительную часть оставшихся картин 20 марта 1939 г. Геббельс приказал сжечь во дворе Берлинской брандвахты: 1004 картины маслом и 3825 акварелей, рисунков и графики — работы Шагала, Нольде и Шмидта-Ротлуфа. 27 мая 1943 г. на террасе Тюильри в Париже нацисты сожгли около 500 картин современных художников из собраний французских евреев — Ротшильдов, Леви Эрмана и Швоба Эрико; сгорели картины Пабло Пикассо, Фернана Леже, Пауля Клее, Макса Эрнста, Франсиско Пикабия и других¹⁷⁹.

Директора музеев ориентировались на живопись и скульптуру XVII—XIX вв. и на вкусы бюргеров, поэтому попавшие в струю нацистских вкусов художники выставлялись преимущественно на выставках, не попадая в музеи. Правда, на выставках картины продавались — отсюда и расцвет портретного жанра: нацистские бонзы просто вынуждены были покупать собственные портреты...

Первая «Большая немецкая художественная выставка» открылась 18 июня 1936 г. в специально отстроенном для этого «Доме немецкого искусства» в Мюнхене (это здание горожане называли «смесью Кремля и Афинского вокзала»); открытие выставки сопровождалось костюмированным шествием под девизом «2 тысячи лет немецкому искусству». В шествии приняли участие около 500 всадников и тысячи одетых в костюмы разных эпох мужчин и женщин. На выставке доминировали героичес-

кий реализм и традиционные для XIX в. жанровые сцены. Из 900 произведений живописи, графики и скульптуры «арийских» художников 40% составляли немецкие ландшафты, затем — портреты расово безупречных типов крестьян, женщин и спортсменов (20%), портреты определенных людей (15,5%), животные (10%) и натюрморты (7%). Художники стремились показать «типичного немца»; с тем чтобы продемонстрировать его выправку, силу, энергию и способность на героизм, его почти всегда изображали стоящим. Сюжеты картин с крестьянскими семьями демонстрировали спартанскую простоту сельской жизни, здоровье, крепких и босоногих крестьянских девушек и парней. Не было ни одной картины с изображением машин, моторов и фабрик, а в качестве орудий труда фигурировали плуг и коса, прялка и молот. Даже в картине о строительстве моста через Дунай художник ограничился изображением мускулатуры рабочих, но не машин и технических приспособлений. Казалось, что в новой Германии преобладают ослиные и воловьи упряжки, а на производстве главную роль играет мускульная сила. На картинах мирные люди передвигались пешком, солдаты в войну — верхом. Урбанистические мотивы отсутствовали вовсе, если не принимать во внимание изображения маленьких средневековых городков.

После посещения «Большой немецкой художественной выставки» 1937 г. Геббельс записал в дневнике: «Художественный уровень не особенно высок, но все же я купил пару картин и скульптур». В 1938 г. он же отметил: «уровень разный..., много китча»¹⁸⁰. Даже штатный художественный критик партийного печатного органа Роберт Шольц вынужден был прибегать к избитым формулировкам, чтобы скрыть бессодержательность и низкий художественный уровень официального искусства.

В 1936 г. в Мюнхене, неподалеку от «Большой немецкой художественной выставки», открылась упомянутая в начале раздела экспозиция «вырожденческого искусства», которая привлекла 2 млн посетителей — в два раза больше, чем выставка «арийского» искусства: дело в том,

что среди «вырожденцев» фигурировали такие мастера, как Бекманн, Кирхнер, Клее, Дикс, Грос, Кокошка и Кандинский. Эти имена и объясняют огромную разницу в посещаемости одной и другой выставок.

Один из самых фанатичных приверженцев КДК, министр внутренних дел Вильгельм Фрик приказал удалить из музеев все произведения с «большевистским и космополитическим смыслом», а в отдельных городах по его же приказу создавались — по образцу выставки «вырожденческого искусства» — комнаты «страшилок» от псевдоискусства (*Schreckenskammern der Kunst*) или даже «кабинеты музыкальных нелепостей» (*musikalische Schauerkabinetten*)¹⁸¹. На этих выставках экспозиция подбиралась по темам, а на указателях было написано: «так видят природу душевнобольные», «немецкие крестьяне глазами евреев», «осквернители немцев-героев войны», «насмехательство над немецкими женщинами»¹⁸².

Во время войны изобразительное искусство было поставлено нацистами на службу воспитания и культивирования патриотических ценностей. Для этого в сентябре 1940 г. ОКВ создал в Потсдаме собственный отдел пропаганды, в котором были задействованы и художники во главе со знаменитым немецким баталистом, получившим известность еще в Первую мировую войну, Луитпольдом Адамом. Нацистское руководство он вполне устраивал, так как был членом партии с 1932 г.¹⁸³ После войны американский искусствовед (в войну он служил в ВВС) Гордон Гилки (*Gordon W. Gilkey*) собрал коллекцию немецкой батальной живописи и каталогизировал ее — 8722 единицы картин, акварелей, рисунков. В декабре 1946 г. во Франкфурте-на-Майне он даже смог организовать выставку для американской прессы и военных. В качестве военных трофеев эти картины затем переехали в США¹⁸⁴. По решению американского конгресса от 1982 г. остатки этого собрания (300—400 картин), а в 1986 г. еще 6250 произведений нацистского искусства были переданы ФРГ — таков был итог американской реституции по отношению

к ФРГ. Среди этих работ немало выразительных вещей, оставляющих необыкновенно яркое впечатление. Долгое время после войны историки искусства занимались преимущественно «вырожденческим» (в нацистских терминах) искусством, лишь в 1974 г. в ФРГ была устроена большая выставка официального искусства Третьего Рейха. Вскоре после этого и начались попытки по-новому оценить этот период в развитии искусства, в котором были произведения, отражавшие дух времени и помогающие составить о нем более полное представление.

***

Нацистские идеологические акценты и интенции проще было выразить в скульптуре, чем в живописи: по причине специфики скульптурных выразительных средств и их более значительных возможностей в декоративности и монументальности — то есть в самых востребованных нацистами качествах. В скульптуре, например, легче было реализовать нацистскую мономанию обнаженного тела, представить ее более осязаемо и монументально. Упомянутую нацистскую мономанию историки искусства видят в отношении к обнаженной женской натуре исключительно как к сексуальному объекту. Обнаженные женские натуры имели функцию подчеркнуть господство мужчин: женские «ню» всегда представляли собой стоящие фигуры; полностью открытые взору, беззащитные, они не содержали никакой тайны, в этих образах не было ничего недоступного¹⁸⁵. Они представляли и сексуальным объектом, и богинями победы — превращенные в камень идеальные тела, притягательные и отчужденные, одновременно и аллегория победы и желанный символ продолжения рода немецкой нации. Столь же «функциональными» были и мужские скульптурные фигуры, призванные олицетворять определенные ценности: так, в Мюнхенском университете стоял памятник студентам, погибшим в Первую мировую войну, с надписью на латыни «*invictis victi victuri*»¹⁸⁶. Эта обнаженная мужская фигура была подражанием знаменитому «Копьеметателю»¹⁸⁷

древнегреческого скульптора V в. до нашей эры Поликлета из Аргоса.

В Германии до нацистов работал целый ряд крупных мастеров скульптуры (Климш, Кольбе, Шайбе) — они и до основания Третьего Рейха настойчиво искали возможности выражения героического в монументальных формах. В нацистские времена наиболее крупными скульпторами были Арно Брекер и Йозеф Торак. Оба они остались востребованными и после 1945 г. На самом деле сложно упрекнуть в «фашистской» обнаженное человеческое тело, которое нацистские пропагандисты активно использовали для символически-аллегорического выражения природы своей идеологии, своих политических целей, для эмоциональной мобилизации. Слова Гитлера «все слабое должно быть вычесано и вычищено» нацистские скульпторы восприняли буквально: бронированная анатомия скульптур Торака, неестественная натуральность Брекера, стилизация скульптурных фигур или групп под героическое, возвышенное, совершенно несоизмеримое по своим масштабам с человеческим. Эта монументальность имела свою функцию; так, Гитлер сказал Брекеру: «Если даже немецкий народ исчезнет и о немцах никто ничего не будет знать, тогда за них будут говорить камни». Еще точнее на открытии выставки Арно Брекера в Париже эту мысль выразил министр просвещения режима Виши Абель Боннар: «Эти скульптуры дадут городам такие возвышенные и прекрасные фигуры, которые необходимы им и как люди из плоти и крови. Различие между этими обитателями городов в том, что скульптурные фигуры Брекера видят горизонты веков, а людям доступны лишь горизонты их буден»¹⁸⁸. Некоторые из этих колоссальных фигур сохранились: в городке Эберсвальде-Финов на спортплощадке советской воинской части стояли скульптуры Брекера «Вестник» и «Призыв» (в окружении лошадей, изготовленных скульптором в 1939 г. для садовой стороны рейхсканцелярии). Там же находились две женские фигуры — «Олимпия» и «Галатей» — произведения скульптора Фрица Климша. В Смо-

ленске в городском парке автор видел превосходную бронзовую статую, представляющую собой увеличенную анатомическую копию оленя, которая (по словам местных краеведов) каким-то образом попала после войны в Россию из нацистской Германии. Эта статуя также предназначалась для украшения административного здания.

В общем, несмотря на тенденцию в сторону фашистской идеологии, о полной стилизованной унификации изобразительного искусства в Третьей Рейхе говорить не приходится.

Место музыки в нацистской мобилизации общества

«Тот, кто хочет понять национал-социализм, должен знать Вагнера».

(А. Гитлер)

«Музыка — это нечто неповторимое, однократное, моментальное, но она сохраняет культуру человечества, одаряет и осчастливляет нас своими богатствами. Без Германии, без ее великих музыкантов современный музыкальный репертуар немислим, немислима вообще современная музыка».

(Й. Геббельс)¹⁸⁹

Если в русской культуре превыше всего ценят литературу (Томас Манн говорил о ней как о «священной русской литературе»), то в немецкой культуре венцом искусств, выражением самых больших глубин немецкой души, самым возвышенным и благородным видом искусства считалась музыка. На музыкальном фестивале в Байрейте Геббельс сказал, что Германия — страна классической музыки¹⁹⁰. В 1940 г. СД передавала, что партийные меры по возрождению домашнего музицирования нашли широкую поддержку у немцев, хотя музицирование это более распространено в крупных городах, а в провинции продолжают отдавать предпочтение эстрадной музыке¹⁹¹.

Нацисты стремились четко отделять немецкую музыку от ненемецкой, более того — музыку агрессивно-националистического толка от «всякой» прочей. Как среди писателей и публицистов был список нежелательных персон, произведения которых были запрещены, так же были и нежелательные композиторы, писавшие атональную, поэтому — с точки зрения нацистов — «извращенную» музыку: Альбан Берг, Ханс Эйслер (он был близок к коммунистам, Пауль Дессау (по причине сотрудничества с Брехтом), Эрнест Блох (по причине еврейского происхождения), Эрнст Кшенек (музыкальный авангардист, использовал додекафонию, сериальность и алеаторику), Франц Шрекер (сторонник музыкального экспрессионизма), Арнольд Шёнберг (мэтр атональной музыки).

До прихода нацистов к власти в Германии было два центра искусства — модернового и традиционного — Берлин и Мюнхен. Нацисты оттеснили модерн, и на первый план выдвинулась ранее прозябавшая на задворках жанровая живопись, хотя еще в период Веймарской республики модерн в изобразительном искусстве стал привычным и прижился в общественном сознании. Другое дело — серьезная музыка: экспериментальные формы музыки (не только атональной) натолкнулись практически на единодушный фронт общественности еще в Веймарские времена. Нацисты, разумеется, использовали эти негативные настроения публики для гонений на «еврейскую вырожденческую музыку». Пауль Сикст и Ганс Зеверус Циглер в рамках имперского съезда музыкантов в Дюссельдорфе в 1938 г. организовали по образцу выставки «Вырожденческое изобразительное искусство», проведенной за год до того, собственную выставку «Вырожденческое музыкальное искусство»¹⁹². Но несмотря на все усилия, ни одному музыкальному произведению, созданному в Германии в 1933—1945 гг., не суждено было войти в сокровищницу национального музыкального наследия, за исключением «Арабеллы» (1933 г.) Рихарда Штрауса. Впрочем, и вещи, написанные в годы Веймарской республики, ожидала такая же судьба (опять же кроме некоторых произведений того же Штрауса).

Исполнение произведений всех старых композиторов еврейского происхождения было запрещено; это касалось даже столь крупных композиторов, как Феликс Мендельсон-Бартольди (основатель первой немецкой консерватории), Джакомо Мейербер (создатель жанра большой героико-романтической оперы), Камиль Сен-Санс (один из основателей французского Музыкального общества). Такой же «чистке» подверглась и легкая музыка: в списки нежелательных персон попали еврей-авторы оперетт — Имре Кальман, Жак Оффенбах (основоположник жанра оперетты), а также «арийские» композиторы — Франц Легар (венгр по происхождению) и Эдуард Кюннеке (за «легкомысленность»). Любимая Гитлером оперетта Легара «Веселая вдова» (1905 г.) подверглась обработке в нацистском духе. Однако «Веселая вдова» благополучно живет в репертуаре и ныне, а из произведений опереточных авторов 30—40 гг. ни одно не пережило 1945 г. Легкая музыка не исчерпывалась опереттами; к популярной музыке (в современном смысле) можно причислить и многочисленные шлягеры из музыки и песен к кинофильмам¹⁹³. Вообще с развитием радио развлекательная музыка неожиданно заняла в искусстве довольно значительное место. Если в 1926 г. насчитывалось около 1 млн радиослушателей, то в 1939 г. их было уже 12 млн (!)¹⁹⁴ Радио, таким образом, становилось центральным пропагандистским фактором, которому должна была подчиниться и музыка. Доля музыки в радиопередачах колебалась между 57% (1933 г.) и 69% (1938 г.). Более точные статистические данные указывают, что эстрадная легкая музыка (без опер, классической и духовой музыки) составляла в 1938 г. 45% программного времени, летом 1943 г. она составляла даже 70% от всего времени трансляции¹⁹⁵. Таким образом нацисты старались смягчить неудовольствие слушателей от надоедливой военной пропаганды, а также отвлечь внимание от вражеских радиопередач. При этом нацистские пропагандисты клеймили популярные в те годы свинг или джаз как музыку «чуждую, негритянскую, дегенеративную». С этой критикой в обществе

считались, но она не была эффективной. 12 октября 1935 г. директор немецкого радио Хадамовски (*Hadamovsky*) объявил о введении контроля над танцевальной музыкой, что должно было привести к полному вытеснению джаза¹⁹⁶. Ограничения касались прежде всего передатчиков, работающих для солдат на фронте. Однако все свелось лишь к запрету самого слова «джаз»: его стали именовать «подчеркнуто ритмическая музыка», но слушали все больше, обходя таким образом запреты¹⁹⁷. Вкусы не так-то просто было переделать, и нацистам порой приходилось идти на поводу у народа. 15 января 1936 г. Геббельс записал в дневнике, что Америка хоть и некультурная страна, но в чем она бесспорно преуспела, так это в технике и в кино. Музыкальный фильм «*Broadway-Melody*» вызывал у министра пропаганды восхищение темпом и динамикой, которым, как он считал, следовало поучиться¹⁹⁸. Свободно продавались ноты и пластинки с музыкой из этого знаменитого фильма, хотя свинг и джаз считались в нацистской Германии запрещенными.

Оказались в списке гонимых и дирижеры и инструменталисты еврейского происхождения — Лео Бек, Отто Клемперер, Бруно Вальтер (крупнейший интерпретатор Бетховена), скрипач Яша Хейфец, польская пианистка Ванда Ландовска, пианист Артур Шнабель, тенор Рихард Таубер¹⁹⁹. Все они лишились возможности выступать в Германии. Большие трудности испытал, однако, и «ариец» Пауль Хиндемит, являвшийся к тому же ярким представителем немецкого неоклассицизма; в 1938 г. он вынужден был покинуть страну. Дело в том, что в 1934 г. Вильгельм Фуртвенглер (маститый немецкий дирижер) взялся дирижировать симфонией Хиндемита «Художник Матисс». Музыкально образованный Геббельс был восхищен симфонией, но для ригидного и неразвитого окружения Розенберга музыка Хиндемита стала «знаменем развала и разложения». Дело дошло до скандала, который удалось замять с большим трудом. Гитлер, смущенный некоторыми необычными приемами постановки, выска-

зался об опере негативно: это фактически означало запрет. 25 ноября 1934 г. Фуртвенглер опубликовал в «Дойче альгемайне цайтунг» статью в защиту Хиндемита, но мнение Гитлера было решающим²⁰⁰. После этого Фуртвенглер, опасаясь конфликта, решил сложить с себя полномочия дирижера, а Хиндемит в 1938 г. эмигрировал. Несмотря на нападки на со стороны Розенберга и КДК, 25 июня 1934 г. Геббельс в циркуляре Имперскому управлению радио назвал Пауля Хиндемита «самым значительным музыкальным дарованием среди современных немецких композиторов». Вильгельм Фуртвенглер говорил, что в условиях огромного дефицита композиторов в мире отказываться от такого крупного дарования нет никакого резона. Впрочем, в случае с Хиндемитом Геббельсу пришлось уступить Розенбергу, но это поражение он впоследствии компенсировал в других сферах²⁰¹.

После войны одних немецких музыкантов слишком легковесно обвинили в коллаборационизме, а других слишком быстро освободили от всякой ответственности. К первой категории принадлежали Ганс Кнаппертсбуш, Карл Бём, композиторы Вернер Эгк, Карл Орф, а ко второй — Клеменс Краус и Герберт фон Караян. Карл Орф, без сомнения, принадлежал к самым крупным музыкантам и композиторам Третьего Рейха, и для многих он стал олицетворением пронацистской ориентации. Критики Орфа утверждали, что сенсационный успех его главного произведения — «Кармина Бурана» (1937) — следует приписывать исключительно поддержке Гитлера²⁰². С другой стороны, в 1966 г. в Израиле автора «Кармины Бураны» представляли на премьере как убежденного антифашиста. Биографы Эгка и Орфа пришли к единодушному выводу, что ни тот ни другой никакого отношения к нацизму не имели и не могут быть обвинены в сотрудничестве с режимом. Более того, из-за ораторий и песен на стихи Брехта (в период Веймарской республики) у Орфа был конфликт с нацистами. И кумира Орфа — Стравинского, и его самого розенберговский КДК считал «апостолами декадентства». Сейчас музыковеды считают, что

наиболее яркое и известное произведение Орфа — «Кармина Бурана» — было инспирировано хореографической кантатой Стравинского «Свадебка», ее своеобразным музыкальным языком, сочетающим внешне грубоватую, «элементарную» ритмику и мелодику с тщательной отделкой деталей. Орф смог по-новому «озвучить» средневековую ораторию и создать произведение величественной «статичной архитектоники». Отклики на «Кармину Бурану» были восторженными²⁰³. Орф жаловался, что значительным препятствием для публикации «Кармины Бураны» был латинский язык; переводить же ее на немецкий он не захотел: нацисты сочли бы текст порнографическим.

Еще более известным композитором был Рихард Штраус (1864—1949). Сначала его назначили президентом Имперской палаты музыки, но потом, — несмотря на то, что великий композитор склонялся к желательному для нацистов музыкальному неоклассицизму, — у него начались трудности с режимом. Разрыв с нацистами произошел не по музыкальным, а по политическим причинам: опера Штрауса «Молчаливая женщина» из-за еврейского происхождения автора либретто (Стефан Цвейг) после первой же постановки в 1934 г. была снята (хотя Гитлеру она понравилась). Все дело было в конфликте между либреттистом и композитором: Цвейг обвинил Штрауса в сотрудничестве с нацистами. Штраус в раздражении написал Цвейгу: «Для меня народ существует лишь в тот момент, когда он становится публикой. Будь то китайцы, баварцы или новозеландцы — мне это безразлично, лишь бы платили за билеты. Кто Вам сказал, что я интересуюсь политикой? Потому что я президент Палаты музыки? Я принял этот пост для того, чтобы избежать худшего; и я бы принял его при любом режиме, но этого мне не предлагали ни Вильгельм II, ни господин Ратенау»²⁰⁴. Гестапо узнало про это письмо. Штраус лично извинялся перед Гитлером, но пост свой покинул. Позже Цвейг переехал в Швейцарию, Штраус писал ему с просьбой о новом либретто, и гестапо вновь перехватило переписку. Потом обнаружилось, что у Штрауса был внук неарий-

ского происхождения. Узнав обо всем этом, Борман запретил членам партии общаться со Штраусом и конфисковал у него виллу в Гармиш-Партенкирхене в Баварских Альпах²⁰⁵.

Относясь к режиму лояльно, многие музыканты смогли сделать карьеру: в Третьем Рейхе их творчество было востребовано. Это относится к композитору Гансу Пфизнеру, пианистам Вильгельму Бакхаузу и Элли Ней, дирижерам Клаусу Бёму и Клеменсу Краусу: все они стали «звездами» и их часто приглашали на концерты, устраиваемые под эгидой КДФ. Именно в такой обстановке взошла звезда одного из самых крупных дирижеров Европы Герберта фон Караяна, который даже в Германии имел репутацию необычайно требовательного музыканта. Караян вступил в партию в 1933 г., поэтому его карьера первоначально не была отделена от политики: в 1941—1942 гг. он возглавлял второй в Германии (после Берлинского филармонического оркестра) симфонический оркестр — Прусскую государственную капеллу.

Игорь Стравинский (музыкант-авангардист, нежелательный для бонз Третьего Рейха, зато не скрывавший антисемитских и антикоммунистических взглядов) мог свободно выступать с концертами в Германии. Видный представитель музыкального экспрессионизма, глава новой венской школы, создатель метода додекафонии Арнольд Шёнберг сначала с разрешения властей много гастролировал в Италии. Но потом ситуация изменилась, и Шёнберг с огорчением узнал о лишении его немецкого гражданства: он был немецким националистом и верил в Третий Рейх так же свято, как и большинство немцев.

И все же, — активно используя вековую немецкую традицию придворной, светской и духовной музыки, — нацистам удалось создать в стране довольно благоприятные условия для распространения музыкальной культуры. Современные музыковеды отмечают, что в Германии в нацистские времена музыкантам оказывали совершенно беспрецедентную поддержку — финансовую и организационную²⁰⁶.

Ряд наблюдателей отмечает, что в нацистской Германии исполнительское искусство находилось на высоте. Профессионально была поставлена и популяризация классической музыки — благодаря кинофильмам, радиопередачам, многочисленным гастролям первоклассных оркестров. По приказу Гитлера на всех больших площадях Мюнхена в дни праздников должны были играть большие оркестры. Это, по его мысли, должно было показать, что большое и серьезное искусство принадлежит народу.

Все примечательные события в жизни Германии, праздники, военные парады получили свое, сразу узнаваемое лицо; интересно, что все военные части имели собственные марши, и их можно было отличить по музыке. Даже различные театры военных действий имели свои фанфары; особую роль играли «Русские фанфары» или «Победные фанфары» из прелюдий Ференца Листа — на радио эта музыка обычно сопровождала сообщения о победах и часто использовалась в документальном кино. Прозвучав первый раз в кинохронике 22 июня 1941 г., эта мелодия сразу стала ассоциироваться у немцев с Восточным фронтом. Русская эмигрантка, жившая в военные годы в Германии, вспоминает, что когда начиналась очередная сводка «Вохеншау», на экране появлялся огромный земной шар, «он крутился всегда под одну и ту же музыку — под “Прелюдию” Листа, и у меня эта музыка навсегда слилась с “Вохеншау”»²⁰⁷.

При больших торжествах обычно исполняли бетховенские увертюры «Кориолан» и «Эгмонт», часто исполняли 3-ю («Героическую»), 5-ю и 9-ю (с хором на текст «Оды к радости» Шиллера) симфонии Бетховена; популярна у нацистов была, несмотря на свое гуманистическое содержание, и его опера «Фиделио». 9-ю симфонию исполняли в заключительный день Берлинской Олимпиады. Гитлер отмечал свой день рождения прослушиванием 9-й симфонии, а ведь эта музыка противоречила духу нацизма в силу своего ярко выраженного гуманистического музыкального содержания и текста стихов Шиллера (финальная часть симфонии состояла из хоровой кантаты на текст

оды Шиллера «К радости» — впервые в истории музыки Бетховен синтезировал симфонический и ораториальный жанры). Можно сказать, что нацисты злоупотребили наследием Бетховена точно так же, как они злоупотребили наследием Ницше.

Особенно примечательна эволюция восприятия 9-й симфонии Бетховена, которая в прямом смысле слова отражала дух времени, и каждая эпоха стремилась идентифицироваться с этой гениальной музыкой. В 1835 г. один английский музыкальный критик предлагал сделать 9-ю гимном масонов Европы. Во время Первой мировой войны французский публицист Камиль Моклер (*Mauclair*) писал, что кантату «Ода к радости» нужно сделать гимном союзников, поскольку она наиболее полно отражает гуманные и возвышенные цели Антанты, а немцам следует запретить ее играть²⁰⁸.

В начале XX в. авангардисты нападали на Бетховена за то, что он «устарел», что «современная музыка развивается помимо его наследия», что он «скучен». Таким образом, Бетховен стал оплотом консервативных музыкальных вкусов (и для нацистов тоже), символом борьбы с «американизмом», с джазом. По приводу к власти Гитлер всегда подчеркнуто уважительно отзывался о Бетховене. Так, в ноябре 1934 г. в Веймаре отмечали день рождения Шиллера; во время празднования Ханс Пфицнер дирижировал 9-й в присутствии Гитлера. После посещения Гитлером могилы Бетховена ФБ писала: «немецкий гений XX в. склонил голову над могилой немецкого гения XVIII в.»²⁰⁹. Противники нацизма также высоко ценили 9-ю симфонию. Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» вложил в уста своего героя Андреаса Леверкюна слова: «9-я симфония — это символ всего ненацистского, что еще осталось в Германии». Вместе с тем, в Аушвице эссовцы заставляли детский хор перед уничтожением людей петь «Оду к радости»²¹⁰.

Для нацистов Бетховен был квинтэссенцией романтизма XIX в., на наследии которого нацистские композиторы — эпигоны строили свои произведения. Чтобы усилить

впечатление от гениальной музыки, немецкая пианистка Элли Ней, представляя бетховенские вещи, стилизовала под Бетховена даже собственную прическу и выражение лица. Говорят, что это выглядело сентиментально и вычурно, но производило эффект²¹¹. А как отделить великие интерпретации Бетховена дирижером Берлинского филармонического оркестра в 1922—1945 гг. Вильгельмом Фуртвенглером от того, в какое время звучали его концерты? Героическая и возвышенная музыка Бетховена на самом деле легко ассоциируется с правыми подходами к политике, с напряженным и ревнивым национализмом. Помимо 9-й симфонии правые, — а затем и нацисты, — в качестве музыкального символа эксплуатировали 3-ю симфонию («Героическую», 1809 г.).

В 1947 г. И. Ф. Стравинский сформулировал девиз: «Бетховен без мировоззрения», однако 9-ю симфонию продолжали использовать в качестве политического символа. В 1952 г. кантата «Ода к радости» стала гимном объединенной немецкой (ФРГ и ГДР) команды на Олимпийских играх. В ГДР Бетховена провозгласили предтечей социалистического реализма. В 1970 г. немецкая и мировая общественность отмечала 200-летие со дня рождения Бетховена. В тот год вышла даже поп-версия «Оды к радости» Мигеля Риоса, разошедшаяся миллионным тиражом. В 1971 г. Совет Европы избрал «Оду к радости» (но без слов) гимном Европы²¹². За свою долгую историю 9-я превратилась в музыкальный фетиш Запада, переходя как эстафетная палочка то в одни, то в другие руки.

Нацисты пытались использовать в пропаганде и в эстетическом воспитании музыку Иоганна Себастьяна Баха: в 1945 г. нацистские пропагандисты устроили грандиозный праздник музыки Баха. За небольшой отрезок времени было проведено 70 концертов²¹³. Но музыка кантора церкви святого Фомы в Лейпциге не поддавалась столь же сильной идеологизации, как музыка Бетховена, Вагнера или Антона Брюкнера. Дело в том, что музыка Баха была очевидно несоединима с духом нацистского режима.

Фигуру Вагнера в Третьем Рейхе сделали символической. Гитлер не раз говорил, что черпал вдохновение в музыке Вагнера²¹⁴. Кстати было и то, что в год прихода нацистов к власти отмечалось 50-летие со дня смерти композитора (13 февраля). Гитлер воспользовался юбилеем для постановки грандиозной церемонии в Лейпциге; на ней присутствовали члены правительства, дипломатический корпус, крупные деятели культуры. Тысячи билетов распространили среди функционеров партии. Гитлер даже распорядился, чтобы специальные патрули собирали их по пивным и ресторанам²¹⁵. В последующие годы, особенно после партийных мероприятий, посещения оперы Гитлер сделал для своих соратников обязательными. Геббельс тоже приложил руку к формированию культа музыки Вагнера, хотя сам не был большим поклонником его творчества: он предпочитал камерную музыку.

Фюрер часто посещал дом Вагнера в Байрейте, где в ту пору жил сын композитора Зигфрид с женой Виннифред, англичанкой по происхождению, другом Гитлера. Они познакомились в 1923 г., и Гитлер произвел на нее неизгладимое впечатление. Виннифред и Гитлер называли друг друга не иначе, как *Wolf* и *Winni* и на «ты», что в окружении фюрера было большой редкостью. Гитлер считал ее хранительницей наследия великого композитора: она-де отвоевала Байрейт (центр фестивалей вагнеровской музыки) для НСДАП. На самом деле Виннифред сделала из Байрейта доходное и весьма процветающее предприятие — к 1944 г. состояние клана Вагнеров составляло 7 млн рейхсмарок. Политическую выучку Виннифред прошла у Хьюстона Стюарта Чемберлена, которым впоследствии зачитывались и нацисты²¹⁶. Виннифред принимала в своем поместье всех фашистских бонз; она категорически выступала против участия в концертах вагнеровской музыки музыкантов-евреев, что казалось антихристианским даже ее мужу-антисемиту Зигфриду. Зигфрид, несмотря на симпатию к Гитлеру, не проявлял охоты к политической активности и никогда не был членом партии. Виннифред, напротив, была старым членом НСДАП

(партбилет № 29349) и активной участницей розенберговского КДК²¹⁷. В 61 год, 4 августа 1930 г., Зигфрид Вагнер умер от инфаркта, и Виннифред стала главой клана. В завещании Зигфрид предусмотрел возможность брака Виннифред и Гитлера, в случае которого права на управление кланом переходили бы их детям. До войны Гитлер аккуратно посещал вагнеровский фестиваль в Байрейте и «виллу Виннифред», хозяйка которой наивно отговаривала его от войны с Англией. Гитлер называл Виннифред одной из самых выдающихся женщин современности. Ходили слухи, что Гитлер просил Виннифред содействовать визиту английского короля Эдуарда VIII на фестиваль в Байрейт в 1936 г. Виннифред Вагнер принимала участие в организации приема Муссолини в 1939 г. в Берлине и Мюнхене²¹⁸.

Она взяла на себя руководство фестивалем в Байрейте, и первым сезоном под ее руководством стал 1931г. Дальновидным ходом Виннифред было назначение художественным руководителем фестиваля генерального директора Прусского государственного театра Хайнца Титтена (*Heinz Tietjen*), протеже Геринга. В том же 1931г. Артуро Тосканини был заменен Вильгельмом Фуртвенглером. Только в 1934 г. — не без содействия Гитлера — Министерством пропаганды было закуплено билетов на сумму в 364 тыс. рейхсмарок, что покрывало треть дефицита фестиваля.

В вагнеровском театре в Байрейте висело объявление: «Личное указание канцлера! Фюрер настоятельно просит в конце представлений воздержаться от пения гимна Германии или “Хорста Веселя”. Нет более полного выражения немецкого духа и немецкой сущности, чем произведения великого мастера. Группенфюрер Брюкнер, адъютант фюрера»²¹⁹. Уже будучи канцлером, Гитлер ночами мог заниматься рисованием проектов декораций для вагнеровских опер. Гитлер прекрасно разбирался в масштабах и пропорциях сцены, он был в деталях осведомлен об осветительной технике; даже специалисты удивлялись его познаниям. Как-то Гитлер собрался уволить главного

оформителя Байрейтского фестиваля Эмиля Преториуса (*Emil Preetorius*) и заменить его на обладавшего более патетической манерой Бенно фон Арента, но Виннифред пропустила мимо ушей это пожелание фюрера, а он настаивать не стал.

В годы нацизма вагнеровский оперный фестиваль в Байрейте расцвел при всемерной поддержке Гитлера; Томас Манн даже называл Байрейт «гитлеровским придворным театром»²²⁰. Суждение великого писателя трудно полностью принять, так как фестиваль в Байрейте был (и остается) одним из феноменов современной европейской культурной традиции, местом паломничества истинных ценителей классической музыки. Уникальная и волшебная атмосфера праздника музыки и колоссальный престиж Байрейтского фестиваля сделали его образцом для подражания, а оперный театр, построенный по эскизам Вагнера, — одной из лучших оперных сцен мира с изумительной акустикой. В Байрейте выступали самые выдающиеся дирижеры и певцы современности. Знаток музыки Вагнера Ганс Майер подчеркивал, что «написать историю музыки Вагнера, его фестиваля — это значит написать во многих отношениях историю современной Германии, современного мира»²²¹. Последнее (при нацистах) представление в Байрейте состоялось 9 августа 1944 г.; правда, в военное время Гитлер не был ни на одном представлении²²².

Гитлер часто сравнивал Вагнера с Фридрихом Великим и Мартином Лютером. По всей видимости, именно благодаря Вагнеру Гитлер смог в полной мере ощутить и оценить уровень и накал духовной и творческой жизни Германии начала XX в., в атмосфере которой доминировали Ницше и Шопенгауэр. В Вагнере Гитлеру импонировало необычное сочетание эгоизма, цинизма и романтизма²²³. По словам Геббельса, в «сочинениях Вагнера сохранено все то, что обусловило и наполнило немецкую душу и дух нации. Эта музыка является гениальным обобщением и немецкой рассудочности и немецкой романтики, немецкой гордости, немецкого прилежания, немецкого

юмора, о котором говорят, что немец одним глазом смеется, а другим — плачет»²²⁴. Томас Манн также подчеркивал народный строй музыки Вагнера, его критику национального немецкого характера. Он писал, что в произведениях Вагнера содержится взрывоопасная смесь мифов и тонкой психологии, мощных и глубоких эмоций и первобытных страстей²². Его произведения утверждали и легитимировали все, что так любили нацисты и Гитлер: театральность, безмерно раздутая старогерманская мифология, стилизованная в возвышенно-героическом духе, иррациональная и обостренная мешанина ценностей фелькише и языческого предания. Все это было слажено величайшим композитором современности в его многочисленных оперных произведениях, прежде всего — в 18-часовой тетралогии (самое длинное произведение в истории музыки) «Кольцо Нибелунгов» («Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов»). Эта тетралогия была вдохновлена «Песней о Нибелунгах» — эпосом, написанным неизвестным миннезингером в конце XII в. Этой музыкальной драмой Вагнер собирался пробудить от сна немецкий народ. В последней части — в «Гибели богов» — речь идет о жажде золота, погрузившей Вальхаллу в пламя разрушения после битвы богов с людьми. Вагнер сам сравнивал «Гибель богов» с «трагедией современного капитализма перед лицом ростовщического иудейского разума». Согласно преданию, сон, следовавший за «гибелью богов», не был вечным. Пророчества гласили, что Хеймдалль, страж врат, однажды вновь протрубит в свой волшебный рог и вырвет германскую расу из смертельного оцепенения. Тетралогия, написанная в 1854—1874 гг., на взгляд идеологов нацизма, описывала борьбу германцев за золото, украденное уродливым карликом Альберихом, олицетворением еврейства. В его персоне якобы отражалась зловещая сущность капитализма.

Истинно германский герой — Зигфрид — пал жертвой коварного Хагена, олицетворявшего немецкую зависть, недоброжелательство и злобу. Разумеется, эти персонажи можно толковать и иначе: в конце концов, сюжет

оперы — это в значительной мере условность, главное — музыка. Кстати, в фильме немецкого документалиста Карла Риттера «Штукас» атака пикирующих бомбардировщиков была изображена под музыку из «Валькирии». Эта же музыка сопровождает знаменитый эпизод вертолетной атаки в фильме Копполы «Апокалипсис наших дней». Траурный марш из «Гибели богов» во время войны обязательно звучал по радио при известии о гибели какого-нибудь крупного военачальника. На ежегодном партийном съезде в Нюрнберге обязательно исполняли вагнеровскую оперу «Нюрнбергские майстерзингеры». В 1933 г. в предисловии к трансляции «Майстерзингеров» Геббельс сказал: «Эта опера долгое время соответствовала духовному состоянию немецкого общества: после 1918 г. мы часто воспринимали хорал «Пробудись» как предзнаменование грядущего пробуждения от глубокого сна нашего великого народа»²²⁶. Также нацисты использовали в пропаганде вагнеровскую оперу «Тангейзер», которая имела глубоко символическое значение для немецкого национального самосознания и идентификации. Действие оперы происходит в Вартбурге, где Лютер переводил на немецкий язык Библию; в 1817 г. «вартбургский праздник» стал символом немецкого стремления к единству. По преданию, именно в Вартбурге в XIII в. проводились состязания певцов, в одном из которых принимали участие фон Эшенбах и Вальтер фон дер Фогельвейде — самые известные миннезингеры немецкого Средневековья. Идею оперы «Тангейзер» Вагнер почерпнул у немецких романтиков: у Brentano, Гофмана и Гейне. Вагнер даже говорил о том, что сюжет и текст оперы можно считать народными²²⁷.

Разумеется, музыка Вагнера не содержала никаких «инструкций» и тем более провокаций: она принадлежит мировой культуре, продолжая вдохновлять исполнителей и меломанов все новыми открытиями и просторами, но первая послевоенная постановка оперы Вагнера в миланском *La Scala* сопровождалась протестами и антинацистскими выступлениями²²⁸, что, бесспорно, указывает на политизацию нацистами этой бессмертной музыки. Многие

до сих пор продолжают считать Вагнера «нацистским» композитором — это совершенно ложное убеждение: в музыке нет никаких точных указаний и нет никакой однозначности; музыкальное произведение — это не послание, запечатанное в бутылке и брошенное в море. Немецкий музыковед Ганс Галь писал, что «Кольцо Нибелунгов» это «одно из тех неисповедимых художественных созданий, перед которыми бессильно наше умение различать добро и зло, смысл и бессмыслицу, истинную и ложную мораль»²²⁹.

Политизация вагнеровской музыки, правда, была облегчена антисемитизмом самого Вагнера; Гитлер говорил, что он получал от Вагнера антисемитские импульсы²³⁰. По Вагнеру, всякая настоящая музыка должна иметь корни в национальной культуре, а поскольку евреи таковой не обладают, то не могут претендовать на участие в этом творчестве: однажды Вагнер сказал о музыке Джакомо Меербера (1701—1764), еврея по происхождению, что его музыка не лишена теплоты, но это тепло навозной кучи. С другой стороны, причиной вагнеровского антисемитизма могла быть критическая позиция еврейской музыкальной критики по отношению к его произведениям. Хотя знаток немецкого искусства Марсель Рейх-Раницки отмечал, что среди дирижеров вагнеровских опер удивительно много евреев: Герман Леви (дирижировал на премьере «Парсифаля»), Бруно Вальтер, Отто Клемперер, Леонард Бернстайн, Джордж Солти, Лорин Маазер, Даниель Баренбойм, Джеймс Левин²³¹. Это еще раз указывает на то, что сама по себе музыка нейтральна, ее политизируют люди.

Доказательством пропагандистской «инструментальности» вагнеровской музыки является то, что нацисты игнорировали его участие в революции 1848 г., и то, что Вагнер был по своим политическим убеждениям скорее анархистом, утопистом и социалистом, ненавидевшим роскошь и деньги (по крайней мере, в молодости), как отмечал Томас Манн²³². Свое неприятие немощи и слабости немецкого государства Вагнер компенсировал превознесением мощи, силы, власти и национальной гордо-

сти — этим ловко воспользовались нацистские пропагандисты. Антиподом Вагнера был Иоханнес Брамс, который стремился удержать классическую музыку в рамках традиции «абсолютной», непрограммной музыки перед лицом неоромантизма, одним из гениальных выразителей которого и был Вагнер. Хотя, с другой стороны, Вагнер, бесспорно, обогатил гармонический и мелодический язык музыки, открыл новые сферы музыкальной выразительности и неслыханные оркестровые и вокальные краски, ввел в обиход новые методы развития музыкальных идей; поэтому даже самые убежденные противники Вагнера, в том числе и Брамс, не отрицали его величия.

Кроме Вагнера и Бетховена, в программах концертов классической музыки при нацистах фигурировали произведения Брюкнера, Гайдна, Листа, Моцарта, Брамса, Шуберта, Шумана. Из современных немецких композиторов исполняли Штрауса, Пфицнера, Траппа, Дрансмана, Дресселя, Эбеля, Вайсмана. Иногда в репертуар включали и иностранных композиторов — де Фалью, Дебюсси, Равеля, Мусоргского, Бородина, Чайковского²³³.

В итоге следует еще раз подчеркнуть, что несмотря на значительные потери по политическим причинам, немецкая музыкальная жизнь в 1933—1945 гг. была как ни в какой другой период немецкой истории полноценной²³⁴. По крайней мере, можно уверенно утверждать, что никакого разрыва с прежней немецкой музыкальной традицией рассматриваемый период не принес и центрального положения музыкального искусства в немецкой культуре не изменил. В этом нет ничего удивительного, поскольку вклад немецких композиторов в мировую музыкальную культуру трудно переоценить, а нацисты поощряли чувство национальной гордости, не уставая подчеркивать и без того несомненный и очевидный немецкий приоритет в этой сфере искусства. К тому же, как и в прочих тоталитарных государствах, нацисты занимались вопросами культуры, щедро финансируя музыкантов, выделяя средства на создание новых оркестров, а также на их гастрольные концерты в провинциальных городах.

Что касается упомянутых ограничений на иные разновидности легкой музыки (джаз, к примеру) или на музыкальный авангард (атональную музыку), то оценить их воздействие на эволюцию немецкой музыкальной культуры трудно вследствие непродолжительности рассматриваемого периода.

Даже о музыкальной критике можно сказать, что в послевоенные годы очень переоценили значение нацистских гонений и запрета на музыкальную критику — запрет был незначительным. Крупные немецкие газеты по-прежнему вели квалифицированные и детальные музыкально-критические разделы, выходили и специальные музыкальные журналы, уровень которых был по-прежнему высок.

Художественная литература и ее место в нацистской культурной политике

В феврале 1933 г. нацисты распустили секцию поэзии почтенной и представительной Прусской академии искусств, которую возглавлял Генрих Манн. Томас Манн эмигрировал во Францию. За братьями Маннами последовало исключение из академии (в марте 1933 г.) Альфреда Деблина, Леонхарда Франка, Людвига Фульды, Георга Кайзера, Бернхарда Келлермана, Альфреда Момберта, Рудольфа Панвитца, Рене Шикеле, Фрица фон Унру, Якоба Вассермана, Фрица Верфеля. Зато в Академию — по представлению министра просвещения Бернхарда Руста — было предложено вступить несравненно менее значительным писателям: Вернеру Боймельбургу, Гансу, Блунку, Гансу Кароссе, Петеру Дерфлеру, Паулю Эрнсту, Фридриху Гризе, Гансу Гримму, Гансу Йосту, Эрвину Колбенхойеру, Агнес Мигель, Вильгельму Шеферу, Эмилю Штраусу, Вилли Весперу. Каросса отказался принять приглашение, известная историческая писательница Рикарда Хух сама вышла из Академии, а ее председателем стал поэт Ганс Йост²³⁵, известный фразой — «Когда я

слышу слово “культура”, моя рука тянется к револьверу»²³⁶. Тех писателей, кто критически относился к нацистским литературным ориентирам, ангажированная нацистская литературная критика, используя старый испытанный способ, объявляла наемниками евреев — этого клейма уже было достаточно. «Народный гнев смел их, — писал нацистский критик Вилли Веспер, — наконец-то они перестали отравлять своей литературой немецкий народ, насмеяться над тем, что по-настоящему дорого каждому немцу»²³⁷.

Используя «Закон о реставрации служилого сословия» (от 7 апреля 1933 г.), из литературы изгоняли не только евреев, но и тех, чьи политические убеждения были нежелательны для нацистов. Тиражи книг упали на 30% (по сравнению с 20-ми гг.), число газет сократилось с 4700 в 1932 г. до 3100 в 1934 г. Даже Геринг высказался в том смысле, что легче из хорошего художника сделать партай-геноссе, чем наоборот²³⁸.

Вместо прежних писательских организаций в Министерстве пропаганды была учреждена корпоративная организация немецких писателей — Палата литературы; цензурой ведало отдельное подразделение палаты — Государственное литературное агентство²³⁹. В 1935 г. палата выпустила «перечень вредных антигерманских» книг. Причем цензурная политика была с самого начала довольно серьезной: число учреждений, занимавшихся литературной цензурой, постоянно расширялось. Только до конца 1933 г. из 21 инстанции цензуры вышло более 1000 запретов; в 1934 г. эти цифры были соответственно 40 и 4100²⁴⁰. Странно, но Геббельс неоднократно заявлял, что стремится снизить роль цензуры: он даже отказал Виннифред Вагнер в монополии на постановки вагнеровских опер. Более того, однажды он заявил, что после войны всякая цензура будет ликвидирована²⁴¹. Впрочем, партийная цензура все же существовала и помимо Минпропа — 21 апреля 1934 г. была основана «Комиссия партийного контроля для защиты национал-социалистической литературы»²⁴². Председателем ее стал Филипп Булер; в компетенции

комиссии входило определение принадлежности того или иного произведения к литературе национал-социализма. Комиссия Булера — наряду с 8-м отделом (литературное агентство) Минпропа — имела право индигировать произведения печати. Булер контролировал партийную, политико-просветительскую литературу, словари и энциклопедии, школьные учебники, календари и художественную литературу. Комиссия должна была бороться против конъюнктурных явлений и против размывания идейного наследия НСДАП. Все материалы, содержавшие цитаты фюрера, должны были предъявляться в комиссию в обязательном порядке.

Нацистскую художественную литературу характеризует уход от изображения социальных и политических конфликтов индустриального общества и воспеание тихой жизни доиндустриальной эпохи. Излюбленным жанром тех времен стал «крестьянский роман» или исторический роман на темы германского прошлого. Однако считать, что литературный авангард был отовсюду изгнан и подавлен, тоже нельзя²⁴³. Просто наибольший успех после 1933 г. у немецких читателей имели не произведения на актуальные темы, но книги о германских древностях, о немецком Средневековье и о прусских войнах, крестьянская проза и морские рассказы. В войну эта склонность немецкого читателя — по понятным причинам — переросла в любовь ко всякого рода развлекательной литературе. Во время войны СД передавала, что немцы утратили интерес к мировоззренческим вопросам²⁴⁴. Чрезвычайно популярны стали романы о Первой мировой войне, в которых превозносились солдатские добродетели, боевое товарищество и воинские доблести.

В принципе, многие произведения «народно-почвеннической» (фелькише) художественной литературы, которую нацисты считали «своей», возникли еще в годы Веймарской республики, а некоторая ее часть даже и до 1918 г. — нацистским идеологическим работникам не нужно было создавать «истинно немецкую литературу», она уже издавалась большими тиражами. К этой литера-

туре относятся такие романы, как «Дитмаршенцы»²⁴⁵ (1897) Адольфа Бартельса, «Народ против народа» (1912) и другие исторические романы Вальтера Блёма (*Bloem*), «Вильтфебер — вечный немец» (*Wiltfeber der ewige Deutsche*, 1912 г.) Германа Бурте, «Йёрн Уль» (*Jörn Uhl*, 1901 г.) и «Большая тревога» (*Hilligenlei*, 1906 г.) Густава Френсена, «Мастер Йоахим Паузеванг» (*Meister Joachim Pausewang*, 1910 г.) и первая часть «Трилогии о Парацельсе» (*Paracelsus-Trilogie*, 1917 г.) Эрвина Кольбенхойера, романы Германа Штера, стихи о родине и баллады Бартельса, Людвига Финка (*L. Finde*), Агнес Мигель (*A. Miegel*), Бёрриса фон Мюнхаузен (*Börries von Münchhausen*), Лулу фон Штраус унд Торни (*L. von Straus und Torney*); военные стихи Первой мировой войны Вальтера Флекса (*W. Flex*), Фридриха Линхарда (*F. Lienhard*), Генриха Циркаулена (*H. Zierkaulen*), Германа Леней (*H. Löns*) и многих других. Большинство стихов Ленса стали народными песнями; их в Германии знают и помнят до сих пор, хотя формально они и относятся к литературе фелькише.

Большую роль в распространении нацистской идеологии сыграли некоторые литературно-теоретические произведения, которые имели большой общественный резонанс и активно использовались нацистами в своей пропагандистской и культурной работе. Прежде всего следует упомянуть «Историю немецкой литературы» (1902 г.) немецкого литературоведа-германиста Адольфа Бартельса. Пропагандистское значение для нацистов имели антисемитские произведения Бартельса: «Лессинг и евреи» (1918 г.), «Оправдание антисемитизма (1921 г.)» и «Национал-социализм — спасение Германии». В огромном количестве статей, памфлетов и книг профессор Бартельс использовал для анализа литературы простую классификацию — разделение всей литературы на еврейскую и нееврейскую, что и обеспечило его фундаментальной «Истории немецкой литературы» 10 изданий за несколько лет. Еще в 20-е гг. Бартельс основал «Шиллеровский союз», который сделал Веймар центром фестиваля националистически ориентированной молодежи. Хьюстон

Стюарт Чемберлен — автор скандальной книги «Основы XIX столетия» (1899 г.) — написал на дарственном экземпляре своего произведения: «Господину профессору Бартельсу с теплотой и глубокой благодарностью, которую испытывает к нему любой немец»²⁴⁶. Столь же существенную роль в распространении и утверждении пронацистских взглядов и настроений сыграли такие литературоведческие и культурологические работы, как «Немецкие статьи» (1881 г.) Пауля де Лягарда, «Рембрандт как воспитатель» (1890 г.) Юлиуса Лангбена, сборник «Новые идеалы» Фридриха Линхарда, «Раса и стиль» Гюнтера, «Грехи против крови» Артура Динтера.

Все эти вещи, хотя и были написаны до нацистов, являются либо нацистскими, либо пронацистскими — многие из их авторов дожили до 20—30 гг. и примкнули в конце концов к Гитлеру. Комплекс идеологом, в наибольшей степени присущих нацизму и одновременно «крестьянскому» и историческому роману, выражался в понятии «фелькише»²⁴⁷. Одиозным это направление стало только после 1945 г., а в 20-е гг. Роберт Музиль²⁴⁸, — австрийский писатель, драматург и театральный критик с безупречной репутацией, — констатировал, что немецкие «крестьянские» и исторические романы являются хотя и уродливыми, но законными детьми немецкой литературы между 1890 и 1910 гг.²⁴⁹ Иными словами, тогда эта литература не воспринималась как шовинистическая и обструкционистская, но уже такие писатели, как Бартельс, Чемберлен, Динтер в своих произведениях более отчетливо артикулировали свои расистские позиции, мифы фелькише. Миф же героизма наиболее ясно проступил в творчестве Блема, Бартеса, Экарта, а затем — в наиболее агрессивной форме — у поэтов-патриотов периода Первой мировой войны. Мифы новой религиозности развивали Френссен, Динтер, Бурте, и мифы эти были уже весьма близки расовым. Мифы же «седой германской старины» культивировали Ганс Блунк, Мориц Ян, Вилли Веспер. Все эти мифы были продуктами специфической духовной традиции и весьма сложного стечения политических обстоятельств, но все они работали на нацизм.

В принципе, однозначных критериев принадлежности к нацистской литературе нет. Если, например, судить по партийной принадлежности писателя, то Ганс Гримм — автор бесспорно пронацистского романа «Народ без земли» (*Volk ohne Raum*) — никогда не был членом партии; зоологический антисемит Адольф Бартельс тоже никогда не вступил бы в НСДАП, не присвоив ему Гитлер (в 1942 г., по причине 80-летия) титул почетного члена партии. Нацисты очень бы хотели считать «своими» писателей Эрнста фон Заломона и Эрвина Гвидо Кольбенхойера, но они по отношению к режиму держались весьма сдержанно; то же относится к чрезвычайно популярному писателю из Восточной Пруссии — Эрнсту Вихерту²⁵⁰.

В то же время в Третьем Рейхе были и настоящие мастера — прежде всего следует упомянуть крупнейшего немецкого поэта Готтфрида Бенна. Формальная самоидентификация Бенна с нацизмом в 1933 г. была чистым недоразумением и проявлением политической наивности или иррационализма, позволившего ему, по всей видимости, усмотреть в национал-социализме обещание грядущего возрождения немецкой нации. Поговаривали, правда, что Бенн, сотрудничая с нацистами, со временем хотел стать Маринетти нацистского режима²⁵¹. И все-таки произведения этого самого значительного немецкого поэта-лирика XX в., великолепного художника, поэтически выразившего целую эпоху от Ницше до Эйнштейна,²⁵² никому и в голову не приходит считать пронацистской литературой. Кстати, в 1938 г. Бенн был исключен из Имперской палаты писателей; эсэсовская газета «Черный корпус» называла его творчество «идиотизмом и свинством»²⁵³. Когда Бенн ушел во «внутреннюю эмиграцию» (так противники нацизма называли поступление на службу в армию), то ему понадобилось заступничество от нападков эсэсовских активистов, которое он и получил: генерал, его начальник по медицинской службе, сказал, что если бы в СС похвалили его поэтическое творчество, это было бы оскорблением чести офицера²⁵⁴. К тому же Бенн не был единственным, кто оказался — пусть ненадолго — очарован

динамикой и пафосом нацистского движения. Немецкий писатель-коммунист Альфред Курелла, живший в нацистские времена в СССР, вообще считал, что именно экспрессионизм с его неприятием вильгельмовской эпохи и буржуазности, с его преувеличенным субъективным пафосом и бегством от действительности — также вел к нацизму²⁵.

В отечественной публицистике долгое время обходили тот факт, что Кнут Гамсун (1859-1952) симпатизировал нацистам; в 1943 г. на конгрессе журналистов в Вене Гамсун в знак восхищения подарил Геббельсу свою нобелевскую медаль. Правда, он был уже в преклонном возрасте (в 1945 г. ему исполнилось 86 лет; после окончания войны его арестовали, но затем отпустили, признав психически недееспособным). Хотя, скорее всего, дело было не только в возрасте: старый норвежец, воспевавший в своих произведениях крестьянский труд, узрел в нацистах силу, способную противостоять урбанизации и наступлению рационализма на привычную и устоявшуюся патриархальную старину. Кроме того, старику льстило внимание и знаки уважения со стороны нацистских олигархов. В 1940 г. в нацистском журнале «Одаль» Гамсун опубликовал обращение к норвежскому народу; в нем говорилось, что гитлеровское правительство клятвенно обещало сохранить целостность и независимость королевства после войны²⁵⁶.

Любимый и нацистами и коммунистами, умнейший нонконформист Эрнст Юнгер (1895-1998), романы которого о войне были бестселлерами и в веймарские нацистские времена, отказался вступить в Немецкую академию поэзии и не раз протестовал против перепечаток в нацистской периодике своих произведений. Также он отказался от сотрудничества с нацистской газетой ФБ, поэтому в годы нацизма не было опубликовано ни одной его книги²⁵⁷. Гиммлер и Геббельс хотели его уничтожить, Гитлер же лично приказал Фрейслеру (председателю «народного» суда) не трогать кавалера высшего прусского военного ордена *Pour le mérite*²⁵⁸. В ранних произведениях Юнгер

создал героический образ фронтовика — патетический, но свободный от национализма, и именно поэтому имевший чарующее и опасное воздействие на молодежь (в его книгах война представляла как вершина проявления человеческого духа). Советские читатели судили о немецком восприятии Первой мировой войны преимущественно по книгам Ремарка, но Ремарк описывал войну с точки зрения пацифистского духа 20-х гг. Но большинство немцев воспринимало Первую мировую войну как величайшее событие национальной истории, лишь случайно обернувшееся для Германии трагедией, поэтому Юнгер, конечно, был гораздо популярнее Ремарка.

Бесспорно, «своими» для нацистского режима следует признать посредственных литераторов Герхарда Шумана и Ганса Баумана. Первый был ветераном войны, кавалером Железного креста 1-й степени, до 1936 г. — полковником (штандартенфюрером) СА, с 1942 г. — генералом (оберфюрером) СС и главой сектора культуры РСХА. Он был чрезвычайно плодовит — его собрание сочинений составляет 19 томов поэм, журнальных и газетных статей, 2 пьесы, великое множество сценариев для нацистских массовых церемоний, а также для утренников на радио²⁵⁹. В силу чрезвычайной политической и идеологической ангажированности оценить его талант довольно сложно. Сборник стихов Шумана «Мы — соль земли» (*Wir aber sind das Kom*) в 1936 г. был отмечен национальной премией. Другому поэту — Гансу Бауману — к 1933 г. исполнилось всего девятнадцать лет; Баумана называли «трубадуром» ГЮ: его патетические и романтические стихи были весьма популярны среди молодежи. Интересно, что после 1945 г. он смог сделать карьеру преуспевающего детского писателя²⁶⁰.

Особое внимание в литературной политике нацисты уделяли пропаганде военных доблестей, храбрости, героизма и солдатского долга. В октябре 1936 г. властями была организована встреча поэтов и писателей-баталистов, на которой был создан «Отряд военных литераторов»

(*Mannschaft Kriegsdichter*) (из 50 авторов). Они получили задание увеличить объем художественной литературы на военные темы. Два года спустя «Вестник имперской службы поощрения немецких писателей» (*Bücherkunde der Reichsstelle zur Förderung des deutschen Schrifttums*) писал, что за истекший срок было напечатано 20 военных романов. В 1939 г. редакционный отдел Минпропа и ОКВ пригласили специально отобранных писателей-баталистов в поездку по оккупированным районам Чехии и Польши. Итогом поездки стал целый ряд военных публикаций. Как передавала СД, эта художественная литература воспринималась немцами значительно более позитивно, нежели политическая публицистика и пропаганда²⁶¹. Множество писателей служило в пропагандистских ротах на фронте, например, руководитель отдела военной пропаганды ОКВ Курт Хессе, опубликовавший обширный отчет «По полям сражений Франции вместе с победоносным вермахтом» (1940 г.). Поэт Герберт Бёме (*H. Böhme*), служивший в СА, писал, что задачей новой поэзии является мобилизация воинственного духа и возрождение ценностей Лангенмарка²⁶². Во время войны задачи художественной литературы полностью сконцентрировались на мобилизации нации на победу.

Одним из кульминационных мероприятий литературной жизни Германии с 1938 по 1942 г. были Веймарские дни поэзии. В 1938 г., после аншлюса и присоединения Судет, темой Веймарских дней стала «Пропаганда немецкой культуры за рубежом», в 1941 г. — «Ведущая роль немецкой литературы в новой Европе»²⁶³. Из четырех организованных Геббельсом поэтических «Веймарских слетов» две были посвящены военным темам. В 1940 г. темой была «поэзия в войнах рейха», а в 1942 г. — «воин и поэт». В этих слетах принимали участие и поэты в униформе вермахта. Премии особенно часто получали военные романы, посвященные войнам прошлого. И вообще, исследователи отмечают, что в войну военная литература стала довольно популярна²⁶⁴. Для того чтобы сделать смерть на войне привлекательной, нужно было придать ей смысл,

поэтому все аспекты нацистской военной беллетристики сводятся к оправданию, к мотивации смерти и убийства на войне. Нацистские писатели пытались приравнять ее, с одной стороны, к спортивным достижениям, с другой стороны — к героическому труду на общее благо.

С началом войны пропагандистская литература начала уступать ведущее место литературе развлекательной, поскольку напряжение военного времени требовало разрядки. Вследствие ее важности стало расти значение специальной литературы — таким образом система библиотек стала все более приближаться к «утилитаристской» модели функционирования. В этой связи следует указать на «материальную силу аполитичных книг»²⁶⁵; этот аполитичный мир развлекательной литературы произвел на свет огромное количество стереотипов. Речь идет об образах, которые способствовали распространению нацизма и «нормальному» его восприятию, но сами по себе не содержали картин насилия и разрушения. Так, рассказы о пчеле Майе, необычайно популярные среди детей в Германии, способствовали самоидентификации подрастающего поколения, не являясь идеологической литературой. Или другой любопытный пример — немецкий историк Михаэль Хан развивал тезис о том, что Холокост и планы порабощения славян были следствием увлечения Гитлера чтением совершенно аполитичных романов Карла Мая об индейцах. При этом в воображении Гитлера Америка была аллегорией современности; ее Германии суждено было завоевать и «скорректировать» в расовом отношении²⁶⁶. Гитлер говорил, что его радуют просторы Востока Европы, на котором немцы наконец-то обретут свободу движения. Или что огромным преимуществом Америки является пространство, чего так недостает немцам. Планируя строительство дорог на Востоке, Гитлер собирался через каждые сто километров строить маленький город с салуном и таким образом сделать «русские прерии» обозримыми²⁶⁷. После завоевания России Третий Рейх, по мнению Гитлера, достиг бы полной автаркии. «Российские просторы стали бы нашей Индией», — говорил Гитлер.

На его взгляд, этим пространством можно было бы управлять при помощи 250 тыс. человек, а для колонизации этих просторов планировалось использовать европейцев. За три века, считал Гитлер, «Восточную Европу можно превратить в цветущий край, наведя в ней подобающий порядок»²⁶⁸. Борьбу с партизанами Гитлер сравнивал с войной с индейцами: все это должно вызвать к жизни новую «индейскую» романтику²⁶⁹. Такой неожиданный поворот приняло чтение развлекательной литературы...

Большую роль в популяризации чтения в Третьем Рейхе сыграли библиотеки. Для немецкой системы публичных библиотек 1933 г. не стал поворотным пунктом в истории — каких-либо качественных перемен не произошло. Нацистские идеологи взялись за решение традиционной задачи — охватить всю страну плотной сетью народных библиотек. Большинство старых библиотечных функционеров было готово даже к радикальным действиям против платных библиотек (*Leihbibliotheken*)²⁷⁰. Эта политика осуществлялась параллельно с закрытием церковных библиотек и библиотек профсоюзов и левых партий. Затем все библиотеки были «очищены» от евреев и левых; из библиотек по заранее составленным спискам прошло изъятие книг. Как ни странно, но число народных библиотек в Третьем Рейхе действительно существенно выросло: если в 1933 г. их насчитывалось около 6 тыс., то в 1942 г. — 25 тыс.²⁷¹ Библиотеки создавали (для немцев, разумеется) даже на территории оккупированной Польши, в Люксембурге и Эльзасе. В 1937 г. был выдвинут лозунг — «Каждой деревне по библиотеке». При этом нормой, к которой стремились нацистские функционеры, было 200 книг на 500 немцев, а в населенных пунктах с числом жителей более 30 тыс. в библиотеке был и штатный оплачиваемый библиотекарь²⁷². С 1937 г. неожиданно обозначилась тенденция развития библиотек в сторону свободного доступа к фондам (*Freihandbibliothek*); эту форму обычно рассматривают как выражение демократических тенденций и модернизации библиотечного дела²⁷³. Абст-

рагируясь от нацистской идеологии, нужно признать, что система библиотек в Германии претерпела в те годы несомненный взлет.

Центром библиотечного дела в Третьем Рейхе была Немецкая библиотека (*Die deutsche Bücherei*) в Лейпциге; здесь составляли немецкую национальную библиографию и занимались каталогизацией всей литературы на немецком языке. С 1935 г. по решению властей она стала получать обязательный экземпляр каждой книги, вышедшей в Германии. Второй по значению была Прусская государственная библиотека, ныне Немецкая государственная библиотека. Впрочем, в отличие от Франции или США, в Германии никогда не было стремления централизовать в одной национальной библиотеке все книжные сокровища.

В отличие от «народных библиотек» (*Volksbüchereien*), земельные и городские библиотеки (*Landes- und Stadtbibliotheken*) не имели практического значения для народного просвещения, так как предназначались преимущественно для научно-исследовательских целей. Поэтому для нацистов они не представляли интереса: после 1933 г. их не подвергали «чистке», даже наоборот — часть книг, изъятых из народных библиотек, была переведена (в частности, книги о масонах) в научные библиотеки. Например, в 1935 г. в дюссельдорфской городской библиотеке политическая выставка «произведений литературы предшественников национал-социализма» была устроена всего один раз; на выставке были представлены книги и рукописи Фихте («Речи к немецкой нации»), Кляйста, Юстуса Мозера, Якоба Гримма, Фридриха Людвиг Яна, Рихарда Вагнера, Хьюстона Стюарта Чемберлена, Штефана Георге, Отто фон Бисмарка («Воспоминания и размышления»). Свободный же книжный рынок в Дюссельдорфе был довольно слабо ограничен идеологически²⁷⁴. Запреты на некоторые книги и их изъятие из библиотек следовали якобы по требованию народа — так, книготорговцам и издателям запретили распространять книги еврейских авторов и эмигрантов. По приказу Геббельса студенты «чистили» университетские библиотеки

и книги «нежелательных» для нацистов авторов жгли. В целом, коллекции библиотек пострадали незначительно, за исключением полного разрушения нацистами научной библиотеки Берлинского института сексологии.

11 мая 1933 г. в Берлине разыгрался один из самых удивительных и скандальных спектаклей в истории XX в. — сожжение 20 тыс. книг. Список из 200 авторов и 125 названий беллетристических и публицистических произведений был подписан министром просвещения Рустом²⁷⁵. Гейне как-то сказал, что там, где жгут книги, вскоре будут жечь людей. И вот уже 11 мая 1933 г. произошло символическое для нацистской культурной политики событие — в этот день жгли книги неугодных нацистам авторов: Томаса и Генриха Маннов²⁷⁶, Лиона Фейхтвангера, Якоба Вассермана, Арнольда и Стефана Цвейгов, Эриха Марии Ремарка, Вальтера Ратенау, Альберта Эйнштейна, Эмиля Людвига, Альфреда Керра, Гуго Пройсса, Джека Лондона, Эптона Синклера, Хелен Келлер, Маргарет Сантер, Герберта Уэллса, Хевлока Эллиса, Артура Шнитцлера, Зигмунда Фрейда, Андре Жида, Эмиля Золя, Марселя Пруста. Впрочем, названия и авторы запрещенных книг предусмотрительно (запретный плод сладок!) не публиковались, лишь позже по служебным каналам стали распространяться «черные списки» — в публице они не были доступны²⁷⁷.

Во время оргии сожжения книг Геббельс держал речь, которая начиналась так: «Немцы! Сограждане, мужчины и женщины! Век извращенного еврейского интеллектуализма пришел к своему бесславному концу, немецкий дух торжествует! Предавая огню эти зловредные измышления, вы совершаете правое дело! Это великое, славное и символическое событие! Прошлое сторает в пламени, будущее нарождается в наших сердцах»²⁷⁸. Сожжение книг сопровождалось скандированием лозунгов: «Против классовой борьбы и марксизма!», «Против морального разложения!», «Да здравствует нравственность, семья и государство!», «За уважение и благоговение перед бессмертной немецкой культурой!», «Долой еврея Фрей-

да с его бесстыдством, разлагающим душу немецкого народа!»²⁷⁹

По какому принципу отбирали литературу для сожжения, указывает докладная записка функционера Министерства пропаганды доктора Херманна, который подразделял «вредоносную» литературу на три группы. Первая, как самая «вредоносная», подлежала аутодафе, уничтожению (например, книги Ремарка). Книги второй группы (например, произведения Ленина) должны помещаться в библиотеках в специальные шкафы для «отравленной литературы» (*Giftschrank*). К третьей группе причислялись книги, в отношении которых еще предстояло решить: отнести ли их к первой или ко второй группе. К записке прилагался список из произведений 131 автора. Текст служебной записки был опубликован после сожжения книг в качестве служебной инструкции для публичных библиотек²⁸⁰. Научных библиотек, как говорилось выше, эти запреты не касались, но в народных библиотеках много книг было изъято и сожжено. «Фелькишер беобахтер» сообщал, что только в Берлине политической полицией было конфисковано свыше 10 тыс. центнеров (!!!) книг²⁸¹.

Среди подлежащих сожжению были и книги Гейне. Любопытно, как нацисты обходились с наследием этого великого немецкого поэта: он был евреем. Наиболее известные его стихи, вошедшие в постоянный культурный обиход, были объявлены «народными», а большие произведения запрещены как еврейская литература, «не укорененная в немецком народе и потому чуждая ей». (Нацистский литературовед Фридрих Зибург писал, что отсутствие немецких народных корней в творчестве Гейне ведет к обесцениванию и практической бесполезности его для немецкой культуры, которая якобы склоняется к мистицизму, а творчество Гейне лишено всякой мистики.)²⁸² Зато Гете и Шиллера в Третьем Рейхе, напротив, весьма ценили; это соответствовало вкусам самого Гитлера. Дабы подчеркнуть огромное значение Гете для формирования немецкой духовной жизни, Геббельс допустил даже крайне несвойственное для него самоуничтожение — он

сказал: «Я постоянно ношу с собой и перечитываю первую часть «Фауста», но для второй части я слишком глуп»²⁸³.

Беллетристика и пьесы нацистских авторов были слабы и никак не соответствовали «эре нового величия германской расы», декларированной нацистами. А те талантливые писатели, которые первоначально примкнули к нацистам, вскоре стали тайными или явными врагами режима (Эрнст Вихерт или Эрнст Юнгер). Особенно значительным был провал в драматургии, и широкой публике пьесы нацистских авторов старались не показывать; в театрах преобладал традиционный классический репертуар. Интересно, что из-за «пропаганды социализма» пьесы Герхарда Гауптмана подвергались запретам в вильгельмовской Германии, затем его творчество пользовалось большим спросом в период Веймарской республики; был он в почете и у нацистов, а затем и в ГДР; после войны в своем секторе американцы запрещали его пьесы, а советские оккупационные власти пригласили его в Восточный Берлин²⁸⁴. В 30—40-е гг. в репертуаре немецких театров бросалась в глаза не политизация, а отсутствие политических пьес, которые доминировали в 20-е гг.: например, в 1940 г. в репертуаре преобладали классические спектакли и развлекательные пьесы.

И в художественной литературе нацистские авторы и темы вовсе не доминировали: так Эрнст Вихерт²⁸⁵ с книгой «Простая жизнь», Вернер Бергенгруэн с книгой «Великий тиран и его суд» и Франк Тис с книгой «Царство демонов» стали самыми большими беллетристическими успехами 30-х гг., но эти авторы весьма сдержанно, а то и критически относились к нацистскому режиму. Несмотря на различные ограничения, распоряжения и директивы нацистских властей, авторам и издателям удавалось вводить в заблуждение и цензуру, и партийных ревнителей «истинно немецкого искусства». Таким образом возникла литература внутренней эмиграции. К ней примыкали молодые ненацистские авторы, после 1945 г. принесшие славу западногерманской литературе: Гюнтер Айх (*G. Eich*),

Герман Ленц (*H. Lenz*), Йоханнес Бобровски (*J. Bobrowski*), Петер Хухель (*P. Hüchel*), Карл Кролов (*K. Krolow*), Макс Фриш (*M. Frisch*), Мария Луиза Кашниц (*M. L. Kaschnitz*), Вольфганг Вейраух (*W. Weyrauch*). Их вещи в нацистские времена публиковались и рецензировались в газетах и журналах *Das innere Reich*, *Berliner Tageblatt*, *Frankfurter Zeitung*, *Neue Rundschau*, *Europäische Rundschau*, *Europäische Revue*, *Deutsche Rundschau*, *Corona*, *Hochland*, даже в геббельсовском еженедельнике *Das Reich* (это издание по функции идейной «отдушины» можно сравнить с ролью «Литературной газеты» в СССР в 60—70 гг.). В большой чести было литературное погружение в интимные душевные сферы. Мастером этого жанра был Эрнст Юнгер, особенный успех имел его дневник «Сады и дороги» (1942 г.), в котором автор набирал значительную дистанцию по отношению к действительности, которая вроде бы его вовсе и не касалась. Еще яснее эта тенденция прослеживалась в книге солдата вермахта во Франции Вальтера Бауэра «Листки французского дневника» (1941 г.)²⁸⁶. «Зашифрованная поэзия беспомощного протеста» (этот жанр был особенно знаком советским читателям) против действительности Третьего Рейха была представлена Генрихом Леманом; его сборник 1935 г. так и назывался: «Ответ молчания» (*Antwort des Schweigens*)²⁸⁷. Известный националистический писатель из среды добровольческих корпусов 20-х гг., любимец литературных салонов Эрнст фон Заломон (1902—1972; роман «Кадеты» — 1933 г.) первоначально благожелательно принял нацизм, продемонстрировав таким образом «моральный дальтонизм». Однако, как он ни ненавидел Веймарскую республику, в нацистскую партию он все же не вступил, так как придерживался прусского идеала иерархического авторитарного государства. После войны Заломон говорил, что он был в ужасе от методов подавления «ремовского путча» (30 июня 1934 г.) и от еврейского погрома 9 ноября 1938 г., что, однако, не помешало ему в свое время принять место в нацистской Академии искусств. В годы нацизма Заломон прекратил писать прозу и сосредоточился на изготовлении

сценариев для кино, в чем весьма преуспел. После войны Заломон опубликовал 800-страничный бестселлер «Анкета», стилизованный под развернутые ответы на вопросник американского денацификационного трибунала. Это его публицистическое произведение было горькой и циничной исповедью разуверившегося человека и свидетельствовало о его совершенном равнодушии к вопросам немецкой ответственности за войну и преступления против человечества²⁸⁸.

Известный немецкий писатель Йоахим Гюнтер говорил, что в целом писатели не так уж и страдали от несвободы. По крайней мере, до 1939 г. культурная жизнь не была слишком строго регламентирована: большими тиражами выходили романы Хемингуэя, Фолкнера, Томаса Вулфа; огромный успех имела Маргарет Митчелл, много переводили и читали Андре Мальро, писателя-католика Поля Клоделя, лирика Жюль Ромена, большой популярностью пользовался «Ночной полет» Антуана де Сент-Экзюпери. Нацистские «черные списки» нежелательных и запрещенных книг были обязательны только для публичных библиотек, на частных лиц и научные библиотеки эти запреты не распространялись: в 1936 г. библиографический журнал *Der Buchhändler im neuen Reich* констатировал, что книги Томаса Манна по-прежнему свободно продают и читают. Свободно продавались и иностранные газеты, правда, количество проданных экземпляров полиция постоянно фиксировала; так, в Мюнхене в четвертом квартале 1934 г. было продано: *Times* — 217 экземпляров, *Algemeen Handelsblad* — 25, *Le Temps* — 176, *Le Matin* — 150, *Basler Nachrichten* — 3550. Такое было совершенно немыслимо в Советском Союзе, где идеологический контроль был гораздо жестче и последовательнее.

Современный немецкий историк Тобиас Шнайдер проанализировал 40 бестселлеров Третьего Рейха. Треть из них была подлинно национал-социалистической беллетристикой, а $\frac{3}{4}$ — развлекательными романами²⁸⁹.

Абсолютным лидером продаж в 1933—1945 гг. была книга Шенцингера «Анилин» (общий тираж — 920 тыс. эк-

земляров). В «Анилине» в научно-популярной форме была изложена история знаменитого химического концерна ИГ-Фарбен. Автор описывал заслуги этого гигантского предприятия в утверждении немецкой экономической автаркии, в освобождении страны от зависимости в натуральном сырье (в частности, от натуральных красителей и каучука). После 1945 г. Шенцингер вычеркнул из своих книг (вторым его бестселлером был роман «Железо») пассажи о национал-социализме и продолжал успешно продавать свои книги. Интересно, что исторический роман Эма Белька «Луга Кумерова» (*Heiden von Kumerow*), бывший бестселлером в Третьем Рейхе, не утратил популярности и в первые годы существования ГДР.

Успешно продавались и романы Тругве Гулбрансен (1894—1962) о норвежской семье Бьёрндаль. Симпатии и интерес у немецких читателей к норвежской литературе объясняется тем, что нацистская идеология делала упор именно на «нордический» характер европейской культуры, и скандинавы рассматривались как «лучший человеческий материал». Впрочем, в числе бестселлеров оказался и военный роман английского писателя Уорвика Дипинга (*Warwik Deeping*, 1877—1950) «Капитан Сорел и его сын» (1927 г.) и роман о гражданской войне в Америке «Унесенные ветром» (1937 г.)²⁹⁰.

Следует констатировать, что картина развития рынка художественной литературы в Третьем Рейхе весьма неоднозначна. Вслед за литературоведом Гансом Шефером надо признать, что «нацизм укрепил традиционалистскую тенденцию немецкой литературы, прервал на время демократическую традицию и замедлил появление современной классики, но не смог ее вовсе преодолеть при помощи почвенно-народнического (фелькише) витализма, который так и не занял доминирующего положения в немецкой литературе и ныне представляется только эпизодом»²⁹¹. В отличие от Советского Союза, где в период тоталитарного режима вопреки (а иные критики считают — благодаря) цензуре и политическому давлению

сохранилась истинная литература и от советской эпохи остались настоящие литературные памятники, сохранившие свое значение до сих пор, в нацистской Германии все, что было написано между 1933 и 1945 гг. было провинциально и низкой художественной пробы, и до наших дней, за весьма редким исключением, своего художественного значения не сохранило. С другой стороны, какого-либо «перерыва» в эволюции немецкой традиции и в этой сфере на самом деле не произошло: здесь ситуация сложнее, чем принято считать, исходя из морального осуждения нацистского режима. Расценивать литературу Третьего Рейха как сплошь идеологизированную и политизированную, бесспорно, проще — это позволяет удобней и логичней вписать в контекст немецкой беллетристики литературу эмиграции, показать ее высокие моральные позиции по сравнению с творчеством оставшихся в Германии писателей. Эта простота, однако, вводит в заблуждение, так как не позволяет увидеть внутри нацистской эпохи ростки нового ненацистского литературного движения, которое расцвело уже в ФРГ и было в эстетическом и морально-этическом отношении одной из вершин современной мировой беллетристики.

Театр и кино

Число блестящих режиссеров, актеров и сценаристов во времена Веймарской республики было необычайно велико, она (Веймарская республика) в этом отношении превосходило прочие эпохи немецкой истории, да и по сравнению с другими европейскими странами Германия выделялась своими достижениями и новаторством. Как отмечал большой знаток немецкого театра Марсель Рейх-Раницки, в ведущих немецких театрах, особенно в берлинских, и в нацистские времена доминировал дух «золотых двадцатых годов»²⁹². Хотя в нацистские времена перестали ставить пьесы большинства театральных новаторов — то ли по причине их еврейского происхождения (Хуго Гофф-

маншталь, Артур Шницлер, Карл Штернхейм, Фердинанд Брукнер, Вальтер Хазенклевер, Эрнст Толлер), то ли по причине их эмиграции (Бертольд Брехт, Эден фон Хорват, Георг Кайзер), или потому что они считались представителями «вырожденческого» искусства (Франк Ведекинд, Эрнст Барлах, Мария-Луиза Фляйссер), а симпатизирующие нацистам драматурги были слабее всех вышеупомянутых. Поэтому ставили в основном классику: Эсхила, Шекспира, Шоу, Лессинга, Шиллера и Гауптмана.

В период Веймарской республики немецкий театр был не только самым лучшим в мире, но он имел сильную политическую окраску, которая стала доминировать еще до Первой мировой войны (с воцарением в берлинском «Немецком театре» Макса Рейнхардта). Нацистам же достичь прежних эстетических высот и внимания общества не удалось. В геббельсовском Минпропе отдел театра возглавлял Отто Лаубингер, он же одновременно был и председателем Корпоративной палаты театра — эти инстанции своими компетенциями охватывали все театральные организации. «Главным» драматургом в Третьем Рейхе был Райнер Шлоссер; в его обязанности входил контроль над репертуарной политикой и рецензирование пьес. Надо сразу отметить, что финансовая и организационная поддержка театров в Германии в нацистские времена была основательной. На государственные средства регулярно проводили театральные фестивали, призванные привлечь новых зрителей.

«Несмотря на то что на театральных программках в 30-е гг. была изображена свастика, это было лучшее время немецкого театра», — вспоминал великолепный знаток театра и сам страстный театрал Марсель Рейх-Раницки. Он, еврей, сам пострадал от нацистов и был выслан в Польшу; вернулся в Германию только в 1957 г. Рейх-Раницки отмечал, что блестящие представления в берлинских оперных театрах, в художественном театре «У жандармского рынка» (*Gendarmenmarcktheater*) и других, а также бесподобные концерты Берлинского филармонического оркестра не смогли смягчить нацистскую

тиранию, но они сделали жизнь многих людей гораздо более сносной²⁹³. Не только для Рейх-Раницкого, но и для многих людей театр и литература были своего рода «башней из слоновой кости» в условиях тоталитарной действительности Третьего Рейха.

Пьесы идеологической направленности ни по количеству, ни по частоте постановок никогда и близко не подходили к традиционному репертуару, составляя от 10 до 20% от общего числа постановок²⁹⁴. Руководство Имперской палаты искусств могло только поощрять или отвергать новых авторов, сама палата была не в состоянии создавать новый репертуар. Единственное, что делал Минпроп — открывал новые театральные и киноакадемии.

Так, например, дюссельдорфский репертуар 1933—1939 г. можно было разделить на три группы: классика, развлекательные пьесы и пронацистские пьесы. Первые две группы в репертуаре дюссельдорфских театров преобладали: 38% составляла классика, 29,5% — близкие нацистской идеологической тематике пьесы и 32,5% — развлекательные пьесы²⁹⁵. Пьесы ангажированных режимом авторов — Йоста, Лянгенбека, Меллера, Реберга — не привлекали публику.

Среди нацистских драматургов выделялся Ханс Йост, являвшийся самым правоверным партийцем. В период Веймарской республики Йост считался одним из самых многообещающих беллетристов. В 1933 г. он пережил творческий триумф — премьеру пьесы «Шлягетер» (о герое антифранцузского сопротивления в период оккупации Рура в 1923 г.) в известном берлинском театре «У жандармского рынка» (*Gendarmenmarkttheater*). Пьесу Йост посвятил Гитлеру, который отозвался о ней одобрительно. После премьеры пьесу поставили 115 театров по всей Германии. Гонорары Йоста достигали 50 тыс. рейхсмарок в год²⁹⁶. Правда, в 1934г. франкофобскую пьесу (как сейчас говорится, из политкорректности) сняли, но накануне войны она снова появилась в репертуаре. Йост был дружен с Гиммлером, который распорядился принять его в общие отряды СС и дал ему чин оберфюрера, а в 1942 г.

Йост даже стал группенфюрером СС (генеральский чин). Йост и после войны остался убежденным нацистом; так, в книге 1949 г. «Призыв Рейха эхом отозвался в народе» (*Ruf des Reiches — Echo des Volkes*) он пытался оправдывать войну с Польшей, антисемитскую политику немецких властей, расизм и Нюрнбергские законы. Несмотря на причастность к преступлениям нацистов, Йост окончил свои дни на своей вилле в Штарнбергзее (в 1978 г.). Его несколько раз привлекали к суду, но он отделялся денежными штрафами.

Впрочем, как говорилось выше, в репертуаре немецких театров преобладала классика. Нацистскими критиками Шекспир считался «величайшим творцом нордической драмы характеров», «великим освободителем германского духа»; Гете и Шиллер (10 ноября 1934 г. в Германии с помпой отметили его 175-летие) вообще были вне всякой критики. Шиллеровские пьесы «Разбойники» (1781г.), «Коварство и любовь» (1784 г.), «Дон Карлос» (1787 г.), «Мария Стюарт» (1801г.), «Орлеанская дева» (1801г.) в нацистские времена буквально заполонили немецкую сцену. Интересно, что народную драму «Вильгельм Телль» (1804 г.) власти в 1941 г. запретили: там было оправдание убийства тирана. Часто ставили Генриха Клейста (комедия «Разбитый кувшин» 1809 г., драма «Принц Фридрих Гамбургский», 1821 г.), Кристиана Габбе (драма «Наполеон, или 100 дней», 1831 г.), Кристиана Хеббеля (пьесы «Мария Магдалена» 1844 г., «Ирод и Мариамна» 1850 г., «Нибелунги» 1861г.). В 1938 г. настоящим хитом сезона была постановка «Марии Магдалены» (с Кете Гольд, Фридрихом Кайсслером и Бернардом Минетти) в Берлинском государственном театре. Часто ставились и пьесы Лессинга (кроме драмы «Натан Мудрый» (1779 г.), призывающей к религиозной терпимости и гуманности) — комедия «Минна фон Бирнхейм» (1767 г.), трагедия «Эмилия Галотти» (1772 г.), драма «Мисс Сара Симпсон» (1755 г.). Ставились даже пьесы основателя революционного «Общества прав человека» (1834 г.) Георга Бюхнера — реалистическая драма «Смерть Дантона»²⁹⁷ (1835 г.),

социально-критическая драма «Войцек» (1837 г.) — но довольно редко. В честь 100-летия со дня рождения Бюхнера в мюнхенском театре «Камерные пьесы» режиссер Отто Флакенберг поставил «Смерть Дантона»; в Берлине эту же драму и с таким же успехом в 1939 г. поставил Густав Грюндгенс. Хотя классику тоже можно было истолковать двусмысленно, что было чревато осложнениями. То же и с «живыми классиками», к которым относился уже упоминаемый в предыдущем разделе Герхард Гауптман: нацисты хотели, с одной стороны, использовать колоссальный авторитет нобелевского лауреата (1912 г.), а с другой стороны — избежать идентификации режима с социальным реализмом и критицизмом великого драматурга. Его драму «Ткачи» (1892 г.) об одном из первых рабочих восстаний (в Силезии в 1844 г.) редко, но ставили, хотя большей популярностью пользовались натуралистические драмы, абсолютизовавшие биологические законы — «Перед восходом солнца» (1889 г.), «Роза Бернд» (1903 г.), «Перед заходом солнца» (1932 г.), комедия «Бобровая шуба» (1895 г.) и историческая драма «Флориан Гайер». С приходом Гитлера Гауптман не эмигрировал, но написанное им в этот последний период творчества — драматический рекевием «Затмение» (1937 г.), «античная» тетралогия о роде Атридов (1940—1944 гг.), поэма «Великий сон» (1942 г.) — было, по словам Томаса Манна, «бегством из мертвой немоты гитлеровского ада». У Гауптмана были влиятельные покровители в лице гауляйтера Нижней Саксонии Карла Ханке и рейхсляйтера Шираха, но и противники — рейхсляйтер Розенберг.

В середине 30-х гг. на шиллеровском «Доне Карлосе» (в Берлинском государственном театре) после реплики маркиза Поза «дайте нам свободу мнений», обращенной к королю, обычно раздавались долгие аплодисменты, и актер, игравший короля, выдерживал паузу, прежде чем публика успокоится, и его ответ «странные у вас, однако, мечты» будет услышан. Рейх-Раницки задает вопрос, являлось ли это демонстрацией против нацистского ре-

жима? И сам же отвечает: очень вероятно...²⁹⁸ Властям, конечно, об этом прекрасно было известно — Геббельс писал об этом в дневниках, а один из нацистских театральных деятелей Райнер Шлессер отмечал, что реплика маркиза еще во времена Шиллера вызывала у немецкой публики аплодисменты. Тот же Рейх-Раницки вспоминал, что в Берлинском государственном театре (*Staatstheater*) режиссером Фелингом был поставлен шекспировский «Ричард III» с Вернером Краусом в главной роли (премьера — 2 марта 1937 г.). История властолюбивого циника была инсценирована таким образом, что очень напоминала Гитлера и обстоятельства его прихода к власти. Гвардия короля была одета в черную униформу с серебристыми галунами, что напоминало об СС, а убийцы герцога Кларенса были в коричневых рубашках (цвета униформы СА). Полна опасных аллюзий была и постановка «Гамлета» с участием великого немецкого актера Густава Грюндгенса (1899—1963). После премьеры партийная печать назвала Грюндгенса «декадентом» и «заблудшим умником»; опасаясь концлагеря, он бежал в Швейцарию (кроме того, Грюндгенс был гомосексуалистом, что никак не могло укрепить его позиций в нацистской Германии). Актер вернулся в Германию только после того, как Геббельс написал ему письмо и гарантировал безопасность²⁹⁹.

В общем, можно констатировать полный крах репертуарной политики нацистов, при этом решающую роль сыграли не «функционеры от искусства», а публика, которая способствовала формированию репертуара «ногами». Это, однако, нуждается в уточнении: нацисты потерпели поражение в утверждении репертуара политического характера, но не в реализации последовательного и радикального антисемитизма, в чем они чрезвычайно преуспели.

С 1937 г. доминирующей организацией в театральной сфере стала КДФ. При этом КДФ стремилась расширить воздействие традиционного театра с традиционным репертуаром на широкие массы народа, пытаясь реализовать некогда выдвинутый СДПГ лозунг «Искусство — народу». Все достойное и ценное с точки зрения «национального

искусства» хотели сделать доступным возможно более широким массам народа с целью утверждения и укрепления «национальной общности». Какой-либо убеждающей статистики или объективных данных о степени культурного и эмоционального воздействия театра на немецкую публику в 1933—1945 гг., разумеется, нет, но цифры роста посещаемости театров в рассматриваемый период впечатляют. Например, в Дюссельдорфе за культмассовую работу сначала отвечали две организации — КДФ и НСК; в их задачи входило распространение дешевых билетов на театральные представления, концерты и в кино. В 1933—1937 гг. в Дюссельдорфе НСК распространила 658 100 билетов, из них 452 800 — в городские драмтеатры, 109 500 — в летние театры «под открытым небом», 48 000 — на концерты классической музыки, 17500 — в кино, 8600 — на художественные выставки³⁰⁰. После того как НСК была включена в состав КДФ, эффективность ее работы повысилась.

В процессе анализа театральной политики нацистов нельзя забывать о неоднократно упоминаемой борьбе компетенций — и в театральной сфере она была актуальна: так, Герингу как главе Пруссии был подчинен бывший Прусский государственный театр, и ему не могли предъявить претензии ни Геббельс, ни Розенберг, ни Гиммлер. Как и в случае с Гауптманом, огромное значение имели личности театральных деятелей: настоящими профессионалами, которые заставили считаться с собой нацистских бонз, были Густав Грюндгенс, художественный руководитель театра «Народная сцена» Ойген Клепфер, директор берлинского театра имени Фридриха Шиллера Генрих Георге, Гейнц Хильперт — преемник Макса Рейнхардта в полугосударственном «Немецком театре». Хильперта, кстати, за его прямоту и независимость прозвали «пастор из Кёпеника». Эти люди хорошо знали правила игры Третьего Рейха, но они по-настоящему любили свое дело и были большими мастерами. Благодаря им, как писал театровед Эмиль Лют, нацисты не смогли снизить художественный уровень немецкого театра ни в Гамбурге,

ни в Мюнхене, ни в Берлине³⁰¹. Автономия театра в нацистские времена — за некоторыми политическими ограничениями — почти не пострадала.

Специфически немецким и чрезвычайно любопытным проявлением театральной культуры был народный театр «тинг» (*Thing*) — этим словом у древних германцев называли народное собрание, а также место, где граждане собирались для решения важных вопросов; слово «тинг» до сих пор сохранилось у некоторых германских народов, от него — норвежский стортинг, исландский альтинг. Первоначально нацисты носились с идеей воссоздания тинга, поскольку он имел значительный мобилизационный потенциал. Тинг-театр был массовым действием, напоминавшим средневековые мистерии, карнавалы или театрализованные представления; это действие имело пропагандистские и мобилизационные задачи, увязанные с нацистской идеологией, да и внешнее сходство между хореографией и атмосферой тингов и нюрнбергскими съездами — очевидно. Не зря говорили о «политическом тинге» и «культурном тинге»³⁰². На традиции тинга во многом опирались и Макс Рейнхардт, и Эрвин Пискатор, и Стравинский, и Вернер Эгк, и Карл Орф. Для тинг-театра выбирали какие-либо средневековые замки или места сражений. Вообще нацисты собирались создать 400 тинг-театров (создано было 16, некоторые из них сохранились до сих пор, правда, используются они для других целей: «Лесная сцена» в Берлине, «Сцена под открытым небом» (*Freilichtbühne*) фестиваля Карла Мая в Бад-Зегеберге, «Дворец рока» на горе Лорелеи)³⁰³.

Но и сооруженные тинги использовались редко — дело в том, что какой-либо непрерывной и прочной традиции не существовало (то ли карнавальное дефиле, то ли народный хор с декламациями), привычная драматургия в этих представлениях отсутствовала, да и многое зависело от погоды. Хотя сначала масштабы тингов впечатляли — на отдельные представления порой собиралось до 60 тыс. человек. Следует отметить и то обстоятельство,

что стремление Геббельса постоянно все контролировать и все режиссировать привело к лишению тинга самой важной его составляющей — спонтанности. Тинг, впрочем, пережил временный расцвет в Олимпиаду; кроме того, нацисты использовали элементы тинга (хоровые речитативы, любительские спектакли) в своих общественных мероприятиях, так что говорить о полном банкротстве тинга все же нельзя.

***

Инструментализация искусства не ограничивалась попытками воздействовать на его содержание или приспособить его к своим целям: столь же большое значение имели и попытки изменить традиционную иерархию искусств. Наверное, можно сказать, что скульптуру нацисты предпочитали живописи, но этим видам искусства — вместе с литературой, театром и классической музыкой — нацисты предпочитали радио и кино, считая, что за ними — будущее³⁰⁴. Популярный киноактер или кинорежиссер зарабатывал в Третьем Рейхе больше 100 тыс. рейхсмарок в год, средний заработок киноактера составлял 20 тыс., что равнялось годовому окладу статс-секретаря или 10 годовым окладам квалифицированного рабочего³⁰⁵.

Первый кинотеатр в Нюрнберге был открыт в 1904 г.; накануне Первой мировой войны там их было уже 21. Число посетителей кинотеатров в 1926 — 1928 гг. выросло с 2 млн до 3,2 млн. Кино по воздействию на массы сравнивали даже со школой: на самом деле, опросы молодых рабочих в Берлине в начале 30-х гг. показали, что в кино они ходят в три раза чаще, чем в театр³⁰⁶. Безработица и экономический спад отразились и на ценах на билеты в кино: если в 1928 г. входной билет на премьерный показ стоил от 1,50 до 3,50 рейхсмарок, то в 1932 г. — 70 пфеннигов и 1,50 — в ложу. Чтобы остановить падение цен, в августе 1933 г. была установлена минимальная цена на билет первого класса — не ниже 1 рейхсмарки. В летних пригородных кинотеатрах билеты были дешевле — 50 пфеннигов, для безработных — 40, дневные сеансы для школь-

ников — 20 пфеннигов³⁰⁷. В нацистские времена кино процветало: в Германии накануне войны было 5500 кино-театров, а после аннексии территорий их число выросло до 8600; в войну (в 1943 г.) был отмечен 1 млрд посещений кинотеатров. В армии было огромное количество передвижных звуковых киноустановок³⁰⁸.

Процесс огосударствления немецкого кино завершился только в 1942 г., когда возникла объединенная кинофабрика УФА (*UFA — Universum Film AG*). Технически киностудии в Берлине и Мюнхене считались лучшими в Европе. Берлинская студия Нойбабельсберг слыла «европейским Голливудом». Кинопродукция выпускалась самого разного качества: антисемитский фильм режиссера Вайта Харлана «Еврей Зюс»³⁰⁹ (1940 г.) с Эмилем Яннингсом и Кристиной Седербаум в главных ролях, антикоммунистическая лента «Белые рабы» (1936 г.), антибританская картина «Папаша Крюгер» (1941 г.) с тем же великим актером Яннингсом (лауреатом премии «Оскар»), популярная драма «Концерт по заявкам» (1940 г.). В «Концерте» немецкий солдат во время боя, — чтобы дать ориентир своим товарищам, заплутавшим в темноте, — играет на органе во французской церкви. Сам он гибнет, но товарищей спасает. За 3 года «Концерт по заявкам» посмотрело 25 млн зрителей. Вторым по успеху был фильм «Большая любовь» с Сарой Леандер. Эта великолепная шведская актриса в 1940 г. снялась с Гансом Штрюве в популярном музыкальном фильме, посвященном 100-летию со дня рождения Чайковского. Фильм назывался «Средь шумного бала»; в 1937—1938 гг. он стал третьим по посещаемости³¹⁰.

Несмотря на значительный успех Сары Леандер и Марики Рёкк, все же «главной немкой» в истории кино осталась Марлен Дитрих; в феврале 1933 г. истекал ее контракт с голливудской студией и актриса должна была вернуться в Германию. Дитрих настаивала на том, что в Германии она продолжит работать у режиссера-еврея, с которым она сделала карьеру — у Йозефа Штернберга. В нацистской Германии об этом не могло быть и речи, поэтому Дитрих подписала новый контракт с Голливудом

и осталась в США. Вскоре она получила американское гражданство³¹¹.

Из-за антисемитизма не сложилась карьера и судьба другого очень популярного в 30-е гг. немецкого театрального актера Йоахима Готшалка, «немецкого Кларка Гейбла». Пруссак Готшалк в 1931 г. женился на еврейке Мете Вульф, которая ради мужа перешла в евангелическую веру. После 1933 г. нацистские театральные функционеры стали принуждать его развестись с женой. Готшалк любил жену и сына (по нацистской классификации сын был метисом 1-й степени) и разводиться не хотел. В итоге он ушел в кино и снял несколько блестящих фильмов с Бригиттой Хорни. И все-таки Геббельс (чрезвычайно ценя Готшалка как актера) в категорической форме потребовал развода. В ответ на преследования Йоахим и Мета Готшалк вместе с сыном Михаэлем покончили жизнь самоубийством...³¹² Интересно отметить, что Готшалк снимался почти исключительно в развлекательном кино и идеологически не был ангажирован. Это свидетельствует о некоторых возможностях избежать нацистской унификации в Третьем Рейхе даже в такой идеологически важной сфере, как кино.

Естественно, при нацистах снимались фильмы и чисто пропагандистского свойства: «Гитлерюнге Квекс» (*Hitlerjunge Quex*, 1933г.), «Штурмовик Бранд» (1936 г.), «Кольберг» (1945 г.), или фильм Вольфганга Либенайна «Я обвиняю» (тонкая пропаганда идеи эвтаназии) — эти фильмы шли со средней степенью посещаемости. Большой успех имел фильм Лени Рифеншталь о партийном съезде 1933 г. «Триумф воли». Но явно пропагандистские фильмы до войны составляли 10%; в репертуаре, как и в годы Веймарской республики, царили развлекательные фильмы. В декабре 1933 г. шел американский фильм «Кинг-конг», вызвавший колоссальный интерес у немецкой публики. Надо отметить, что голливудские фильмы в нацистской Германии показывали не меньше, чем в период Веймарской республики; так, в 1933 г. в Нюрнберге ежедневно шло 5—6 американских фильмов. В сере-

дине 30-х гг. в Нюрнберге 14,7% кинопроката составляли американские фильмы, в 1938 г. — 14,3%, в 1939 г. — 10%, хотя нацистская пропаганда твердила, что настоящими хозяевами Голливуда являются евреи³¹³. Официальный запрет Министерства пропаганды на голливудские фильмы вышел только 28 февраля 1941 г. (якобы в ответ на гонения на немецкое кино в США). Зато 15 марта 1933 г. нацисты выпустили первый список запрещенных к показу фильмов, среди них преобладали советские фильмы.

В 1933—1934 гг. было отмечено около 250 млн посещений кино, в 1939 г. — более 600 млн, а в 1942 г. — более 1 млрд посещений. Тридцать фильмов в начале сороковых годов просмотрело по миллиону зрителей, а выпущенный в июне 1942 г. фильм «Большая любовь» с Сарой Леандер (она пела шлягер «Когда-нибудь произойдет чудо») посмотрело 25 млн зрителей³¹⁴.

3 марта 1942 г. в Берлине состоялась премьера фильма режиссера Тобиса «Великий король» (о Фридрихе Великом). Прессе Геббельс отдал приказ не сравнивать прусского короля с Гитлером, но сам же на торжественном заседании, посвященном дню рождения Гитлера, привел это сравнение. СД передавала, что для немецкой общественности фильм стал событием: он снимал романтический флер с пруссачества и показывал, насколько ледяной и недоброжелательной атмосферой был окружен великий король и сколько непопулярных решений он должен был принимать³¹⁵. Сомнительно, правда, чтобы этот рапорт СД буквально передавал мысли народа — уж больно интеллектуальными были эти суждения.

Огромное впечатление на немецких зрителей произвел первый цветной фильм с популярной актрисой Марикой Рёкк, которая снялась в целой серии беззаботных, веселых лент — особенно были известны «Дочь Евы» (1938 г.), «Кора Торре» (1940 г.) и «Девушка моей мечты» (1944г.). Почти все ее фильмы были связаны с именем известного немецкого режиссера Якоби. У нас в стране Марика Рёкк была широко известна по фильму «Девушка моей мечты».

Ставились добротные исторические фильмы — мелодрама Вайта Харлана «Кольберг» (1944 г.), драма с Яннингсом «Роберт Кох — победитель смерти» (1939 г.). Фильм о Роберте Кохе стал событием в культурной жизни Германии; СД передавала о чрезвычайно позитивном эффекте от фильма³¹⁶.

Любопытные детали связаны с лентой Харлана «Кольберг». Она была посвящена историческим событиям: прусская крепость Кольберг в Восточной Померании (ныне польский портовый город Колобжег) во время Семилетней войны была осаждена войсками генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского и в декабре 1761 г. капитулировала³¹⁷. Драма защитников города и оказалась в центре внимания режиссера. Харлан потратил на этот фильм огромные деньги (8 млн рейхсмарок), в массовках были заняты десятки тысяч солдат и 6 тысяч лошадей (и это в 1944 г., когда на фронтах у Германии все рушилось...). Геббельс ожидал от этого фильма огромного пропагандистского эффекта. Фильм Харлана обладал неоспоримыми художественными достоинствами, в нем были заняты лучшие актеры: Кристина Зедембаум (шведская актриса, жена Харлана), Генрих Георге (генеральный директор театра Фридриха Шиллера в Берлине, отец известного современного актера Гетца Георге). Премьера «Кольберга» состоялась в марте 1945 г. одновременно в Берлине и в кинотеатре города Кольберг, который был к тому времени вновь осажден — на этот раз уже рвущимися к Берлину советскими войсками. Солдаты вермахта удерживали город — вернее, узкую полосу берега в 1,5 км длиной — до 18 марта 1945 г. За это время немецкий флот смог эвакуировать из Кольберга 70 915 беженцев и немецких солдат³¹⁸. Легко представить себе, с каким чувством жители реального Кольберга наблюдали за развитием осады того, экранного Кольберга, и насколько драматичной казалась им собственная участь. Где жизнь, а где искусство в этом случае действительно трудно было разобрать — именно таким способом и был достигнут наивысший пропагандист-

ский эффект, повторить который, впрочем, все равно никогда бы не удалось.

Что касается второго упомянутого исторического фильма — о Роберте Кохе, — то в центре внимания здесь лежал конфликт между основоположником современной бактериологии и эпидемиологии Кохом (1843—1910) и гигиенистом Рудольфом Вирховым (1821—1902), основателем Немецкой свободомыслящей партии, соперником Бисмарка. Безупречный в морально-этическом отношении Вирхов выставлен в фильме малодушным «декадентствующим» реакционером. Это абсолютно не соответствовало истине, зато соответствовало идеологическим интересам нацистов, ибо Вирхов был убежденным противником расовой теории. Интересно, что на *Biennale* в Венеции в 1940 г. эта лента получила первую премию.

Кинодокументалистика была представлена работами Лени Рифеншталь. Ее первый фильм «Голубой свет», где она была одновременно продюсером, режиссером и актрисой, сразу стал популярен. Гитлер разгадал в ней большой талант, и по его поручению она сняла пропагандистски чрезвычайно эффективную ленту о партийном съезде. Наивысшего успеха Рифеншталь достигла в «Олимпии» — в ленте о берлинской Олимпиаде — в возвышенной поэме о красоте, о спорте, о силе. Этот фильм является блестящим образчиком искусства кинематографии, в котором в результате сочетания мастерства во владении кинокамерой, монтажа и музыкального сопровождения является нечто воистину «олимпийское», особенно во вводной части, показывающей рождение Олимпийских игр. Биограф Рифеншталь Одри Салкелд обратила внимание на тот удивительный факт, что кинодокументов от предшествующей Олимпиады в Лос-Анджелесе мало и никакой художественной ценности они не представляют (хотя, казалось бы, рядом Голливуд...) ³¹⁹ Причиной успеха спортивного фильма Рифеншталь было то, что чистая документальность для нее не была чем-то священным, она могла пойти на пересъемку эпизода или на неожиданное включение искусственного крупного плана ради усиления напряженности момента.

Несмотря на это, в фильме об Олимпиаде видны и политические мотивы и цели режиссера. В принципе, они легко читаются: физическая закалка необходима молодому поколению для выполнения грядущих великих задач. На экране вновь и вновь появляется фюрер, он как бы освящает собой все действие фильма. Такие киноленты Лени Рифеншталь, как «Праздник народов» и «Праздник красоты», — неоднократно отмечались наградами, например, на венецианском *Biennale* 1938 г. и наградой Международного олимпийского комитета в 1948 г. Кроме Рифеншталь, в немецком документальном кино значительных фигур не появилось.

В целом следует констатировать, что картина развития театра и кино в Третьем Рейхе является отнюдь не однозначной: о полной унификации и в этой сфере говорить не приходится. По всей видимости, главная причина этого в том, что в отличие от прочих видов искусства, кино и театр в очень высокой степени зависят от спроса на рынке. Нацистское руководство опасалось проявлять чрезмерно сильное идеологическое давление, которое могло привести к усталости публики, а затем и к утрате возможности влиять на общество посредством кино и театра. Такой подход был вполне логически оправдан.

Выводы

В итоге этой главы следует подчеркнуть, что заявленная в предисловии потребность в ревизии тотального отвержения эстетики нацизма необходима по причине неоднозначности их эстетической политики — в ней можно выделить и ряд моментов, указывающих на то, что культурная и эстетическая традиция Германии нацистами практически не была прервана и довольно быстро восстановилась — в отличие от нашей страны, где этот разрыв носил гораздо более фронтальный и глубокий характер. В этой связи нужно констатировать, что дуалисти-

ческая модель немецкого искусства (1933—1945 гг.), сводящаяся к формуле «конформистское искусство — искусство в эмиграции», — слишком проста. На самом деле в нацистской Германии помимо официального искусства во «внутренней эмиграции» продолжало существовать искусство, которое нельзя оценить однозначно. Работниками сферы искусства в Третьем Рейхе были не только ангажированные, но и сотни других художников, исподволь воспроизводящих прежнюю традицию развития искусства. Поэтому с полным правом можно сказать, что развитие немецкого искусства в рассматриваемый период определяло не жесткое противостояние, а тонкие различия и едва определимые тенденции, которые зачастую вообще трудно как-либо определенно оценить. Ясно одно: будь то музыка, скульптура или живопись — во всех сферах нацисты стремились преодолеть модерн, который они хотели заменить реставрацией академического традиционализма. Выделить при этом собственно национал-социалистический стиль в искусстве нацистам не удалось — все попытки утонули в стремлении найти врагов и преодолеть «враждебное» влияние.

С другой стороны, некоторые особенности и трудноуловимые нюансы позволяют нам говорить о специфике нацистского искусства, связанного с героизацией, пафосом, культом силы, превознесением подвига и жертвы, с возвышенным и напряженным восприятием действительности (на поверку — ложной). Повторим вслед за Саулом Фридлендером³²⁰, что национал-социализм для многих людей до сих пор остается прежде всего важным и необычным эстетическим явлением. Вновь и вновь в центре внимания художников различных жанров и видов искусства оказываются вера и подчинение, физическая красота и насилие, борьба и смерть, свет и огонь сами по себе, как экзистенциальные переживания, безотносительно к общепризнанной человеческой морали. Это темы Лени Рифеншталь, Альберта Шпеера, Эрнста фон Заломона³²¹, Эрнста Юнгера, Райнера Марии Фассбиндера³²², Жана Жене³²³, Мишеля Фурнье³²⁴, Юкио Мисимы³²⁵,

Маргарет Юрсенар³²⁶, Лукино Висконти³²⁷, Лилианы Кавани³²⁸. 10 ноября 1988 г. председатель бундестага Филипп Еннингер лишился доверия немецкого парламента и вынужден был выйти в отставку за то, что во время выступления по поводу 50-летия «хрустальной ночи» (правда, несколько неуместно) сказал то, о чем многие не решались или не хотят говорить и что составляет самое непостижимое в истории нацизма — он высказался об одновременно прекрасном и отталкивающем видении зла, о видении Третьего Рейха, который для миллионов людей имел околдовывающее, магическое сияние. Время от времени это видение становится актуальным, привлекает внимание и симпатии. Почему это происходит — объяснить до конца невозможно. Эстетика зла иногда притягивает, порой она становится заманчивой на фоне серой и однообразной обыденности. Английский историк Майкл Булей так заключил своё солидное исследование истории Третьего Рейха: «Очень может быть, что мы ведем более скучную жизнь, чем те немцы, которые жили в апокалипсические нацистские времена, но лучше скучно жить, чем бездарно погибнуть, соблазненным идеологическими химерами»³²⁹. Думается, что к мнению этого англичанина присоединится большинство читателей.

К тому же еще с послевоенной поры в Европе (а не только в Германии) существовала тенденция демонизировать нацизм; тенденция эта время от времени проявляется и ныне. Начало этому процессу положил Томас Манн, который, не имея опыта существования в условиях нацистского режима (он почти сразу эмигрировал), предпочел его демонизировать в «Докторе Фаустусе» и таким образом внес парадоксальный вклад в его извращенную притягательность. Отчасти это относится и к роману Лиона Фейхтвангера «Братья Лаутензак». Самым деятельным борцом против этого рокового (и ложного) ореола таинственности оказался Гюнтер Грасс. В своих блестящих произведениях — в «Жестяном барабане» (*Blechtrommel*), в «Кошке и мыши» (*Katz und Maus*) и в «Собачьих годах» (*Hundejahre*) — он задался целью продемонстрировать

банальность и низкопробность нацистского движения и демифологизировать его. Для Грасса в нацистах не было ничего героического или дьявольского: они оказывались дутыми силачами, чья рисовка всегда представала в комическом свете³³⁰. Такой подход к нацизму представляется более адекватным, но порой кажется чересчур упрощенным, приспособленным под современные потребности осуждения нацизма. А это сужает его действенность на современного читателя. Впрочем, строгие предписания и рецепты, что является верным в оценке эстетики Третьего Рейха, а что нет — это не задача автора: каждый должен самостоятельно прийти к определенным выводам.

Часть II

ОБЫДЕННОЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЖИЗНИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Нацизм — это моральное учение, призывающее совлечь с себя прогнившую плоть ветхого человека, чтобы облечься в новую».

(Х. Л. Борхес)³³¹

«Ленин, Гитлер, Сталин и их меньшие последователи по всему миру — скорее своими действиями, чем принципами — продемонстрировали ту истину, ужасную для одних, утешительную для других, что люди куда пластичнее, чем думали, и при наличии достаточной воли, фанатизма и решительности (а главное — благоприятного стечения обстоятельств) можно изменить почти все».

(И. Берлин)³³²

«The only thing necessary for the triumph of evil is for good men to do nothing».

(Е. Burke)³³³

«Я вам скажу, в чем корень мирового зла: в людях! Вы что же, уничтожите их? До тех пор, пока мы не изменим свой образ мышления — у нас нет шансов. Покажите мне хоть одну удавшуюся революцию. Кто обгадил коммунизм, христианство, буддизм и так далее?»

Паршивые людишки — и никто иной!»

(Дж. Леннон)

ВВЕДЕНИЕ

Национал-социализм является, по существу, регрессивным морализмом (как ни дико это звучит), то есть, иными словами, нацисты хотели сделать моральным то, что таковым ранее не считалось, и это им удалось на некоторое время за счет искажения самого этого понятия. Впервые на моральную неполноценность фашизма и нацизма указал в 1943 г. Бенедетто Кроче, который считал, что фашизм не был осознанной целью каких-либо общественных классов Италии, но лишь следствием морального одичания, депрессивного состояния гражданских чувств и опьянения войной³³⁴. При этом Кроче писал, что итальянский фашизм был наиболее безобидной разновидностью фашизма по причинам, связанным с особенностями национального менталитета, политической культуры, склонности итальянцев к театральности, внешним эффектам, отсутствия действительной готовности к жертвам, к борьбе и напряжению. Современные исследователи поддерживают эту точку зрения на итальянский фашизм, который не носил столь террористический характер, как нацизм или большевизм³³⁵. На самом деле, в каждом случае нужно обязательно учитывать национальную политическую культуру, но нельзя прямо экстраполировать политическую культуру на политическую действительность, поскольку условия тоталитарных систем предоставляли невиданные ранее возможности для манипуляций обществом, его морально-этическими ценностями и общественным мнением. В Германии наиболее авторитетным сторонником подобной интерпретации был Фридрих Майнеке с его фундаментальной монографией «Немецкая катастрофа»³³⁶, в которой он изображал нацизм как «несчастный случай» в истории немецкого общества, непредсказуемое и непредвиденное отклонение от эволюционной и преемственной линии развития немецкого общества. Впрочем, еще раньше — на рубеже веков — Якоб Буркхардт также предвидел век «чудовищных упрощенцев»³³⁷, истоки которого он видел в Просвещении. Именно

«упрощение» действительности и сделало нацизм морально неполноценным, как определил Кроче. При этом современная моральная позиция при рассмотрении феномена нацизма предполагает его резкое осуждение как «светской» религии, искажающей в собственных политических интересах прежние моральные нормы. Однако этого осуждения недостаточно для проникновения в историческую действительность тоталитарного режима, нужно еще отчетливо представлять себе, что имело место и обратное воздействие людей на эту действительность, что подспудно ее видоизменяло, делало ее более приемлемой, создавало лучшие условия, более «удобные» условия для конформизма. С другой стороны, нацисты, придя к власти, всячески стремились угодить немцам, создать им более благоприятные социальные условия. Более 200 лет назад в дебатах о будущей американской конституции Александр Гамильтон утверждал, что любое правительство, даже самое деспотическое, зависит от общественного мнения (*public opinion*). История Третьего Рейха в полной мере подтверждает правоту этого высказывания.

В этом отношении весьма интересными объектами анализа диалектики развития тоталитарного общества являются обыденная жизнь, условия для формирования конформизма или неприятия происходящего в обществе, старые идеологемы, которые используя нацисты в формировании нацистской общности. В процессе такого анализа нужно учитывать и иррациональную сторону человеческой природы: диктатура Гитлера показалась многим людям воплощением порядка и справедливости. Нацизм достиг влияния не только благодаря экономической программе, но благодаря апеллированию к смутным желаниям и устремлениям, которые не приняли ясные очертания, но были довольно сильными и устойчивыми, поэтому нацизм — это прежде всего концепция активизма и иррационализма. Эти подчас трудноопределимые и неоднозначные факторы становления нацистской тоталитарной общности и являются предметами анализа в данной главе.

ГЛАВА I

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ: ЭВОЛЮЦИЯ И РЕАКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПРИ НАЦИСТАХ

После поездки в нацистскую Германию у англичанина спрашивают: «Что вам больше всего не понравилось в этой стране?»

— Понимаете, если у меня дома в Британии звонят в дверь в 5 часов утра, я точно знаю, что это молочник...

(Берлинский анекдот нацистских времен)

«Развитие истории в XX в. показало, что потеря чувства протеста не является особенностью немцев».

(Раймон Арон)³⁴

«Es gibt kein richtiges Leben im falschen».

(Theodor Adorno)³⁵

Перспективы исследования повседневности в Третьем Рейхе

Несмотря на опасность утраты перспективы, опасность аморфности и расплывчатости исследований на тему истории повседневности, последнюю признают в целом даже серьезные немецкие исследователи, которые вынуждены принимать во внимание следующие аргументы: во-первых, политическая история «государственных мужей у кормила власти» должна быть дополнена описанием опыта населения, его поведения и образа жизни; во-вторых, перспектива обыденности особенно ярко открывается в тематически узких исследованиях, посвященных отдельным регионам, субъективным свидетельствам отдельных групп населения — подобные исследования

привлекательны и тем, что с их помощью читатель открывает историческое измерение собственной жизни; в-третьих, нужны аналитические смысловые центры, на которые нацелено исследование, поскольку значение опыта повседневности проявляется лишь в том случае, если удастся установить взаимосвязь между микро- и макроизмерениями истории³⁴⁰. При изображении повседневности необходимо иметь ясную теоретическую перспективу, утрата которой довольно часто встречается в специальных работах на эту тему. Большую проблему составляет, к примеру, оценка одновременности репрессий, с одной стороны, и нормальной, естественной, обыденной (к примеру, школьной) жизни, обычных молодежных и детских проблем; одновременность террора и общественного согласия.

Уже первые общие работы по состоянию общественного мнения в Третьем Рейхе показали, что, несмотря на массивную пропаганду, какого-либо единого, унифицированного общественного мнения в тогдашней Германии не было. Различия в оценках, мнениях и поведении отдельных слоев немецкого населения были обусловлены многими факторами, включая региональный, религиозный, сословный, профессиональный, возрастной. Вместе с тем можно выделить самые общие тенденции, которые были результатом общего исторического прошлого и воздействия культурной среды, которая остается актуальной, невзирая на различия поколений.

В социальной истории справедливо уравнивают «маленького» человека и повседневность, находящуюся в тени видимых и значительных политических перемен, повседневность — это то, что повторяется каждый день, ее масса доминирует в человеческом опыте, но именно потому, что повседневность — это постоянное повторение, она не оставляет видимых следов в истории, ускользает от нашего внимания или внимания современников, поэтому повседневность интересна и важна для социальной истории.

Самыми интересными, самыми объективными источниками по истории общественного мнения в Третьем Рейхе

являются документы самого нацистского аппарата террора, который и содержали для обеспечения политической унификации нации. Прежде всего, интерес вызывают обычные рутинные полицейские сводки о состоянии общественных настроений, а также «Вести из Рейха», составляемые СД — на них во многом опирался автор. Содержание этих доносов или сводок не сенсационно, но весьма примечательно. Из полицейских доносов, например, становится ясно, что население района Ахена было гораздо лучше информировано о событиях, связанных с «путчем Рема», чем иные нацистские руководители (как они писали в послевоенных мемуарах о степени собственной информированности)³⁴¹. Также из полицейских доносов из Ахена следовало, что большинство населения хотя и одобрило введение войск в Рейнскую демилитаризованную зону, но при этом все надежды были связаны не с режимом как таковым, а более с рейхсвером; люди надеялись, что именно армия наведет в Германии порядок³⁴². По мнению полицейских чиновников, население весьма остро реагировало на нападки на религию, многие люди даже были готовы бороться за веру и страдать за нее³⁴³.

Обыденная жизнь раскрывает порой совершенно неожиданные ракурсы социальной истории, к примеру, то, что большинство немцев, переживших нацизм, расценивали 30-е гг. (по сравнению с 20-ми гг.) как годы «нормальной жизни», то есть устойчивого быта, постоянной работы, уверенности в завтрашнем дне. Нельзя забывать, что у большинства немцев сохранились воспоминания о голоде 1916—1919 гг. Один нейтральный наблюдатель в 1939 г. отмечал, что «среди представителей всех слоев населения разговоры касаются главным образом продовольственной проблемы, а не политики»³⁴⁴. Между тем, в этом нет ничего удивительного, ибо повседневная жизнь в значительной степени определялась страхом повторения этого голода. В громадной степени причина лояльности немцев к режиму заключалась в быстрой ликвидации страшного социального бича — безработицы (уже в 1937 г. потребность в квалифицированных рабочих не удовлетворялась).

С другой стороны, следует указать, что многие из 4,8 млн безработных, которые в 1933 г. неожиданно получили «работу и хлеб», вскоре почувствовали себя обманутыми: дело в том, что часто зарплата была не выше пособия по безработице. К примеру, промышленный рабочий получал в 1932 г. 81,6 пфеннига в час, в 1938 г. — 78,8, а за фунт масла в 1932 г. нужно было заплатить 278,3 пфеннига, а в 1937 г. — 312,4, килограмм сахара стоил в 1932 г. 74,6 пфеннига, а в 1937 г. — 76,7. Фунт телятины в 1932 г. стоил 160,4, а в 1937 г. — 209,4 пфеннига³⁴⁵. Между декабрем 1935 г. и июнем 1939 г. средняя почасовая оплата в промышленности выросла на 10,9%, что означало, что среднестатистический рабочий в 1939 г. получал по сравнению с 1936 г. на 5,80 рейхсмарок больше, а работница — на 2,50³⁴⁶. Поэтому казалось, что жизнь становится лучше. Масштабы социального напряжения вследствие безработицы были весьма велики: безработица доводила иных немцев до крайности, они готовы были на все вплоть до насилия; есть свидетельства, что в начале 30-х гг. многие состоятельные люди всерьез опасались за свое состояние и жизнь, они боялись лишней раз появиться на улице; некий обитатель виллы в Мангейме жаловался, что ему каждый день звонят по телефону и требуют денег, что «толпы на улицах настроены просто зверски»³⁴⁷. В войну внутренняя логика социального развития также удерживала большинство немцев на стороне режима: «постепенно в повседневности нацисты перетянули народ на свою сторону — сначала ликвидацией ненавистной безработицы, затем блестящими военными победами первых военных лет и, наконец, страхом перед русскими, вернее, перед «большевистскими недочеловеками»³⁴⁸.

Снижение безработицы было весьма важным фактором роста популярности режима, пропаганда всячески старалась усилить этот эффект. Нацистская газета ФБ сообщала 25 сентября 1933 г., что за август число безработных сократилось на 10 741 человека. При этом нацисты строили свои акции по ликвидации безработицы таким образом, чтобы простой человек с улицы не сразу мог

догадаться, кому он должен быть благодарен за работу — партии, государству или обществу. Всевозможные многочисленные кампании сбора пожертвований и прочие благотворительные акции (некоторые из них существовали и до нацистов) получили при новой власти статус государственных программ и были ловко превращены нацистами в инструмент узурпации государственной власти различными партийными инстанциями и учреждениями; общество при этом постепенно превращалось в контролируемую составную часть нацистского движения. Эти кампании были результативны, поскольку проводились чрезвычайно энергично и с невероятным размахом.

ГЮ, ЮФ, БДМ, СА, СС, НСФ и прочие нацистские организации посылали своих представителей по домам — для того чтобы, к примеру, обменивать на пожертвования безработным искусственные эдельвейсы (якобы любимый цветок Гитлера), подсолнухи, брошки из янтаря, сувенирные коробочки с землей Мемеля или Саара. Немцы, которые появлялись на улице в день какой-либо кампании сбора пожертвований без значка, отмечающего его участие хотя бы в одной благотворительной акции, могли стать жертвой принуждения к пожертвованию определенной суммы на благие цели помощи страждущим. На улице в такие дни иногда устанавливали специальные деревянные щиты, в которые за соответствующую плату прохожие могли забивать гвозди с разноцветными шляпками; когда забивали последний гвоздь — получался какой-либо партийный символ. Отказаться от предложения забить такой гвоздь и продемонстрировать таким образом свою нелояльность было неосмотрительно, а подчас и стыдно, ибо сбор средств шел под лозунгами «Никто не должен голодать», «Никто не должен мерзнуть». Пожертвовавшим деньги немцам выдавали специальные значки или удостоверения, их заносили в специальные списки. Так как партийные функционеры в отдельных жилых ячейках и блоках знали всех жильцов, то тех, кто ничего не жертвовал, заносили в специальные «черные списки». Фирмы получали специальные анкеты, в которых следовало указывать,

кто из сотрудников пожертвовал, а кто — нет. Нередко руководство фирм должно было вычитывать из окладов и зарплаты своих сотрудников определенные суммы для пожертвований. Владельцам малых предприятий, служащим и крестьянам могли грозить неприятности, если их имена постоянно отсутствовали в списках жертвователей. Только рабочие, которым нечего было терять, могли отказаться жертвовать. Чтобы показать масштабы деятельности ВХВ (организация «Зимняя помощь»), можно привести следующий пример: в Великобритании в начале войны начался сбор пожертвований английскому Красному Кресту. Через пять месяцев был собран 1 млн фунтов стерлингов (10 млн рейхсмарок). В Германии в один из декабрьских дней 1938 г. ВХВ за несколько часов собрала 15,8 млн рейхсмарок³⁴⁹.

Картина национал-социалистической Германии становится тем бледнее и безличнее, чем меньше описаний конкретного личного опыта и переживаний она содержит. Многие доказывают сосуществование претензий нацистов на политическую мобилизацию населения и стремления иных немцев замкнуться в частную жизнь. Кроме того, история обыденности Третьего Рейха опровергает широко распространенное убеждение в том, что нацизм утвердил свое господство исключительно с помощью репрессивных органов — на самом деле нацисты активно использовали многие рычаги социальной политики, которая в таких масштабах распространилась в остальной Европе только в 50—70-е гг. Большинство немцев были тесно привязаны к нацизму материальным интересом — доходы по сравнению с временами Веймарской республики выросли, социальная стабильность укрепилась. Оживление экономики, общественные работы, строительство автобанов, расходы на военную промышленность имели следствием подъем конъюнктуры и резкое падение безработицы, на что положительно повлияло и введение всеобщей воинской обязанности. При этом доллар обесценивался, так как президент США Франклин Рузвельт отменил золотой стандарт, и таким образом Германия

одним махом освободилась от значительной части своей внешней задолженности. Провозглашенное Брюнингом (после банковского краха) сокращение окладов и пенсий при нацистах было отменено; уже никто не вспоминал, что некогда гитлеровцы провозгласили лозунг: «Когда наступит Третий Рейх, то никто не будет получать больше 12 тыс. марок в месяц».

Повседневная жизнь и общественное мнение в Германии в 1933—1939 гг.

«Фундамент, на котором Гитлер построил свою власть, был наш глубоко спря-
танный страх перед любым беспорядком».

(Клаус фон Донани)

После прихода Гитлера к власти хозяйственные дела у простых немцев хоть и медленно, но шли на поправку; так, в 1934 г. (по калькуляции референта по экономическим вопросам имперской канцелярии) расходы семьи из 5 человек с недельным заработком в 25 рейхсмарок составляли: налоги — 11% , питание — 54%, квартплата, отопление, электричество — 30%, одежда — 2%. В остатке было 73 пфеннига, при этом расходы на транспорт, образование, отдых или проценты по кредитам вовсе не предусматривались. Питание было очень скромным: в неделю на 5 человек — полкилограмма жиров, 0,7 кг мяса, а сыр, яйца, овощи и фрукты не предусматривались. К тому же, как семья в 5 человек одевалась на 2 рейхсмарки в месяц, референт также не пояснял. Через два года, однако, общая картина несколько улучшилась — зарплата выросла до 32 рейхсмарок. При этом нужно учитывать, что региональные отличия в Германии имели существенный характер: так, в Гамбурге в 1935 г. зарплата была в два раза выше, чем в Познани (Восточная Пруссия), у силезских горняков — на 20% ниже, чем в Руре³⁵⁰ . Оплата труда интеллигенции (в отличие от Советской России) была довольно высокой по сравнению

с рабочими: зарплата доцента составляла 800 рейхсмарок в месяц (при зарплате рабочего около 130—140 рейхсмарок), а пенсия доцента — около 400 рейхсмарок (в зависимости от выслуги)³⁵¹.

Простых людей, однако, радовало то, что после долгих лет беспросветной нужды и безработицы имели место хоть и небольшие, но улучшения. Даже когда в 1936 г. в связи с неурожаем начались ограничения и были введены карточки по жирам, большинство немцев отнеслось к этому философски. Партийные же боссы, со своей стороны, стремились предотвратить нежелательные реакции населения. Заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс произнес по поводу продовольственных ограничений проникновенную речь, которая была опубликована на первой странице партийной газеты ФБ 13 октября 1936 г. Гесс отдавал должное усилиям крестьян: «Мы добились того, что немецкий народ на 100% снабжает себя хлебом и мукой, картофелем, сахаром и молоком. Отстают по этому показателю овощи и мясо, яйца и сыр, а с жирами мы очень зависим от импорта. Отсюда — и сложности в снабжении. Но нас это не должно расстраивать, ибо гораздо важнее импортировать необходимое для промышленности сырье, чем жир, ведь промышленность — это работа для миллионов, это вооружение. Мы готовы и в будущем, если надо, есть меньше жира и свиного мяса, меньше на пару яиц, так как мы знаем, что это жертвы на алтарь свободы нашей страны. Мы знаем, что валюта, которую мы экономим, идет на вооружение страны. Лозунг “Пушки вместо масла” актуален до сих пор. Мы заботимся о том, чтобы желание напасть на нас было как можно меньше. Ныне в Германии живут 6,5 млн человек, которые при Гитлере получили работу, а немец стал расходовать в среднем на 85 марок в месяц больше, чем до 1933 г.»³⁵². В самом деле, потребление мяса на душу населения в Германии было на четверть ниже, чем в Великобритании: между 1927 г. и 1937 г. в рабочих семьях Германии увеличилось потребление ржаного хлеба на 20%, а потребление мяса за тот же промежуток време-

ни снизилось на 18%, жиров — на 37%, белого хлеба — на 44%³⁵³.

Для верхушки Третьего Рейха существовало иное измерение благосостояния: если в Веймарской республике существовал закон, запрещающий совмещение (*Doppelverdien*) административных постов и предпринимательство, то в нацистские времена это стало обычным делом; многие акционерные общества и банки предпринимали усилия, чтобы заполнить в свои правления нацистских бонз³⁵⁴.

Режим предпринимал всё возможное для консолидации немцев разного имущественного положения: так, с осени 1933 г. все немцы каждое воскресенье трех зимних месяцев вместо обычного обеда из нескольких блюд получали обед из одного блюда («*Eintopfgericht*»), за который должны были платить ту же, что и за обычный обед, цену. Акция имела добровольный характер, а средства переводились на нужды социальной благотворительности. В этой церемонии принимал участие сам Гитлер, ведущие политики, спортсмены и актеры. Когда согласно требованию партии все германские семьи перешли по воскресеньям на похлебку, даже у Гитлера в обед стали ставить на стол одну только супницу, одновременно на стол клали список, в который можно было внести сумму своего пожертвования³⁵⁵.

Для достижения искомой социальной унификации и создания ощущения единства нации годились все средства, а не только обеды из одного блюда. Так, по мысли нацистских идеологов, если политическая и духовная свобода были ущемлены или ограничены, то природа и техника должны были компенсировать эту потерю. Символами повседневности постепенно стали множество новых предметов потребления: телефон, современная мебель из стальных труб, 8-мм фото пленка, холодильники, электропечи, фены, обтекаемой формы автомобили, аэродинамические формы паровозных локомотивов и самолетов. Немцам льстили перспективы расширения потребления — радио, телевидение (массовое производство телевизоров началось в Германии при нацистах), перспективы приобретения

собственного жилья и автомобили. На автомобильной выставке 1933 г. Гитлер указывал на большое значение автомобиля и автобанов для будущего Германии. Эти слова вскоре были подкреплены отменой налога на автомобиль — все препятствия для моторизации страны были сняты. Хотя обещание личного автомобиля каждому осталось обещанием, и в конце войны сотни тысяч немцев имели только облигации КДФ (после войны «Фольксваген» принимал эти облигации и учитывал их при приобретении автомобиля), а не сам автомобиль, но магическая картина «народа на колесах» долгое время казалась большинству немцев реальностью. Руководитель строительства автобанов инженер Фриц Тодт говорил: «В автомобиле и маленький человек, склонности и возможности которого не располагают к дерзновенным мечтаниям, может ощутить тягу к маленьким открытиям»³⁵⁶.

Вследствие активной политики нацистов по преодолению социальных проблем или, по крайней мере, подчеркнутого внимания к ним, к лету 1935 г. признаки какой-либо существенной народной оппозиции Гитлеру отсутствовали. Открытое неповиновение фюрера державам Версальского договора в марте 1935 г. (он отказался признать статьи о вооружениях и приступил к программе милитаризации) и его июльский (1935 г.) успех при заключении военно-морского пакта с Британией привели немецкий народ в состояние патриотической эйфории.

Огромную роль во всесторонней унификации жизни в нацистской Германии сыграл обывательский конформизм; нельзя забывать, что немцы той эпохи не были нацией демократов и республиканцев, в подавляющем большинстве как неоспоримую ценность они воспринимали авторитарное государство: после 1933 г. последовало повальное вступление в партию и примыкающие к ней организации — помимо прочего, это было еще и желательным условием для получения работы, возможности учебы, для победы над конкурентами. К примеру, нацистская корпоративная организация «Союз доцентов» состояла преимущественно из приват-доцентов, которые полу-

чали штатные места за свой идеологический пыл: началась настоящая эра доносительства. Современники единодушно указывали, что тот, кто не был очевидцем происшедшего, не может представить себе масштабы бесхарактерности, сопровождавшей нацистскую унификацию общества; в этот момент как раз и настало «время неполноценных» (а не в период Веймарской республики, как считали ее правые критики в 20-е гг.). Подобная вакханалия доносительства имела место и в Советском Союзе в 30-е гг. При склонности немцев к аккуратности и педантичности и их стремлении по возможности доводить все до логического конца, для «нежелательных» элементов в обществе складывались невыносимые условия. В Третьем Рейхе не было законодательно оформленной обязанности политического доносительства, впрочем, Гейдрих в 1939 г. пытался ввести закон об обязательном доносительстве, но этому воспрепятствовали партийные инстанции: было признано, что при доносительстве достаточно моральной ответственности, а законодательно его оформлять не стали. Интересно, что система репрессий строилась на доносительстве, но сами доносы рассматривались как «морально сомнительные»; если сформулировать точнее: «доносы были желанны, а доносчики — нет»³⁵⁷. Типичными темами доносов были: связь с евреями (26%), уклонение от армии (22%), критика режима (17%), уклонение от пожертвований (11%), пораженчество (7%), политическая критика (6%)³⁵⁸. Доносчики предпочитали обращаться не прямо к гестапо, но к партийным функционерам, которые иногда сами предпринимали действия по вразумлению тех, на кого доносили, а если это не помогало, тогда дело передавали гестапо. Канадский историк Джелателли доказал, что число сотрудников гестапо было небольшим: в 1937 г. в Дюссельдорфе у гестапо было 126 сотрудников, в Эссене — 43, в Дуйсбурге — 28, а ведь это города с полумиллионным населением. При такой малочисленности эффективность работы гестапо обеспечивали преимущественно доносы³⁵⁹.

Как и в СССР, в нацистской Германии постепенно возникло и оформилось свойственное тоталитарной обыденности чувство постоянной опасности: люди старались вести себя как можно неприметнее. Даже эсэсовцы старались использовать в переписке язык, который делал тексты идеологически проверяемыми, то есть чтобы действия и их языковое выражение не оставляли сомнений в содержании информации³⁶⁰. Огромную роль сыграла и динамика молодого и нетерпимого нацистского движения, стремившегося обратить всех в собственную веру. Один современник вспоминал, что в уличных столкновениях между СА и коммунистическим Союзом красных фронтовиков постоянно побеждали нацисты. Он же сообщал, что к марту 1933 г. уже мало кто в местной гимназии при встрече осмеливался не использовать «гитлеровского приветствия» (*Hitler-Gruß*)³⁶¹. После прихода Гитлера к власти Гордон Грейг спросил своего друга, американского консула в Мюнхене Чарльза Хатэвея, почему немцы, известные неукротимым индивидуализмом в религии и философии, теперь с таким невиданным рвением проявляют уважение к политической власти. Вразумительного ответа он не услышал³⁶². С другой стороны, не следует забывать о том, что и при тоталитаризме жизнь не прекращалась — люди влюблялись, женились, делали карьеру, занимались делами, и окружающая их социальная среда многим казалась совершенно нормальной. Незадолго до казни по приговору Нюрнбергского трибунала Ганс Франк писал о 30-х гг. как о времени, в котором царило счастье, торжество, радость, молодость³⁶³. Доказательством оптимизма и доверия немцев к власти в 30-е гг. было то, что на двух родившихся в 1932 г. детей в 1936 г. приходилось уже четыре. В 1938—1939 гг. в Германии был зафиксирован самый высокий уровень браков в Европе; по существу имел феномен роста рождаемости — и это на фоне ее снижения в других европейских странах. Безусловно, в деле гармонизации социальной сферы Третий Рейх смог за короткий срок добиться гораздо большего, чем Веймарская республика³⁶⁴. При этом следует отме-

титель, что высокий уровень социальной гармонии был достигнут при значительной активности населения: большинство немцев старались содействовать максимальной мобилизации на достижение целей, поставленных перед народом Гитлером. Бросается в глаза, что в конце 30-х гг., казалось, настал исторический триумф авторитарной власти: можно ли было представить польское государство без железного кулака маршала Пилсудского, словацкое государство без патера Глинки? Гитлер в Германии, Муссолини в Италии, генерал Франко в Испании, Антонио Салазар в Португалии, Имон де Валера в Ирландии, адмирал Миклош Хорти в Венгрии, Мустафа Кемаль-паша в Турции, Сталин в СССР были ярким подтверждением торжества авторитарного принципа. На фоне внутренней неустойчивости, а также экономических неурядиц после Великого кризиса 1929 г. демократическим странам это торжество казалось еще более очевидным...

Праздники и их роль в общественной мобилизации

«Каждая революция создает новые ритуалы, мифы, новые формы — для этого нужно использовать и преобразовывать старые традиции. Новые праздники, новые обычаи нужно создавать с тем, чтобы они стали новой традицией. Демократии отнимают у народной жизни ее «стиль», то есть определенную линию поведения, цвета, живописность, неожиданное и магическое; все то, что создает настрой масс. Мы хотим играть на всех струнах лиры — от насилия до религии, от искусства до политики».

*(Бенито Муссолини)*³⁶⁵

Как иронически указывал один мемуарист, «в Третьем Рейхе существовали только праздники — можно сказать, он страдал от дефицита будней, в этом государстве все

дни считались историческими»³⁶⁶. На самом деле, важной частью немецкой общественной жизни при нацистах были праздники, которые в нацистские времена по своему характеру чрезвычайно напоминали католическую литургию. Там, где Гитлер присутствовать не мог, стояли его бюсты (своеобразный алтарь); нацисты строго соблюдали схему христианской литургии, в соответствии с которой напряжение нарастало по восходящей³⁶⁷. С другой стороны, нельзя не заметить, что политический стиль нацистов имел эклектический характер: все, что обещало эмоциональное воздействие, они привлекали для организации собственных праздников. Насколько важна была организация праздников для нацистов, показывает то обстоятельство, что партийное руководство создало специальное «Ведомство по организации торжеств, досуга и праздников», а также специальный журнал «Новая общность» (*Die neue Gemeinschaft*). Не случайно уже на второй год существования нацистского режима часть публичных мероприятий получила государственный статус и финансировалась государством.

Важнейшим отличием циклических годовых и официальных праздников, отмечавшихся в вильгельмовские времена, от праздников нацистских времен было то, что на последних социальные различия и барьеры не имели никакого значения. Именно подчеркнутый демократизм нацистских праздников в наибольшей степени обеспечил им огромную популярность³⁶⁸.

Нацистские праздники следовали непрерывной чередой, годичный цикл праздников начинался 30 января — в этот день отмечался День взятия власти; 24 февраля был Днем принятия программы партии и основания партии; 16 марта (или воскресенье до него) — День памяти героев (*Heldengedenktag*). Центральным праздником года было 20 апреля — день рождения Гитлера с тремя главными мероприятиями: ночной присягой политических руководителей, торжественным приемом в детские и молодежные организации, военным парадом в каждом городе, где был гарнизон (с 1936 г.). В этот день в окне почти каждого

дома был выставлен портрет фюрера. О масштабах торжеств говорит то, что военный парад в Берлине в 1939 г. длился 4 часа, на трибунах находилось 20 тыс. почетных гостей, полки проходили по 12 человек в шеренге. Большое значение имел 1 мая — День национального труда (выходной день), когда на народные гулянья в берлинском Темпельхофе собиралось до 1 млн человек, за вход на грандиозный праздник взимали по 2 рейхсмарки³⁶⁹. Берлинские предприятия шли на праздник в Темпельхоф заводскими колоннами. Еще в 1929 г. берлинский полицей-президент Цергибель (социал-демократ), опасаясь провокаций коммунистов, запретил 1 мая уличные шествия. Тогда в «красном» Веддинге (район Берлина), вопреки запрету, прошли демонстрации, которые разгоняла полиция — были убитые, раненые, сотни арестованных, и это при социал-демократах... Нацисты же в глазах рабочих выгодно отличались от старых республиканских властей. При них этот праздник отмечался с огромным размахом.

Спустя несколько дней после 1 мая пышно праздновался День матери (в день рождения матери Гитлера). 21 июня в Германии отмечали празднование летнего солнцеворота с языческими огненными колесами и другими традиционными обрядами. В начале сентября каждый год до войны проводился съезд партии; это было кульминацией нацистских торжеств (обычно во время съезда в течение 8 дней Гитлер до 4 раз в день (между 17.00 и 20.00) произносил речи).

Начало октября или конец сентября (первое воскресенье после Михайлова дня) было отмечено Праздником урожая, который отмечали при колоссальном стечении народа у горы Бюкельберг (между Ганновером и Гаммельном). К середине 30-х гг. число гостей достигало 1 млн человек. На горе Бюкельберг в хорошо обозримом месте сооружали «алтарь урожая» из огромного количества цветов, винограда, снопов пшеницы. Вокруг горы — море знамен, многочисленные оркестры, трибуны для почетных гостей. Всю длинную дорогу к Бюкельбергу Гитлера

приветствовали женщины и дети. Апогеем праздника было прохождение Гитлера сквозь многотысячные шпалеры построенных крестьян к «алтарю урожая» для принятия «венка урожая» (символа изобилия, подаренного Германии крестьянами). Военный парад (с 1935 г.) придавал празднику милитаристский характер.

Памятный день павших героев нацистской партии отмечался в день начала «пивного путча» — 8 ноября; все основные церемонии проводились в этот день в столице движения — Мюнхене. Эффектной была заключительная церемония праздника, которая называлась «последняя переключка»: руководитель церемонии по очереди выкрикивал имена погибших партийных активистов, а из колонн формирований партии в ответ на каждое имя звучала соответствующая церемониальная фраза — «Здесь!» «Последняя переключка» в обязательном порядке транслировалась по радио. Идею «последней переключки» Геббельс заимствовал у итальянских фашистов, которые таким образом чтили память своих погибших товарищей.

Завершало же годовой цикл празднование в декабре немецкого «народного рождества» — зимнего солнцестояния. Паузы между большими мероприятиями заполняли бесчисленные собрания, митинги, вечера встреч, репетиции отдельных подразделений партии или примыкающих к ним организаций. Значимые и удачные политические мероприятия (например, присоединение Австрии) сопровождалось колоссальными митингами и шествиями.

Даже традиционные церковные торжества крещения, венчания и отпевания активисты пытались заменить нацистскими мероприятиями, правда, это не имело особого успеха, а стремление СС «возродить старогерманскую традицию» наталкивалось иногда на снисходительную усмешку, иногда на острую и злую критику: празднованиями летнего и зимнего солнцеворота нигде, кроме СС, так и не удалось заменить празднование Ивана Купалы (день рождения Иоанна Крестителя) и Рождество.

Нацистские функционеры были полны решимости оккупировать в своих целях все оставшиеся острова

свободного времяпрепровождения: кроме старых церковных праздников, такому воздействию подверглись также традиционные народные гулянья, ярмарки, храмовые праздники и другие развлечения, которыми полна народная жизнь (особенно у немцев). Унификацией этой сферы народного досуга занялся отдел «народность/обычай» ведомства «Праздник» в КДФ. Функционеры аргументировали необходимость реформ тем, что народные развлечения якобы являются «плоскими», они не представляют собой подлинно народного праздника, но являются «развлечением отдельных людей в неорганизованной толпе»³⁷⁰. Нацистское «обновление» народных праздников преследовало цель придать развлечениям политический характер, сделать их «праздниками общности». С этой целью предполагалось придавать каждому народному гулянию политико-идеологический смысл. Нацистские организаторы придавали большое значение украшению праздников: киоски, торговые места, открытые концертные площадки украшались в крестьянском стиле соответствующих земель, в качестве строительного материала использовались дерево, солома, камыш, черепица, то есть традиционные крестьянские материалы. Культивировались народные танцы в местных нарядах, представления самодеятельных театров, кукольных театров, самодеятельных хоров и оркестров (как отмечали посторонние наблюдатели — высокого художественного уровня), показательные выступления и соревнования спортивных клубов³⁷¹.

В Третьем Рейхе все праздники были классифицированы: политические утренники, циклические годовые праздники (*Feier des Jahreslaufes*) и семейные праздники (*Lebensfeier*)³⁷². Самой важной частью повседневности тоталитарного общества были упомянутые политические утренники (*Morgenfeier*) которые по различным поводам каждая местная партийная группа обязана была проводить по крайней мере один раз в месяц, затем планировалось проводить утренники каждые 15 дней, а потом — раз в неделю. Эти утренники призваны были конкурировать с христианскими богослужениями и заменять их³⁷³.

Поначалу тема утренников была произвольной, а с декабря 1941 г., когда последний годовой утренник по всей стране был посвящен Паулю де Лагарду, по распоряжению Розенберга они начали проводиться «в один день, в один час, во всех гау и во всех местных партийных организациях одновременно и на одну тему»³⁷⁴. Тематика утренников могла быть различной: юбилейные даты, связанные с великими немцами, воспитательно-мировоззренческие темы, поминовение погибших героев. Часто утренники сопровождались патетическими декламациями, тщательно подобранной музыкой. Стремление организаторов вызвать «возвышенные чувства» было небезуспешным, а эстетически некоторые утренники находились на высоком уровне. Первый утренник транслировался по радио в первое воскресенье июня 1935 г., а в декабре 1936 г. в Берлине был устроен первый общедоступный утренник. С началом войны утренники стали самостоятельной формой публичных мероприятий нацистов, они проводились регулярно и должны были мобилизовать готовность к борьбе, самопожертвование, веру, чувство долга, верность, храбрость, мужество. После вступительного слова партийного лидера следовали выступления поэтов, звучала музыка Генделя, Баха, Бетховена. Особенно ценилось хорошо скомпонованное действие: к примеру, в завершающей стадии праздника совершалась торжественная передача «короны урожая» высокому партийному начальству, награждение «Почетным крестом» в День матери, выдача партийных значков принятым в партию³⁷⁵.

Между большими нацистскими и местными народными праздниками были и мероприятия, заполнявшие будни: дни немецкой музыки, неделя немецкого театра, мюнхенские дни немецкого искусства и другие.

Нацисты использовали и некоторые национальные памятные даты: день гибели (26 мая 1923 г.) героя антифранцузского сопротивления в Руре Лео Шлагетера (он стал нацистским идолом, хотя в партии не состоял), день Ютландского (1916 г.) морского сражения — 1 июня; с 17 марта 1935 г. стали отмечать день, когда в 1813 г.

королевским указом Пруссия была призвана к оружию, в этот же день Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности³⁷⁶; день рождения Фридриха Великого. Региональные копии Нюрнбергских имперских съездов представляли собой съезды членов партии отдельных гау.

Кроме упомянутых, были и второстепенные нацистские праздники, например, 28 марта было объявлено в 1936 г. «Немецким народным днем чести, свободы и мира».

Такое обилие праздников вызывало у немцев смешанные чувства: с одной стороны, люди радовались, что государство само взялось за культивирование народных обычаев и праздничных церемоний, а с другой стороны, многих раздражало то, что некоторые праздники были исключительно партийными. На количестве выходных дней, впрочем, это обилие не отражалось.

Немецкая обыденная жизнь и общественное мнение в войну

«Война — это сначала надежда, что кому-то от нее станет легче, потом — ожидание, что некто получит по заслугам, потом удовлетворение, что другим от нее не легче, потом — ошеломляющее открытие, что от нее всем стало только плохо».

(Карл Краус)

В 1914 г., в момент объявления войны, в Германии царила невиданная эйфория, необыкновенное патриотическое воодушевление: этот феномен получил даже специальное название «идеи 1914 г.» — в 1939 г. о подобных эйфорических настроениях не могло быть и речи. Вторая мировая война началась без всякого воодушевления и подъема патриотических настроений. Утром 1 сентября 1939 г. Гитлер заявил по радио, что «в 5.45 утра вермахт вынужден был ответить выстрелами на выстрелы и бомбами на бомбы». О том, что утром 1 сентября «выстрелами

на выстрелы» отвечали не немцы, а поляки, Германия узнала значительно позже; тем не менее, не было никаких фанфар, никаких патриотических манифестаций, никакого воодушевления, никаких объятий и цветов — в немецком обществе царили пассивность, замешательство, сомнамбулическая пассивность. Состояние неопределенности и подавленности, постигшее немцев 1 сентября, постепенно прошло. Многие простые немцы хотя и опасались, что большая война рано или поздно начнется, но одновременно надеялись, что государственное «искусство» Гитлера сможет этому воспрепятствовать. Даже когда война уже была в разгаре, люди продолжали верить, что так же, как в случае с Чехией, все обойдется без вмешательства Запада, и немецкие территориальные претензии будут удовлетворены к общему согласию³⁷⁷. Ошибку немецкого общественного мнения нельзя отнести только на счет психологического механизма вытеснения мыслей о возможности нежелательного развития событий. Для Гитлера и Геббельса объявление западными державами войны Германии тоже было неожиданным. Нацистская верхушка уже успела привыкнуть к западным уступкам и надеялась, что так же будет и впредь. Пропаганда, разумеется, упирала на справедливость немецких претензий к Польше. Несмотря на сдержанное отношение немецкого общества к начавшейся войне, не было и никакого явного неприятия войны: внешне общество оставалось совершенно спокойным. К тому же многим немцам территориальные претензии к Польше казались вполне обоснованными. В общественных местах открыто выражали неудовольствие начавшейся войной только женщины³⁷⁸.

Когда же 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии и не осталось никаких сомнений в смысле происходящего, значительная часть немцев заняла патриотическую позицию. Настроение в Германии соответствовало старой английской поговорке «родина не может быть неправой» (*right or wrong, my country*). Пропаганда, разумеется, позаботилась о том, чтобы все немцы — а не

только те, кто был на фронте — ощущали и вели себя, как на войне: Гиммлер еще в 1937 г. говорил о том, что место военных действий кригсмарине на море, люфтваффе — в воздухе, вермахта — на земле, но существует еще и четвертый театр военных действий — внутренний фронт, на котором должен будет проявить себя каждый немец. Таким образом, все немцы оказались «при деле», и места для сомнений уже не было.

Шведский дипломат Биргер Далерус писал о Берлине начала сентября: «Улицы казались пустыми, из окон английского посольства было видно, что редкие прохожие молча наблюдали, как Гитлер едет на заседание рейхстага»³⁷⁹. Прибыв в рейхстаг, Гитлер нашел его заполненным до последнего места — на самом же деле около 100 депутатов отсутствовало, но по приказу Геринга (председателя собрания) пустые места были заполнены посторонними людьми. Эта уловка, впрочем, была очевидной не только для Гитлера, но и для прессы и иностранцев...³⁸⁰

На заседании 1 сентября фюрер сказал, что немецкий народ тяготится Версальским диктатом, что все его попытки мирным путем решить проблему Данцига и «польского коридора» были отклонены Польшей. Еще он заявил, что «невозможно требовать, чтобы невыносимое положение было преодолено при помощи мирной ревизии Версальского договора. Несмотря на мое миролюбие и несмотря на мое бесконечное терпение, которые вполне можно спутать с трусостью и слабостью, пришла пора действовать. Вчера я предупредил британское правительство, что не могу найти общего языка с польским руководством, поэтому посредничество в переговорах, предложенное англичанами, бесполезно»³⁸¹. Гитлер, разумеется, вспомнил и об убийствах немцев, проживавших в Польше. Он поставил на то, что большинство немцев верило: Гитлер не хочет войны. Никому и в голову не приходило, что он планировал и готовил войну, а в 1939 г. наконец нашел для нее подходящий повод. Доказательством тому является речь Гитлера на приеме в здании новой рейхсканцелярии (23 марта 1939 г.). Общий смысл ее заключался в том,

что Польша всегда будет на стороне врагов Германии, даже в качестве буфера против Советского Союза ее роль весьма сомнительна, поэтому ее не следует щадить и нужно при первом удобном случае на нее напасть. Иными словами, свою центральную задачу Гитлер видел в целенаправленной подготовке экспансии. Видимое же его «миролюбие», которое отмечали до 1939 г. практически все иностранные наблюдатели и дипломаты, было не чем иным, как весьма искусным маневром и маскировкой.

Упомянутая гитлеровская речь по поводу начала войны с Польшей была широко растиражирована, но, вопреки ожиданиям нацистских режиссеров общественного мнения, почти никакого резонанса не имела. Никаких спонтанных скоплений народа по поводу гитлеровских деклараций не было, и выстроившимся вдоль Вильгельмштрассе эсэсовцам и штурмовикам не нужно было сдерживать толпу, воодушевленную появлением автомобиля фюрера.

Несмотря на страх перед войной, широкого пацифистского движения и организованного движения противников войны в Германии не было; возможно, по той причине, что в немцах глубокий след оставила история незаслуженного поражения в Первую мировую войну и память об огромных жертвах, которые принесла страна на алтарь несостоявшейся победы. Вместе с тем, должно было сыграть свою роль и насаждаемое нацистами воспитание воинственного и героического восприятия действительности.

Подавленные настроения немецкого общества в начале польской кампании отразило резкое падение курсов на фондовой бирже; оно достигло максимума 14 сентября, и лишь 19 сентября — после известия о вступлении 17 сентября советских войск в Польшу — курсы вновь начали расти. Объявление войны Англией и Францией стало для Гитлера и для всех немцев шоком: в Германии никто не предполагал, что реакция на немецкие действия, — казалось, вполне оправданные и разумные, — будет такой жесткой. Большинство, однако, думало, что англичане надеются выиграть войну за счет экономической блокады и пропаганды, активно в войну не вмешиваясь — так

передавали информанты СД³⁸². Огромную роль сыграло то обстоятельство, что слово «война» вплоть до 1939 г. было табу; Гитлер изо всех сил старался представить себя миротворцем, и нацистская пропаганда, готовя немецкую общественность к войне, не могла эксплуатировать эту тему. Когда после победы над Польшей Гитлер предложил Западу мир (6 октября), это пробудило в немецком народе надежду на скорое завершение войны. На заводах и фабриках Германии рабочие часто прерывали работу, чтобы выслушать новую официальную информацию о развитии событий. СД передавала, что в Берлине даже состоялась демонстрация с требованием отменить карточную систему, «так как в ней не было необходимости по причине фактического завершения войны»³⁸³. В прифронтовых западных районах Германии стали открываться закрытые школы. СД передавала 16 октября 1939 г., что на селе — вследствие нехватки тягловой силы — растущим спросом пользуются ослы, тракторов не хватает, в некоторых хозяйствах за трактор готовы заплатить до 5000 рейхсмарок. Что касается настроений в городе, то сообщалось, что снабжение населения продуктами питания за последний месяц улучшилось, хотя и незначительно: спрос на мясо практически удовлетворен, на картофель, молоко, птицу, овощи и фрукты — тоже. Трудности предшествующих недель народ объясняет тем, что через Берлин шло много эшелонов с войсками, поэтому возможность подвоза продовольствия временно сократилась — такая оценка в целом соответствовала истине³⁸⁴.

Быстрая победа над Польшей принесла ощущение гордости немецким оружием и немецкими солдатами, сумевшими выполнить свой долг в столь короткий срок и с минимальными потерями. Вместе с тем, иные немцы продолжали критически высказываться о перебоях в снабжении продуктами питания, о недостаточно хорошем обслуживании, о проблемах с отоплением. Повседневные заботы быстро стали вытеснять мысли о войне. Дошедшие до нас свидетельства не содержат никаких высказываний об отношении простых немцев к жестокому

обращению с побежденными поляками. Это молчание можно расценивать по-разному: то ли как свидетельство лояльности, то ли как следствие внешнего давления, то ли как следствие отсутствия информации, то ли как равнодушие, то ли как представление о справедливости возмездия за Бромберг, где были антинемецкие погромы и погибло много местных немцев. Геббельсовская пропаганда, разумеется, повествовала об убитых поляками немецких младенцах и беременных женщинах. А немецкие солдаты, конечно же, были безупречно благородны и чисты. Важную роль в процессе создания представления о «блицкриге» как о чистой и рыцарской войне сыграли фильмы «Вохеншау», пользовавшиеся у публики огромной популярностью. Жестокостей в этих фильмах не показывали, крайне редко — трупы, украшенные цветами солдатские могилы; изгнание поляков из Западной Пруссии представляли хорошо организованной и подготовленной акцией.

О каких-либо воинственных настроениях немецкой общественности после успешного завершения польского похода вермахта не могло быть и речи. Например, 10 октября 1939 г., когда Гитлер открыл кампанию «Зимней помощи», неожиданно распространился слух, что английский король отрекся, а английское правительство вышло в отставку, поскольку перемирие с Германией уже подписано. На предприятиях рабочие и служащие радостно приветствовали очередную и окончательную победу вермахта. В берлинском районе Пренцлауэрберг домохозяйки на одном из местных рынков отказались делать закупки по военной карточной системе: «война закончилась, и в этом нет никакой необходимости». Солдатам в воинских эшелонах люди кричали, что они могут отправляться домой. Когда же власти опровергли эти слухи, то среди немцев, как передавала СД, начали распространяться депрессивные настроения и разочарование; хотя в донесениях СД и не говорилось об «усталости от войны», но отмечалось сильное стремление к миру. СД передавала, что только в конце октября 1939 г. слухи

о готовящемся перемирии с Англией заглохли. Польский поход вермахта длился 18 дней, и столько же держались слухи о перемирии³⁸⁵.

10 октября 1939 г. Гитлер сказал на митинге в берлинском Дворце спорта: «Судьба принудила нас ради защиты рейха взяться за оружие. За две недели государство, которое нагло угрожало немецким интересам, было повергнуто благодаря блестящей военной победе, благодаря героизму наших солдат, благодаря блестящему руководству. Что нам принесет будущее, никому не ведомо, но в одном должна быть полная ясность — ни одно государство мира не может отныне нас к чему-либо принудить силой. Германию теперь нельзя уничтожить ни военным путем, ни путем экономической блокады, никогда и ни при каких обстоятельствах Германия не капитулирует перед врагом!»³⁸⁶

Польша была повержена, мир с СССР был гарантирован пактом о ненападении, Англия и Франция ничего не предпринимали и бездействовали (шла «странная война»), вермахт также бездействовал в ожидании дальнейших приказов. Немецкая общественность ждала возвращения из армии солдат и не могла себе представить, что вскоре дело примет совершенно иной оборот³⁸⁷. Большинство немцев было убеждено, что желанный мир последует еще в 1940 г., хотя в возможность поражения вермахта от западных держав в Германии никто не верил. Постепенно трудности, связанные с войной начали уже воспринимать философски, тем более что пропаганда постоянно твердила о плохом положении с продовольствием в Англии и Франции. СД передавала, что после победы над Польшей страх отступил, но желание скорейшего мира в обществе осталось преобладающим³⁸⁸.

«Зимняя война» (так на Западе и в Финляндии называют советско-финскую войну), кажется, не оставила никаких следов в немецком общественном мнении, хотя после начала советско-финской войны СД передавала: немцы высказывались в том смысле, что поведение финнов, приведшее к войне, было неумным, хотя в целом

симпатии были, бесспорно, на финской стороне³⁸⁹. Наоборот, расквартирование частей вермахта на западной границе и вывод местного населения вглубь рейха вызвало оживленные комментарии и сетования на трудности военного времени³⁹⁰. Часто были слышны жалобы домохозяек, которые каждый день должны были выигрывать две «битвы»: одну за то, чтобы отоварить карточки, а другую — за то, чтобы приготовить из второсортных продуктов что-либо съедобное. В остальном народ не слишком много задумывался о будущем, о перспективах войны; кажется, никто не считался с возможностью войны с Францией. На самом деле, в «странную войну» противники едва обменялись парой выстрелов. Немецкий писатель Йохен Клеппер называл это положение «войной тенью во сне»³⁹¹.

15 января 1940 г. СД передавала, что настроение народа ровное и благодушное — обсуждают открытие зимнего триместра в высшей школе; не открылся только технический институт Ахена. Немцы довольны, что в отличие от Англии или Франции, где практически все институты закрыты или эвакуированы, в Германии они работают как обычно. В рейхе вновь повсеместно введена трудовая повинность для студентов всех специальностей без исключения. Между ОКВ и министерством образования ведутся переговоры об отпусках для завершения образования призванным со старших курсов солдатам. Для преподавателей, призванных в армию, военным руководством предусмотрены отпуска для продолжения педагогической работы. Среди погибших в боях были преподаватели университетов, в том числе два ректора³⁹².

«Уничтожающего удара» по Англии немцы ожидали уже в середине февраля 1940 г., когда в норвежском фьорде англичане захватили немецкое вспомогательное судно «Альтмарк» и убили несколько немецких моряков. Последовавший 9 апреля приказ Гитлера об упреждающем английскую высадку ударе по Норвегии и Дании никого в Германии уже не удивил: разве вермахт не отвечал на агрессивные действия англичан? Быстрые и эффектив-

ные действия вермахта в Норвегии и Дании вызвали воодушевление в немецком обществе. То, что приподнятые настроения вскоре уступили место повседневным заботам и помыслам о мире³⁹³, доказывает, насколько настроения немецкого общества зависели от пропагандистских приемов и военных успехов.

Такой же благоприятной для властей была реакция немецкой общественности на открытие военных действий против Франции. В меморандуме, составленном 10 мая 1940 г., Гитлер так оправдывал нападение Германии на нейтральные Голландию и Бельгию: «Имперское правительство не желает оставаться в бездействии в борьбе за существование, которую ей навязали Англия и Франция, стремящиеся проникнуть на территорию Германии через Бельгию и Голландию. По этой причине имперское правительство распорядилось нанести удар по врагу через Бельгию и Голландию. Таким образом должен быть ^восстановлен нейтралитет последних»³⁹⁴. Далее в меморандуме говорилось, что правительства Бельгии и Голландии грубо нарушали нейтралитет, на который Германия в ином случае никогда бы не покусилась. Также в меморандуме были слова о том, что немцы идут в Голландию и Бельгию не как враги, а как друзья; имперское правительство сожалеет об этом вынужденном решении, несмотря на то что ответственность за этот шаг лежит на Англии и Франции. На самом же деле Гитлер еще 23 мая на одном из военных совещаний сказал, что глупо обращать внимание на нейтралитет Бельгии и Голландии, когда речь идет о борьбе за существование 80-миллионного народа.

После капитуляции голландских вооруженных сил немцы впервые за 7 лет услышали по радио голландскую речь и с удовлетворением констатировали, что понимают ее. Это было воспринято как свидетельство широкого распространения германских языков, родственных немецкому³⁹⁵.

По-настоящему «боевое настроение» немецкой общественности кристаллизовалось только после победы над Францией. Тот, кто не радовался грандиозному успеху,

был врагом государства. Значение победы над Францией в излечении больного немецкого самосознания после позора Версаля трудно переоценить. Имеется множество свидетельств тому, что значительная часть немцев была бы рада рыцарскому, великодушному миру с Францией. Гитлер же хотел большего — исключить Францию из европейского концерта держав; он планировал ревизовать всю европейскую политику вплоть до состояния на момент заключения Вестфальского мира 1648 г. Пропаганда заговорила об императоре Барбароссе, о восстановлении Священной Римской империи германской нации. Нацистской пропагандой этот миф был наложен на псевдоученые геополитические и экономические соображения, связанные с «абсолютной» необходимостью завоевания жизненного пространства. В широких массах эти планы вызвали не энтузиазм, а глухое беспокойство³⁹⁶. Правда, улучшение снабжения после расширения территории воспринималось всеми с воодушевлением. Вообще, с начала до конца войны немцы оценивали положение исходя прежде всего из «материальных» потребностей.

Известия о первых бомбардировках мирных немецких городов (Ахен, Кобленц, Дармштадт, Боппард, Айзенхайм) не было воспринято Герингом и Гитлером как свидетельство злодейских намерений англичан — скорее как доказательство неопытности летчиков и плохого качества прицельных приборов. Как показали дальнейшие события, мнение нацистского руководства было неверным — англичане изначально планировали террористические авианалеты. Геринг предлагал нанести по Британским островам удар, по мощи десятикратно превышающий английские бомбардировки. Гитлер запретил это делать и даже — на два дня остановив танки Гудериана (24—25 мая), — позволил англичанам и французам эвакуировать войска из-под Дюнкерка. Второй немецкий воздушный флот Альберта Кессельринга не смог воспрепятствовать массовой эвакуации англичан и французов (числом в 338 226 солдат) на острова.

После феноменально быстрой победы над Францией среди немцев распространилось убеждение о необходимо-

сти довести войну до победного конца. 4 июля 1940 г. СД передавала, что известие о взятии вермахтом нескольких английских островов в Ла-Манше было воспринято немцами как верный признак десанта в Великобританию в ближайшем будущем. Через месяц, 8 июля 1940 г., информанты СД сообщали о том, что немцы с нетерпением ждут нападения на Великобританию. Но по приказу Гитлера все ограничилось «окружением Британии». Пока вермахт не предпринимал ничего существенного, в центре внимания немецкой общественности было заключение «Стального пакта» — Германии, Японии и Италии. Его немцы рассматривали как защиту от вмешательства в европейские дела США. Также немцы оживленно обсуждали известие о предстоящем визите в Берлин Молотова — визит состоялся 11—12 ноября 1940 г.

Подписание англо-американского соглашения о ленд-лизе (11 марта 1941 г.), советская и британская активность на Балканах (прежде всего в Югославии, присоединившейся было 25 марта к «Стальному пакту»), но тотчас вышедшей из него вследствие государственного переворота 27 марта) показались Гитлеру зловещим предзнаменованием. Что касается немецкой общественности, то насколько позитивно она восприняла известие о присоединении Югославии к Германии, настолько настороженно и с огорчением узнала о выходе Югославии из только что подписанных соглашений³⁹⁷. Хотя быстрая победа вермахта в Югославии (22 апреля 1941 г.) вызвала у немецкой общественности восторг и была воспринята как новое подтверждение немецкого превосходства. Теперь немцы ждали известия о капитуляции Греции³⁹⁸.

Однако слухи о возможном нападении на СССР, а также история с Гессом (второй человек в партии, он самовольно вылетел в Великобританию с предложением мира; Гитлер объявил его сумасшедшим) вызвали глубокую озабоченность и растерянность³⁹⁹. Между тем, убежденный в необходимости нападения на СССР, 18 декабря 1940 г., 36 дней спустя после визита Молотова, Гитлер подписал «план Барбаросса». Первое предложение этого

документа гласило: «Вермахт должен быть готовым к тому, чтобы ради скорейшего завершения войны против Англии быстрым ударом покончить с Советским Союзом»⁴⁰⁰.

Победы 1939—1940 гг. обеспечили общенациональное воодушевление. Даже школа была захвачена военными переживаниями и «болела» за реализацию нацистских установок. Геббельсовская пропаганда разошлась после отклонения Англией мирных предложений Гитлера (6 октября): «Чемберлен отверг мирные предложения Германии и не понял всего великодушия фюрера. Английскому премьер-министру дорого разжигание войны, а не мир между народами»⁴⁰¹. Общественные настроения в Германии были направлены против Великобритании, дети на улицах распевали песни, поносящие англичан.

Нужно иметь в виду, что с началом войны немецкая повседневность не претерпела каких-либо существенных перемен, если не считать того, что немцы должны были примириться с продовольственными и промтоварными карточками, с ограничением возможности смены места работы, с повышением налогов и понижением зарплаты. Так, 2 декабря 1940 г. СД передавала, что домохозяйки, озабоченные подготовкой к Рождеству, недовольны, что в магазинах нет некоторых специй, не достать простого изюма, не говоря уже о кишмише. Рыночные цены подскочили — за гуся просили от 40 до 60 рейхсмарок, что отнюдь не всем было по карману⁴⁰². К этому времени в Германии действовало 52 разновидности только продовольственных карточек, которые, впрочем, обеспечивали вполне нормальное питание. СД передавала, что, несмотря на войну, индекс уровня жизни в рейхе к 1940 г. (по сравнению с 1933 г.) повысился: по питанию с 117,2 до 130,8 единиц, а по одежде со 106,9 до 148,3⁴⁰³.

Ощущение кризиса и приближающегося краха пришло только в 1944 г., когда немцы начали довольствоваться двумя третями того, чем могли воспользоваться в 1938 г. — при катастрофическом ухудшении качества

и очевидном предпочтении снабжения всеми видами продуктов прежде всего вермахта. Хотя карточки — из-за немецкой зависимости от продовольственного импорта и опасений продовольственного кризиса — ввели уже 27 августа 1939 г., нормы были сносные: простой пищи (хлеб, картофель, бобы) хватало, мяса выдавали 1 фунт на человека (460 г), масла — четверть фунта, маргарина — 100 г, сыра — 62,5 г⁴⁰⁴; с 25 сентября карточки ввели на хлеб и яйца⁴⁰⁵. Сами немцы считали, что масла по карточкам выдавали маловато, был даже анекдот: один немец спрашивает другого, видел ли тот, что в новой редакции энциклопедии Майера значится под словом «масло», и сам же отвечает — это то, что намазывали на хлеб во времена «системы»⁴⁰⁶ (*Systemzeit* — только так на нацистском жаргоне именовался период Веймарской республики).

Сначала имели место только частичные ухудшения; так, на Рождество 1939 г., чтобы немного повысить карточные нормы масла, в него стали добавлять маргарин, а нормы выдачи маргарина сократили. 4 сентября 1939 г. вместо всеобщего снижения зарплаты последовала всего лишь частичная задержка зарплаты, немного задержали и выплату всевозможных дополнительных льгот. Через два месяца все задержки и задолженности были ликвидированы, а от военных финансовых тягот остались лишь налоги на алкоголь, на сигареты, на театральные и железнодорожные билеты. Карточные продовольственные нормы не являлись снабженческой катастрофой, они соответствовали нормам снабжения гражданского населения Великобритании⁴⁰⁷. В любом случае, снабжение продовольствием было гораздо более сносным, чем в Первую мировую войну: была создана система регулирования, помогавшая избежать существенных ограничений путем ввоза продуктов из оккупированных районов. Кроме того, к моменту начала войны рейх накопил запасы зерна в 6,5 млн тонн. Занятым на тяжелой работе выдавали дополнительные продукты. Довольно сложная дифференциация в карточной системе имела целью создание видимости социальной справедливости. Что касается промтоваров,

то с 1 ноября 1939 г. была введена так называемая «имперская карточка на одежду» (*Reichskleiderkarte*). Она подчас не обеспечивалась самыми элементарными вещами; так, притчей во языцех в военной Германии была обувь, которой катастрофически не хватало, особенно в начале войны. СД передавала, что если не принять соответствующих мер, вопрос с обувью грозит перерасти в политический.

1 января 1940 г. был введен 10-часовой рабочий день и возобновлена оплата за сверхурочную работу. Зима 1939—1940 гг., как и все военные зимы, была очень холодной, и хозяйственники не могли вовремя и в достаточном количестве снабжать население углем. Кризис с углем наблюдался и в промышленности. Этот кризис был связан не с добычей, но с сильным износом подвижного состава — только Рейнско-Вестфальский угольный синдикат из-за нехватки или неисправности вагонов не смог вывезти 1,2 млн тонн угля⁴⁰⁸. 6 ноября 1939 г. начались морозы, и до ранней весны продолжались жалобы немцев на нехватку угля. Из-за порядка распределения топлива у угольных лавок дело не раз доходило до потасовок с полицией. Информанты СД передавали со всех концов рейха, что в стране ощущается большой дефицит топлива — холода стоят уже долго. Из Ростка СД передавала, что местное население очень недоволено тем, что кинотеатры и концертные залы в изобилии снабжают углем, а в бедных кварталах угля не хватает. Нормы выдачи угля везде были низкими — 50 кг на семью в неделю⁴⁰⁹.

Особенно плохи дела с углем — из-за отдаленности и трудностей доставки — были в Восточной Пруссии. Разумеется, там о воодушевлении и патриотическом подъеме не могло быть и речи, жизнь была погружена в серые и холодные будни.

Все проблемы и заботы, однако, отошли на второй план с приходом весны и началом активных военных действий — 9 апреля немецкие войска высадились в Норвегии. В обществе царило убеждение, что фюрер вновь выбрал самый правильный момент для атаки; активность Гитлера в Нор-

вегии и Дании считалась оправданной. Однако вскоре вновь стали раздаваться жалобы на плохое питание и плохое снабжение, на высокие цены и плохое качество продукции — жизнь брала свое... В ноябре 1940 г. вместо 175,63 г масла выдали 137,4 г, а в качестве компенсации с 46,88 г до 51,47 г увеличили норму выдачи маргарина. Птица, дичь, рыба, овощи и фрукты практически исчезли с рынков, выдачи мяса по карточкам производились порой с недельным запозданием. Весь урожай яблок 1940 г. был конфискован, поэтому свежих фруктов немцы не увидели⁴¹⁰.

Снова, как и в период норвежской кампании, повседневные проблемы отошли на второй план с началом войны с Францией. СД передавала, что после начала французской кампании внимание немецкой общественности не привлекло ни назначение Черчилля премьер-министром, ни оккупация Исландии англичанами⁴¹¹. Гораздо больший эффект произвело (особенно в южных областях Германии) известие о мобилизации Швейцарии: южные немцы верили, что вскоре предстоит война со Швейцарией⁴¹². Внимание немцев привлекло то, что голландская королева и двор бежали в Лондон; бегство мужа наследной голландской принцессы немца Бернгарда фон Липпе-Бистерфельда многие немцы восприняли как государственное преступление. СД передавала, что именно по причине замужества принцессы за немцем общественное мнение в Германии рассматривало Голландию как дружественную страну, которая вследствие козней двора переметнулась на сторону Запада. Напротив, поступок бельгийского короля вызвал у немцев всеобщее одобрение: его хвалили за то, что он разумным поведением (сдачей в плен) предотвратил ненужное кровопролитие; он вызывал симпатии немцев еще и тем, что не бежал за границу, а до конца вместе с армией оставался на фронте⁴¹³.

В середине июня 1940 г. два события находятся в центре внимания немецкой публики: вступление в войну Италии и победа под Нарвиком. Последнее известие вызвало больший резонанс, ибо по поводу вступления

Италии в войну поговаривали, что все сделал вермахт, а итальянцы явились на готовенькое ради своих интересов в Средиземноморье⁴¹⁴. Их политику сравнивали с политикой Сталина, вступившего в Польшу 17 сентября, когда польская армия была уже разбита⁴¹⁵. Говорили, что Италия вовсе не нужна в качестве союзника, она будет только обузой⁴¹⁶. Гитлер опасался, что во время переговоров о перемирии Италия слишком многого потребует от Петена в Африке, и это подтолкнет французов к продолжению войны. Чтобы умерить аппетиты дуче, Гитлер 18 июня встретился с ним в Мюнхене и два часа уговаривал того отложить территориальные претензии до мирной конференции, которая завершит войну (Гитлер и немецкая общественность надеялись, что после подписания перемирия с Францией возможен будет и компромисс с Англией). Немецкое население с интересом наблюдало за встречей двух диктаторов в партийной метрополии, «столице движения» Мюнхене. В городе по этому поводу начался настоящий народный праздник. В то же время вне Мюнхена реакция немцев была сдержанной; приглашение Муссолини рассматривали как знак вежливости со стороны фюрера, итальянцев упрекали в слишком легком пути к дележу добычи⁴¹⁷.

Если норвежская кампания порой вызывала критику и негативные оценки немецкой общественности (за большие потери кригсмарине), то победа над Францией принесла всеобщее воодушевление и восторг. Победные репортажи с фронта часто вызывали спонтанные манифестации и митинги. Власти старались поддерживать эйфорические настроения — вскоре после победы над Францией были возобновлены отпуска, отмененные было с началом войны, рабочим стали доплачивать за 9-й и 10-й рабочий час⁴¹⁸. СД передавала, что даже в бывших социал-демократических и коммунистических кругах и речи нет о враждебности по отношению к режиму⁴¹⁹.

Информанты сообщали о жесткой позиции немецкой общественности в отношении условий мира с Фран-

цией: было распространено мнение о необходимости справедливого, но жесткого обращения с французами. Большинство немцев считало, что Франция должна вернуть немецкие колонии, весь флот передать Германии, вернуть Эльзас, передать Италии Тунис, Савойю, Корсику и часть Ривьеры. Высказывалось мнение о создании немецкого протектората во Фландрии; некоторые считали, что всю Францию следует сделать немецким протекторатом⁴²⁰. С другой стороны, СД в более поздней сводке состояния общественного мнения передавала, что большинство немцев было в восторге от рыцарского поведения немецкой делегации на немецко-французских переговорах об условиях перемирия.

Вскоре, однако, эйфория победы улетучилась, и немцы (особенно рабочие) начали жаловаться на остановку роста зарплаты, на высокие цены на текстиль, обувь и продовольствие⁴²¹.

Почти сразу после оккупации Дании и Голландии продовольственное снабжение улучшилось: с 1 июля дополнительно к обычным нормам по карточкам стали выдавать $\frac{1}{4}$ фунта масла на человека; на некоторое время улучшилось качество пива, плотность его возросла с 6% до 9—10%. Самыми сытными были солдатские пайки, даже лучше, чем у рабочих на тяжелых и вредных производствах; кроме того, военнослужащие получали настоящий кофе и шоколад, недоступные гражданским потребителям. Армейский продовольственный паек (там, в свою очередь, были различия между довольствием гарнизонов, рекрутов и фронтовиков) превышал гражданский по муке на 35%, по мясу — на 57%⁴²². Приличное пиво с 1941 г. в рейхе исчезло, зато страну наводнило французское вино и шампанское; омары и устрицы в изобилии были в продаже вплоть до 1944 г. Некоторые продукты (например, простоквашу и мороженое) продавали без карточек. Это было важно, так как сладкого часто не хватало (выдавалась одна банка джема на месяц). Княгиня Мария Илларионовна Васильчикова, служившая до 1945 г. в Берлине в Министерстве иностранных дел, вспоминала, что люди

в очередях были дружелюбны и воспринимали затруднения с улыбкой. Правда, с началом войны в туалетах министерства, где работала Мария Илларионовна, начали регулярно воровать туалетную бумагу, и потом ее стали выдавать по отделам⁴²³. С 15 февраля 1942 г. были введены карточки на сигареты и табак, для мужчин — с 18 лет, для женщин — с 25 лет⁴²⁴. В армии существовала система табачного довольствия, которая вызывала досаду Гитлера: он не хотел поощрять вредные привычки и приказал некурящим выдавать в армии паек сахара. Евреям перестали выдавать карточки на сигареты с осени 1941 г.⁴²⁵, впрочем, их лишили и продовольственных карточек на рыбу, мясо, на белый хлеб и молочные продукты. СД при этом сообщала, что эти меры вызывали у немцев удовлетворение⁴²⁶.

СД передавала, что среди рабочих было распространено убеждение, что хоть пропаганда и твердит о власти плутократов-буржуев на Западе, но в Германии дело обстоит не лучше: те, у кого есть деньги, питаются в ресторанах и их карточное нормирование не касается⁴²⁷. Огромное количество раненых с Восточного фронта усиливало раздражение немцев⁴²⁸. Гражданское население в Германии, разумеется, не было осведомлено о масштабах всех (материальных и людских) потерь вермахта на Востоке к концу кампании 1941 г., но оно само имело значительные проблемы, которые многим людям казались более существенными, чем фронтовые дела.

После первых крупных налетов вражеской авиации в мае — июне 1942 г. всем стало ясно, что немецкое превосходство в воздухе кончилось. В ночь с 30 на 31 мая 1942 г. англичане совершили налет на Кельн, в нем участвовало 1046 самолетов, то есть практически вся бомбардировочная авиация. 17 мая 1942 г. английские самолеты нанесли удар по дамбам Рурской области. Целые районы Рура оказались под водой — электрооборудование насосных станций вышло из строя, в результате остановились многие заводы, схема снабжения населения питьевой водой оказалась нарушенной. 17 августа 1942 г., то есть через

две недели после налета на Гамбург, над Германией впервые появились самолеты США. Они совершили налет на Швайнфурт, где находилось большинство немецких шарикоподшипниковых заводов, которые и без того не удовлетворяли потребности военной промышленности. Объем производства подшипников сократился на 38%⁴²⁹.

Вину за провал противовоздушной обороны население возлагало на нацистское руководство. В Берлине, Галле, Дортмунде, Дрездене, Кельне, Вене домохозяйки жаловались на нехватку картофеля и овощей, на Рейне и в южной Германии — на плохое качество муки, на отсутствие бобовых и гороха, на отсутствие куриных яиц и детского питания.

В ноябре 1941 г. вышло распоряжение о переплавке не имеющих ценности колоколов. Недовольные этим решением церковные власти резонно спрашивали, почему же не так давно власти превозносили достижения по постановке ресурсов всей Европы на службу Германии, — значит, это утверждение не соответствует истине?⁴³⁰

Тем не менее из современных исследований немецкой обыденности видно, что прежние суждения о том, что в войну немцы не хотели рисковать достигнутым благополучием, не совсем верны, ибо все (особенно рабочие) выигрывали от высокой военной конъюнктуры⁴³¹. Лишь после первых поражений на Восточном фронте настроения стали меняться — война стала нежелательной...

Гитлер, между прочим, заботился о благосостоянии своих приближенных: например, он дал своим новоиспеченным генерал-фельдмаршалам большие денежные вознаграждения для покупки поместий. Будучи равнодушен к подобным вещам, Гитлер сквозь пальцы смотрел на дорогостоящие «чудачества» Лея или на «последнего ренессансного человека», практически бесконтрольно распорядившегося огромными средствами — Геринга (к пятидесятилетию Геринга, пришедшемуся на дни Сталинградской битвы, была изготовлена копия сервиза Екатерины II на 480 персон⁴³²). Масштабы геринговской резиденции

Карин-холл превосходили все мыслимые представления о роскоши — Гитлер однажды сказал: «Мой Бергхоф может сойти за домик садовника в Карин-холле»⁴³³. На самом деле, скромный стиль жизни Гитлера находился в очевидном противоречии с пышным сибаритством его подчиненных. Гитлер активно способствовал распространению собственного имиджа как совершенно нетребовательного и простого человека. Впрочем, «ренессансные» выходки Геринга не мешали ему быть одним из любимцев немецкой публики.

Особенно упорно распространялись слухи о злоупотреблениях оккупационных властей в Польше. В этой связи Борман требовал от партийных функционеров среднего звена умеренности и образцового ведения домашнего хозяйства. Часто эти требования не выполнялись, и в народе ширилось раздражение тем, что многие партийные функционеры при помощи связей (как шутили немцы, витамина «В» — *Beziehungen* — связи) переносили тяготы войны гораздо легче простых немцев. СД передавала, что было распространено убеждение (особенно среди рабочих), что государство недостаточно строго относится к служебным преступлениям и мошенничеству отдельных руководителей⁴³⁴. Донесение СД и его оценочная часть уже граничили с осуждением режима, и Олендорф со своим III отделом РСХА попал под огонь критики с разных сторон: даже не переносившие друг друга Борман и Гиммлер выступили на этот раз единым фронтом, но Олендорф и на этот раз удержался⁴³⁵. Более того, даже после того, как по инициативе Геббельса и под его давлением суд вынес двум функционерам смертные приговоры по делу о мошенничестве, неугомонные эксперты СД после анализа общественных настроений указывали, что народ по-прежнему обсуждает и осуждает образ жизни партийных бонз⁴³⁶.

В принципе, коррупция была и есть и в демократических и в авторитарных государствах, но если при демократии факты коррупции иногда вскрываются, то в авторитарных системах о них в основном умалчивают. Нацистская Германия в этом отношении — не исключение. Так,

летом 1942 г. полиции стал известен случай коррупции, касавшийся нацистской верхушки: одну из торговых фирм уличили в том, что она поставляла ряд товаров (вина, деликатесы, мясо, птицу) не по карточкам, а прямо на дом своим клиентам. Владелец фирмы Август Нётлинг 4 августа 1942 г. был арестован и во время ареста предпринял две попытки самоубийства. Геббельс заинтересовался этим случаем и выяснил, что продукты незаконным образом поставляли в дома министра просвещения Бернхарда Руста, министра сельского хозяйства Вальтера Дарре, генерала полиции Вильгельма Грольмана, генерала-фельдмаршала Вальтера Браухича, руководителя РАД Константина Хирля и адмирала Эриха Редера, а также целому ряду других крупных функционеров. Министр юстиции Тирак оказался в весьма щекотливом положении. Гитлер был убежден, что клиенты Нётлинга ничего не знали о его незаконных услугах, а их домашние не знали, что эти услуги незаконны. За исключением Редера, который как офицер взял на себя всю вину (хотя переговоры с Нётлингом вела его жена), все остальные свалили вину на несчастного владельца фирмы⁴³⁷.

От кого исходила инициатива поставок товара, полиции выяснить не удалось, но Геббельс нашел поведение государственных функционеров скандальным и саботирующим военные нужды и потребность в общенациональной мобилизации. Он подчеркивал, что сам обходился продуктами по карточкам. И вообще, нацистская пропаганда представляла государственное и партийное руководство как исключительно скромных людей. Кардинал Фаульхабер в одной из проповедей представил Гитлера как образец человека, ведущего простой образ жизни: некурящего, непьющего, да еще и вегетарианца. Интересно, что Гитлер восхищался только одним периодом в истории США — «сухим законом»; он считал, что только молодая нация способна прибегнуть к столь суровым, но необходимым мерам. Сам он был убежденным трезвенником, но люди из его ближайшего окружения при нем могли употреблять спиртное. Геббельс категорически запретил

опубликование фотографий нацистских лидеров за батареями бутылок. Когда в 1942 г. последовало сокращение карточных норм, Геббельс писал в газете «Дас Рейх», что народ вправе требовать справедливого распределения тягот. Геббельс потребовал у полиции примерно наказать виновных в коррупции, Гитлер призвал к совести руководящих деятелей НСДАП и членов их семей. Дело Нётлинга завершилось тем, что сам он 9 мая 1943 г. повесился в тюремной камере, а Тирак так и не возбудил ни одного дела против его клиентов. Вдова Нётлинга, глубоко задетая двуличностью властей, отказалась принять посмертную награду мужа, при помощи которой власти пытались загладить свою вину.

С одной стороны, советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. и, с другой стороны, нападение на СССР 22 июня 1941 г. приготовили для нацистской пропаганды значительные перегрузки: двадцать лет рядом нацистские пропагандисты клеймили мировой большевизм как главного проводника еврейского мирового господства, союз с которым был для национал-социализма немыслим и невозможен. Даже Гитлер был озабочен приемлемым пропагандистским объяснением «пакта Молотова — Риббентропа» и в письме от 25 августа 1939 г. жаловался Муссолини, что ему было тяжело принять решение о примирении с Кремлём, но оно было необходимо, так как японская политика непредсказуема, а отношения с Польшей в последнее время катастрофически ухудшились; нужно было что-то предпринять для предотвращения войны на два фронта⁴³⁸.

Реакция немецкой общественности на это решение, к удивлению Гитлера и Геббельса, не была критической — большинство считало, что фюрер знает, что делает. Подписание пакта никак не сказалось на отношении нацистского руководства к СССР. 14 ноября 1939 г. Геббельс отмечал в дневнике: «Фюрер вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии. Ее едва ли можно использовать для боевых действий. Отсюда и успехи

финнов, их упорство. Вероятно, и интеллектуальный уровень среднего русского тоже препятствует овладению современным оружием. Централизм как отец бюрократии — враг всякого развития личности. В России нет больше никакой частной инициативы. Крестьяне только и делают, что лодырничают. Неводеланные поля пришлось снова объединять в своего рода государственные домены. То же самое происходит и в промышленности. Этот порок оказывает воздействие на всю страну и делает ее неспособной правильно распределять силы. Хорошенького же союзничка мы себе выискали!»⁴³⁹

В речи в день вторжения в Советский Союз Гитлер сказал: «В этот момент начинается поход, который по размаху и масштабам не знает себе равных в истории. В союзе с финскими боевыми товарищами герои Нарвика (он имел в виду генерала Диттля. — *О. П.*) заняли позиции на Севере. Дивизии вермахта в союзе с героическими финскими борцами за свободу во главе с маршалом Маннергеймом совместно защищают финскую землю от завоевателей. От Восточной Пруссии до Карпат простирается немецкий фронт. На берегах Прута, в нижнем течении Дуная, на берегах Черного моря немецкие солдаты выступают в союзе с румынскими войсками во главе с диктатором Антонеску. Главной задачей этого огромного фронта является защита не отдельных европейских государств, а спасение всей Европы. Поэтому сегодня я решил отдать судьбу и будущее немецкого рейха и нашего народа в руки вермахта»⁴⁴⁰.

Советские войска не были столь многочисленными, как ожидали в немецком Генштабе, но зато в Красной армии было гораздо больше моторизованных частей, чем в вермахте, а именно танковые части в этой войне имели огромное значение. Расчеты Кейтеля на превосходство немецкой техники совершенно не оправдались — советские танки были значительно лучше танков вермахта. Да и прочая советская боевая техника, а также советское автоматическое оружие редко уступало немецким образцам. Советская пехота, артиллеристы, танкисты

и кавалеристы доказали в боях не только свою стойкость и упорство, но и удивительную изобретательность, а также готовность к единоборству. Последнее особенно удивляло немцев: им годами твердили, что советские солдаты — это серая, без идеалов и личностей, бестолковая скотинка, которую комиссары гонят на бойню. Те же представления распространились и в немецком обществе. Советскую армию нацистское руководство и пропаганда совершенно недооценили; следствием этого стало то, что немецкая общественность считала вопрос победы на Востоке делом времени. Не только обыватели, но и начальник Генштаба Гальдер 3 июля 1941 г. заявил, что война завершится в ближайшие 14 дней⁴⁴¹. Даже Черчилль 25 июня 1941 г. сказал, что в ближайшем будущем следует считаться с возможностью самого ужасного в мировой истории вторжения.

Между тем с весны 1941 г. советско-германские отношения в Германии стали объектом многочисленных спекуляций и слухов. 19 мая 1941 г. СД передавала, что бытует мнение о неизбежности войны с Россией. Часть немецкой общественности была убеждена, что «Германия заключила с Россией договор, по которому Украина будет отдана немцам в аренду на 99 лет»⁴⁴². Начавшуюся войну с СССР пропаганда представляла как превентивную. Правда, в немецкой общественности начало войны первоначально вызвало шок, на что и указывал Геббельс — 9 июля 1941 г. он записал в дневнике: «Внезапное наступление на Советский Союз было не подготовлено пропагандистски и психологически. Оно вызвало в немецком народе на несколько часов, а может быть, на несколько дней некоторый шок. Но это следует отнести на счет того, что мы не имели возможности подготовить народ к этой акции: мы хотели, чтобы наше наступление застало большевиков врасплох. В течение последующих дней мы должны были наверстать то, чего мы не могли подготовить. Теперь немецкий народ видит, что столкновение с большевизмом было необходимым, и фюрер в нужный момент принял нужное решение. Война на Востоке закончится

победой, и только тогда у нас появится возможность бросить все силы на Запад или против Англии. Фюрер еще раз подчеркнул, что на основании военного опыта видно, насколько своевременным было наступление на Востоке. Этим отличается нынешнее ведение войны Германией от прошлой войны. До 1 августа 1914 г. мы сидели и смиренно ожидали, пока вражеская коалиция собралась, и только тогда начали наступление. Теперь военное командование ставит целью сражаться с противником поодиночке и разбить противника по частям»⁴⁴³.

Восприятия новой войны на фронте и в немецком тылу очень отличались друг от друга. Солдаты на Восточном фронте часто оказывались пассивными свидетелями или активными участниками зверств оперативных групп полиции безопасности и СД. Иногда этим солдатам было просто не до рефлексии — они должны были выжить во что бы то ни стало.

В немецкой общественности сообщение о нападении на СССР вызвало растерянность: 23 июня 1941 г. информанты СД сообщали, что известие о начале войны с СССР вызвало большое удивление, чему способствовали еще и слухи о предстоящем визите Сталина в Германию; слухи, по всей видимости, были инспирированы для того, чтобы убедить немцев в отсутствии перспективы войны на два фронта⁴⁴⁴. СД передавала, что первоначальная растерянность к вечеру того же дня рассеялась и уступила место уверенности, что имперское правительство иначе и не могло действовать: большинство рядовых немцев склонны были обвинять Сталина и Молотова в предательском по отношению к Германии поведении. Впрочем, в некоторых донесениях СД говорилось об опасениях, что теперь война может продлиться; высказывались мнения о возможности вступления в войну США с их колоссальными ресурсами, а также опасения, что в варварских условиях России немецким военнопленным придется несладко⁴⁴⁵.

Пропагандистская задача создания негативной картины большевистской России была облегчена тем, что подавляющее большинство немцев (даже и ненацистов)

негативно относилось к большевизму. Об этом свидетельствует информация СД от 3 июля 1941 г., в которой говорилось, что первые документальные фильмы о наступлении вермахта в России вызвали огромный ажиотаж — в кинотеатры было просто не попасть... Удивление немецкой публики вызывала национальная пестрота военнопленных Красной армии, а их неопрятный и жалкий внешний вид, плохое обмундирование вызывали отвращение и жалость⁴⁴⁶. Поскольку Советский Союз объявил об отказе от Гаагской конвенции (1907 г.) о правилах ведения войны и не присоединился к Женевскому договору о военнопленных (1929 г.), то немецкая общественность опасалась, что Красная армия не будет придерживаться правил войны. Вскоре после начала войны до немецкой общественности дошли сведения о расстрелах немецких военнопленных. Так, сообщалось, что на Украине 180 раненых немецких солдат попали в руки красноармейцев, и все были расстреляны. От 90 до 95% немецких солдат, попавших в плен в России в 1941—1942 гг., были расстреляны; таким образом, по советским фронтовым сводкам погибло 175 тыс. немецких солдат⁴⁴⁷. Понятно, как такие известия формировали немецкое общественное мнение...

Разумеется, о подписанном Гитлером 6 июня «приказе о комиссарах» немецкая общественность ничего не знала. Первоначально в войсках этот приказ почти повсеместно игнорировали, а в Германии распространилось убеждение, что приказ был возмездием за обращение советских военных с немецкими военнопленными. Впрочем, в первое лето военных операций на Востоке этот вопрос мало кого занимал, так как внимание немецкой общественности было поглощено документальными фильмами «Вохеншау»; в них показывали огромные склады оружия, отбитого вермахтом у Красной армии, и толпы советских военнопленных. Среди последних операторы «Вохеншау» специально подбирали «преступные типы», часто показывали женщин-военнослужащих, по отношению к которым, по сведениям СД, большинство немцев были настроены крайне негативно и считали, что им не

следует давать статус военнопленных. Общественное мнение гласило, что эти «бой-бабы» (*Flintenweiber*) — преступницы, и их нужно расстреливать на месте.

Все лето над немецкой общественностью тяготела неопределенность: доверенные лица СД, ландраты, бургомистры и полицейские доносили об озабоченности немцев — многие начинали понимать, что теперь войне конца и краю не будет видно⁴⁴⁸. 14 августа 1941 г. СД передавала: известие о том, что несколько советских бомбардировщиков прорвалось к Берлину, вызвало у немцев удивление и способствовало распространению убеждения, что оценка советского военного потенциала была ошибочной. В сообщении говорилось, что советские самолеты вылетели с базы на острове Эзель — это соответствовало истине⁴⁴⁹. Чуть позже — 28 августа 1941 г. — СД передавала, что известия об успехах немецких подводных лодок благотворно сказались на настроениях немецкой общественности, расстроеной перспективой еще одной военной зимы, а также что ввиду упорного сопротивления на Восточном фронте у немцев начал расти интерес к условиям жизни в СССР, к воспитанию детей, к положению советских женщин, к церкви и особенностям питания: одним «давлением еврейских комиссаров» трудно было объяснить упрямство сопротивления Красной армии⁴⁵⁰.

Интересно, что в Баварии гораздо более бурную реакцию, чем известие о нападении на СССР, вызвало решение об удалении из школ распятия⁴⁵¹. В конце июля, под впечатлением бесспорных успехов немецкой армии, неудовольствие и озабоченность немцев стали спадать⁴⁵². Объявление ОКВ 6 августа 1941 г. о поражении советской армии под Смоленском, а также известие об уничтожении большей части советского Черноморского ВМФ и о захвате большей части Украины способствовали новому подъему общественных настроений, но, как передавала СД 21 августа, подъем вскоре прошел: обыденная жизнь брала свое, и немцев больше занимали вопросы, к примеру, о том, что недельная (51 рабочий час) зарплата женщины на суконном производстве составляет всего 25 рейхсмарок,

или о произволе партийных бонз, которые много говорили, а на фронт отправлялись другие; в католических районах Германии вызывало протесты отвратительное обращение с первыми советскими военнопленными.

В конце августа 1941 г., с началом битвы за Киев, началась третья фаза кампании вермахта, по истечении которой немецкие войска должны были достигнуть Москвы. Немцы все чаще спрашивали друг друга, откуда у «русского Ивана» так много танковых соединений, тяжелого оружия, самолетов; все чаще говорилось о том, что руководство недоценило силы и возможности Советского Союза⁴⁵³. Для поднятия настроений немецкой общественности прибегали и к трюкам: одна из победных режиссий вермахта была специально «придержана», чтобы объявить о ней позже, в благоприятный для нацистских режиссеров общественного мнения момент. Фронтовики, узнав об этом, были недовольны, в тылу тоже чувствовали себя обманутыми: пропагандистский фокус явно не удался... Несмотря на этот явный просчет, Гитлер 9 октября 1941 г. после большого двойного успеха вермахта — окружений под Вязьмой и Брянском — заявил, что в этих «котлах» маршал Тимошенко потерял последние боеспособные соединения, поэтому война на Востоке практически завершена⁴⁵⁴. Таким образом, подчеркивал Гитлер, английская мечта о немецкой войне на два фронта не осуществилась.

Всеобъемлющая история повседневной жизни немецких солдат на Восточном фронте еще не написана, но есть масса свидетельств из солдатских писем. Эти свидетельства указывают на то, что большинство солдат были озабочены неисчерпаемостью советских людских и материальных ресурсов, что большинство не верило в возможность быстрого завершения войны. Фронтовые настроения передавались и немецкому тылу. С зимы 1941 г., когда Гитлер объявил войну США, настроение большинства немцев стало более пессимистическим. Превращение войны в глобальный конфликт, учащающиеся воздушные

налеты на Германию, трудности с продовольственным снабжением, утрата прежних иллюзий и страх за жизнь стали определять немецкую повседневность.

СД также отмечала ухудшение настроений народа и по другим причинам: интересы немцев концентрировались в это время вокруг слухов о предстоящих сокращениях выдач по продовольственным карточкам. Газеты оправдывали это необходимостью поставок хлеба в Финляндию, где начинался голод⁴⁵⁵. Распоряжение Гитлера о сокращении с апреля 1942 г. карточных норм Геббельс распорядился держать в строжайшей тайне, но слух об этом каким-то образом просочился в общество и моментально распространился. Истинные масштабы негативного воздействия снижения карточных норм превзошли самые худшие ожидания нацистского руководства: некоторая часть населения была просто подавлена этим известием. СД передавала из Берлина, что перспектива питаться хуже, чем все европейцы, чрезвычайно угнетала людей. Чувство, что досыта теперь уже не поест, поскольку есть просто нечего, подавляла население (особенно рабочих, занятых на тяжелом производстве, а также домохозяек, которые часами стояли в очередях, не зная, достанется ли им брюква, подмороженная капуста, картофель плохого качества, или они уйдут ни с чем). Понимания объективного характера трудностей у немцев, как передавала СД, не было и в помине⁴⁵⁶. Из Рура СД передавала, что из продовольственных магазинов исчезли рыба, яйца, овощи, фасоль, продукты детского питания. Разумеется, общественное мнение стало искать виновных⁴⁵⁷. Донесения СД дошли до Гитлера, который постарался их релятивировать, указывая на внутреннюю целостность и твердость немецкого народа. Геббельс считал, что СД слишком сгущает краски. Последующие известия, однако, показали, что СД точно оценила ситуацию, и министр пропаганды был вынужден признать, что из-за трудностей с продовольствием часть немцев начала скептически смотреть на войну и ее перспективы. Народ стал сомневаться и в немецком военно-промышленном превосходстве⁴⁵⁸. В сентябре 1942 г. СД

передавала, что по истечении трех лет боевых действий настроения немцев характеризовались разочарованием и усталостью от войны. Часто раздавались жалобы: «кто мог ждать, что война продлится так долго?» или «конца этой войне не видно, что нам еще уготовано?» Растущие трудности со снабжением продуктами питания, три года ограничений, налеты вражеской авиации, опасение за жизнь близких на фронте и в тылу стали определяющими факторами формирования общественных настроений⁴⁵⁹. Сказывалась и разница в положении солдат на Западе и на Востоке — адъютант Паулюса полковник Адам вспоминал: «В Германии поговаривают, что хорошо тем солдатам, которые на западе или на севере Европы. Чего только не шлют они домой: продукты, ткани, белье, платья. Женщины, которые в мирное время едва могли купить пару чулок, разгуливают теперь в мехах. Им не приходится дрожать за жизнь своих мужей или сыновей, в отличие от тех, чьи близкие на Восточном фронте»⁴⁶⁰.

Некоторое улучшение настроений принесла речь Геринга на Празднике урожая, когда он объявил об увеличении рациона, о дополнительном пайке на Новый год (карточная норма выдачи мяса увеличилась на 50 г еженедельно, хлебную норму вернули на уровень апреля — 2250 г еженедельно). СД отмечала, что обращение Геринга к «маленькому человеку» пришлось по душе немцам; с большой радостью было воспринято известие о повышении пенсии матерям⁴⁶¹. Урсула фон Кардорф записала в дневнике 31 декабря 1942 г.: «Итоги года неутешительны: поражение под Сталинградом, высадка англо-американцев в Африке, разрушение Любека... В то же время питание стало лучше, прежде всего благодаря так называемым «подаркам фюрера» (*Führerpaketen*), рождественским карточкам, рождественским подаркам на предприятиях. Депрессии по причине поражений на фронте или из-за уничтожения евреев не заметно»⁴⁶². Впрочем, за повседневными заботами евреи, по всей видимости, почти никого не трогали. Что касается принципиальной установки нацистского руководства на «окончательное реше-

ние еврейского вопроса», то она была секретной, и достоверных сведений о происходящем в концентрационных лагерях на территории Польши до немцев не доходило. Показательно свидетельство польского еврея Хенрика Ингстера, который с 1939 г. по 1944 г. прошел через множество концлагерей вокруг Аушвица. Этот человек, ежедневно сталкивавшийся с лагерной действительностью, впервые услышал о настоящем предназначении Аушвица только в октябре 1944 г. Вернер Мюэ, всю войну прослуживший начальником политической редакции немецкого бюро новостей (*DNB*), в 1986 г. в интервью газете «Вельт» вспоминал: ему на стол ни разу не попало сведений советских или западных агентств, что в Аушвице уничтожают евреев⁴⁶³.

Впрочем, даже если слухи о жуткой судьбе евреев на Востоке и просачивались, немцам было не до того — самым важным и значительным фактором после 1942 г. стал страх перед «русским нашествием»; с зимы 1942—1943 гг. главной задачей пропаганды стало убеждение немцев в том, что русская оккупация станет для них «концом света»⁴⁶⁴.

В 1943 г., вслед за поражением под Сталинградом, Геббельс декларировал тотальную войну, и жизнь в тылу стала определяться работой до изнеможения, постоянным ухудшением продовольственного снабжения, воздушными налетами. В немецком обществе стала распространяться апатия. Падение Муссолини (в июне 1943 г.), назначение маршала Бодальо, а затем выход Италии из войны побудил немцев задуматься: а кто может стать немецким Бодальо? Дело все же не дошло до возникновения оппозиции, которая была невозможна по причине тотального характера власти, хотя значительные изменения в общественном самосознании имели место. Хоть нацистам и не удалось окончательно сломить традиционные представления в армии, церкви и чиновничестве, однако ни одна из названных групп не смогла оказать нацизму значимого сопротивления, а общие немецкие представления сводились к чувству долга, к патриотизму и дисциплине.

Второй важной причиной невозможности формирования оппозиции была эффективность гиммлеровского полицейского аппарата, который — используя минимум насилия в строго рассчитанных местах и времени — достиг полного паралича всех возможных политических инициатив. Недовольство в обществе могло быть очень большим, все общество могло пребывать в отрицании существующей системы, но это не представляло никакой опасности для нацистского режима, ибо недовольство никак не проявлялось, некому его было выражать. Нацистская полицейская система покоилась на превентивном обнаружении возможных противников режима и строгом контроле над ними: при первой же попытке активности они подавлялись. Шпиономания и доноительство также способствовали распространению страха и конформизма. Так, Виктор Клемперер вспоминал, что на фабрике, где он трудился, рабочие не были настроены особенно пронацистски, а уже к зиме 1943—1944 гг. нацистский дух выветрился совершенно. Можно было опасаться старосты и двух-трех женщин, которых подозревали в доноительстве, и когда кто-нибудь из них появлялся, люди предостерегали друг друга толчками или взглядами⁴⁶⁵.

Исследование поведения немцев на основе донесений СД было предпринято в Англии сразу после войны, в сентябре 1945 г., оно касалось анализа развития немецкой политической сцены и контроля над гражданским населением со стороны властей. В этом любопытнейшем отчете⁴⁶⁶ сообщалось, что в Германии изначально не было никакого ура-патриотизма, ни разу за всю войну в обществе не превалировало убеждение в необходимости войны. Там же указывалось, что нападение на СССР вызвало значительную депрессию, перешедшую со временем в уверенность, что добиться победы на Востоке не удастся. Людские потери и русские морозы воспринимались общественным мнением с растущим отчаянием. После 1942 г., однако, появились мнения, что в 1918 г. немцы проиграли потому, что преувеличили сложности, значит,

сейчас нужно просто потерпеть; вновь оживилась надежда на победу или хотя бы на компромиссный мир. Английское резюме немецкого общественного мнения гласило, что после объявления войны США никаких существенных перемен в настроениях не произошло — Америка казалась слишком далекой... Озабоченности тем, что американцы имеют колоссальный промышленный потенциал, противостояло суждение, что американцы очень любят прихвастнуть (результат геббельсовской пропаганды). Далее отмечалось, что высадка англо-американцев в Африке в 1942 г. и поражение под Сталинградом стали поворотными пунктами в эволюции немецкого общественного мнения в сторону отчаяния и утраты надежды на победу. Непосредственным следствием этого стала нарастающая волна выходов из партии; власти на это отреагировали требованием обязательного ношения партийных значков и использования в быту «гитлеровского приветствия». Становилось все более очевидно, что правящая группа ведет войну против воли большинства немецкого народа.

Немцы, которые пережили Первую мировую войну, весной 1942 г. начали засеивать овощами цветочные клумбы и газоны, на верандах и балконах начали выращивать кроликов, разводили кур, гусей, уток. Весьма популярны стали новые рецепты: овощной гуляш (без мяса), морковный мармелад, ром-баба из моркови, морковные оладьи, вафли из картофеля, картофельные кексы, жареные свиные хвосты, шницель из кольраби (без мяса), жареное коровье вымя, конфеты из сиропа, конфеты из шиповника, эрзац гарцского сыра, котлеты из щавеля (без мясной добавки), картофельные хлебцы⁴⁶⁷.

СД передавала, что даже сообщения ОКВ о новых успехах вермахта, вызывавшие энтузиазм и гордость немецкими солдатами у мужской части населения Германии в тылу, не производили почти никакого впечатления на женщин, поглощенных повседневными заботами⁴⁶⁸. Партийные и государственные функционеры все чаще использовали служебное положение для обеспечения продуктами

своих семей. Народ это знал: электрики, сантехники, ремонтники бывали в домах начальства и видели, как питается нацистская верхушка. СД передавала, что подобные вести, вызывавшие озлобление людей, шли из Берлина, Штеттина, Дюссельдорфа, Вены. Хваленой «справедливой» системе распределения продуктов питания в Третьем Рейхе постепенно перестали доверять.

В войну положение на немецком продовольственном рынке во многом «стабилизировали» за счет ограбления оккупированных стран: в 1941—1943 гг. в Германию было вывезено 25 млн тонн продовольствия, за счет чего на четверть были увеличены гражданские рационы⁴⁶⁹. Следует отметить, что нацистские способы эксплуатации ресурсов СССР были не только жестокими и антигуманными, но и неумными — по советско-германскому пакту при минимальных материальных затратах и без всяких людских потерь немцы получали столько же, к тому же 80—90% продовольствия, собранного на Востоке, потреблялось самой армией⁴⁷⁰.

С началом войны было введено 50% надбавки к подоходному налогу, исключая годовой доход до 2,4 тыс. рейхсмарок в год, что освободило от налогов военного времени 60% налогоплательщиков. Тем не менее, до 1942 г. подоходный налог по сравнению с 1939 г. почти удвоился⁴⁷¹, хотя частные сбережения между 1938 и 1941 гг. выросли в четыре раза (это свидетельствует о сносных условиях обывденной жизни для рядовых немцев, которых призывали экономить средства, чтобы после войны построить дом)⁴⁷². Со своей стороны, правительство гарантировало минимальный доход в 2,4 тыс. рейхсмарок.

В «Вестях из рейха» слово «Сталинград» впервые было упомянуто 31 августа 1942 г.; СД отмечала, что немцы сразу обратили внимание на принципиальное значение взятия этого города. Такое мнение было не только следствием усилий пропаганды — имя Сталина уже действовало на немцев магически⁴⁷³. Сталинград для немцев был символом поворота в войне не только в собственно воен-

ном смысле, — он стал почти маниакальным пунктом фиксации немецкой общественности, эта фиксация была усилена и гитлеровской речью по поводу открытия очередной кампании сбора теплых вещей в рамках «зимней помощи»⁴⁷⁴. По этой причине к действиям 6-й армии под Сталинградом было приковано самое пристальное внимание. Только на Новый год и Рождество немцы несколько отвлеклись от наблюдения за событиями на фронте, благодаря приподнятому настроению вследствие обещанных новогодних пайков. Хотя уже под Новый год стали распространяться слухи об окружении 6-й армии под Сталинградом, поэтому приход нового 1943 г. в Германии почти не отмечали. Даже Гитлер не выступал на Новый год по радио: это должно было соответствовать «образу великого вождя в печали и трауре»... Это его, однако, не спасло — первоначально разрозненный и нестройный хор критиков после Сталинграда стал все более концентрироваться на высшем руководстве рейха. Шутки и остроты становились все злее. Так, Урсула фон Кардорф вспоминала, что поговаривали о «Тунисграде» в Африке⁴⁷⁵. Донесения по каналам Бормана свидетельствовали о том, что авторитет Гитлера очень пострадал. Информаторы Бормана доносили: «персона Гитлера стала подвергаться прямым нападкам, причем с особенной неприязнью и открыто»⁴⁷⁶. Альберт Шпеер вспоминал, что Геббельс говорил с ним не о «кризисе руководства» (*Führungskrise*), а о «кризисе фюрера» (*Führerkrise*); это потрясло Шпеера: он знал о беспредельной лояльности министра пропаганды к Гитлеру. Шпеер писал: «Значение Сталинграда в том, что Геббельс стал сомневаться в звезде Гитлера и в его победе, и вместе с ним и нас стал точить червь сомнения»⁴⁷⁷. На этом фоне возобновились слухи о начале переговоров с русскими и о долгожданном мире. Потом на первый план ненадолго вышло сообщение об американско-английском десанте в Африке, но в целом на общественное мнение это известие почти не повлияло — немцы считали, что кардинально это положения не изменит, но лишь отодвинет торжество Германии⁴⁷⁸.

С ноября 1942 г. настроения в немецком обществе стали ухудшаться, росли опасения, что Сталинградская битва в итоге будет проиграна и последуют новые жертвы. Камердинер Гитлера Линге вспоминал, что в начале ноября 1942 г. после прочтения очередного донесения СД фюрер был очень огорчен и даже сказал, что он сам во всем виноват. Правда, через мгновение Гитлер возмущенно заметил: как баварцы могут возмущаться плохим качеством пива, когда сотни тысяч солдат в жутких условиях борются за будущее страны. Особенно Гитлера расстроили строки из донесения, в которых говорилось, что процесс образования и распространения слухов практически невозможно контролировать⁴⁷⁹.

СД передавала, что «если многие немцы — бойцы по натуре — восприняли Сталинград как решающий вызов перед конечной обязательной победой, за которой должно последовать неминуемое и желанное окончание войны, то скрытые конформисты стали рассматривать Сталинград как начало конца»⁴⁸⁰. По поводу Сталинграда Черчилль остроумно заметил, что это еще не конец, это даже не начало конца, но конец начала. После Сталинграда немцы научились выделять в военных сводках новые формулировки: например, «подвижная оборона», «планомерный отход»⁴⁸¹. СД передавала, что после Сталинграда общественное мнение в Германии стало более самостоятельным, немцы научились различать нюансы, научились читать между строк⁴⁸². В информации с мест в этот период по-прежнему говорилось о нерушимой вере немцев в фюрера и Третий Рейх, но на последних страничках отчетов выяснялось, что объектом критики часто становился и сам фюрер, который до Сталинграда обещал слишком много. Слова Гитлера о скорейшем взятии Сталинграда и выходе к Волге называли «преждевременными и неосмотрительными». Ходили слухи, что бывший начальник Генштаба Франц Гальдер предрекал роковые последствия одновременного наступления на Сталинград и на Кавказ — это, как считал народ, явилось причиной его отставки. В одном из донесений Борману говорилось,

что в гау Галле-Мерзебург возникла дискуссия о том, почему военное руководство проморгало начало советского наступления. В ходе дискуссии было сказано, что пророчества фюрера в отношении Сталинграда вообще ни на чем реальном не основывались, а были чистой фантазией, что недопустимо в столь ответственных операциях⁴⁸³. Эта острая критика, однако, не означала, что гитлеровское военное и политическое руководство в глазах народа было окончательно дискредитировано — на самом деле авторитет Гитлера не был поколеблен практически до самого конца войны. При этом следует иметь в виду не только действие репрессивных мер, но и несомненные успехи режима предшествующего периода. Фронт и тыл и после Сталинграда остались едиными. После Сталинграда Гитлер выступал по радио в День поминовения героев — 21 марта 1943 г. СД передавала, что немцы были рады, что Гитлер не ранен и не заболел (об этом ходили слухи). Что касается Сталинграда, то его фюрер в своей речи вообще не упомянул. Слова Гитлера, что до сего момента вермахт потерял в боях 542 тыс. человек, были восприняты немецкой публикой скептически, также как и уверенность, что Восточный фронт стабилизировался⁴⁸⁴.

Между тем 13 мая 1943 г., три с половиной месяца спустя после гибели 6-й армии, немецкой общественности было объявлено, что «героическая борьба немецких и итальянских солдат в Африке завершилась: последние группы наших солдат, окруженные в Тунисе, вынуждены были прекратить борьбу вследствие полного истощения боеприпасов, воды и горючего. Они покорились судьбе не вследствие напора врага, но из-за отсутствия всяких припасов. Их борьба и многомесячное сопротивление превосходящим силам врага не пропали даром, а пошли на пользу другим участкам нашего фронта, который получил необходимую разгрузку». По свидетельству камердинера, текст известия о прекращении борьбы в Африке Гитлер сочинил сам⁴⁸⁵.

Осведомители СД передавали: среди немцев ходили слухи о том, что немецкие солдаты в Африке были бесконечно

рады окончанию войны и чуть ли не бросались на шею англичанам, зная о гуманных условиях содержания в английском плену⁴⁸⁶. Немецкие военнопленные писали из Канады родственникам, что их содержат исключительно хорошо, что питание великолепное⁴⁸⁷. Канадцы даже решили вручить очередную воинскую награду (Дубовые листья к Рыцарскому кресту) в плену (!) знаменитому немецкому подводнику Кречмеру... С другой стороны, и сами немцы подчас были склонны к проявлению рыцарских правил поведения на войне. Так, английский летчик майор Дуглас Бейдер был сбит, и у него сломались алюминиевые протезы ног. С согласия фельдмаршала Хуго Шперле руководство 3-го флота люфтваффе направило англичанам сообщение об этом, и через двое суток протезы майора Байдера были сброшены с парашютом на аэродром Сент-Омер⁴⁸⁸. Сущность войны на Западе весьма точно отражало название военного дневника Роммеля — «Война без ненависти».

Подобная романтизация войны смаковалась немецкой публикой (как передавала СД), но не особенно приветствовалось пропагандой, ибо это снижало готовность к сопротивлению и к беспощадной борьбе.

Бомбовая война

Lieber Tommy fliege weiter
Wir sind alle Bergarbeiter
Fliege weiter nach Berlin
die haben alle «ja» geschrien.

*(Куплет, сочиненный жителями Рура)*⁴⁸⁹

Совершенно неожиданно весьма важным фактором динамики общественных настроений и в целом повседневности в Германии стали массированные налеты союзнической бомбардировочной авиации. К этому времени Геринга в Германии называли не иначе как «Майе-

ром», так как он в 1939 г. имел неосторожность заявить: пусть меня зовут Майером (для немецкого уха — это чисто еврейская фамилия. — *О. П.*), если хоть один вражеский самолет сможет пересечь немецкие пределы». В июне 1944 г. для отражения налетов вражеской авиации люфтваффе располагали 472 одномоторными и 272 двухмоторными истребителями, а месяц спустя — соответственно 83 и 42 самолетами⁴⁹⁰. Это было ничто против десятков тысяч дальних бомбардировщиков англо-американских союзников под мощным истребительным прикрытием. Гитлер совершил ошибку, положившись на обещания Геринга; еще в 1940 г. фюрер заявил: «Если британская военная авиация будет сбрасывать на нашу страну 2, или 3, или даже 4 тыс. килограммов бомб, то мы тут же ответим 150 тыс., 180 тыс., 230 тыс., 300 тыс., 400 тыс., 1 млн килограммов бомб. Если они объявят, что будут разрушать наши города в больших размерах, то мы вообще сотрем их города с лица земли! Мы пресечем преступную деятельность этих ночных пиратов, и в этом праведном деле нам поможет бог. В противостоянии очень скоро один из нас будет сломлен и это будет не национал-социалистская Германия»⁴⁹¹.

Хотя летом 1942 г. вновь были отмечены значительные боевые успехи вермахта на Восточном фронте, для гражданского населения бомбежки были гораздо важнее, чем положение на фронте⁴⁹². Первый воздушный налет англичан на гражданские объекты в Германии был осуществлен в Мангейме 16 декабря 1940 г. Самолеты бомбили не промышленные предприятия, а центр города — так началась практика коврового бомбометания «по площадям» (*area bombing*). Техника такой террористической бомбежки вскоре стала «утонченной»: сначала «зажигалками» вызывали в городе пожар, вторая волна бомбардировщиков уже при соответствующей «иллюминации» бросала мощные фугасные бомбы. Эта тактика стала особенно действенной после 1942 г., когда стал ощущаться интенсивный отток сил на Восточный фронт; особенно чувствительной была нехватка 88-мм зенитных орудий,

которые на Восточном фронте использовали для борьбы с танками.

22 февраля 1942 г. маршал британской авиации Артур Харрис стал командующим бомбовой авиацией, его назначение совпало с внедрением четырехмоторных самолетов «Ланкастер», снаряженных новыми приборами прицеливания. Харрис, переиначив слова Бисмарка о Балканах, сказал: «Мне кажется, что все немецкие города не стоят одной берцовой кости британского гренадера»⁴⁹³. Как указывал английский историк Майкл Булей, в бомбовой войне против Германии Артур Харрис был идеальным руководителем ВВС и идеальной мишенью для последующих нападков на него, поскольку его мировоззрение было односложным — он был солдатом. Харрис утверждал (вполне, впрочем, справедливо), что морская блокада Германии в Первую мировую войну не была гуманнее, чем массовые бомбежки во Вторую мировую: просто в одном случае убийства мирного населения имели неявный и непрямой характер, а в другом — явный и прямой. Харрис понимал, что делают его летчики в Германии; однажды во время войны молодой полицейский в пригороде Лондона остановил его за превышение скорости и сказал, что маршал может сбить пешехода, на что Харрис заметил: «Юноша, я каждую ночь убиваю тысячи людей, что мне одна смерть»⁴⁹⁴. На самом деле, по официальным немецким данным, число жертв бомбежек составило 593 тыс. человек — против 50 тыс. летчиков, принимавших участие в этом терроре⁴⁹⁵.

С 1942 г., с возрастанием интенсивности воздушных налетов, возросло воздействие войны на тыловую жизнь. 28 марта 1942 г. Харрис организовал страшный налет на Любек — 50% зданий города было разрушено за 2 часа. 17 апреля террористической бомбежке подвергся Аугсбург; бомбардировщики не встретили сопротивления немецкой истребительной авиации и зенитной артиллерии. Нелепой была реакция Геббельса — в дневниках он благодарил бога, что налеты были на северную Германию: северяне более стойкие, чем южане или пруссаки⁴⁹⁶. За-

тем 24—27 апреля последовал Росток, 30 мая — Кельн, который стал первым объектом, подвергшимся налету тысячи бомбардировщиков сразу. Наряду с «зажигалками» и фугасами сбрасывали также и канистры с фосфором. 1 июня 1942 г. налету тысячи бомбардировщиков подвергся Эссен, 24 июня — Бремен, 31 июля — Дюссельдорф. После этого последовало некоторое усиление противовоздушной обороны рейха, и англичане сделали паузу. Потери бомбардировщиков, впрочем, были относительно небольшими — 5%⁴⁹⁷.

Серьезное изменение в стратегии бомбовой войны принесло размещение на Британских островах частей американских ВВС (*US Air Force*) — американцы придерживались принципиально иной тактики: они предпочитали дневное прицельное бомбометание с большой высоты. Вначале американцы бомбили объекты вермахта на французской, голландской или бельгийской территории; дневные налеты производили больший эффект, чем ночные. В 1942 г. американцы построили 48 тысяч самолетов (из них 2600 четырехмоторных «летающих крепостей»), а немцы — 14 700 самолетов (дальних бомбардировщиков немцы вообще не производили)⁴⁹⁸. На основе подавляющего материального превосходства и приобретенного опыта англичане и американцы начали стратегическое бомбовое наступление (*combined bomber offensive*) на Германию, решение о начале которого было принято на конференции в Касабланке. Чтобы бомбежки были круглосуточными (*round-the-clock-bombing*), американцы бомбили Германию днем, а англичане ночью. Несмотря на то что американцы предпочитали точное бомбометание по промышленным объектам, а англичане бомбили жилые кварталы, на практике они действовали совместно. На конференции в Касабланке американцы заявили, что в Германии они будут осуществлять только прицельное бомбометание, но это была не более чем попытка завоевать выгодную в моральном отношении позицию: американцы бросали бомбы с большой высоты, а не с пикирования, и о какой-либо точности не могло быть и речи.

Англичане же своей «неограниченной бомбовой войной» хотели хоть как-то выделиться на фоне растущей военной мощи США и СССР. Именно по этой причине английские расходы на бомбовую войну были весьма значительными, а пропорционально к общим английским военным расходам — чрезвычайно большими: в бомбардировках Германии принимало участие около 7% всей английской живой силы и было задействовано не менее четверти всего военного производства Великобритании⁴⁹⁹.

Технической предпосылкой для решения о круглосуточных бомбежках стало создание новой системы дальнего наведения, которая называлась «Гобой»: бомбардировщики летели по наводящему на цель радару. Эта система впервые была опробована при налете на голландские электростанции 15 мая 1942 г. 5—6 марта 1943 г. при помощи новой системы наведения состоялся первый налет на Германию — на Эссен, 9—10 — на Мюнхен. Затем английские инженеры дополнили «Гобой» новым радаром — «H2S»; он работал в сантиметровом диапазоне и показывал на дисплее район налета. Этот британский панорамный радар немцы называли «Роттердамский прибор» (*Rotterdammer Gerät*)⁵⁰⁰. 31 января 1943 г. он был использован при налете на Гамбург. «Роттердамский прибор» успешно применялся англичанами и американцами и для борьбы с немецкими подлодками. Эти и другие технические детали бомбовой войны свободно обсуждались немцами и в средствах массовой информации, сведения были открытыми. Любопытно и то, что в преддверии налетов по немецкому радио аккуратно извещали о направлении и скорости полета бомбардировщиков противника.

На деле реализовать запланированную в Касабланке круглосуточную бомбежку Германии (дневные — точные — бомбометания американцев и ночные — по площадям — английские бомбежки) оказалось не так просто, так как днем «летающие крепости» не могли действовать без прикрытия истребителей, а дальние истребители появились не сразу. Поэтому задачу непрерывной бомбежки Германии удавалось осуществлять лишь эпизодически, и од-

ним из таких «эпизодов» стал Гамбург. Разрушение Гамбурга 27—28 августа 1943 г оказалось переломным моментом в бомбовой войне против рейха: за неделю от «зажигалок» выгорело 2500 гектаров городской застройки; от жара плавилась даже стекло и мостовая, пожар вызвал сильнейшую тягу, которая срывала крыши, вырывала с корнем деревья, даже поднимала в воздух железнодорожные вагоны. В этом аду погибло около 50 тыс. человек, по большей части женщин и детей, было полностью разрушено 278 тыс. квартир, 277 школ, 58 церквей и 24 больницы⁵⁰¹. Около миллиона жителей Гамбурга остались без крова. В полицейском отчете об этой трагедии говорилось: «Утопическая картина превратившегося в пустыню большого города — без газа, воды, света, транспорта — стала явью. Улицы покрыты сотнями трупов, которые расположены в самых необычных позах»⁵⁰². Подобных катастроф в немецкой истории ранее не было: в психологическом отношении разрушение Гамбурга стало для немцев таким же ударом, как поражение под Сталинградом. Не меньшая трагедия чуть позже произошла в Мюнхене, где за короткий срок погибло 30 тыс. человек. Опасаясь эпидемии, архиепископ города просил военные власти сжечь трупы в крематории концлагеря Дахау, но ему было отказано, так как в лагере была только одна печь, и она не справлялась с сожжением трупов узников⁵⁰³. СД передавала, что переполненные ненавистью немцы вопрошали: когда же Англия перестанет быть островом?⁵⁰⁴

Немецкая истребительная авиация не смогла сдержать врага, во много раз превосходившего ее по численности, хотя сбивала очень много — только американских В-17 («летающая крепость») было сбито 2000 (в каждом «Боинге» экипаж был 10 человек, нес он 7,8 т бомб при высоте полета 11 км; за всю войну американцы построили 12 700 таких самолетов). Не меньшую опасность представлял собой английский бомбардировщик «Ланкастер», введенный в строй с начала 1942 г. (вес бомбового груза — 7,5 т).

Упомянутый выше налет англичан на Гамбург (не говоря уже о дальнейших бомбежках) произвел эффект,

прямо противоположный ожидаемому: после поражения под Сталинградом и в Тунисе немцы начали разочаровываться в Гитлере. Террористические налеты англичан и американцев, однако, вновь сплотили Германию вокруг фюрера. Даже мальчишек 14 лет (1928 г. рождения) стали привлекать к противовоздушной обороне. Под давлением обстоятельств дети на деле стали реализовывать слова песни ГЮ «сквозь мрак и ночь мы маршируем за Гитлера» (*wir marschieren für Hitler durch Nacht und durch Not*)⁵⁰⁵.

Ожесточение немцев против бессмысленных бомбежек было столь велико, что геббельсовская пропаганда могла направить его в каком угодно направлении. Так, в разгар войны СД передавала, что среди немцев имело хождение «рационализаторское» предложение: запретить евреям пользоваться бомбоубежищами, а затем опубликовать цифры погибших. Некий сварщик на заводе сказал, что раньше такие меры могли показаться варварскими, но для Германии это необходимая оборона, в которой все средства хороши⁵⁰⁶. Русская мемуаристка, жившая тогда в Германии, писала, что американцы кидали только фугасные бомбы разного веса, иногда очень тяжелые, а англичане бросали воздушные мины, которые летели с чудовищным воем, пугающим население; мины сбрасывали под очень острым углом, и они попадали даже в нижние этажи и подвалы; взрывная волна тоже шла по горизонтали⁵⁰⁷. СД при этом неоднократно отмечала, что из-за роста числа налетов растет и жажда мести и ненависть к организаторам и исполнителям этих бомбежек⁵⁰⁸. Впрочем, следует отметить, что от массовых бомбежек пострадали не только немцы, но и проживавшие на оккупированной территории французы: если в кампанию 1939—1940 гг. погибло или пропало без вести 87 тыс. французов, то следствием англо-американских бомбежек Франции было 65 тыс. погибших⁵⁰⁹.

В Германии ходили слухи об изобретении немецкими инженерами новых пушек, способных добить до Британских островов, о новых сверхмощных бомбах, действовавших на принципе расщепления атомного ядра; гово-

рили о ракетах, управляемых летчиками-смертниками⁵¹⁰. На самом деле, еще 22 декабря 1942 г. Гитлер подписал распоряжение о создании ракетного оружия. Интересно отметить, что слухи о возможности использования летчиков-самоубийц не были пустыми: 28 февраля 1944 г. известная немецкая летчица-испытательница Ханна Рейтч предложила использовать камикадзе на V-2 — тут же нашлось 70 добровольцев. Гитлер категорически отверг это предложение — оно якобы не соответствовало германской солдатской традиции и менталитету (*unsoldatisch und undeutsch*)⁵¹¹.

Только после уничтожения исторических центров Росток и Любека (в 1942 г.) люфтваффе — весьма ограниченными силами средней бомбардировочной авиации — попытались также перейти к бомбардировкам по «Бедекеру» (туристический путеводитель, широко распространенный в Европе до войны): серьезно пострадали Кентербери, Бат, Йорк, а в 1944 г. вошло в решительную фазу создание «оружия возмездия» (*Vergeltungswaffe*) — ракет «Фау-1» и «Фау-2». Предполагалось ежедневно обстреливать Англию 24 ракетами «Фау-2». Для сравнения: в 1944 г. 4100 вражеских четырехмоторных самолетов сбрасывали на Германию ежедневно 35 тыс. тонн бомб... Ежемесячно выпускалось 900 ракет — логичнее было бы, писал в мемуарах министр вооружений Шпеер, сосредоточить усилия на производстве ракет «земля-воздух». От этой самонаводящейся ракеты длиной 8 метров и зарядом в 300 кг не мог уйти ни один вражеский самолет⁵¹².

«Фау-1» был недорогим проектом — на средства, необходимые для постройки одного бомбардировщика «Ланкастер», на обучение экипажа, на производство снарядов и топлива, можно было построить 300 ракет «Фау-1», каждая с тонной взрывчатки и радиусом действия в 300 км. За 3 месяца 1944 г. на строительство этих ракет немцы потратили 12,6 млн фунтов стерлингов — английские материальные затраты были в 4 раза больше; от ракет в Великобритании погибло 7800 человек, среди них 1950 пилотов. Гитлера, однако, не удовлетворяли эти показатели: в хаосе компетенций Третьего Рейха преимущество получали

те проекты, которые соответствовали его бредовым идеям. При помощи ракеты «Фау-2» Гитлер хотел отомстить Рузвельту, разрушив Нью-Йорк, поэтому на нее выделялись огромные ресурсы. Только в Германии на строительстве ракеты «Фау-2» было занято 200 тыс. рабочих, включая высококвалифицированных техников. Программа «Фау-2» поглотила огромные средства и лишила Германию современных реактивных самолетов и подземных нефтеперерабатывающих станций, радаров, подводных лодок⁵¹³.

Партийное руководство и пропаганда всеми силами стремились уберечь чувство общности нации перед лицом массовых бомбежек и общих страданий. По настоянию Бормана, в конце 1942 г. все 42 гауляйтера стали одновременно имперскими комиссарами по обороне рейха (*Reichsverteidigungskommissare*) с полномочиями и в сфере гражданской обороны. В преодолении последствий бомбежек некоторые гауляйтеры (например, гамбургский гауляйтер Карл Кауфман, в прочих отношениях — отвратительный тип) смогли добиться выдающихся результатов по мобилизации населения на ликвидацию разрушений⁵¹⁴. Кроме того, руководитель партийной канцелярии Мартин Борман 1 марта 1943 г. разослал циркуляр, в котором требовал от руководства всех рангов личного примера в процессе тотальной мобилизации общества: «Никаких банкетов, никаких приемов, для этого у нас нет времени, средств, и вообще это неуместно. Народ не поймет, если руководство будет развлекаться и пьянствовать. Помните, что о ночи, проведенной в кутеже, будут говорить больше, чем о 100 ночах, занятых работой»⁵¹⁵. Борман указывал, что только корректностью и неподкупностью можно завоевать расположение народа; он требовал от партийных функционеров «возрождения добродетелей раннего национал-социализма». Соображения Бормана не были лишними: к устрашающим ежедневным налетам и плохому военному положению постепенно начали добавляться трудности со снабжением продуктами питания; жаобы нарастали, как снежный ком⁵¹⁶. В конце мая 1943 г.

уменьшились карточные нормы на мясо, правда при этом немного повысились рационы на хлеб и жиры. Рабочие возмущались тем, что «теперь вместо 100 граммов мяса будет всего лишь кусок хлеба с маслом»⁵¹⁷.

До 1944 г. союзническая бомбардировочная авиация разрушила 600 тыс. зданий, 1,6 млн квартир, до 1945 г. в бомбежках погибло 600 тыс. человек. С 1942 г. английская авиация сбрасывала на немецкие города ежемесячно до 90 тыс. тонн бомб, а немцы сбросили бомб на Великобританию: в 1940 г. — 36 тыс. тонн, в 1941 г. — 21 860, в 1942 г. - 38 260, в 1943 г. - 2298, в 1944 г. - 9151, в 1945 г. — 761 тонну. Как ни странно, бомбометание по гражданским объектам Германии резко усилилось в конце войны, когда оно уже ничего не решало. Только в марте 1945 г. американцы и англичане сбросили на Германию 130 тыс. тонн бомб⁵¹⁸ — это больше, чем люфтваффе сбросил за всю войну. Речь шла о неведомых ранее масштабах: если немцы за всю войну сбросили 108 тыс. тонн бомб, то американские и английские ВВС на Европу сбросили 2,7 млн тонн бомб, из них 50,3% — на Германию, 6,7% — на Австрию, 1,8% — на Францию, 13,7% — на Италию, остальное — на другие страны⁵¹⁹. Обида за бессмысленные бомбежки осталась в Германии (и отчасти среди английской общественности) до сих пор: 31 мая 1992 г., когда королева-мать открывала в Лондоне памятник маршалу Артуру Харрису, церемония несколько раз прерывалась криками протеста. Когда же королева Елизавета II в октябре 1992 г. прибыла в Дрезден, ее встретили свистом и тухлыми яйцами⁵²⁰.

Английский физик Патрик Блэкетт считал, что союзнические бомбежки Германии являются отражением «комплекса Юпитера»: представления о праведных богах, мечущих громаы и молнии на головы ненавистных врагов. Только этим комплексом можно объяснить бессмысленную и варварскую бомбардировку Дрездена 14 февраля 1945 г. Рузвельт и Черчилль хотели показать Сталину, что они делают все возможное, чтобы помочь Красной армии

на Восточном фронте. Приказ о бомбежке Дрездена Черчилль отдал прямо с Ялтинской конференции. В Дрездене было много беженцев из Силезии — вполне можно было предположить, что Сталин хотел их уничтожить, чтобы беспрепятственно передвинуть польскую границу на Запад⁵²¹. Возможно, это была одна из причин приказа Черчилля бомбить Дрезден. Трагедия Дрездена была особенно болезненной по той причине, что хотя он и не был объявлен открытым городом, но на него было совершено только два небольших воздушных налета: первый 7 октября 1944 г. (погибло 435 человек при разрушении железнодорожной станции) и 16 января 1945 г. (погибло примерно столько же человек на той же станции). Казалось даже, что с союзниками было достигнуто негласное соглашение: в ответ на то, что в свое время немцы пощадили Оксфорд, англичане не трогали Дрезден. В конце концов, город не имел военного значения, а многие его памятники входили в сокровищницу мирового искусства. Ощущение безопасности горожан распространилось и на сотни тысяч беженцев из восточных земель. На вокзале сидели пассажиры, административные здания были забиты людьми, в центральном парке Дрездена в палатках размещалось около 200 тыс. беженцев. Всего в городе собралось около 1,3 млн человек⁵²². В первые минуты налета связь между Дрезденом и внешним миром прекратилась, и все подробности ужасного дня дошли до Берлина только к вечеру. Сначала Геббельс отказался верить в масштабы катастрофы, потом разразился рыданиями и начал обвинять Геринга, называя его «паразитом, достойным суда»⁵²³. Под бомбами в Дрездене погибло 135 тыс. человек — у города не хватало сил похоронить погибших. Чтобы собрать трупы и предать их огню, военные соорудили металлические колосники, под которыми разводили огонь; на каждое сооружение складывали по 50 трупов, погребальные костры пылали две недели⁵²⁴.

Не менее тяжелой была судьба Лейпцига — исторической святыни немцев, важнейшего культурного центра Германии. Именно здесь находилась церковь Святого Томаса,

где 27 лет подряд Бах играл на органе и где он был похоронен, где крестили Вагнера, где Лютер прочитал свою первую проповедь.

Поскольку с 1943 г. налеты стали практически регулярными, то большинство немцев между 18 и 19 часами устремлялись в бомбоубежища и покидали их только к 22.00, воздушные тревоги часто повторялись и ночью. Таковой была повседневность для многих немцев долгие годы войны, но все равно они готовы были каждый раз начинать все заново: убирать развалины, отстраивать разрушенное, держаться из последних сил. Иными словами, расчет союзников на панику и дестабилизацию вследствие бомбежек гражданских объектов совершенно не оправдался — он был ошибочным. Массовые бомбежки немецких городов вызывали не страх и желание сдаться на милость победителя, а ненависть и готовность бороться до конца.

На союзнические ковровые бомбометания «по площадям» люфтваффе не мог ответить адекватно, так как в Третьем Рейхе требование точного бомбометания с пикирования было распространено на все типы самолетов, но для этого нужны были соответствующие прицелы, а главное — высокое качество подготовки экипажей; все это тормозило строительство мощной дальней бомбардировочной авиации. Англичане же и американцы бомбили с высокого (до 6 км) горизонтального полета и «по площадям»: их главной задачей было воздействие на моральное состояние гражданского населения⁵²⁵. В этой связи следует помнить, что именно английская и американская авиации спровоцировали тотальную воздушную войну. «Немцам незачем добавлять к уже имеющемуся чувству вины еще и ответственность за массовые бомбардировки и тотальную воздушную войну», — справедливо подчеркивал в мемуарах генерал-майор пожарной службы Ганс Румпф⁵²⁶. Нужно иметь в виду, что «точное бомбометание», которое американцы совершенствовали с 1941 г., к сентябрю 1944 г. нанесло значительный ущерб немецкой военной экономике, а «бомбежки по площадям» достигли апогея

как раз к 1945 г., когда участь Третьего Рейха была уже решена. Всего вследствие бомбежек в Германии погибло 350 тыс. человек, раненых и калек было 850 тыс. Число жертв бомбежек среди гражданского населения Германии было в 10 раз больше, чем в Великобритании⁵²⁷.

Военно-воздушный террор союзников — тема № 1 в повседневных разговорах — усилил немецкое военное сопротивление и поднял моральный дух немцев, но к концу 1944 г. он стал просто изматывать. Нервозность и страх смерти под обломками зданий постоянно преследовали жителей немецких городов (эту обстановку живописал в своем блестящем романе «Бойня номер пять» (1969 г.) американский писатель Курт Воннегут, который сам принимал участие в бомбежках, был сбит, попал в плен к немцам и пережил бомбежку Дрездена в лагере для военнопленных). В большинстве немецких городов к концу 1944 г. уже не было спокойных ночей, жизнь ничего не стоила, люди жили настоящим и не помышляли о будущем. На солдат, приезжавших в отпуски, эта атмосфера действовала угнетающе: они уже не убеждали друг друга в необходимости борьбы до победного конца, но спрашивали, за что солдаты дерутся на фронте, если в тылу враг беспрепятственно уничтожает их дома и убивает их близких⁵²⁸.

Напряжение усиливали беженцы из разбомбленных городов. Они рассказывали всякие ужасы, например, как эсэсовцы расстреливали мечущиеся по улицам живые факелы, чтобы эти несчастные чего-нибудь не подожгли еще или чтобы прекратить страдания⁵²⁹. На первом этапе помощь беженцам была организована хорошо, но с увеличением их числа она становилась все более обременительной и потому формальной. Так, в некоторых частях Германии (например, на юге) помощь беженцам властями была настолько формализована, что народ не испытывал к ним сострадания, и даже называл беженцев «цыганским табором»⁵³⁰. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что тяготы содержания и расквартирования беженцев распределялись отнюдь не равномерно по всем слоям обще-

ства, и крестьяне удивлялись, как удастся обладателям огромных стокомнатных апартаментов или дворцов избежать «обязательного» подселения⁵³¹.

Германия накануне поражения

В один из самых тяжелых моментов в истории Третьего Рейха — после поражения под Сталинградом и после поражения в Африке — сообщение об отставке Муссолини произвело впечатление грома среди ясного неба. Шок среди партийных и государственных функционеров был гораздо больший, чем среди простого народа⁵³². Даже Гитлер был ошарашен известием, хотя абвер и СД давно доносили об интригах при итальянском королевском дворе и о шатком положении дуче⁵³³. Молчание Гитлера по поводу итальянских событий действовало неблагоприятно — как раз в этот момент, как передавала СД, народ нуждался в успокаивающем и ободряющем слове фюрера⁵³⁴.

9 сентября британцы высадились в Калабрии, американцы — в Салерно, и генерал Эйзенхауэр объявил о заключении перемирия с Италией (которое тайно было подписано на Сицилии еще 3 сентября). Тотчас по приказу Гитлера немецкие войска были введены в Италию, Рим был оккупирован, а итальянские войска — беспрепятственно разоружены. Итальянский флот успел выйти из зоны досягаемости вермахта и сдался на Мальте англичанам. 13 октября правительство Бодальо официально объявило войну Германии. В Германии это известие восприняли уже не так трагически — в народе говорили, что после Сталинграда все пошло вкривь и вкось, и военная удача окончательно отвернулась от немцев. Союзники по антигитлеровской коалиции, морально выигравшие от поражения Италии, усилили бомбежки немецких городов: 40 тыс. убитых с 25 июля по 5 августа 1943 г. насчитали только в Гамбурге. СД доносила, что немцы теряют оптимизм, нарастает недовольство режимом. СД сообщала

об анекдоте о новом требовании при вступлении в партию: тот партайгеноссе, который приведет в партию 9 новых членов, сам может выйти из нее, а тот, кто приведет 10 — получит свидетельство, что никогда в партии и не был⁵³⁵. Стали распространяться самые невероятные слухи, что Геринг, Риббентроп и Ширах бежали, но доверие к Гитлеру оказалось довольно прочным; хотя и поговаривали о его возможном уходе, но не злорадно, а с определенной долей сожаления⁵³⁶. Все больше партийных значков исчезало с лацканов пиджаков, все реже можно было услышать «гитлеровское приветствие». Раздавались даже голоса о возможности нового правительства в Германии⁵³⁷. 16 августа 1943 г. СД таким образом резюмировала видение немцами военного положения страны: «Мы обороняемся от превосходящих сил противника. Италия от нас отвернулась, так как ей посулили определенные блага. Отсюда — угроза для нас со стороны Альп: южная Германия станет объектом интенсивных налетов вражеской авиации, Балканы — в опасности, а это вредит снабжению нашей страны нефтью. Огромные людские резервы СССР и их неисчерпаемые материальные ресурсы могут привести к третьей русской зиме, которую вермахт не перенесет, и для Германии наступит катастрофа. Многие возлагают последние надежды на оружие возмездия, но большинство в это чудо не верит. Эвакуация миллионов людей, трудности с их размещением и снабжением приведут к анархии»⁵³⁸.

СД, впрочем, отмечала, что после выступления Гитлера (10 сентября) по поводу итальянских событий немецкое общество вновь воспрянуло. Фюрер убедительно и прямо говорил о новых проблемах, о том, что крах Италии давно можно было предсказать, но в речи его звучал оптимизм. Он заверил, что выход Италии из войны практически ничего не меняет, поскольку в военном отношении Италия и до этого ничего собой не представляла, что и до ее капитуляции всю тяжесть борьбы на юге Европы нёс на себе вермахт.

СД передавала, что когда все слышали спокойный голос фюрера, который говорил о полной уверенности

в конечной победе, то его спокойствие и уверенность передались немцам. Говорили, что если фюрер так спокоен, значит «всё у нас будет в самом лучшем виде» (*bei uns alles in Butter sei*)⁵³⁹. После того как гитлеровская речь, переданная по радио, подняла настроения большинства немцев, пришло известие ОКВ о том, что 10 сентября 1943 г. итальянские войска на Балканах, в южной Франции, в северной Италии и в Риме разоружены, затем ОКВ сообщило, что итальянцы капитулировали на Родосе, а Милан, Турин и Падуя заняты вермахтом. Эти известия подняли настроения немцев. Сразу появились анекдоты: «ранее считали, что война продлится 2 года и 14 дней (2 года против англичан и 14 дней против итальянцев), а теперь получилось 2 года и 4 дня». Или еще: Муссолини попросил у Гитлера 8 дивизий для поддержки Италии, а Гитлер ответил, что он лучше одной дивизией завоюет всю Италию⁵⁴⁰. Гитлер часто смеялся над передаваемыми СД анекдотами, в том числе и о себе, но анекдот о том, что англичане и американцы начали разбрасывать над Германией сено для ослов, которые еще верят в «возмездие», его разозлил⁵⁴¹.

Освобождение Муссолини 12 сентября позволило многим немцам вздохнуть с облегчением. Известие об энергичных и эффективных действиях вермахта в Италии вновь подняло авторитет Гитлера: повседневные заботы и страхи отступили на второй план, доверие к власти опять выросло. СД отмечала, что в конечном счете выход Италии из войны не очень негативно повлиял на настроения немецкой общественности: большую часть Италии удалось удержать; у немецкой общественности вызывали возмущение известия о бесцеремонном обращении с итальянцами англо-американцев. Нужно отметить, что и на самих итальянцев злость в немецком обществе была изрядная — «приговор» немецкого народа гласил: им нельзя простить второго предательства (в Первую мировую войну Италия в 1915 г. неожиданно для немцев перешла на сторону Антанты). Сочувствия к попавшим в англо-американскую оккупацию итальянцам немцы не испытывали,

энтузиазма по поводу провозглашенной 18 сентября фашистской «Итальянской социальной республики» во главе с освобожденным Муссолини — тоже. Казнь Галеаццо Чиано была воспринята с удовлетворением, а усилия Муссолини по воссозданию итальянской армии никого не заинтересовали⁵⁴². Встреча Муссолини и Гитлера 23 апреля 1944 г. в замке Клессхайм не вызвала у немцев никакой реакции. Борман по специальному распоряжению фюрера вынужден был даже запретить критику итальянского фашизма в прессе. Причина такого безразличного или раздраженного отношения немцев к событиям в Италии объясняется тем, что все внимание было поглощено происходящим на Востоке и ожиданием вторжения с Запада.

СД отмечала воздействие на немецкую публику традиционной гитлеровской речи по поводу годовщины «пивного путча» в 1943 г. — фюрер сказал о том, что теперь Западному фронту будет уделено больше внимания, и англичанам, наконец, отомстят за злодеяния и варварские бомбежки. Гитлер выразил полную уверенность в грядущей победе. СД передавала, что слова фюрера о победе и возмездии на некоторое время устранили у большинства немцев сомнения — если Гитлер это сказал, значит так оно и будет: «томми» получают по заслугам. Слова Гитлера пока значили больше, чем пропагандистская газетная шумиха и клятвенные обещания возмездия на партийных митингах; доверие к фюреру оставалось пока непоколебимым⁵⁴³. В речи Гитлер назвал себя «глубоко религиозным» человеком и несколько раз повторил фразу «с благодарностью преклоняясь перед Всевышним». Эти слова, по всей видимости, с усмешкой были восприняты в церковных кругах, но на простых немцев они произвели глубокое впечатление — Гитлер с присущим ему политическим инстинктом сказал то, чего от него уже давно ждали немцы. Другим «патентованным» средством достижения большей мобилизации гражданского населения и армии были репрессии — наказания для тех, кто высказывал «пораженческие» настроения, резко усилились.

Столкновение вермахта с превосходящими силами англо-американцев в Италии привело к тому, что 30 сентября 1943 г. немцами был сдан Неаполь, 5 октября — Корсика. На Восточном фронте в это время вермахт во второй раз сдал Харьков, Сталино (Донецк) было взято советской армией, и Донецкий промышленный район был утрачен немцами; 3 января 1944 г. советские войска вышли на прежнюю государственную границу СССР. С ноября 1943 г. в письмах фронтовиков было все больше сетований на нехватку продовольствия, боеприпасов и главное — людей: батальоны по численности стали ротами, полки — батальонами. Солдаты шутили, что иные дивизии в состоянии прокормить одна полевая кухня⁵⁴⁴. Сообщения с фронта о тяжелом положении армии вызывали соответствующую реакцию в немецком тылу, где также не все было ладно: имело место укрывательство от фронта и кумовство, на этой почве процветало взяточничество. Те состоятельные немцы, которые имели возможность как-либо подкупить или задобрить местное армейское начальство, могли быть спокойны, что их сыновья останутся в казармах в Германии, а не отправятся на Восточный фронт. СД передавала, что все это было хорошо известно немецкой общественности⁵⁴⁵.

Летом 1944 г. печальные для рейха вести (особенно с Восточного фронта) обгоняли друг друга; 23 июня пришло известие о «трагической гибели в результате несчастного случая» генералов Карла Эгльзеера, Эмиля фон Викаде и популярного в народе генерал-полковника Эдуарда Дитля. Тотчас стали распространяться слухи о подстроенной авиакатастрофе. Также ходили слухи об «оружии возмездия», о самолетах, развивающих скорость 1280 км/час⁵⁴⁶, о бомбардировщиках с дистанционным управлением и прочих чудесных средствах борьбы с врагом.

По-настоящему немцы в тылу ощутили дыхание войны только в 1944 г. В конце 1944 г. было объявлено об отмене отсрочки от призыва для младших и единственных в семье сыновей, также в армию стали призывать пятидесятилетних ветеранов Первой мировой войны.

Парадоксально, но настроение в немецком тылу весной-летом 1944 г. было гораздо лучше, чем год назад — вероятно, это была вера в чудо, замешанная на усталости от войны. СД доносила, что вновь стали носить партийные значки, партийных боссов ругали значительно меньше. Весьма показательным, по мнению экспертов СД, было и то, что анекдоты стали значительно добродушнее... В одном из бюллетеней «Вестей из рейха» приводился такой анекдот: католик принес на исповедь радиоприемник, патер в недоумении спрашивает, в чем дело. «А он слишком много врал в последнее время и должен исповедаться»⁵⁴⁷.

Дефицит породил меновую торговлю, меняли всё: карточки на сигареты — на одежду, мясо — на хлеб, крестьяне охотно меняли на продукты одежду и всяческую технику. СД передавала, что килограмм сала или полкило масла можно было обменять на упаковку трубочного табака, 1 яйцо или 5 г жира — на 1 сигарету, гуся — на 3 бутылки коньяка, 50 г мяса — на 10 сигарет. Услуги и работа стали оплачиваться не деньгами, а натурой — продуктами, спиртным, табаком. На этом фоне пышным цветом процветала коррупция. Жесткие штрафы и наказания почти никакого действия не имели⁵⁴⁸.

Фронтовики в отпусках, будучи подавленными тяготами войны, не выказывали интереса к домашним делам, что раздражало женщин: их усталость от войны тоже была безграничной. СД все чаще передавала, что непонимание проблем и забот друг друга часто становилось причиной скандалов и размолвок в семьях. При эвакуации детей из ставших опасными городов в рекреационные лагеря возникали бесконечные проблемы: разделение семей, жилищные сложности. Не последнюю роль при долгих разлуках играли и сексуальные проблемы.

До войны иностранцы охотно пользовались гостеприимством Третьего Рейха: въезд в нацистскую Германию был намного свободнее, чем в СССР⁵⁴⁹. В отличие от СССР, нацистская Германия разрешала своим гражданам и выезд

за границу, видимо, власти не опасались, что на среднего немца, посетившего демократическую страну, антинацистская пропаганда подействует разлагающе. В определенном смысле как реверанс Западу можно рассматривать отказ Гитлера от готического шрифта (это можно сравнить с отказом большевиков от «еров» и «ятей») — своеобразной «модернизацией» алфавита. Борман, поддакивая Гитлеру, утверждал, что готический шрифт возник на основе «швабахского еврейского письма» (*Schwabacher Judenlettem*), поэтому его следует заменить шрифтом «антиква», который и был введен как общеобязательный в нацистской Германии с 1942 г.⁵⁵⁰

В нацистской Германии немцы отнюдь не высокомерно или пренебрежительно относились к иностранцам: удивительно, но несмотря на военный разгром Франции, в Германии даже в разгар войны в полной мере сохранилось отношение к Франции как к метрополии европейской культуры. Современник описывал следующую уличную сценку: Берлин, жаркий летний день 1942 г.; длинная очередь за мороженым (мороженое, несмотря на карточную систему, продавали свободно, оно было питательно и утоляло жажду). К мороженнице подходят два француза, без очереди берут по порции заветного лакомства и удаляются — никакого протеста ни из-за прилавка, ни от очереди. Если бы на месте французов оказались русские или поляки и даже если бы они стояли в очереди — поднялся бы невообразимый скандал⁵⁵¹. О некотором пиетете к Западу в обыденном сознании свидетельствует и отказ генерала Дитриха фон Хольтица исполнить приказ Гитлера (1944 г.) защищать Париж до последнего патрона и затем сровнять его с землей. Вместо этого 25 августа 1944 г. Хольтиц подписал акт о капитуляции, и «столица мира» почти не пострадала⁵⁵². Тот же генерал при осаде Севастополя продемонстрировал большую жесткость и решительность — из 4800 солдат его полка осталось 347⁵⁵³.

Весьма показательными являются размеры пайков рабочих на тяжелом производстве в 1943 г.

Советские военнопленные	Паек в граммах	Рабочие с Запада	Паек в граммах
Хлеб	3400	Хлеб	3180
Мясо	400	Мясо	580
Жиры	200	Жиры	270
Картофель	7000	Сыр	31,25
Крупа	150	Крупа	150
Сахар	110	Мармелад	175
Эрзац-чай	14	Сахар	175
Овощи	При наличии	Эрзац-кофе	62,50

Источник: *Weischer H.* Russenlager. Russische Kriegsgefangene in Hessen (Hamm) 1942—1945. Essen, 1992. S. 28.

Впрочем, с расширением контактов у немцев по отношению к русским (речь идет об угнанных в Германию на работу или о военнопленных) стали ломаться многие пропагандистские стереотипы — русские, как и немцы, оказались разные: оказалось, что многие русские очень сообразительны и имеют склонность к технике. Некоторые мемуаристы передавали, что большое впечатление на немцев произвела неподдельная религиозность русских женщин⁵⁵⁴, что очевидно противоречило пропагандистскому стереотипу о безжалостном и полном искоренении религиозности в большевистской России. Со временем количество советских военнопленных росло, и к августу 1944 г. составило 631 599 человек. Соответственно, их доля среди задействованных на производстве выросла втрое (с 11,2% до 32,7%). В мае 1944 г. их количество впервые превысило количество французских рабочих из военнопленных (611 тыс.). Если в конце февраля 1942 г. из общего числа занятых на работах военнопленных (1,37 млн) французов было 971 тыс. (70,9%), а советских — 153 тыс. (11,2%), то к августу 1944 г. соотношение изменилось⁵⁵⁵. В большинстве своем, к «остам» немцы относились равнодушно. Хотя, начиная с 1943 г., многие немцы стали брать «остов» к себе домой на работу, то есть, по сути, давали им передохнуть и, как правило, хорошо поесть⁵⁵⁶.

Вскоре, однако, немцам предстояло встретиться с врагом на собственной земле... 8 июня 1944 г. СД передавала, что известие о начале десанта англо-американцев во Францию многие немцы восприняли с воодушевлением, настроение в обществе было спокойным и уверенным. Информация о ходе боев на побережье Атлантики воспринималась с большим интересом. Все ждали успеха. Большинству немцев не было известно, что армии вторжения с ее 86 дивизиями, 3100 бомбардировщиками и 5000 истребителями вермахт мог противопоставить только 59 дивизий, 165 бомбардировщиков и 185 истребителей. С таким соотношением сил «сбросить врага в море», как обещала пропаганда, было сложно, поэтому вскоре в немецком обществе стало чувствоваться разочарование⁵⁵⁷.

К моменту открытия Второго фронта немцы впервые стали переживать действительные трудности и перебои со снабжением — дело в том, что немецкая экономика была переведена преимущественно на военные рельсы: в мае 1940 г. доля военного производства во всем производстве Германии была 15%, в 1941 г. — 19%, в 1942 г. — 26%, в 1943 г. — 38%, в 1944 г. — 50%. В мае 1940 г. в Германии ежемесячно производили 40 танков, а в 1944 г. — 2000. Если в 1939 г. производство всех самолетов в Германии ежемесячно составляло 1000 машин, то в 1944 г., несмотря на произведенные союзнической авиацией разрушения, одних истребителей ежемесячно производили 4000 штук. Эти успехи, однако, ничего не меняли в общей картине: к октябрю 1943 г. советская армия насчитывала 13,2 млн солдат, а вермахт на Востоке насчитывал 9,1 млн солдат⁵⁵⁸.

К концу войны одной из главных проблем для немцев стал страх перед советской оккупацией. В Восточной Пруссии лихорадочно готовились к принятию большого количества беженцев из занятых Красной армией районов, для них готовили промежуточные пункты горячего питания. Местные нацистские функционеры следили за тем, чтобы не началась паника. К примеру, в Белостоке владелец кинотеатра пытался вывезти мебель из своего заведения, но местный партийный руководитель приказал

разгрузить машины, а провинившегося паникера заставили заплатить штраф — 20 тыс. рейхсмарок — в пользу немецкого Красного Креста. 15 июля 1944 г. в Восточной Пруссии и в Данциге были прекращены пассажирские железнодорожные перевозки — немцы в панике штурмом брали последние поезда, стремясь уехать от Красной армии хоть на крыше вагона⁵⁵⁹. Многие девушки из БДМ, мобилизованные на работы в Польше, там и погибли, поскольку их вовремя не смогли эвакуировать⁵⁶⁰.

Известие о покушении на фюрера (20 июля) произвело на немцев впечатление грома среди ясного неба — немцы не были в курсе, что на Гитлера уже было совершено около 40 покушений⁵⁶¹. При известии о покушении женщины на улицах рыдали, на домах появились сочувственные надписи, многие немцы демонстративно вывешивали флаги со свастикой. Первое время после покушения в обществе ходили разговоры, что теперь все пойдет на лад, ибо предатели и пораженцы не будут более вредить делу обороны рейха, но вскоре настроения опять ухудшились под впечатлением известий с фронта⁵⁶².

Покушение на Гитлера, развал группы армий «Центр» и новая пропагандистская кампания Геббельса по организации тотальной войны на некоторое время отвлекли немецкое внимание от Запада, а когда немцы вновь обратили туда свои взоры, то ощущение было не из радостных. События в Румынии и «предательство короля Михая» вызвали новое обострение кризиса общественного мнения в Германии осенью 1944 г. Бодрому тону геббельсовской пропаганды уже мало кто верил — все большее количество немцев предпочитало слушать иностранное радио. О возможности победы в Германии уже и не помышляли — лучшее, на что могли рассчитывать немцы — это умеренный мир, мир по согласованию сторон. Еще больше упали настроения, когда 10 сентября Германия потеряла своего «главного союзника» — Финляндию. Затем стало известно о «предательстве» Болгарии. Интересно, что некоторое время Болгария находилась в состоя-

нии войны и с Германией и с СССР одновременно, что было беспрецедентно...

11 сентября 1944 г. американский разведотряд впервые пересек границу Германии. Вскоре после этого (25 сентября) Гитлер призвал немцев превратить каждый дом в крепость. Символическим выражением нового характера войны должен был стать «фольксштурм» (*Volkssturm*). В последний мобилизовывали мужчин от 16 до 60 лет, их военное обучение взяли на себя СА; у фольксштурма было преимущественно трофейное вооружение и фаустпатроны. О непоколебимой вере в Гитлера свидетельствуют результаты призыва в фольксштурм в сентябре 1944 г. в западных районах Германии: добровольно явились на призывные пункты 96% немцев 55—56 лет⁵⁶³. 18 октября фольксштурм был провозглашен официально, численность его вскоре достигла 1 млн человек⁵⁶⁴. Фольксштурм должен был выразить всенародный характер войны, войны без различий рангов и возраста... Формула присяги в фольксштурме была такой же, как в вермахте, и приносилась лично Гитлеру.

Другим средством всенародной мобилизации было поголовное привлечение немцев на рытье окопов. Как отмечали очевидцы, «трудотерапия» пораженческих настроений на самом деле была довольно эффективной. Совместная тяжелая работа и напряжение для сплочения делали больше, чем все пропагандистские усилия вместе взятые. В ходе этой третьей попытки тотальной мобилизации удалось привлечь к общественному труду женщин: их стали брать даже в вермахт — в прожекторные подразделения зенитной артиллерии. Около 100 тыс. девушек должны были заменить в зенитных частях мужчин⁵⁶⁵.

После получения первых известий о начавшемся (16 декабря 1944 г.) первоначально удачном наступлении вермахта в Арденнах немецкая общественность сильно воспрянула духом, для нее это был лучший рождественский подарок. В Восточной Германии, ввиду наступления Красной армии, настроения были значительно хуже. Оставалась, однако, надежда, что советское наступление

в Курляндии и на границе Восточной Пруссии будет остановлено, так как «Восточный вал», как внушала пропаганда, был неприступен. В этой связи интересно отметить, что несмотря на успехи советских солдат, несмотря на существенные изменения в оценках СССР, у большинства немцев преобладало представление о Советском Союзе как о «колоссе на глиняных ногах», который может рухнуть в любой момент. Воображение восточных немцев устойчиво противилось самой перспективе того, что дикие «азиатские орды» затопят Германию — большинству немцев это казалось совершенно невероятным, они не принимали эту перспективу за возможную реальность.

31 декабря 1944 г. Гитлер обратился к немцам по радио — его обращение вызвало последний подъем настроений немцев. Высказанная им уверенность в окончательной победе очень повлияла на настроение немцев, правда, некоторое разочарование вызвал тот факт, что Гитлер не сказал, за счет чего конкретно он собирается достичь искомой победы⁵⁶⁶. Несмотря на это, уровень лояльности и доверия к руководству оставался весьма высоким — немцы продолжали проявлять удивительное послушание перед лицом испытаний, о каких-либо инцидентах непослушания или неповиновения не было и речи. Убеждение в том, что руководство справится с растущими трудностями, было почти всеобщим⁵⁶⁷. Эту лояльность не сломило даже известие о сокращении продовольственных рационов в январе 1945 г., чуть позже дело дошло даже до раздач немцам зерна, так как большая часть мельниц была разрушена. Имперское руководство женскими организациями распорядилось инструктировать немецких домохозяек, как измельчать зерна мясорубками или кофемолками.

Это трудно понять и объяснить, но даже большинство беженцев сохраняло веру в Гитлера и они были уверены, что вскоре вернуться в родные края; никому и в голову не приходило, что они покинули родные дома навсегда — по всей видимости, к этой мысли сразу было невозможно привыкнуть. Уважение к партии, однако, было поколеб-

лено, ибо беженцы рассказывали, что их эвакуация (за нее была ответственна НСДАП) была организована из рук вон плохо — не хватало самых простых вещей, много было разговоров и о стяжательстве партийцев. Руководство Минпропа сообщало 11 февраля 1945 г., что со своих мест струнулось около 17 млн немцев, в том числе 7 млн — с востока. Часть беженцев Гитлер решил направить в «Протекторат Богемию»: он полагал, что вид несчастных и обессилевших людей предотвратит чехов от восстания⁵⁶⁸. Реализовать это на деле, однако, не удалось из-за сопротивления местного руководства нацистов.

Большинство немцев убедилось в безнадежности ситуации только после получения известия о захвате частями 1-й американской армии 7 марта 1945 г. моста через Рейн у Ремангена (немецкие саперы его взорвали, но неудачно) — только с этого момента в победу в Германии уже никто не верил... Тем более что в день рождения Гитлера — 20 апреля — в руки американцев перешел Нюрнберг, являвшийся «столицей движения». Становилось ясно, что война проиграна, и многие стремились спасти собственную жизнь, а не погибнуть в безнадежной мясорубке. Идею партизанской войны немцы отвергали как несовременную — некий рабочий сказал, что за одного фанатика должны будут расплачиваться все, и за убитого англичанина или американца убьют сотни немцев⁵⁶⁹. Вместе с тем разочарование многих немцев в нацизме и в Гитлере было столь глубоким и обескураживающим, что в ряде случаев это смахивало на утрату религиозной веры; подчас потрясение было столь велико, что некоторые немцы сходили с ума или даже умирали вследствие разочарования, фрустрации и психического истощения. Другие немцы (в гестапо, полиции, армии) в предчувствии конца вымещали свою злобу на дезертирах, на бежавших из лагерей узниках. В последние месяцы в Германии часто случались грабежи, насилия, убийства: это стало следствием активности банд уголовников, к которым часто примыкали беглецы из лагерей — им просто некуда было деваться. Если членов этих банд хватали, то их расстреливали,

как это произошло, например, в Кельне в октябре 1944 г., или их линчевала толпа возмущенных немцев. Впрочем, следует отметить, что репрессивный аппарат Третьего Рейха безотказно и эффективно функционировал до последнего момента и в лагерях, и на этапах, и в разбомбленных городах⁵⁷⁰.

Защиту немецкого востока Гитлер поручил своим самым фанатичным генералам и гауляйтерам Ханке и Коху. Гиммлеру было поручено руководить группой армий «Висла». Исполнилась мечта Гиммлера командовать не армией резерва, а боевыми частями, но первый же его приказ по группе армий был лишен всякого практического смысла: он грозил расстрелять всякого, кто не сможет обратиться в бегство или застрелить «большевистских бестий», наступающих на Германию. На самом деле, высокий эсэсовский чин, допустивший промахи при обороне Бромберга, был по приказу Гиммлера расстрелян. Несмотря на такую жесткость, объявленные «неприступными крепостями» города на немецком востоке приходилось сдавать превосходящим силам Красной армии; так случилось с Бреслау и с Кенигсбергом. При этом эвакуация гражданского населения почти во всех случаях начиналась слишком поздно. Беженцы с немецкого востока стремились в западные районы Германии, где спастись было значительно легче. Среди немцев всё больше распространялись слухи о зверствах советских солдат. Эти слухи несли беженцы, в огромных количествах хлынувшие с востока. Немецкая мемуаристка Габриэлла Лич-Аннах вспоминала: страх перед советскими солдатами был так велик, что оставшимся в пригороде Берлина — Бабельсберге — жителям функционеры местного Красного Креста раздали ампулы с цианистым калием, чтобы можно было покончить с собой до прихода советских солдат. Лишь благоразумие старшей сестры этой организации Красного Креста предотвратило массовые самоубийства⁵⁷¹.

В феврале 1945 г. советские части пересекли границы рейха. Немецкие земли в Силезии и в Померании были

богатыми и процветающими, и во многих случаях советские солдаты видели изобилие, какого они никогда не имели. Марсель Рейх-Раницки, освобожденный Красной армией в Варшаве в январе 1945 г., вспоминал, что советские солдаты даже своим внешним видом свидетельствовали о страданиях, которые они перенесли — они недоедали, их плохо снабжали, их униформа выглядела ужасно⁵⁷². И вот эти солдаты пришли в процветающую часть Европы. Из всех областей Германии Силезия и Померания меньше всего чувствовали влияние войны, поскольку здесь, в затишье, находились центры эвакуации, процветающие промышленные предприятия, небольшие заводы, которые Шпеер рассредоточил подальше от воздушных трасс союзников. Советские колонны огнем прокладывали себе путь через этот богатый край. Магазины, фермы и дома подвергались грабежам, а затем поджигались. Однако английский военный историк Алан Кларк справедливо указывал, что каким бы варварским не был первый советский удар по Германии, он не шел ни в какое сравнение с поведением нацистов в Польше и СССР, а жестокости, совершаемые советской армией, были не намеренными, но случайными. Советские солдаты были по большей части необразованными простыми людьми, воспитанными в духе ненависти к врагу, за годы лишений и опасности разучившимися уважать человеческую жизнь. К тому же многие имели личные причины мстить немцам. Их давление на Германию, как остроумно отмечал английский историк, было подобно напору закаленных в боях чужеземных войск на распадающуюся цивилизацию — собственно, это был тот облик войны, которым ранее восхищались многие немцы⁵⁷³. Теперь война ударила по стране, в которой ее так долго облекали в романтические одежды и так редко чувствовали ее жестокость на собственной шкуре.

Уже 20 октября 1944 г. советские войска взяли прусскую деревню Неммерсдорф (теперь — Маяковское) и учинили расправу над местными жителями — картина убийств была засвидетельствована иностранными

журналистами и врачами и в деталях расписана геббельсовской пропагандой⁵⁷⁴. Одним из наиболее известных примеров массовых убийств мирных жителей стал случай в пригороде Кенигсберга Метгетене, который в феврале 1945 г., три недели спустя после сдачи советским войскам, немцы отбили обратно. В этом пригороде было обнаружено около 3000 трупов немецких беженцев, убитых самыми варварскими способами, — преимущественно женщин, детей, стариков⁵⁷⁵. Слово «Метгетен» стало для немцев в последний год войны нарицательным, как и название небольшой прусской деревни Неммерсдорф. Иными словами, антигуманизм нацистов на Восточном фронте был неописуем, но и советский террор в восточных районах Германии начисто лишал будущую ГДР («государство Красной армии») легитимности в глазах немецкого народа.

При первых столкновениях на чужой земле эмоции советских солдат били через край, причем настолько, что жертвами становились даже соотечественники, которые под влиянием пропаганды воспринимались как предатели. А ведь теперь известно, что большинство было угнано в Германию силой. Так, в конце января 1945 г. в выходящей в Берлине русской эмигрантской газете описывали следующий эпизод: 20 января советская танковая разведка (около 10 машин) в районе Лодзи ворвалась в поселок Круппа-Мюле. Обнаружив по пути лагерь русских и украинских рабочих, командир подразделения приказал лагерникам собраться во дворе. Когда все они, включая детей и стариков, собрались, танкисты неожиданно открыли по ним огонь из пулеметов, а разбежавшихся людей давили гусеницами. За несколько минут погибли сотни человек. Танки же развернулись и отошли к основным силам. Правда, Павлу Поляну, который приводит этот эпизод в своей книге, не удалось найти подтверждения этой публикации. В городе Бунцлау в западной Польше советские комендантские части буквально терроризировали советских женщин и девушек из числа репатриированных. Одна из несчастных говорила: «Я днем и ночью ждала

прихода Красной армии, ждала своего освобождения. А вот сейчас бойцы относятся к нам хуже, чем немцы. Я не рада, что живу на свете»⁵⁷⁶. Швейцарская машина Красного Креста была уничтожена взрывом гранаты, брошенной советским солдатом, погиб шофер-швейцарец. Некий голландец, считавший, что он, как иностранец, в безопасности, был расстрелян советскими солдатами на глазах семьи. Скорее всего, солдаты были не в состоянии прочесть, что написано в паспорте⁵⁷⁷. Офицеры никак не реагировали на эти безобразия: по всей видимости, они боялись быть «неправильно понятыми». Лев Копелев, будучи старшим инструктором при Политуправлении 2-го Белорусского фронта по работе среди войск противника, проявил «буржуазный гуманизм», за что и был осужден военным трибуналом.

Граф Лендорф, врач, переживший штурм Кенигсберга советскими войсками, писал: «Как вообще можно назвать то, что мы здесь переживаем? Только ли месть это или природная дикость? Откуда явились эти типы, поведение которых не имеет ничего общего с человеческим обликом? Это не имеет ничего общего с Россией, это люди без Бога, это гримаса человечества. Иначе это не повергло бы меня в тягостное чувство стыда, как будто это моя собственная вина»⁵⁷⁸.

Как объяснить антигуманизм поведения советских солдат, не соответствовавший высоким гуманным целям войны против «коричневой чумы»? Такое поведение многих советских военнослужащих определялось ненавистью и жаждой мести, которую они испытывали к немцам в целом. Тем более что ненависть и желание отомстить были узаконены «политически», советская пропаганда также твердила о мести: когда советские войска вступили на территорию Германии, Илья Эренбург объявил, что час расплаты настал. Еще 13 августа 1942 г. в газете «Красная звезда» появилась статья Эренбурга «Убей немца», в которой были такие строки: «Мы скажем утром “убей немца” и ночью “убей немца”. Немцы заслонили от нас жизнь. Мы хотим жить. И мы должны убить немцев...

Мы их перебьем, это всякий понимает. Но нужно их перебить скорее, не то они разорят всю Россию, замучают еще миллионы людей...»⁵⁷⁹ Эти увещевания не прошли бесследно, и когда Красная армия пришла в Германию, время мести настало... В Германии часто можно было увидеть плакат с надписью «Солдат Красной армии, ты находишься теперь на немецкой земле; час расплаты настал». Приказ Жукова при вступлении 1-го Белорусского фронта на территорию Германии гласил: «Горе земле убийц. Мы будем страшно мстить за все». Командование 3-м Белорусским фронтом обратилось к солдатам: «Товарищи! Мы достигли границ Восточной Пруссии и сейчас вступаем на ту землю, которая уродила фашистских монстров, разрушавших наши дома, убивавших наших сыновей и дочерей, наших братьев и сестер, наших жен и матерей. Самые закоренелые из этих разбойников и нацистов являются выходцами из Восточной Пруссии. Уже много лет они держат власть в Германии, ведя ее по пути внешней агрессии и геноцида по отношению к другим народам»⁵⁸⁰.

Помимо натравливания бойцов со стороны руководства, важно еще одно обстоятельство — родственники многих советских солдат пострадали от нацистов. Насколько нацистская оккупация коснулась судьбы каждого советского солдата, говорят, например, данные опроса, проведенного в частях 2-го гвардейского танкового корпуса. Из 5848 опрошенных солдат родственники были убиты у 4447, 1169 было искалечено и 908 угнано в Германию. Немцы сожгли 2430 деревень, поселков и городов, где проживали до войны бойцы этого танкового корпуса. Другой пример — Харьков: когда немецкая 6-я армия в октябре 1941 г. взяла Харьков, население города составляло 700 тыс. человек. 15 месяцев спустя половина населения города исчезла: 120 тыс. было угнано в Германию, 80 тыс. умерло от голода, 30 тыс. было расстреляно. В Киеве от довоенного населения осталась пятая часть⁵⁸¹.

Интересна реакция иностранца на обстоятельства, связанные со страданиями нашего народа в войну. Од-

нажды, уже в начале 1945 г., недалеко от Берлина колонна британских военнопленных догнала колонну советских военнопленных, которые были одеты совсем не по-зимнему и даже без обуви. Их ноги были обернуты какими-то тряпками. Роберт Ки, один из пленных англичан, вспоминал: «Изможденные бледные лица резко контрастировали с черными бородами. Только глаза выдавали в них наличие чего-то человеческого. Эти глаза посылали отчаянный призыв о помощи». Британцы стали рыться в карманах и бросать советским военнопленным разные предметы: мыло, сигареты. Одна из пачек упала слишком далеко. Русский пленный вышел из колонны, чтобы подобрать ее, но тотчас подбежал охранник из фольксштурма и стал бить его прикладом. Среди британцев раздался гул возмущения, чего охранник совершенно не ожидал. Он прекратил избиение и в недоумении уставился на колонну англичан. Жестокость в обращении с советскими военнопленными стала настолько привычной, что любой ропот возмущения казался ему невыносимым. Немецкий солдат стал угрожать англичанам винтовкой, но ропот среди них не смолкал. В конце концов, порядок был установлен. «Бог мой, — сказал один из товарищей Ки, — я заранее прощаю русским все, что они сделают с этой страной, когда придут сюда. Абсолютно все»⁵⁸².

Огромное значение имело и ожесточение боев: с января по май 1945 г. Красная армия потеряла в Германии более миллиона солдат, из которых 250 тыс. было убито. Три недели боев за Берлин стоили советским войскам 80 тыс. жизней⁵⁸³. Эти жуткие потери ожесточали солдат, они теряли ориентиры в оценке стоимости человеческой жизни, боли и страданий — их было слишком много для того, чтобы это смог вместить человеческий рассудок.

Ирландский историк Джеффри Роберт отмечал, что хотя советские солдаты совершили много жестокостей, но в их действиях не было организованной системы, которая характеризовала поведение немцев в России. Одной из типичных форм мести советских солдат стало изнасилование немецких женщин. Масштабы насилия

были таковы, что до конца 1945 г. женщинам в Германии бесплатно делали аборты, если они заявляли, что забеременели после изнасилования.

Изнасилование, как подчеркивала в своем классическом труде 1975 г. *«Against Our Will»* («Против нашей воли») Сюзанна Браунмиллер, является частью обычаев войны⁵⁸⁴. Красная армия не была одинока — французское командование дало понять марокканским частям, действовавшим в Италии, что женщины — это законная добыча победителей. Это отношение к жительницам завоеванных стран описано в романе Альберто Моравиа «Чочара». Именно по причине причастности победителей к массовым насилиям во время Нюрнбергского трибунала вопрос наказания за насилия не поднимался⁵⁸⁵. Сотни тысяч изнасилований, совершенных в Германии, свидетельствуют о феномене совершенно иного рода, нежели проявление старых обычаев войны — по всей видимости, они были наиболее общей формой мести солдат Красной армии. Причем особенно были распространены коллективные изнасилования, что особенно пагубно отражалось на психологическом состоянии жертв. Советский драматург Захар Аграненко, воевавший в Восточной Пруссии в составе подразделения морской пехоты, писал в дневнике, что советские солдаты не верили, будто немецкие женщины станут, добровольно вступать с ними в индивидуальные интимные контакты. Поэтому красноармейцы насиловали их коллективно — на одну женщину по девять, десять, двенадцать человек⁵⁸⁶. Теме сексуального насилия на Нюрнбергском процессе было уделено не слишком много внимания. Дело в том, что нацистские расовые теории и законы запрещали вступать в сексуальные отношения с представителями «низших рас», и благодаря дисциплине, царившей в германской армии, эти запреты, как правило, соблюдались⁵⁸⁷.

Тем не менее нельзя сказать, что немцы были объявлены «людьми вне закона». Если бы это было так, то Красная армия могла дойти до анархии и неуправляемости, что было недопустимо: война продолжалась. Поэтому вре-

мя от времени раздавались сдерживающие голоса. Так, газета «Красное знамя» писала в феврале 1945 г.: «“Око — за око, зуб — за зуб”, — говорили наши деды. Конечно, мы понимаем эту формулу совсем не так прямолинейно... Нельзя представить себе дело таким образом, что если, скажем, фашистские двуногие звери публично насиловали женщин или занимались мародерством, то и мы в отместку должны делать то же самое. Наша месть не слепа, наш гнев не безрассуден»⁵⁸⁸. Более того, в апреле 1945 г. в «Правде» появилась статья, осуждавшая Эренбурга за пропаганду ненависти к немцам; в статье призывалось делать различие между немцами и Гитлером. Чуть позже были растиражированы слова Сталина «гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ и немецкое государство остаются». Тем не менее изнасилования продолжались, хотя и в меньших масштабах, вплоть до конца 40-х гг. Особым источником гнева красноармейцев был относительно высокий уровень жизни немцев — уровень, который сохранялся и во время войны⁵⁸⁹.

Вместе с тем, наряду со сведениями о жестоком обращении красноармейцев с немцами, было много примеров и дисциплинированного поведения советских солдат, их сдержанности, широты души. Немецкая мемуаристка Габриэлла Лич-Аннах вспоминает, что переночевавшие в ее доме советские танкисты, которым понравился ее четырехлетний сын, оставили полтуши коровы с запиской «для ребенка»⁵⁹⁰. Эта непредсказуемость в поведении советских воинов соответствовала и их внешнему виду: вступавшие в Германию колонны красноармейцев представляли собой странный симбиоз архаики и современности: танковые колонны «тридцатьчетверок» продвигались вперед бок о бок с казаками, к седлам которых были прикреплены мешки с награбленным добром. Рядом проезжали ленд-лизовские «студебеккеры», «доджи» и «шевроле», мощные гаубицы на гусеничном ходу. За этим следовали конные повозки, везущие припасы.

Жестокое отношение советских солдат к поверженному врагу в конечном счете повредило моральному значению

великой победы. Геббельсовская пропаганда, разумеется, использовала эти инциденты для раздувания страха перед советской армией и усиления сопротивления немцев. Незадолго до капитуляции Геббельс записал в дневнике: «Большевистским зверствам на нашей земле несть числа. Они — отвратительные явления реальной политики, и по жестокости своей не могут быть превзойдены никем. Я намерен ознакомить с сообщениями об этих зверствах международную общественность. Приказ Жукова советским войскам перед наступлением с Сандомирского плацдарма в известной степени указал путь этим зверствам»⁵⁹¹.

Даже не будучи мстительным, следует признать, что немцы заслужили то, что они пережили в заключительной стадии войны, но радикализм террора союзников в Германии как со стороны Запада (бомбежки городов), так и со стороны Востока невозможно совершенно релятивировать или игнорировать — просто по понятным причинам довольно трудно найти подходящий тон для его обсуждения. Тем более что уже после окончания военных действий немцам была уготовлена такая же участь, какую они прочили полякам, выселив их из Познани, Силезии, области Варты, или русским, миллионы которых должны были — в соответствии с «планом Ост» — покинуть родину. По всей Восточной Европе фольксдойч стали объектом мести, насилия и террора со стороны местного населения. В Югославии, Польше, Румынии и Чехословакии, в других странах Восточной Европы местными националистами было убито не менее 600 тыс. фольксдойч. Более 12 млн немцев были изгнаны из Восточной Европы, при этом около 2 млн при депортации погибло. Мечь немцам со стороны Красной армии — по сравнению с этими данными — кажется почти терпимой⁵⁹². Гибель этих фольксдойч была не менее ужасна, чем смерть от английских бомбежек в больших городах или гибель солдат на фронте. Немецкий историк Эрнст Шерстяной, пытаясь релятивировать преступления Красной армии по отношению к мирному населению, указывал, что большинство убийств и других преступлений по отношению

к гражданскому населению было совершено в эрмландских округах Восточной Пруссии, в районах западнее и восточнее Эрмланда, в окрестностях Данцига, в Западной Пруссии и Восточной Померании; это были два первых месяца наступления на немецкой земле — время, когда у солдат была особенно сильна жажда мести, а огромное число немецких беженцев оказалось в зоне ведения боевых действий. Шерстяной писал, что советское командование не располагало никакими инструкциями о поведении солдат по отношению к местным жителям; это открывало простор для самоуправства, для актов мести и насилия⁵⁹³. Представляется, однако, что совершенно не обязательно иметь какие-либо инструкции для того, чтобы оставаться человеком, а не насильником и убийцей — какой бы тяжелой ни была горечь от потери близких. Отвечая на убийство убийством беззащитного человека, становишься таким же, как твой враг...

Интересно, что попытки интерпретировать разгул насилия и убийств со стороны победителей предпринимались даже и в ГДР: восточно-германский историк Гюнтер Паулюс в 70-е гг. опубликовал брошюру «12 лет тысячелетнего рейха», которую осудили партийные органы и ЦК СЕПГ. В ней были такие строки: «Свобода пришла к нам не в образе богини с пальмовой ветвью в руках и с дружеским взглядом. Свобода пришла к нам в облинии миллионов иностранных солдат в пропитанных потом грязных гимнастерках. Свобода катилась на танках по нашим улицам, стучала прикладами в наши двери, ее голосами был свист пуль и гром пушек. Для многих из нас встреча со свободой была болезненной, но целебной»⁵⁹⁴. Паулюс отделался строгим выговором по партийной линии и увольнением с академической должности, книга его была изъята. Проблема, однако, осталась...

То ли под влиянием геббельсовской пропаганды, то ли под впечатлением от разгула насилия в оккупированной Красной армией части Германии, некоторыми американскими командирами овладели антирусские настроения. Так, 10 мая генерал Паттон заявил: «Политики в Вашингтоне,

которые манипулировали нами, как оловянными солдатами, позволили нам изрубить в капусту ублюдка Гитлера и его приспешников, но эти же политики принуждают нас теперь поддерживать другого ублюдка — Сталина, который будет похуже, чем первый. Мы выиграли ряд битв, но не смогли одержать окончательную победу во имя мира». Несколько дней спустя Паттон назвал Жукова «фиглярком, увешанным медалями», а русских — «отвратительными типами, просто дикую орду» и добавил, что «нам следовало бы их всех перебить»⁵⁹⁵.

Выводы

В итоге этой главы следует указать, что главный вывод из рассмотрения немецкой обыденной жизни при нацистах можно свести к тому, что нацистам не удалось создать в полном смысле слова унифицированное тоталитарное общество: в Германии до конца сохранялась возможность для нонконформизма, жизнь сохраняла множество лазеек для ухода от идеологического партийного контроля и унификации. Одной из причин было то обстоятельство, что нацистские требования были противоречивы — с одной стороны, они стремились приучить население к политизации и активизму, с другой стороны — поощряли углубление в семейную жизнь, что на фоне репрессий и сужения традиционных человеческих связей и общения вело к атомизации жизни, то есть к значительному отрыву обыденной жизни и обыденного сознания от политики и общественно значимых событий. Другой причиной значительной степени плюрализма была рассматриваемая в предыдущей книге борьба компетенций различных партийных и государственных инстанций. Довольно быстро после 1933 г. нацистское государство обнаружило тенденцию к образованию государств в государстве — это бесконечное умножение и позволяло простому человеку найти хоть какую-то возможность для создания собственного очага автономного существования. Правда, тен-

денция к умножению инстанций не была равномерной — Мартин Броскат писал, что до 1938 г. между государством и партией существовало некоторое равновесие, но в войну партия вновь начала наращивать свое влияние, хотя оно было обращено более на завоевательную политику, чем на внутривнутриполитические дела⁵⁹⁶. Таким образом, внимание партийных функционеров вновь отвлеклось от задачи полной политической унификации страны. Также расплылось внимание и компетенции прочих центров власти в Третьем Рейхе, что и создавало благоприятную обстановку для существования определенного минимума свободы выбора немцев; это ослабляло идеологическое давление, создавало возможности для сдержанного конформизма, определенной (иногда большей, иногда меньшей) свободы. Также огромное значение для относительной «комфортности» обыденной жизни немецкого общества имело то обстоятельство, что уровень жизни немцев на всем протяжении двенадцати лет нацизма последовательно рос. Первые проблемы и перебои в продовольственном снабжении начались лишь в 1944 г. В отличие от Первой мировой войны, тяготы военного времени практически никак не отражались на продовольственном и ином снабжении немецкого населения почти до конца Второй мировой войны. Что касается террористической бомбовой войны, которая с 1943 г. превратила жизнь в немецких городах в ад, то она, напротив, способствовала консолидации немецкого общества, его сплочению перед лицом врага. Это и обеспечило нацистскому режиму — до самой его бесславной гибели — лояльность немцев.

ГЛАВАМ

СОПРОТИВЛЕНИЕ И КОНФОРМИЗМ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Терпение — это униформа наших дней, а слабая звездочка надежды над сердцем — знак отличия. Ее вручают за уход от знамени, за храбрость, проявленную при спасении друга, за разглашение позорных тайн и за невыполнение негодного приказа».

(Генрих Бёлль)

«Ненормальной реакцией на ненормальную ситуацию является нормальное поведение».

(Виктор Франкл)

«Умирает тиран, и его правление прекращается, умирает мученик — и его правление начинается».

(Серен Кьеркегор)

Предварительные замечания

Известный немецкий ученый-гигиенист, основоположник экспериментальной гигиены Макс фон Петтенкофер (1818—1901) считал, что решающее значение для инфицирования человека имеет не сам микроб, а общая готовность организма принять ее. Однажды на глазах студентов он выпил целый стакан воды с культурой холеры и не заболел. Если использовать этот экстравагантный эксперимент ученого в качестве метафоры, а холеру уподобить нацизму, то можно сказать, что в Германии незараженными коричневой чумой оказались очень немногие, и не только по причинам объективного свойства, но из-за слабохарактерности, оппортунизма, пассивности, равнодушия и моральной близорукости большинства немцев. Хосе Ортега-и-Гассет писал в своем классическом труде

«Восстание масс» о «среднем человеке» в современном обществе, который чувствует себя, «как все» и не особенно переживает из-за этого. Будучи порождением современного массового общества, он воспринимает это общество и его ценности как само собой разумеющиеся. Он слишком ленив, чтобы утруждать себя критическими суждениями, да и не всегда способен на них. Соответственно, он не стремится доказать свою правоту и не желает признавать чужую, довольствуясь тем, что есть; он чувствует себя правым уже потому, что он часть массы с ее ценностями и установками. Вследствие моральной неполноценности современного массового общества, каким его показал Ортега-и-Гассет, громадное моральное значение имело немецкое Сопротивление, которое помимо смертельной опасности, исходящей от карательных полицейских органов, должно было считаться с непониманием и несогласием со стороны своих соотечественников-немцев, а также с тем, что их считали предателями. Важно еще помнить, что драма Сопротивления разворачивалась преимущественно во время войны, когда чувство патриотизма было очень обострено. Следует особенно подчеркнуть моральное величие немецкого Сопротивления, ибо у его участников вследствие эффективности и жесткости полицейских органов в нацистской Германии (особенно гестапо) почти никаких шансов выжить не было: передают, что засланный в Германию во время войны английский офицер с ужасом узнал, что из его списка в 118 агентов-информаторов 117 было раскрыто гестаповцами и расстреляно⁵⁹⁷.

Одной из самых «непроницаемых» проблем истории нацизма является проблема соотношения конформизма и Сопротивления: большинство немцев, переживших 1945 г., не были ни антифашистами, ни борцами Сопротивления, ни убежденными нацистами; это большинство, будь то гражданские или военные, оппортунистически относилось к нацизму: они не видели в нем ничего зазорного и неприемлемого, но иногда некоторые немцы внутренне не принимали его или поддавались его воздействию

минимально. Такой нацизм остался и после 1945 г., и был преодолен в ФРГ активной и целенаправленной воспитательной работой по созданию новой демократической культуры. Эту работу на фоне масштабного национального покаяния и проделало немецкое общество в невиданных ранее масштабах. Если итальянцы, японцы или русские просто поставили крест на прошлом, то в Германии искушение нации гитлеризмом стало самым действенным политическим воспитательным фактором, и в этом отношении современные немцы должны стать образцом для многих современников. Некоторым оправданием тяжелого и неохотного расставания с коммунизмом в нашей стране может быть то, что в нем насилие спрятано, оно неявно, выступает как временное средство на пути к всеобщему счастью.

Необычайно широкие масштабы инфильтрации нацизма в немецкое общество в 1933—1945 гг. объясняются тем, что тоталитарная действительность «невидима» изнутри: люди, живущие в условиях тоталитарной системы, не ощущают несвободы, которая различима только снаружи. В этом нам легко убедиться, спросив любого соотечественника, ощущал ли он несвободу в советских условиях; скорее всего, ответ будет — нет. Внутри тоталитарной системы люди вынуждены мириться с происходящим, оно релятивируется, становится «нормальным», и жизнь продолжается... Так, австрийский историк Вальтер Хёфлеркер (*Walter Höflecker*) опубликовал в историческом журнале текст выступления на собрании общины (22 сентября 1933 г.) библиотекаря из Клагенфурта Вильгельма Бенндорфа о положении дел в нацистской Германии. Этот доклад представлял собой совершенно беспощадную критику нацизма, такую острую и бескомпромиссную, как будто Бенндорф уже в сентябре 1933 г. совершенно точно знал, что произойдет с Германией в дальнейшем. Он абсолютно точно показал зловещий и злодейский характер правительства Германии, доказал его моральную неполноценность, описал господство насилия в стране. Однако, как только нацисты пришли в Австрию, Бенндорф

почти сразу стал убежденным конформистом и подал заявление о приеме его в Палату писателей Третьего Рейха⁵⁹⁸. Объяснить такое поведение моральной неполноценностью этого человека нельзя, ибо в Австрии так себя повели практически все. Морально-нравственная сфера является самой существенной в тоталитарной системе: презрение к человеческой жизни и к человеческому достоинству, подлость властителей, несправедливость их целей, душевная низость, в которую они ввергали своих подданных, даже невозможность мученической смерти в силу отсутствия общественности — все это принуждало к конформизму и морально возвышало в глазах потомков всякое Сопrotивление.

Новейшие исследования нацизма (например, книга английского историка Майкла Булея, опиравшегося на труды Конрада Гейдена и Эрика Фегелина) говорят о нем как о «грандиозном видении нового мира» (*«großes Versprechen»*), апеллировании к будущему, которое принесет новое время и новых людей. Перед такой перспективой в Германии, обладавшей, в принципе, довольно аполитичной культурой, постыдно быстро рухнуло правовое государство. Булей по этому поводу писал, что только народ, воспринимавший политику как дело веры или неверия харизматическому вождю, мог с такой легкостью, исходя из «объективных предпосылок», отказаться от свобод, а затем в ажиотаже и сутолоке успехов и побед перестать отличать добро от зла. Булей оценил «мировоззрение» нацизма как ремифологизацию естествознания и самой природы, а это имело следствием то, что ясность переплелась с необоснованностью, религия с естественными науками, связанная с половым созреванием болезненность восприятия — с витализмом⁵⁹⁹. Все это запутывало простых людей, они терялись и становились легкой добычей нацистских политиков. Такое влияние тоталитарной действительности смахивает на религиозную веру с ее непроницаемой мотивацией, поведением, ощущениями. Даже и сейчас историк, занимающийся современным тоталитаризмом, на каждом шагу натывается на

религиозные феномены. Даже в оформлении повседневной жизни тоталитарные режимы близки к античной потребности сблизить культовое и политическое, преодолевая коренящийся в христианстве дуализм личности и общества.

Нельзя упускать из виду, что немцы были весьма склонны к конформизму. Так, после оккупации Германии победители были обескуражены отсутствием какого-либо сопротивления, ведь западные штабы и руководство Красной армии серьезно считалось с возможностью партизанской войны, опасались «вервольфов», но ничего не произошло из-за немецкой склонности к конформизму, но уже к новой власти. Да и очень переоценивать немецкую критику нацизма сразу после войны тоже не стоит — многое в этой критике проистекало из чистой апологии Запада, а, следовательно, из того же конформизма.

Известный немецкий историк Юрген Кучинский указывал, что многие немецкие социал-демократы были полностью аполитичны, они понимали свою роль в СДПГ как роль солдат в армии, которые для того чтобы начать действовать должны дожидаться приказа, а приказа-то как раз и не было⁶⁰⁰. Между тем с заводов и фабрик в правление СДПГ шли письма с одним вопросом — когда начинать генеральную забастовку. 7 февраля 1933 г. в берлинском Люстгартене правление СДПГ устроило массовую демонстрацию протеста против нацистской диктатуры. Подобные манифестации и шествия социал-демократов в других городах Германии создавали у немецкой публики впечатление мощи социал-демократической организации и ее готовности к борьбе. Но это была только видимость активной политической позиции.

Боевая организация социал-демократов «Союз имперского флага» (*Reichsbanner*) готовилась к захвату вокзалов, телеграфа и телефона. Среди парамилитаристских образований Веймарской республики Союз имперского флага был одним из наиболее многочисленных и хорошо организованных, его вполне можно было использовать в борьбе против нацистской диктатуры. Члены этой вое-

низированной организации так рвались в бой, что руководству СДПГ, находившемуся в плену легалистского образа мысли и действий, приходилось их останавливать. Руководство считало, что нужно уважать демократический выбор народа — НСДАП была самой крупной партией рейхстага⁶⁰¹. К тому же правление СДПГ было расколото — часть партийного руководства во главе с Паулем Лёбе было против резких выступлений и демонстраций. Председатель правления СДПГ Отто Вельс высказывался за оппозиционную деятельность, но за границей, в эмиграции. Среди сторонников бескомпромиссной борьбы был будущий лидер послевоенной социал-демократии Курт Шумахер, а также Карло Мирендорфф, председатель Союза имперского флага Карл Хелтерман и депутат рейхстага Юлиус Лебер. После разгрома профсоюзов правление СДПГ во главе с Вельсом эмигрировало, а 10 мая 1933 г. имущество партии было конфисковано властями. Правление партии в эмиграции (*Sopade*) обосновалось в Праге. Местные организации партии самораспустились.

Буквально в мгновение ока Гитлер смог унифицировать самое мощное и самое организованное в Европе рабочее движение: в мае 1933 г. последовало разрушение профсоюзов. Руководство Всеобщего немецкого союза профсоюзов (*ADGB*) прошло политическую социализацию еще в условия бисмарковского «Исключительного закона против социалистов» (1878 г.). И профсоюзы и СДПГ весьма успешно и эффективно противостояли этому нелепому закону, являвшемуся политической ошибкой Бисмарка. Этот успех и был причиной того, что руководство профсоюзами весьма оптимистично смотрело на собственные возможности противодействия политическому насилию. Профсоюзные боссы не боялись нацистов, полагая, что те не посмеют прибегнуть к радикальным насильственным действиям против их организации, имевшей большую традицию и прочно утвердившейся в структуре власти и в общественном сознании в качестве интегральной составной части современного государства⁶⁰².

В таком отношении к нацизму и была ошибка профсоюзного руководства, ибо нацисты сразу взяли на себя инициативу и 10 апреля 1933 г. объявили о том, что 1 мая является отныне национальным праздником и выходным днем (об этом мечтали многие поколения рабочих). Зато уже 2 мая 1933 г. последовало уничтожение профсоюзов, после унификации профсоюзов последовала унификация и всех предпринимательских организаций, а 10 мая по приказу Геринга недвижимость СДПГ была конфискована, а деньги отобрали. 22 июня 1933 г. министр внутренних дел Фрик запретил СДПГ, мандаты партии были объявлены недействительными. За запретом СДПГ последовал более или менее добровольный самороспуск других партий. Военизированная организация правых партий «Стальной шлем» также была унифицирована и вошла в СА, ее лидер Франц Зельдте вступил в НСДАП и стал министром труда. В процессе унификации Гитлер всегда действовал наверняка: когда существовали хотя бы теоретические сомнения в лояльности народа, Гитлер прибегал к плебисцитам, как Наполеон I или Наполеон III.

Большое значение имел обыкновенный обман, подмена традиционных ценностей новыми. Это показал Мартин Вальзер в романе «Бьющий ключ» (*Ein springender Brunnen*). Вальзер описывает сомнения матери героя — вступать или не вступать в партию. В 1986 г. в одном из интервью Вальзер сказал, что если ему удастся понять, почему его мать вступила в партию, он сможет объяснить, почему нацизм овладел всей Германией⁶⁰³. Партийный функционер Минн, дабы развеять сомнения глубоко верующей женщины, дает ей открытку, на которой изображены два штурмовика с нацистским знаменем перед распятием, под этими фигурами надпись: «Господи, благослови нашу борьбу. Адольф Гитлер»⁶⁰⁴. Женщина взглянула на открытку и сказала, что она согласна вступить в партию. Вальзер дает понять, что решающий довод в пользу положительного решения был фальшивым, поскольку нацизм отвергал христианство. Козырная карта оказалась крапленой. И героиня романа и весь немецкий

народ не вполне сознательно обратились к нацизму, поэтому они и не могут нести за него всю полноту ответственности. Эта вполне правомерная и обоснованная релятивация вины народа в целом (если так вообще можно ставить вопрос) вызвала в Германии неоднозначную реакцию: часть немецкой общественности восприняла художественную реплику Вальзера как провокацию, как стремление задним числом освободить немцев от ответственности за нацизм. Так, тогдашний председатель центрального еврейского совета в ФРГ Игнац Бубис выступил с резкой критикой Вальзера. По словам Бубиса, Вальзер — это провокатор и недалеко ушел от Франца Шёнхубера или Герхарда Фрея (руководители правой партии «Республиканцы»). В этот диспут включились и участники «спора историков», Вальзера стали идентифицировать с Эрихом Нольте, спровоцировавшим в свое время этот спор. Представляется, однако, что похвальная и праведная нацеленность немцев на продолжение традиции национального покаяния в данном случае не совсем уместна, а точка зрения Вальзера более адекватна и близка к настоящему положению дел. Точно так же и в большевистской пропаганде имел место обман и подмена одних ценностей другими, и винить в этом простых людей, ставших объектами манипуляций беспринципных политиков, нельзя. Критика должна осуществляться в иной форме, позволяющей дифференцировать вину и ответственность отдельных людей за конкретные поступки.

Унификация нацистов не распределялась по всему обществу равномерно, поэтому различные центры Сопротивления начали складываться только по мере роспуска партий, но этот процесс тормозился тем, что довольно сильна была вера в скорое банкротство политики Гитлера; «история национал-социализма — это история его недооценки», как писал Карл Дитрих Брахер. Даже Коминтерн оценивал нацистский режим как преходящее явление: на взгляд коммунистов, нацистская диктатура должна была уничтожить демократические иллюзии масс,

освободить их от влияния социал-демократии и способствовать прорыву коммунистов к власти.

Такую же ложную оценку перспектив нацизма давали и прочие его потенциальные противники, поэтому главной отличительной чертой немецкого Сопротивления было отсутствие единства, которое подразумевает осознание целей политической активности. Нужно различать несколько главных групп Сопротивления — они выступали в разное время, с разной степенью активности, с различными методами и целями. Поначалу большую активность проявили левые (коммунисты и социал-демократы), а затем растерявшиеся первоначально консервативные силы. Последние сыграли самую важную роль в Сопротивлении. «Ни одна политическая сила не имела такого влияния на немецкое общество, как консерватизм. Никакая другая сила не обладала столь глубокой традицией, никакая другая сила не является до сих пор столь актуальной. Консерватизм, — писал известный немецкий историк Ганс-Ульрих Велер, — это наша судьба»⁶⁰⁵. В дальнейшем усилилась оппозиция церкви, добавились борцы-одиночки Сопротивления из государственного аппарата, армии, из сферы экономики. Протестантский священник, участник Сопротивления, арестованный в 1937 г., Мартин Нимеллер, характеризуя последствия разобщенности немецкого Сопротивления, писал: «Когда нацисты хватали коммунистов, я молчал, ведь я не коммунист, когда пришли за социал-демократами и католиками — я тоже молчал. Когда же пришли брать меня, то не было уже никого, кто мог бы протестовать против моего ареста»⁶⁰⁶.

В современной историографии сосуществуют самые разнообразные интерпретации Сопротивления: от осуждения коммунистического Сопротивления как предательства родины до оценки консервативной и армейской фронды как отклонений от генеральной линии нацизма. Подобные крайности следует отвергнуть как неисторические, так как любое участие в Сопротивлении в условиях тоталитарного режима было настоящим моральным подвигом, особенно для немцев, которые подвергались двойной нагрузке: об-

винению в предательстве Родины и предательстве государства. «Да, я предал государство, зато они (нацисты) предали Родину», — так сформулировал это положение известный участник Сопротивления, полковник абвера Остер.

Коммунисты в Сопротивлении

Немецкие коммунисты, как и коммунисты других партий Коминтерна, составляли построенную на сталинской паранойе и сектантстве субкультуру, главной целью которой было уничтожение своих врагов: троцкистов, социал-демократов, капиталистов и их прислужников. Коммунисты (и немецкие тоже) так до конца и не смогли освободиться от представления о нацизме как о заговоре самых реакционных элементов мирового финансового капитала. Эта оценка была ложной и упускала самое существенное в нацизме — апеллирование к массам и завоевание ее симпатий, поэтому популистскую привлекательность нацизма, способствовавшую формированию ее массового базиса, следует оценивать гораздо выше, нежели его идеологическое доктринерство. Нацизм и коммунизм были разновидностями тоталитаризма XX в., и восхищение фанатизмом коммунистов в Сопротивлении вряд ли оправданно — многие нацисты тоже часто выступали как фанатики, готовые жертвовать чем угодно ради своих партийных догм и людоедской доктрины. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что многие коммунисты, сами пережившие жуткие мытарства в нацистских концлагерях, затем в сталинской послевоенной Восточной Европе делали то же самое со своими политическими противниками — настоящими или мнимыми⁶⁰⁷. Релятивировать эти преступления довольно трудно, поскольку человек должен стараться оставаться человеком при любых обстоятельствах. Правда, немецкому историку Вольфгангу Випперману с трудом удалось опубликовать книгу «Красный холокост?»⁶⁰⁸, в которой он пытался релятивировать преступления коммунистов.

Положение немецких коммунистов в Сопротивлении осложнялось тем, что после того как стратегия единого антифашистского фронта (коммунисты в своих целях эксплуатировали союзы с социалистами) самим Коминтерном была сведена к абсурду, Сталин обратился к коалиции с Гитлером. Более того, незадолго до подписания пакта Сталин приказал отправить в нацистскую Германию 500 немецких коммунистов⁶⁰⁹, что было верхом вероломства и предательства «дела мирового пролетариата».

После прихода нацистов к власти ЦК КПГ распространил листовку, в которой призывал к «генеральной стачке» против Гитлера, против «кровавого варварского террористического режима, который неминуемо приведет к империалистической войне. Впрочем, коммунисты уже несколько последних лет твердили о «полной победе фашизма» в Германии — еще 1 декабря 1930 г. ЦК КПГ объявил, что Германия — это «фашистская республика», а правительство Брюнинга — это «первое фашистское правительство в Германии». Еще более жестко относились коммунисты к правительству Папена и Шлейхера. Эти заявления обесценили декларацию ЦК КПГ по приходу Гитлера к власти, в момент действительной опасности для республики и демократии⁶¹⁰. Догматическое отношение коммунистов к социал-демократам как к «социал-фашистам» не изменилось даже и после того, как нацисты вытеснили их из государственного аппарата. Еще в декабре 1933 г. Вильгельм Пик говорил о том, что «главным врагом» коммунистов продолжают оставаться «социал-фашисты». КПГ была массовой партией, численность членов партии в 1932 г. составляла 300 тыс. человек, за партию голосовало около 6 млн немцев. Несмотря на массовость, КПГ не была самостоятельной партией, а всего лишь «секцией Коминтерна». Она подчинялась распоряжениям ИККИ, который с 1928 г. придерживался ультралевой концепции, призванной обеспечить интересы «первого в мире государства рабочих и крестьян»⁶¹¹.

На первом заседании нового правительства Гитлер сказал, что нельзя запретить Коммунистическую партию,

ибо она насчитывает 6 миллионов сторонников. Впрочем, для нацистов различия между коммунистами, социал-демократами и профсоюзными активистами были довольно неясными, они их всех именовали «марксисты», поэтому все «марксистские» газеты были запрещены, и за их распространение наказывали. Вскоре, однако, нацистам представился подходящий повод для запрета КППГ — в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. произошел пожар рейхстага. Окончательное и полноценное суждение об ответственности нацистов за этот пожар (хотя он, безусловно, был в их интересах) до сих пор историками не вынесено. В поджоге рейхстага гитлеровцы обвинили коммунистов, тысячи функционеров КППГ были арестованы (только в Берлине — 1500 человек), в том числе и депутаты рейхстага. Коммунисты не ожидали столь энергичных и жестких действий властей, они не были к этому готовы. Поэтому КППГ практически перестала существовать, а оставшиеся на воле коммунисты должны были начинать формировать подполье. Быстрому разгону КППГ способствовали большая централизация партии и крайняя несамостоятельность местных функционеров. Из всех партий Веймарской республики КППГ более всего пострадала от нацистов — из 300 тыс. ее членов, по сведениям СЕППГ, более 150 тыс. продолжительное время находились под арестом. По более реальным данным, до 1934 г. властями было арестовано 60 тыс. коммунистов, а в 1935 г. в заключении находилось около 15 тыс. коммунистов. За первые два года нацистской диктатуры было убито около 2000 коммунистов. За малейшие признаки нелегальной деятельности (даже за распространение листовок) коммунистам грозила смерть⁶¹².

До конца 30-х гг. нацистам удалось пресечь всякую активность КППГ в подполье: террор и бесперспективность подпольной борьбы, а затем и «пакт Молотова — Риббентропа» расстроили организованную работу коммунистов: партия перешла к тактике выжидания. Даже в считавшихся коммунистическими Берлине, Руре и Саксонии не было заметно никакой активности коммунистов. Сами

коммунисты не делали особых различий между «гитлеровским фашизмом» и «фашизмом» Папена и Шлейхера; они считали нацизм временным явлением, ждали всеобщего кризиса капиталистической системы и подходящего момента для революции и установления пролетарской диктатуры. Только когда начались массовые аресты коммунистов, руководство КПГ обратилось к организованному легальному (поначалу) протесту. Хотя коммунистические функционеры в ГДР и твердили о руководящей роли КПГ в Соппротивлении⁶¹³, влияние коммунистов было ограниченным. Сталинские указания, в соответствии с которыми социал-демократов считали еще большими врагами, чем нацистов, были скорректированы только в 1935 г. на VII Конгрессе Коминтерна, продекларировавшего тактику единого народного фронта против фашизма. Но к этому времени всякая активность коммунистов была пресечена карательными органами СА и СС.

Как бы то ни было, после поджога рейхстага Коммунистическая партия Германии практически перестала существовать, а ее парламентские мандаты были аннулированы. Спустя шесть лет после прихода к власти нацистов влияние и значение коммунистических групп сошло почти на нет; они были настолько незначительными, что гестапо переключилось на более существенные центры сопротивления (как считали в РСХА) — на церковь, масонов, евреев, гомосексуалистов. Судьба КПГ показывает, что с разрушением правовой системы Веймарской республики юриспруденция превратилась в политический инструмент и потеряла характер орудия защиты политических меньшинств.

Несмотря на все ошибки, коммунисты вынесли террор и пытки уже тогда, когда ни за границей, ни в Германии и речи не было о Соппротивлении. Хотя единую подпольную организацию коммунистам создать не удалось, с начала войны действовали независимые группы Роберта Урига, Антона Зефкова, Франца Якоба. Советско-германский пакт 1939 г. поставил коммунистов во многих странах в абсурдное положение: КПГ, как одна из самых

дисциплинированных секций Коминтерна, признавала договор, но с другой стороны, она находилась в оппозиции нацистскому режиму и декларировала необходимость борьбы с ним. Наряду с социал-демократами, коммунисты наполнили первые концлагеря задолго до того, как в борьбу вступила церковь или консервативная оппозиция: за 12 лет нацистской диктатуры из 300 тыс. членов КПГ 130 тыс. подверглось преследованиям, было брошено в тюрьмы и концлагеря, десятки тысяч отдали жизнь за будущее Германии⁶¹⁴. В коммунистическом Сопротивлении есть нечто странное, ведь и нацизм и коммунизм были тоталитарными системами, но это трагическое сходство является внешним, и нам следует его игнорировать: нет никаких оснований сомневаться в трагическом восприятии происходящего и настрое рядовых коммунистов — участников Сопротивления. В этой связи встает весьма сложный вопрос, который можно отнести и к коммунистам, и к нацистам — вопрос о моральной идентичности простых людей в условиях того и другого режима. Коммунистическая доктрина отличалась большей «гибкостью», ибо теория классовой борьбы исходила из того, — что качества людей, обусловленные их классовой принадлежностью, могут в принципе изменяться (в противоположность расовой доктрине нацистов). Формальное же сходство действительно имело место: во время суда по делу о заговоре 20 июля 1944 г. нацистский обвинитель Фрейслер (Гитлер его называл «наш Вышинский») добивался прежде всего морального унижения подсудимых — их обзывали, одевали в лохмотья, плевали в них. В советских условиях большую изобретательность проявил Абакумов, который после вынесения приговора по Ленинградскому делу приказал набросить на подсудимых похоронные саваны прямо в зале суда (в Доме офицеров в Ленинграде).

В литературе иногда обращаются к теме сближения и сотрудничества националистов и коммунистов (к национал-большевизму); это явление уникальное, не имеющее сравнимого со своими составляющими размаха. Курс

коммунистов на сотрудничество с националистами получил известность в Германии в связи с инцидентом с лейтенантом Шерингером, который в 1931 г. за членство в НСДАП был исключен из рейхсвера и посажен в тюрьму. По выходу он объявил о своем вступлении в КП Г, что вызвало сильный ажиотаж, в КП Г даже провозгласили «курс Шерингера». Немецкий националист и сторонник большевистского радикализма Беппо Рёмер после Первой мировой войны принимал участие в подавлении Баварской Советской республики. Во время оккупации Руре французы заочно приговорили его к смертной казни за саботаж. Именно в Руре через национал-большевиков русофил Рёмер оказался в КП Г, которая из тактических соображений одно время предпринимала попытки сблизиться с националистами. Придя к власти, нацисты на пять лет посадили Рёмера в Дахау, а в 1939 г. выпустили; он сразу начал организовывать ячейку Сопротивления в Мюнхене. Рёмер планировал акции саботажа, при этом упор делал на уничтожение запасов горючего — он считал, что это самое слабое место нацистского рейха. В сентябре 1941 г. Рёмер смог установить связь с коммунистической группой Роберта Урига, с «Красной капеллой» (созданной советской разведкой) и организацией Вильгельма Кнохена в Руре. Через группу Урига гестапо вышла на Рёмера, который был арестован в феврале 1942 г. и через два года гильотинирован.

«Тайное» родство нацизма и коммунизма было причиной того, что долгое время после войны коммунистическое и социал-демократическое Сопротивление в западно-германском обществе не вызывало интереса: национальным Днем поминовения был установлен день 20 июля, когда в 1944 г. консервативная — преимущественно офицерская — оппозиция устроила покушение на Гитлера. Историческую картину Сопротивления долгое время определяли такие фигуры, как полковник Клаус фон Штауффенберг, прусский чиновник Карл Герделер, дипломат Ульрих фон Хассель, генерал Людвиг фон Бек, адмирал Вильгельм Канарис. В качестве образца Сопротивления

общественным мнением был легитимирован также кружок прусского аристократа, графа Гельмута фон Мольтке. В этот кружок входили социал-демократы Теодор Хаубах, Альюерт Рейхсвайн, а также иезуитский священник Адольф Делп и протестант Эрнст Герстенмайер.

Всякое другое Сопротивление не принималось всерьез. Первым поднял голос протеста против этого один из лидеров послевоенной немецкой социал-демократии Герберт Венер, который в 20—30 гг. состоял в КПГ. В ГДР, наоборот, во внимание принимали только коммунистическое Сопротивление, а любое другое игнорировали. Разумеется, ни та, ни другая точка зрения не может быть признана полностью адекватной.

Так же, как в вопросе с коммунистическим Сопротивлением, значительную проблему в признании моральной интегральности Сопротивления составляет то, что многие его участники сотрудничали с вражескими разведками. Так, знаменитый Ален Даллес, будучи швейцарским резидентом американской разведки, завербовал чиновника немецкого МИД Кольбе (кличка Джеймс Вудс). Кольбе работал в отделе, занимавшемся информированием О КВ; через него проходили документы от всех немецких послов; в его задачу входила предварительная сортировка бумаг для нужд военного руководства. Кольбе (Вудс) был самым информированным чиновником МИД. Характерно, что Кольбе категорически отказывался брать деньги за информацию (им было передано более 1600 различных документов), им двигала ненависть к нацизму. Информация Кольбе была настолько своевременной и точной, что американские разведчики и их руководство отказывались верить в возможность такой утечки, а Даллес отчаялся убеждать в правдивости Кольбе свое начальство⁶¹⁵. Бывший функционер ЦРУ Ричард Хелмз характеризовал Кольбе как лучшего информатора Второй мировой войны. Интересно, что после войны Кольбе эмигрировал в США, но там его не особенно привечали (предатель); когда он вернулся на родину, то в ФРГ его встретили тоже не особенно ласково (предатель)... Все попытки Кольбе

устроиться на дипломатическую работу окончились неудачей. В итоге он устроился на работу коммивояжером и в 1971 г. умер от рака⁶¹⁶.

Также обычно молчат о Гансе Остере (генерал-майор, сотрудник абвера), ему нет памятника, его имя не носят улицы, Остером занимаются только эксперты. Даже друзья (Гизевиус, Шлябрендорф) пытались от него дистанцироваться. Между тем, Остер был ключевой фигурой немецкого Сопротивления между 1938 и 1943 гг. Остер сообщил голландцам о предстоящем наступлении Гитлера на западе, то есть поступил как шпион и предатель.

Также шпионской организацией была особенно успешная в Сопротивлении коммунистическая группа «Красная капелла»⁶¹⁷ (более 100 человек) во главе с Арвидом Харнаком и Харро Шульце-Бойзенем. Ни одна из групп немецкого Сопротивления не подвергалась после войны таким обвинениям в государственной измене, как группа Харро Шульце-Бойзена и Харнака. Сам Шульце-Бойзен был старшим офицером разведки люфтваффе, Дольф фон Шелиа — из МИД и Арвид Харнак — из Министерства экономики; всю информацию они передавали в Москву. «Красная капелла» поставляла информацию о диспозиции люфтваффе, о численности и целях конкретных операций. Именно ей удалось сообщить о решении не направлять Клейста на Кавказ после падения Киева и о том, что Гитлер решил не брать Ленинград штурмом, а оставить его в осаде⁶¹⁸.

«Красную капеллу» обвиняли в прислужничестве тоталитарному сталинскому режиму. Крупный немецкий историк Герхард Риттер в своей монографии о немецком Сопротивлении писал: «Эта группа вообще не может быть причислена к немецкому Сопротивлению. Группа Шульце-Бойзена и Харнака однозначно находилась на службе врага. Она не только старалась побуждать немецких солдат к дезертирству, но и передавала важные военные секреты противнику, который пользовался ими для уничтожения солдат вермахта. Тот, кто, будучи немцем, в условиях борьбы не на жизнь, а на смерть, способен предать

отечество, тот является государственным преступником — и не только в соответствии с буквой закона»⁶¹⁹. В 50-е гг. в западно-германской историографии этих людей представляли как «предателей родины». У них пытались отобрать право на высокое моральное значение их борьбы на том основании, что они хотели заменить одну диктатуру другой. Первым в западной историографии от такой позиции отказался Ганс Ротфельс. Он считал, что если по средствам и целям эта группа Сопротивления отличалась от других, то по мужеству и стойкости в оппозиции нацизму — нет⁶²⁰.

До сих пор представляется проблемой оценка роли организованного советскими властями в лагерях для немецких военнопленных «антифашистского движения». 13 июля 1943 г. под Москвой (в Красногорске) был создан Национальный комитет «Свободная Германия» под черно-красно-белыми (кайзеровскими) цветами; в этом комитете преобладали ориентировавшиеся исключительно на советские власти «активисты». Немецкие генералы отказывались сотрудничать с этим комитетом. Тогда по инициативе генерал-майора Мельникова советские власти создали Союз немецких офицеров (СНО). При этом Мельников обещал генералу Зейдлицу, что — в случае организации активного противостояния Гитлеру офицеров вермахта — советское правительство оставит рейх в границах 1937 г.⁶²¹ Зейдлиц, Карфест и Латман приняли предложение Мельникова, хотя тот и отказался его зафиксировать письменно; немцы поверили «слову советского офицера». 12 сентября 1943 г. СНО был включен в «Свободную Германию» под председательством Эриха Вайнерта. Как можно предположить, реальная власть в Комитете принадлежала политрукам-коммунистам, и коммунистическая пропаганда там явно превалировала над патриотической. Когда в начале 1944 г. между Черкассами и Корсунем было окружено 6 немецких дивизий, «Свободная Германия» начала массовую пропагандистскую акцию, но она с треском провалилась: окруженные войска предпочли плену отчаянный рывок навстречу

деблокированным войскам Манштейна. В момент прорыва почти половина окруженных погибла или попала в плен. Фронтальная пропаганда «Свободной Германии» осталась неэффективной и не нашла значительного отклика.

Очевидцы отмечали, что члены немецкого лагерного актива относились к своим «не распропагандированным» товарищам более беспощадно, чем лагерное начальство. Неоднократно отмечалось, что наиболее рьяными «неокоммунистами» в среде немецких военнопленных были старые нацисты: сказывалось внутреннее родство идеологий. Это последнее обстоятельство точнее всего указывает на провал деятельности «Свободной Германии». Как писал Солженицын, нельзя делать первый шаг навстречу предательству (хотя кого предавали немецкие пленные?), нельзя терять самоуважение: того, кого власти признавали «неподдающимся», они оставляли в покое, тот имел большие шансы выжить, а на «единожды предавших» давление без конца нарастало и все заканчивалось трагически (советский трибунал приговорил Зейдлица к пожизненному заключению). Можно ли считать «Свободную Германию» Соппротивлением? Ответа на этот вопрос нет, ибо, наверное, среди сотрудничавших с советской властью были искренне прозревшие люди, которые стремились что-то изменить. Из 3 155 000 пленных немецких солдат к 1955 г. вернулось из СССР 1 959 000 (погибло 1,2 млн). Из нацистских лагерей из 5 700 000 пленных советских солдат в 1945 г. вернулось домой 2 400 000 (погибло 3,3 млн)⁶²².

Консервативное Соппротивление и немецкое общество

«Всякое общество держится на аристократии, ибо сутью аристократизма является требовательность к самому себе, а без такой требовательности любое общество гибнет».

*(Альбер Камю)*⁶²³

«То, что делаю я, есть государственная измена, но то, что делают они, есть измена родине».

(Клаус фон Штауффенберг)

«Never was so much owed so many to so few».

*(W. Churchill)*⁶²⁴

В советской историографии усиленно развивали тезис о том, что консервативные силы помогли прийти Гитлеру к власти, при этом отечественные историки старой школы даже стремились стереть различия между правительствами Папена и Шлейхера и нацистами. Сейчас это можно расценить как сильное и неоправданное упрощение, поскольку хотя немецкие консервативные силы на самом деле помогли нацистам прийти к власти, но эта констатация не описывает всей сложности отношений между ними. Как для левых решающим фактором поражения в оппозиции нацизму был их раскол на мелкие группы и отсутствие единства, так же и в правом лагере никакого единства в борьбе не было. Причина отсутствия единства и консервативных и левых политиков в том, что они смутно представляли себе природу нацизма, ограничиваясь самыми общими морализаторскими соображениями. Так, известный консервативный политик Эвальд фон Кляйст-Шмельцин (*E. von Kleist-Schmelzin*) так выражал свой скепсис по отношению к политике Гитлера: «Если ты сел в скорый поезд, машинист которого сумасшедший, то даже не надейся как-то повлиять на его поведение. Как бы ты ни старался, на одной из железнодорожных стрелок поезд сойдет с рельсов. Ошибка в том, что нынешние правители Германии имеют тотальные претензии, а это чертовщина, поскольку тотальные претензии может иметь только Бог; если их предъявляет человек, он извращает смысл мироздания»⁶²⁵. В принципе, совершенно правильное суждение, но предпринимать что-либо нужно до упомянутой «посадки в поезд». Немецкие правые совершили крупную тактическую ошибку, пытаясь

использовать динамику нацистского движения «временно» и в своих целях: это стремление не было реализовано — Гитлер с самого начала прибрал всю власть к рукам, и после 1933 г. ни о какой действенной оппозиции не могло быть и речи. Как гласит старинная немецкая поговорка, садясь обедать с чертом, нужно иметь длинную ложку. Если уподобить Гитлера этому черту, то консерваторы из застолья с ним встали голодными...

Кроме того, консервативной оппозиции было свойственно совмещение противостояния и кооперации с нацистским режимом. Тому были свои причины — в отдельные моменты истории Третьего Рейха события развивались «неочевидно» для формирования ясной оппозиции. Так, в «деле Рема» в июне 1934 г., несмотря на убийство двух генералов, в целом действия нацистов были направлены на утверждение вермахта в качестве главного оруженосца нации, что рассматривалось консервативными кругами как благое дело. Или другой пример — в период внешнеполитического кризиса 1938—1939 гг. один из ведущих консервативных политиков, статс-секретарь МИД Эрнст фон Вейцекер (отец президента ФРГ) полагал, что главным мотором агрессивности выступает Риббентроп, а Гитлер старается его удержать. Что касается кризиса Фрича-Бломберга, то здесь на первом плане были действия гестапо и СД, а поведение Гитлера казалось нейтральным. Немецкие консерваторы были первоначально воодушевлены возможностями, которые открывала авторитарная власть — даже Карл Герделер вплоть до 1935 г. принимал активное участие в администрировании: в разработке нового закона о коммунальном самоуправлении, о городских муниципалитетах, и, кстати, был имперским комиссаром по ценам. Герделер долгое время надеялся повлиять на Гитлера. Точно также и министр финансов Пруссии Попитц надеялся склонить Гитлера к консервативным ценностям и политике. И лишь тогда, когда консерваторы поняли, что именно Гитлер является главным инициатором войны, только тогда они стали формировать оппозицию, только тогда возникло консервативное

Сопrotивление. Даже Хеннинг фон Тресков разглядел опасность в «танцующем дервише» (как он называл Гитлера) только во время войны и обратился к организации заговора против диктатора⁶²⁶.

В старой немецкой политической элите первым по-настоящему оценил истинное положение дел и перспективы Третьего Рейха бургомистр Лейпцига пруссак Карл Герделер (уходя в отставку с поста канцлера, Генрих Брюнинг рекомендовал его на свое место, но Гинденбург пропустил это пожелание мимо ушей) — консерватор, монархист, ревностный протестант, образованный, энергичный человек. Вся его жизнь была доказательством непоколебимой и оптимистической веры в разум и добро. Современники говорили, что если Аденауэр никому не доверял, то Герделер был открытым и доверчивым человеком⁶²⁷. В 1931 г. Герделер стал комиссаром по контролю над ценами, после 1933 г. он остался бургомистром Лейпцига, надеясь с помощью нацистов прекратить практику всевластия партий, характерную для политической системы Веймарской республики, и усилить исполнительную власть. Как патриот Пруссии, Герделер был согласен с Гитлером по вопросу о ревизии восточных границ, рассматривая «польский коридор» как угрозу целостности и процветанию Германии. Герделер и его коллеги по консервативному Сопrotивлению планировали спасти то, что еще можно было спасти: по возможности даже и кое-какие гитлеровские приобретения, например, Австрию. После войны они также хотели сохранить Судеты в составе будущего немецкого государства. Представления Герделера о геополитическом положении Германии после планируемого отстранения Гитлера были довольно необычными для того времени. Герделер писал в специально составленном для переговоров с Западом и СССР меморандуме, что на востоке Германия должна сохранить границы 1914 г., на юге — границы 1938 г. по результатам Мюнхенской конференции. Австрия должна была остаться в составе Германии, как и Южный Тироль. Эльзас

и Лотарингию Герделер предлагал либо сделать самостоятельным государством (наподобие Швейцарии), либо разделить ее в соответствии с принципом национального самоопределения на немецкую и французскую части. Что касается возможности выхода к морю Польши, то Герделер предполагал польско-литовскую унию (как это было в старину) и обеспечение искомого выхода Польши к Балтике в Литве⁶²⁸. Большинство консерваторов в Сопротивлении в принципе были согласны с предложениями Герделера, все они также рассчитывали на сохранение после войны единого национального государства. Сейчас такие представления кажутся совершенно утопическими, но разве они не согласуются с правом на национальное самоопределение? Разве после поражения 1871г. Франция не продолжала лелеять мысль о возвращении потерянных немецкоязычных провинций? Разве сейчас арабские страны перестали претендовать на земли Израиля, несмотря на то что решение об их передаче было единогласно принято в 1947 г. на Ассамблее ООН? Примеров справедливых и неудовлетворенных требований национального самоопределения можно привести много. В конечном счете, после Второй мировой войны территория Германии сократилась почти на 100 тыс. км², но это произошло в результате полного военного и морального краха нацизма.

Как бургомистр Лейпцига, Герделер сначала имел весьма сносные отношения с местным нацистским руководством и даже смог осуществить в городе ряд административных и экономических реформ. Пути Герделера и нацистов начали расходиться после того, как нацисты решили снести в городе памятник Феликсу Мендельсону-Бартольди (из-за его еврейского происхождения). В 1937 г. Герделер выехал за рубеж с целью выяснить отношение к антигитлеровской оппозиции со стороны европейских правительств — необходимую для этого финансовую поддержку оказал крупный промышленник Рудольф Бош и Герман Геринг, который обосновывал эту поездку необходимостью изучения реакции западной общественности

на происходящее в Германии⁶²⁹. В 1937—1939 гг. Герделер объехал Англию, США, Бельгию, Францию, Швейцарию, Румынию, Югославию, Египет, Палестину, Сирию и Турцию, и накануне войны разослал памятную записку Бошу, Круппу, Герингу, Шахту, генералам Беку, Гальдеру и фон Фричу. В этой записке он предупреждал, что война приведет к еще более тяжелым последствиям, чем Версальский мир. В 1941 г. Герделер вместе с генералом фон Бекком составили еще один меморандум, в котором излагалась альтернатива гитлеровской политике. С этого момента в посвященных кругах Герделер считался негласным главой оппозиции Гитлеру⁶³⁰. Сам Герделер никакими средствами для противостояния Гитлеру не располагал, поэтому он обратился к военным. Для этого он, задолго до февраля 1938 г., предупреждал командующего рейхсвера генерал-полковника Фрича, что он станет очередной жертвой нацистов, а когда Фрича и министра рейхсвера фон Бломберга отстранили от руководства армией, то Герделер побуждал командующего военным округом Лейпцига генерала Листа к действиям против СС. Смысл инициатив Герделера дошел до Гитлера, началось расследование гестапо, от которого его спас Шахт⁶³¹. Шахт и сам позднее был некоторое время близок к оппозиции и с 1944 г. до окончания войны находился в концлагере — это обстоятельство и было главной причиной того, что Нюрнбергским трибуналом он был освобожден от ответственности.

В 1938 г. к Герделеру примкнули бывший прусский государственный министр и министр финансов Иоханнес Попитц, известный финансист, директор Рейхсбанка Яльмар Шахт, посол в Италии Ульрих фон Хассель, начальник Генштаба генерал-полковник Людвиг Бек, командующий рейхсвером генерал фон Фрич и посол в СССР граф Фридрих фон Шуленбург. Первоначально они составили клуб «Среда», членами которого было 16 человек. Бывший немецкий посол в Италии, женатый на дочери адмирала Тирпица, Ульрих фон Хассель, был у оппозиционеров кем-то вроде главного советника по иностранным делам. Планы этой группы Соппротивления носили

консервативный, иногда даже реакционный характер, и за границей, в частности, в Великобритании, возникало ощущение, что их внешнеполитическая программа (претензии к Польше, например) ничем не отличается от гитлеровской. Меморандум «Цель», составленный Герделером и Бекком, предлагал провести реформу рейха в духе прусской конституции XIX в.; канцлеру предлагалось предоставить чрезвычайно обширные полномочия и, напротив, законодательное собрание должно было получить весьма скромные прерогативы. Стремясь к моральной реабилитации государства, Герделер и Бек не исключали и возрождения монархии, что, впрочем, свидетельствовало о некоторой утопичности их программы и удаленности ее от реальной жизни и политической действительности. В мнениях о том, как быть с Гитлером, заговорщики расходились: Бек хотел его арестовать и судить, офицер абвера Остер предлагал подвергнуть его психиатрической экспертизе, Гальдер предлагал организовать «несчастный случай»⁶³². Напрашивается вопрос, каким образом такие идеи, тем более их практическое осуществление, могли серьезно рассматриваться на пике политических и военных успехов Третьего Рейха? Ответ заключается в том, что заговорщики были воплощением самых лучших качеств своего народа — рациональной интеллектуальности, сочетающейся с беззаветной храбростью и любовью к родине. Офицеры и гражданские лица-заговорщики хотели создать «порядочную Германию», и неотъемлемой частью этой «порядочности» они считали военную мощь и конституционный строй. На первом этапе особенной активностью выделялись офицеры в штабе группы армий «Центр», которые, находясь на фронте вдали от родины, острее ощущали преступные реалии кампании, несправедливый характер войны.

Посвященных в заговор офицеров в группе армий «Центр» было так много, и занимаемое ими положение было так близко к командующему фон Боку, что невозможно поверить, что он был в неведении относительно намерений офицеров. В заговоре принимали участие

два личных адъютанта фон Бока — граф фон Гарденберг и граф Генрих фон Лендорф. Также активны были полковник барон фон Герсдорф, полковник Шульц-Брюттер, подполковник Александр фон Фосс, майор Ульрих фон Эртцен, капитан Эггерт и лейтенант Ганс Альбрехт фон Боддин. В то или иное время заговорщики обращались практически к каждому генералу в группе армий. Но ни один из них не поднял телефонную трубку, чтобы позвонить Гиммлеру. Пропасть между армией и СС делала донос невозможным⁶³³.

Вызывает удивление то, что заговорщики имели удивительную свободу обсуждения деталей своего мятежа. Так, Попитц осенью 1939 г. посетил главнокомандующего сухопутными войсками генерала Вальтера фон Браухича и уговаривал его прибегнуть к действиям против Гитлера ради спасения Германии и чести армии. Браухич в продолжение всего разговора молчал, лишь выразил сомнение, что в сложившихся обстоятельствах возможен приемлемый для Германии мир. Вслед за Попитцем с той же целью к Браухичу приезжал генерал Томас — руководитель хозяйственного отдела в Генштабе. Реакция командующего сухопутными войсками была удивительно спокойной. Он сокрушенно сказал, что это чистой воды государственное предательство и ограничился тем, что пригрозил посадить Томаса под домашний арест, если тот «будет настаивать на встречах с ним по этому вопросу»⁶³⁴. Деятельность Герделера, его постоянные поездки за рубеж также были на виду и могли насторожить карательные органы Третьего Рейха. Впрочем, из-за нерешительности никакой реальной опасности для нацистского режима деятельность заговорщиков не представляла. Ситуация, однако, резко изменилась с того момента, как к заговору примкнул Клаус граф Шенк фон Штауффенберг. С его появлением в рядах заговорщиков дело приняло серьезный оборот, поскольку он был очень энергичным человеком и убежденным сторонником активных действий против диктатора. Как говорила жена одного из активистов Сопrotивления Эмми Бонхоффер: «Диктатура подобна

ядовитой змее — если ты наступишь ей на хвост, она непременно ужалит тебя в ногу. Нужно сразу отсечь ей голову, а это смогут сделать только военные, их нужно убедить действовать решительно и быстро»⁶³⁵.

Штауффенберг был весьма примечательной личностью, очень образованным человеком, членом кружка поэта Штефана Георге, дипломированным переводчиком с английского; кроме того, он был великолепным военным профессионалом, выпускником академии Генштаба. Поначалу Штауффенберг, как и все немецкое общество, попал под гипноз гитлеровских политических начинаний. Один из его биографов указывал, что попытки определить Штауффенберга как изначально принципиального противника нацизма (*frondeur a priori*) обречены на провал, поскольку все документы и свидетельства говорят об обратном...⁶³⁶ Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть, поскольку оно свидетельствует о том, что сначала Гитлер смог увлечь даже таких высокоморальных людей, как Штауффенберг, который вплоть до 1942 г. находился под гипнозом достижений и динамики Третьего Рейха.

В оппозицию Штауффенберга привлекли генерал от инфантерии Фридрих Ольбрихт, который был начальником отдела в Общем отделе (*AHA, Allgemeinen Heeresamt*), полковник Хеннинг фон Тресков, который два года был офицером по оперативному руководству в командовании группы армий «Центр». Летом 1943 г. Ольбрихт, Тресков и Штауффенберг договорились совместно действовать против диктатора⁶³⁷. Политически офицеры примыкали к группе Герделера, которая не была совершенно однородна (консервативна). Так, в ноябре 1943 г. бывший посол Германии в СССР, член группы Герделера фон Шуленбург смог привлечь к заговору бывшего депутата рейхстага от СДПГ Юлиуса Лебера, который занимался в Берлине торговлей углем. Как ни странно, но социал-демократ Лебер вскоре начал оказывать решающее влияние на политические взгляды Клауса фон Штауффенберга⁶³⁸. Лебер воевал в Первую мировую войну фронтовиком, был офицером; в СДПГ он стал экспертом по военным делам.

Он не был ортодоксальным марксистом и интернационалистом, скорее — лассальянцем. Так же, как и фон Штауффенберг, он был патриотом и сторонником сохранения Германии в прежних границах. В 1943 г. к заговорщикам примкнул бывший командир 4-й танковой армии генерал-полковник Гепнер, которого Гитлер отстранил от руководства после зимнего краха под Москвой.

Офицеры-участники консервативной оппозиции пытались легально противостоять наиболее диким эксцессам нацистского режима. Так, незадолго до нападения на Советский Союз, в присутствии фельдмаршала фон Бока фон Тресков резко протестовал против гитлеровского «приказа о комиссарах», но безрезультатно. Несколько недель спустя, когда фон Трескову стало известно, что в Борисове опергруппа полиции безопасности и СД вместе с литовцами уничтожила 6 тысяч евреев, он потребовал у фон Бока предать участников опергруппы суду и расстрелять. Его протест вновь остался без внимания. В 1942 г. непосредственным начальником Трескова был генерал-фельдмаршал Ганс Клюге, которого Карл Герделер стремился перетянуть на сторону Сопrotивления. Герделер писал Клюге, что считает приемлемый мир возможным и готов нести за его заключение всю политическую ответственность, поскольку с Гитлером, которого он именовал не иначе как «преступником и глупцом», никто не сядет за стол переговоров⁶³⁹. Когда осенью 1942 г. Герделер посетил фельдмаршала фон Клюге в штабе группы армий «Центр», фон Тресков еще питал иллюзии в отношении возможного исхода войны на Восточном фронте⁶⁴⁰. Фон Тресков в беседе с Герделером сказал, что группа армий «Центр» способна в летнюю кампанию 1943 г. дойти до Казани. Герделер тогда смог убедить полковника в том, что победа на Востоке невозможна из-за катастрофического положения экономики рейха. Под впечатлением статистических выкладок Герделера у фон Трескова «как будто пелена спала с глаз». В конце ноября 1942 г. фон Тресков и Ольбрихт встречались с Герделером в Берлине. На этот раз Герделер не ограничился экономической

аргументацией при обсуждении положения, но указал на политическую и моральную изоляцию Третьего Рейха. 13 марта 1943 г. фон Тресков подложил в самолет Гитлера бомбу, но взрыватель не сработал. Изъяв пакет с бомбой, факт покушения удалось скрыть. 25-летний капитан Аксель фон Бусше решил убить Гитлера во время посещения тем выставки новых образцов обмундирования для Восточного фронта в декабре 1943 г. Но, словно предчувствуя опасность, Гитлер на выставку не приехал.

Когда фон Тресков и Ольбрихт обсуждали, каким образом практически осуществить государственный переворот, они вспомнили о военном мобилизационном плане «Валькирия», который хранился в бронированных сейфах ОКХ в пригороде Берлина Цоссен. Этот план был разработан Генштабом на случай массовых беспорядков в рейхе из-за восстания иностранных рабочих и военнопленных, согнанных в Германию со всех концов Европы. План «Валькирия» предназначался для борьбы с противниками режима, а заговорщики решили его использовать прямо противоположным образом. Это был удачный ход, поскольку сразу отпадала необходимость в сложной конспирации и разработке мобилизационных планов для отдельных частей вермахта в ходе восстания. Конспиративные цели вливались в легальное русло оперативных приказов в условиях чрезвычайного положения, не вызывая при этом ни малейших подозрений. На любой недоуменный вопрос можно было резонно ответить, что — ввиду огромного скопления в рейхе иностранцев — меры предосторожности совершенно необходимы. С 7 по 12 августа 1943 г. фон Тресков и Ольбрихт полностью переделали первоначальную «Валькирию» и в дополнение к армии запаса (*Ersatzheere*), которая должна была играть главную роль, внесли в планы и части вермахта, которые находились на территории рейха на отдыхе или на переформировании. Четкое военное планирование было необходимо по той причине, что переворот задумывали не как социальную революцию (для этого не было никаких предпосылок), а как исполнение солдатского долга, для кото-

рого характерна четкая дисциплина и иерархия. После убийства Гитлера заговорщики планировали передать исполнительную власть командующим военными округами. Всех гауляйтеров, имперских штатгальтеров, министров, высших чинов СС, оберпрезидентов, полицей-президентов, высших чинов полиции, руководство пропагандой и крайсляйтеров предполагалось арестовать.

Поскольку фельдмаршал фон Клюге первоначально категорически отказался сотрудничать с заговорщиками, то фон Тресков обратился к бывшему послу в СССР графу Фридриху фон Шуленбургу. Тот согласился присоединиться к заговору. Не откладывая дело в долгий ящик, фон Тресков сказал, что на участке группы армий «Центр» будет подыскивать подходящее место, чтобы обеспечить бывшему послу контакт с советской стороной⁶⁴¹. Намерение заговорщиков подписать сепаратный мир с СССР было единственно возможным способом избежать военного поражения. Дело в том, что на Западе такой мир был невозможен. Как доказал немецкий историк Андреас Хильгрубер, Черчилль еще 26 августа 1942 г. принял принципиальное решение о ликвидации Германии как фактора имперского соперничества в Европе и в мире. В феврале и в августе 1942 г. в Форин оффис (английское МИД) было принято решение о послевоенных территориальных изъятиях у Германии и об изгнании немцев из Восточной Пруссии. Это означало, что Запад боролся не только против Гитлера, но и за уничтожение Германии как суверенного национального государства и империи. Поэтому немецкое Сопротивление для Запада не представляло никакого интереса и не могло считаться равноправным партнером. Советский Союз, напротив, в 1943 г. предпринимал тайные попытки зондирования на предмет переговоров с немцами.. Сейчас уже невозможно определенно сказать, то ли это был отвлекающий маневр Сталина, то ли он страховался, не полностью доверяя своим западным союзникам⁶⁴².

Фон Тресков убеждал фон Шуленбурга, что дело не терпит отлагательства — советские войска взяли Харьков

и вышли к Днепру; дальнейшие их успехи на Восточном фронте сделают для Сталина переговоры с немецкими представителями бессмысленными. Фон Шуленбург согласился с доводами фон Трескова, но поставил свою позицию в зависимость от мнения Герделера, который сдержанно отнесся к идее переговоров со Сталиным. Основную ставку Герделер делал на контакты с Западом. Между тем вермахту едва удалось избежать «второго Сталинграда», когда в течение 12 дней 1-я танковая армия генерал-полковника Хубе была заключена в клещи в районе Каменец-Подольского. 8 апреля 1944 г. с большим трудом армия пробилась на запад и присоединилась к группе армий «Северная Украина».

Планы Крайзауэровского кружка графа Гельмута фон Мольтке носили реформистский характер: возрождение Германии в новых условиях должно было последовать с опорой на рабочий класс и церковь; старые классовые противоречия должны быть стерты. Йорк фон Вартенбург описал фон Штауффенбергу цели Крайзауэровского кружка. Члены кружка отвергали гитлеровскую диктатуру, но при этом критически относились к намерениям Герделера, считая его «дилетантом» и «авантюристом»; также они не одобряли заговорщическую тактику офицеров, примыкающих к Герделеру. Они утверждали, что после убийства Гитлера начнется анархия, которую заговорщики не смогут преодолеть. Ничего конкретно не предпринимая, члены Крайзауэровского кружка иронизировали по поводу лихорадочной активности фон Штауффенберга⁶⁴³. Не случайно прагматичный и трезвый пруссак Фридрих-Дитлоф фон Шуленбург в раздражении сказал фон Штауффенбергу, что члены Крайзауэровского кружка его не понимают — теоретическими и литературными дебатами в обществе ничего не изменишь. Штауффенберг с ним согласился, полагая, что теоретические дебаты уместны лишь в том случае, если они ведут к каким-либо конкретным действиям и изменениям. Он отказался от дальнейших контактов с Крайзауэровским кружком — и вовремя: в начале января 1944 г. гестапо арестовало его членов.

В начале января 1944 г. Герделер смог привлечь к участию в заговоре обергруппенфюрера СА графа Вольфа фон Хельдорфа. Хельдорф, в свою очередь, привлек шефа уголовной полиции группенфюрера СС, генерал-лейтенанта полиции Артура Небе⁶⁴⁴. Что касается Небе, то он был чрезвычайно компетентным специалистом, аналитиком и знатоком уголовного мира. После того как уголовную полицию включили в РСХА, он стал генералом СС. Когда началась война с СССР, его во главе опергруппы полиции безопасности и СД отправили на Восточный фронт (как известно, эти команды СС имели целью истребление партийных и советских работников и евреев). Небе с группой полицейских из 12 человек планировал убийство Гимmlера⁶⁴⁵.

Помимо Небе, большую помощь заговорщикам оказывал сотрудник РСХА Бернд Гизевиус. После войны Гизевиус написал книгу, которая пролила свет на многие детали консервативного заговора против Гитлера, правда, этот документ у современных исследователей вызывает сомнения в его достоверности.

Среди заговорщиков были представители известных немецких семей — граф Гельмут Мольтке, граф Альбрехт Бернсторф (племянник посла Германии в Вашингтоне), барон Карл Людвиг фон Гуттенберг (издатель ежемесячного католического журнала), пастор Дитрих Бонхоффер — потомок знаменитых клерикалов-протестантов, Хеннинг фон Тресков — из семьи прусских военных, в которой был 21 генерал, включая его отца, граф Клаус фон Штауффенберг вел свой род от прусского генерала-фельдмаршала графа Вильгельма Гнейзенау, Адам фон Тротт цу Зольц — сын прусского министра культуры, его мать была дочерью генерала фон Швейница — прусского посла в Вене и в Санкт-Петербурге. После покушения 20 июля 1944 г. было арестовано и казнено около 200 человек, среди них 19 генералов, 26 полковников и подполковников, два посла, 7 дипломатов, 1 министр, 3 государственных секретаря, шеф уголовной полиции, несколько оберпрезидентов, полицей-президентов, регирунгспрезидентов⁶⁴⁶.

Одну из групп Сопротивления возглавил Эвальд фон Клейст (потомок великого немецкого писателя), который тесно сотрудничал с известным прусским мыслителем Эрнстом Никишем и Фабианом фон Шлабрендорфом — молодым юристом, правнуком барона фон Штокмар, бывшего личным врачом и советником королевы Виктории.

После того как фон Тресков и Ольбрихт привлекли к делу Штауффенберга, он стал «мотором» заговора и расширил круг участников. К маю 1944 г. в заговор так или иначе было посвящено около 150 человек. Для государственного переворота этого было вполне достаточно; дальнейшее расширение числа посвященных могло привести к провалу. Проблема состояла в том, что убийство тирана было некому осуществить — доступа на совещания к Гитлеру никто из заговорщиков не имел (как думал фон Штауффенберг). И вот 25 мая 1944 г. фон Штауффенберг узнал, что генерал-полковник Фромм, командующий армией резерва, решил сделать его начальником своего штаба. Это означало, что с июня фон Штауффенберг будет иметь возможность регулярно присутствовать на совещаниях у Гитлера⁶⁴⁷.

7 июня 1944 г. фон Штауффенберг впервые лично встретился с Гитлером. Он с удивлением обнаружил, что в присутствии Гитлера никаких ограничений в передвижении для посторонних нет — оказалось, что прежние уверения коллег Штауффенберга о том, что приблизиться к диктатору невозможно — ложь. Вплоть до 20 июля 1944 г. (день покушения) никто не контролировал содержание портфелей, у офицеров даже не отбирали личное оружие. В принципе, любой офицер ОКХ мог застрелить Гитлера из пистолета⁶⁴⁸. Несмотря на то что многие заговорщики имели доступ к Гитлеру — Хельмут Штиф, Йоахим Мейхснер, Эрих Фелльгибель, а также генералы Фриц Линдеман и Эдуард Вагнер, фон Штауффенберг сказал, что он все сделает сам.

20 июля 1944 г. в 12.42 в Растенбурге взорвалась бомба. В полу образовалась воронка в 58 см, окна вместе

с переплетами были вырваны, но Гитлер остался невредим⁶⁴⁹, хотя семь офицеров рядом с ним погибли. Первым на фон Штауффенберга указал оберфельдфебель Вернер Фогель, за что и получил повышение в звании до обервахмистра, 20 тыс. рейхсмарок и квартиру в Берлине⁶⁵⁰. Так начальство оценило его бдительность.

Когда стало ясно, что заговор провалился, а генерал-полковник Людвиг Бек покончил жизнь самоубийством, генерал-полковник Фридрих Фромм, чтобы спасти собственную жизнь, приказал расстрелять во дворе военного министерства главных активистов заговора — Клауса фон Штауффенберга, Фридриха Ольбрихта, Альберта фон Квирнхейма и Вернера фон Хефтена⁶⁵¹. Впрочем, это спасло вышеназванных участников заговора от последующего следствия и издевательств «народного суда». Напротив, Фромма его предательство от смерти на виселице не спасло.

Затея с убийством Гитлера была отчаянной попыткой консервативного Сопротивления как-то спасти положение, хотя признать этот план полностью адекватным трудно. Да и объективные предпосылки к развалу нацистского режима совершенно отсутствовали. Это становится понятно, если вспомнить обстоятельства отставки Муссолини. Режим Муссолини пал 25 июня 1943 г., и это произошло с поразительной легкостью — ничего подобного не могло быть в Германии. Дело в том, что в Германии не было коллективного руководящего органа нацистского режима (как «большой фашистский совет» в Италии), не было независимой от партии и фюрера политической инстанции (каковой в Италии был король), партийная элита и СС остались лояльны Гитлеру. Даже если немецкие генералы смогли бы договориться и действовать вместе, их авторитета не хватило бы для того, чтобы противостоять авторитету Гитлера среди большинства офицеров среднего звена и рядовых вермахта и СС. Кроме того, среди итальянцев война была крайне непопулярна, потому что она принесла перебои со снабжением; к тому же для Италии она складывалась крайне неудачно. Снабжение

же немецкого населения продуктами питания было организовано несравненно лучше (за счет ограбления Европы). Нельзя забывать и о том, что до самого конца Гитлер был более значительной и интегральной политической фигурой, чем Муссолини.

Помимо консервативного Сопротивления, были и спонтанные попытки героев-одиночек противостоять нацизму: к примеру, 8 ноября 1938 г. на Гитлера покушался Йоганн Эльзер. В начале января 1942 г. ученый-инженер Ханс Куммеров покушался на убийство Геббельса. Маскируясь под рыбака, он попытался смонтировать бомбу под мостом, по которому должен был проехать Геббельс, но был арестован и расстрелян по решению «народного суда»⁶⁵². Только в 1936 г. гестапо зарегистрировало 1 643 000 листовок, в 1937 г. — 927 000. Более 1 млн немцев в 1933—1945 гг. на разные сроки сажали в концлагеря, 40 тыс. немцев были казнены по судебным приговорам, десятки тысяч — без всяких приговоров. Особые суды с почти неограниченными полномочиями приговорили к смерти 12 тыс. немцев, военно-полевые суды — 25 тыс. солдат (для сравнения — военные трибуналы западных стран вынесли всего 300 смертных приговоров, только часть из которых была приведена в исполнение)⁶⁵³.

В отличие от внешнеполитического и военно-политического прагматизма Герделера, мюнхенская студенческая группа Сопротивления «Белая роза» с лета 1942 г. апеллировала в своих листовках не к политическим соображениям, а к морально-этическим проблемам: «В немецком народе началось брожение — имеем ли мы право и дальше оставлять судьбу армии в руках дилетанта? Можем ли мы жертвовать остатками нашей молодежи ради бессовестной партийной клики? Никогда! День расплаты настал, немецкая молодежь должна рассчитаться с отвратительным тираном, которого народ до сих пор терпит. Во имя немецкой молодежи мы требуем вернуть личную свободу, самое бесценное сокровище всех немцев, ради которого нас и обманули»⁶⁵⁴.

Духовным наставником активистов «Белой розы» был профессор философии Мюнхенского университета, убежденный антинацист Курт Хубер, который под впечатлением критики нацизма епископа города Мюнстера написал листовку, размножил ее и стал тайно распространять среди студентов. Эта листовка попала в руки студентов с такими же воззрениями; в результате возникла группа Сопrotивления, которая занималась исключительно распространением листовок. В эту группу вошли Ганс Шолль, его сестра Софи (казнены 22 февраля 1943 г.), Вилли Граф, Кристоф Пробст, Александр Шморелль и упомянутый профессор Хубер. О чрезвычайно требовательном отношении к обществу и себе, а также о высоком чувстве моральной ответственности за будущее Германии свидетельствует переписка брата и сестры Шолль⁶⁵⁵.

Известие о неудовольствии в студенческой среде дошло до баварского гауляйтера Гейслера, который решил лично отвратить студентов от инакомыслия. В своем выступлении Гейслер пожурил студентов за упадок морали, недостаточную преданность фюреру и предложил им использовать студентов для воспроизводства будущих граждан Третьего Рейха, а не мутить воду. При этом Гейслер намекнул, что сам бы не прочь им посодействовать. Студентов речь Гейслера довела до бешенства, и они набросились на Гейслера и его охрану. В Мюнхене начались уличные беспорядки, на стенах домов стали появляться надписи «долой Гитлера!» Гестапо поначалу никак не могло найти инициаторов и участников группы, но вскоре агент гестапо, работавший уборщиком в университете, выдал Ганса и Софи Шолль и их друга, которые с балкона университета разбрасывали листовки. Они предстали перед публичным судом 18 февраля 1943 г.; председательствовал в суде Роланд Фрейслер, студенты были приговорены к смертной казни и обезглавлены. Скоро были арестованы и казнены остальные члены группы «Белая роза», в том числе и профессор Хубер, который в своем заключительном слове на судебном процессе также подчеркивал прежде всего моральные побуждения активистов своей

организации: «Возвращение к ясным моральным основам, к правовому государству, к взаимному доверию людей по отношению друг к другу — это не только не преступно, но и необходимо для возрождения законной нормы жизни. Для всякой внешней законности и правопорядка есть последняя граница, за которой уже исчезает право и мораль. Именно тогда мнимая законность становится прикрытием трусости, боязни открыто выступить против очевидных нарушений права»⁶⁵⁶. Слухи о мюнхенских событиях циркулировали по Германии — говорили о «большой демонстрации мюнхенских студентов», о массовых расстрелах⁶⁵⁷. Сестра Ганса и Софи Шолль Элизабет Хартнагель в 2003 г. рассказывала, что после ареста Ганса и Софи жители Ульма, где она жила, перестали ее замечать. От нее отвернулись даже друзья, которые говорили: «Не появляйся у нас, в этом нет ничего личного, просто так будет лучше для всех». Элизабет с большим трудом удалось найти адвоката, ей сразу было отказано в аренде жилья: «предателям народа жилье не сдается»⁶⁵⁸.

Еще одной группой молодежного Сопротивления были «Пираты эдельвейса» (*Edelweisspiraten*). 13 членов этой группы были арестованы в Мюнхене и без всякого судебного разбирательства публично казнены в ноябре 1944 г. Помимо прочего, «Пираты эдельвейса» снабжали советских военнопленных продуктами питания.

Выводы

В итоге главы о Сопротивлении следует указать, что более 1 млн немцев между 1933 и 1945 гг. прошли через концлагеря; 40 тыс. было казнено по судебным приговорам, десятки тысяч — без приговоров. Разумеется, не все репрессированные были убежденными борцами, многие репрессированные немцы пострадали не за убеждения, а по различным формальным поводам, но ни от одного человека нельзя требовать или ожидать мученичества, это нереально, негуманно и невозможно. Достаточно пред-

ставить себе: началась война — и каждый человек должен был сразу определить собственную позицию к этой войне и сообразно ей действовать, то есть путем саботажа или дезертирства препятствовать ей. Такой мгновенной реакции нельзя ожидать от нации в целом, тем более что тоталитарная действительность по человеческим измерениям была самым постыдным временем, в котором торжествовали низменные инстинкты, грубость, ложь, оппортунизм, трусость. Шансы на то, что какая-либо фронда, не говоря уже о прямом сопротивлении режиму, останется безнаказанной, были ничтожны; Сопротивление в этих условиях имеет очень высокую пробу. Немецкое Сопротивление снимало коллективную вину с немцев — графиня Марион Денхоф, которая лично знала многих борцов немецкого Сопротивления, резонно указывала: «Факт существования движения Сопротивления доказывает, что Сопротивление в принципе было возможно, другой вопрос — могло оно иметь успех или нет. Факт существования этой оппозиции разбивает тезис о коллективной вине всех немцев за нацизм. Вместе с тем эта вина тем большим грузом ложится на тех, кто не принимал участия в Сопротивлении»⁶⁵⁹.

Рассматривая специфику немецкого Сопротивления, нельзя упускать из виду, что оно было социально изолировано — лишь немногие оппозиционеры (например, Юлиус Лебер, депутат рейхстага, или Карл Герделер, бургомистр Лейпцига и имперский комиссар по ценам) имели политический опыт и опыт общения с массами. Большая часть людей Сопротивления относилась к дворянству и крупной буржуазии, то есть это были люди, не имевшие каких-либо связей и корней в простом народе. Их бунт был отчаянным и смелым поступком, но это был всего лишь последний бой представителей сословий, которые практически сошли со сцены, поэтому им нечего было противопоставить нацистской преступной энергии, динамике и хитрости.

Огромное значение немецкого Сопротивления заключается еще и в том, что от него ведет свою политическую

традицию современная немецкая политическая культура, в этом смысле немецкое Соппротивление — это, собственно, предыстория современной Германии. Со времен антинацистского Соппротивления в Германии в общественном мнении страны глубоко укоренилась мысль о необходимости констатации права на Соппротивление. Поэтому в 1968 г. в дополнение к «Основному закону» статьей 20(4) было заявлено право немцев на сопротивление разрушению демократического порядка в Германии, «если не могут быть приняты другие меры»⁶⁶⁰.

Эпилог

Предпочитаю любить людей, а не все человечество...

Предпочитаю не утверждать, будто разум всему виною...

Предпочитаю таких моралистов, которые мне ничего не сулят...

Предпочитаю страны завоеванные странам - завоевателям...

Предпочитаю ад хаоса аду порядка...

(Вислава Шимборска)

«К выводу приходят тогда, когда устают думать».

(Мартин Фишер)

Американский историк Джон Лукач писал, что если в художественном фильме немецкий солдат говорит, что верит в Гитлера, то нашему современнику это автоматически дает повод его осуждать, он — плохой. Напротив, продолжает Лукач, если американский солдат в том же кино говорит, что он верит в демократию и ненавидит нацистов: мы думаем он — хороший. «Это, — утверждает Лукач, — слишком просто. Тот немецкий солдат, может быть, хорошо относился к пленным. Американский солдат, может быть, нет. Имеет значение именно то, что люди делают, как они поступают. Идеи немца и американца не

являются непоследовательными, но я буду снова и снова настаивать: то, что люди делают со своими идеями, важнее того, что идеи делают с ними»⁶⁶¹. Эта модель может быть применена к истории немецкой культуры в период Третьего Рейха, когда «идеи» нацизма (безусловно отвратительные и обструкционистские) в жизни реализовывались **по-разному**, и разные люди воспринимали эти «идеи» **по-разному**, а также и действовали они на разных людей **по-разному**. Это справедливо даже по отношению к советской системе унификации и контроля, которая — так же как и нацистская — никогда не была в полной мере «тотальной», то есть исключаящей разницу в отдельных человеческих поступках и реакцию на власть и ее действия. В значительной мере термин «тоталитаризм» — это скорее метафора, указывающая на самое существенное теоретическое отличие этой системы от либерального плюрализма, который тоже довольно трудно идентифицировать и прогнозировать его последствия в разных ситуациях и политических культурах. Для того чтобы иметь ясные представления о конкретных проявлениях нацизма, фашизма или большевизма, нужно изучать их по существу, а не подгонять под какие-то схемы, пусть даже мотивированные морально. В этом отношении любопытнейшую и очень плодотворную мысль высказал французский философ Мишель Фуко, который утверждал, что для того, чтобы общественная практика стала гуманнее, надо полностью изгнать гуманизм из теории. На самом деле, гуманизм как официальная теория давно уже служит инструментом сохранения статус-кво, и освобождение от него в теории позволяет пристальнее присматриваться к стратегии и тактике властей и использовать их для проведения в жизнь конкретных гуманистических проектов⁶⁶². Так и для историка важно, во что конкретно выливаются те или иные действия, а моральная их оценка дело совсем не сложное: она, как правило, лежит на поверхности, и никого принуждать к ней категорически нельзя — это может вызвать обратную реакцию. Моральная оценка должна быть следствием, а не посылкой изучения

истории, поскольку на практике оказывается, что отличия одной политической системы от другой не всегда ясно различимы. Это видно на материале истории искусства при нацистах, а также по морально-этическому измерению жизни немецкого общества в Третьем Рейхе. Разница определялась очень многими факторами — начиная от особенностей отдельных личностей и кончая устойчивостью традиционных ценностей в разных слоях общества и пр. В этой связи всякая генерализация или типизация поведения отдельных людей или общественных групп неизбежно будет иметь очень условный характер. Поэтому однозначно и прямо характеризовать истинное положение дел в Третьем Рейхе в сфере культуры и общественных реакций на нацистскую идеологию невозможно. В этой сфере классифицировать, обобщать, сводить к единообразию — значит ошибочно принимать внешнее за сущность, дробить живое единство искусственным анализом. Процесс поиска истины в такой ситуации исключительно сложен — это точно выразил австрийский публицист Элиас Канетти: «Истина — это море травинки, колыхающихся под ветром; она хочет, чтобы ее ощущали как движение, втягивали как дыхание. Скала она лишь тому, кто не чувствует ее, не дышит ею; такой может в кровь биться о нее головой»⁶⁶³.

В процессе поиска истины во внешне сложных и неоднозначных ситуациях Раймон Арон различал интенции судьи, ученого и философа. Первый стремится выяснить кто (или что) виноват? Второй ведет к установлению постоянных связей сосуществования и последовательности. Третий стремится сблизить, соединить обе первых, поставив каждый на свое место в системе социального детерминизма⁶⁶⁴. Последовательно вставая на перечисленные позиции, в первом случае следует ответить, что виноваты фюрер и политическая система Третьего Рейха. На вопрос ученого нужно ответить, что какой-либо жесткой последовательности в эволюции культурной жизни в ответ на непоследовательные действия политической власти и не могло быть. Интенция же философа выливается

в утверждение значимости культурной традиции на фоне неопределенности нацистских политических требований к культурной сфере и неоднозначности происходившего в культуре Третьего Рейха.

На самом деле, каких-либо фундаментальных изменений в сфере науки, образования, в сфере отношения немцев к религии, в обычной массовой культуре современного общества нацисты не успели произвести. Во всех без исключения сферах культурной и духовной жизни (образование, искусство, церковь) нацистские преобразования носили явно половинчатый характер, в отличие от Советского Союза, где культурная революция носила более последовательный характер. Венгерский философ Акош Силади писал, что источник различий между нацистской и сталинской тоталитарными культурами кроется в том, что первая сохраняет денежную общность, ограничивая рыночный культурный панэстетизм политической сферой, эстетизирует не мир, а политику и поглощенный политикой мир. Сталинский же тоталитаризм уничтожил денежную общность, и тем самым вернул общество к предсовременному состоянию. Сталинская тоталитарная культура работала не для масс потребителей, а для масс верующих. В сталинской культуре и мысли не могло возникнуть о том, что надо что-то продавать, и что те, для кого этот товар изготовлен, могут решать, купить его или нет⁶⁶⁵. В нацистской же культуре рыночный спрос продолжал быть актуальным.

Если обратиться к сфере образования в Третьем Рейхе, то видно, что фундаментальных структурных перемен здесь не было произведено, но произошел всего лишь перенос акцентов с концентрации на содержательной стороне обучения (чем всегда славилась немецкая система образования) на воспитательную — понятно, в каком направлении. Искомая унификация среднего образования нацистами хотя и была произведена, но не до конца — кое-какие лазейки остались. К тому же не следует забывать о борьбе компетенций в Третьем Рейхе — она также отразилась на состоянии и структуре образования. Даже

ликвидация смешанного обучения не была осуществлена последовательно и повсеместно.

В университетах и науке также, несмотря на популярность национал-социализма среди студентов, оставалась дистанция по отношению к Третьему Рейху. Крупные немецкие ученые относились к нацизму снисходительно и не считали его в полном смысле слова респектабельным. Евреи, составлявшие значительную часть немецкой ученой элиты, по большей части эмигрировали или были лишены работы, а оставшиеся маститые немецкие ученые, хотя в целом бесхарактерно и попустительски отнеслись к удалению коллег-евреев, но сохраняли дистанцию по отношению к нацистской идеологии. Каких-либо коллективных деклараций или выступлений ученых в поддержку режима не было. Это, впрочем, не означало сохранение традиционной для Запада академической автономии — немецкие профессора, традиционно очень влиятельные в Германии, при нацистах постепенно утратили контроль в вопросах научной квалификации и назначений на должность, в вопросах формирования учебных программ и курсов, а также в самоуправлении университетов. Вследствие этого, в университетах имело место перенасыщение программ идеологическими курсами, часто высосанными из пальца. Уже одно то, что ректоры стали носить титул «университетский фюрер», говорит о многом. Такое положение стало следствием конформизма большинства немецких ученых — знания и ученость не влекли за собой автоматически высокую моральную чуткость (ради справедливости следует сказать, что некоторые исключения были и здесь — Макс Планк, Вернер Гейзенберг, некоторые другие ученые). В целом, нельзя недооценивать консерватизма в ученой среде — он, по всей видимости, и спас немецкий академический истеблишмент от окончательного грехопадения. Впрочем, как уже говорилось выше, сами нацисты презрительно отзывались о «гнилой интеллигенции» и ни во что ее не ставили.

Итоги политики нацистов в сфере культуры также не могут быть расценены однозначно: в эстетической поли-

тике нацистов, наряду со стремлением к унификации вкусов и пристрастий, имели место неоднозначные решения и действия. Некоторые из них можно даже считать привлекательными и адекватными, поскольку они не только не прервали немецкой культурной традиции, но способствовали поступательному ее развитию. Кроме того, как было показано выше, в Германии, помимо нацистского эстетического официоза, продолжало существовать во «внутренней эмиграции» и подлинное искусство. Поэтому с полным правом можно сказать, что не контрасты и разделительные линии определяли развитие немецкого искусства в рассматриваемый период, а нюансы и едва определимые тенденции, которые часто трудно как-либо оценить с точки зрения социальной истории. В отличие от СССР, где новая тоталитарная культура имела революционное происхождение и самоутверждалась как именно революционная культура, в нацистской Германии на культурную сферу во многом продолжала влиять рыночная стихия массового общества⁶⁶⁶.

С другой стороны, есть некоторые нюансы, позволяющие говорить о собственно нацистском искусстве, которое было важной частью создания нацистами искусственной действительности с ее пафосом силы, культом героев, превознесением подвига, возвышенным и напряженным восприятием истории. Для многих немцев и немцев нацизм был, прежде всего, необычайно ярким эстетическим переживанием. В 1980 г. Сюзан Зонтаг в сборнике «Под знаком Сатурна» опубликовала статью под странным на первый взгляд названием «Очаровывающий фашизм» (*Fascinating Fascism*)⁶⁶⁷. Она писала, что крупной ошибкой было бы считать причиной возвышения и усиления нацизма только насилие и жестокость. Гораздо больше у нацизма от идеалов жизни как искусства, от культа красоты, от фетишизации героизма и мужества, от экстаического чувства общности, от отвержения интеллектуализма. Переход от возвышенной романтики к политическому насилию на практике часто трудно заметить. Старейшина немецких историков XX в. Фридрих Майнеке,

который всю жизнь занимался сложными отношениями между немецким романтическим национализмом и космополитическими веяниями, берущими начало в Просвещении, оставил интересное наблюдение. В конце войны он писал другу: «Мне постоянно кажется, что судьбу Германии олицетворяет шиллеровский Деметрий: сначала чистый и благородный, под конец — преступный. Загадочно и в любом случае трагично. Никак не могу выбросить это из головы»⁶⁶⁸. Особенно зловещим образом традиционный немецкий романтизм исказили нацисты — немецкий филолог Виктор Клемперер указывал, что нацизм — это ядовитый отросток немецкой романтики, она виновата в его появлении, как христианство виновато в появлении инквизиции; романтика сделала нацизм специфически немецким явлением и отделяет его от фашизма и большевизма. Романтика нашла свое наиболее яркое выражение в расовой проблеме, которая, в свою очередь, наиболее последовательно проявилась в антисемитизме. Таким образом, еврейский вопрос для нацизма — это наиболее важный вопрос, он — его квинтэссенция⁶⁶⁹.

Романтические идеалы часто привлекают и наших современников. Американский историк Фрэнсис Фукуяма совершенно точно характеризовал современный культурный постмодернизм и его отражение в сознании людей: «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради абстрактных идей, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постмодернистский период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории... Перспектива многовековой скуки»⁶⁷⁰. Скука и стремление к экстремальным эмоциям в некоторых отношениях может помочь объяснить притягательность фашистского искусства и для наших современников, не говоря уже о немцах 30—40 гг. В те времена немцы по большей части были аполитичны и питали недо-

верие к политикам по причине корыстной и торгашеской деятельности партий Веймарской республики. Гитлер же предложил им спасение в искусстве и мифе. Он сам себя считал скорее художником, чем политиком; он находился под впечатлением слов Хьюстона Стюарта Чемберлена о собственной персоне: «идеальная политика заключается в ее отсутствии». Гордон Грейг подметил, что, приняв эти слова близко к сердцу, Гитлер подменил обычные прозаические цели политики грандиозной концепцией немецкого предначертания и придал эстетическое значение политическим ритуалам посредством их драматизации⁶⁷¹. Степень причастности разных видов искусства к этой драматизации была различной — это зависело от того, как пропагандистская машина Третьего Рейха их хотела использовать. Даже Олимпийские игры были включены нацистами в политический ритуал, имевший целью нацистскую идеологическую экспансию. Впрочем, это не был единственный инцидент такого рода с Олимпийскими играми. В 1980 г. в Москве и в 1984 г. в Лос-Анджелесе Олимпийские игры также были политизированы и превращены в идеологическое шоу, похожее на то, что было в Берлине в 1936 г. Как только спорт из соревнования и праздничного зрелища превращается в парад престижа и часть политического ритуала, он становится своей противоположностью — отравой для души и разума.

Сфера пропаганды стоит особняком в культурной жизни Германии рассматриваемого времени, и достижения Геббельса и Гитлера в этой сфере (если абстрагироваться от содержания пропаганды) следует считать выдающимися и не имеющими аналогов в мировой истории. Цитированное выше высказывание — «война, которую Гитлер выиграл» — следует считать справедливым. Причина этой победы заключается в том, что основное зло современного общества состоит не в большом количестве людей, а в том, что либеральному строю не удалось создать необходимое для большого общества органическое членение. Тоталитарные же системы смогли сформировать такое членение, которое служило их интересам,

поскольку установлено (на это указывал Карл Мангейм), что большое количество людей, организованное или разделенное на группы, реагирует в психологическом отношении иначе, чем те же люди, выступающие как неорганизованная масса⁶⁷².

В пропаганде нацистского режима впервые проявилось то, что ныне составляет самую неприятную черту современного массового общества, одним из проявлений которого и был Третий Рейх. Это суждение может показаться странным, но, как писал Лукач, «в настоящее время демократия стала столь же повсеместной, сколь и гнетущей вследствие популярности, основанной на самых низких стандартах, когда сама популярность подвержена манипулированию, и ее можно производить при помощи машины паблисити. Соревнование в популярности стало соревнованием в паблисити — это особенно зловредная деградация»⁶⁷³. Конформизм и бесцветность, к которым рано или поздно приводит демократическая уравниловка, очень похожа на конформизм и уравниловку тоталитарной системы. Разумеется, ни один порядочный человек не будет сомневаться и сожалеть о том, что демократические принципы и институты интенсивно распространяются по всему миру, но нельзя не видеть, что вследствие давления средств массовой информации воспроизводятся низкие стандарты вкусов и пристрастий. Особенно интенсивно и эффективно вкусы, пристрастия и ценности насаждались в Третьем Рейхе. Публичное общественное мнение в Третьем Рейхе было почти совершенно парализовано и могло найти выражение только в частных, личных отношениях — в прочих отношениях давление пропагандистских стереотипов было исключительно устойчивым. Главный урок из такого развития в том, что общество, стремящееся избежать такой ситуации, должно, с одной стороны, следить за соблюдением свободной конкуренции в средствах массовой информации, а с другой стороны, не допускать низких культурных стандартов и явного снижения художественного вкуса. Впрочем, эти два условия соблюдности

очень трудно, поскольку даже по внешней видимости они полярны — одно практически исключает другое...

В Третьем Рейхе более или менее успешно конкурировать с вездесущей и оперативной пропагандой могла только церковь — единственный, помимо НСДАП, общественный институт, который имел мировоззренческий характер. Историк, занимающийся тоталитаризмом (немецким либо советским), на каждом шагу натывается на религиозные феномены — идет ли речь о праздниках или празднованиях, в которых все вращается вокруг культа личности (или культа мертвых), религиозных символов, эмблем, знаков. Даже в оформлении повседневной жизни тоталитарные режимы весьма близки к античной потребности сблизить культовое и политическое, преодолевать коренящийся в христианстве дуализм личности и общества. Поэтому нет ничего удивительного в несовместимости и столкновении тоталитаризма и религии. Это столкновение в период «нацистской революции» (первые полтора года нахождения Гитлера у власти) действительно носило весьма острый характер; в 1935—1945 гг. имело место последовательное обострение отношений церкви и государства: по мере радикализации нацистского режима росло и его давление на церковь. В процессе борьбы с церковью в одинаковой степени страдали и протестанты, и католики. Сам Гитлер во время войны старался не вмешиваться в религиозные дела, что соответствовало его инстинктивному и одновременно тщательному организованному «институциональному дарвинизму». В делах религии он вел себя более дальновидно, чем большевики — они проводили жесткую репрессивную политику, которая привела только к углублению религиозных чувств: как говорил Конфуций, «истинные верующие появляются во времена безверия» (то есть наиболее благоприятной для морального утверждения религии является враждебная среда). Нельзя сказать, что за нонконформизмом верующих всегда стояла оппозиция режиму, речь шла о церковном и культурном самосохранении, а не об активном политическом сопротивлении. С другой стороны, Гитлер

прекрасно понимал, что верующие составляют важную часть немецкого общества, и ему не хотелось терять их политическую поддержку. Немецкий историк Брахер совершенно справедливо подытожил гитлеровскую политику по отношению к церкви: «Гитлер был слишком прагматичным и слишком заикленным на имперских целях политиком, чтобы создавать себе в лице церкви лишнюю оппозицию»⁶⁷⁴. Церковь же, со своей стороны, в тяжелые годы нацизма смогла уберечь в человеческих душах нравственные ростки, которые дали всходы в послевоенное время.

В отличие от христианских церквей, немецкое Сопротивление смогло набрать ясную моральную и политическую дистанцию по отношению к нацистскому режиму и создать морально-этический фундамент существования будущей немецкой демократии — именно в этом и состоит его основное достижение. Немецкое Сопротивление подтвердило высказывание блестящего российского публициста XIX в. Василия Петровича Боткина: «Германия воспитывалась теоретической отвагой, а это необходимо должно вести к практической отваге»⁶⁷⁵. Эта отвага, однако, не появилась сама собой: чтобы ее проявить, нужны были огромные усилия воли. Один из персонажей романа Джозефа Конрада «Лорд Джим» заменил первую фразу «Общественного договора» Руссо — «*L'homme né libre*» (человек появился на свет свободным) на «*L'homme né poltron*» (человек появился на свет трусом). То есть ради Поступка человеку нужно еще преодолеть себя.

Тяжелейшему и сложнейшему вопросу ответственности немцев за нацизм в послевоенной ФРГ уделяли очень много внимания. Вскоре после окончания Второй мировой войны последовательный и твердый противник нацизма Карл Ясперс опубликовал книгу «Вопрос о германской ответственности» (М., 1999). В этой книге Ясперс различал четыре категории ответственности — уголовную, политическую, моральную и метафизическую.

Уголовная ответственность состоит в объективно доказанных действиях, нарушающих недвусмысленные законы. Инстанцией является суд, который с соблюдением

формальностей точно устанавливает состав преступления и применяет соответствующие законы. Эта категория виновности позволяет избежать возложения ответственности на весь народ: убийства совершали не все немцы, но конкретные люди, которые и должны быть наказаны. Если будут наказаны конкретные люди, бремя ответственности не будет тяготеть над всеми. Кроме того, возложение ответственности на всех ведет к размыванию вины: если ответственны все, значит, не ответствен никто...

Политическая ответственность по Ясперсу состоит в действиях государственных мужей и в принадлежности к гражданам этого государства, в силу чего каждый человек должен расплачиваться за последствия действий государства, под властью которого он находится и благодаря укладу которого существует. Даже в том случае, если кто-то из граждан не одобрял действий государства и, может быть, даже старался не допустить их, он должен отвечать за поступки своих лидеров.

Моральная ответственность заключается в ответственности за действия, которые человек совершил, это касается и политических, и военных действий. Нельзя просто сказать «приказ есть приказ». Любой поступок должен быть морально оценен.

Метафизическая ответственность, в понимании Ясперса, базируется на «солидарности между людьми как таковыми; солидарность делает каждого ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы не допустить их, я тоже виновен. Если я не рисковал жизнью, чтобы предотвратить убийства, но я при этом присутствовал, я чувствую себя виновным, и никакие юридические, политические или моральные объяснения тут не подходят. То, что после такого я продолжаю жить, ложится на меня неизгладимой виной». В трактовке Ясперса, метафизическая ответственность отличается от моральной вины тем, что распространяется не только на совершенное, но и на не совершенное человеком⁶⁷⁶.

От какого-либо вида ответственности не может быть освобожден ни один человек, живший в том обществе и в то время... Этот вывод, на первый взгляд, кажется чрезмерно ригористическим, но компромисс здесь недопустим...

По словам Ханны Арендт, самым печальным в истории немецкого Сопротивления было то, что «группы движения были крайне немощны»⁶⁷⁷. Политическая немощь немецкого Сопротивления имела объективную природу — дело в том, что обыденность тоталитарного государства сделала «невидимым» для немцев его моральную неполноценность. Последняя была явной только для немногих людей, обладавших острым моральным чувством и «зрением». Вместе с тем, в Третьем Рейхе до конца сохранялась возможность для неконформизма, жизнь содержала множество лазеек для ухода от идеологического партийного контроля и унификации. Тем более что и до войны и во время войны — вплоть до 1944 г. — жизнь в Германии была относительно комфортной: это выражалось в последовательном росте уровня жизни немцев за двенадцать лет нацизма.

Огромное значение для строительства новой Германии имело внутреннее преодоление тоталитаризма, а это очень непростая задача. Для немцев после войны стало чрезвычайно важно найти в близком прошлом какой-либо прецедент высокой моральной позиции (антинацистской). Собственно, в этом и заключается главное значение Сопротивления (именно от него ведет свою политическую традицию современная ФРГ) для современной немецкой действительности: в преодолении тоталитарного менталитета и наследия национал-социализма с его культурой, конформизмом, пассивностью и отсутствием гражданского общества.

ГЛАВА III

ЦЕРКОВЬ, НАЦИЗМ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

«Партия никогда не сможет заменить религию.

Против религии не нужно бороться, ей нужно позволить изжить саму себя».

(А. Гитлер)⁶⁷⁸

Верующие гитлеровской Германии рассказывали такую быль: нацистский функционер взял с кафедры священника тонкий стеклянный стакан и сказал, обращаясь к прихожанам, что после войны католическая вера разобьется так же, как стакан, и бросил его на пол. Стакан запрыгал по каменным плитам и не разбился⁶⁷⁹.

Нацизм и христианство – идеологическое противостояние

Христианская церковь и нацизм — это взаимоисключающие друг друга мировоззрения, совершенно различные морально-этические и идеологические системы, поэтому конфликт между церквями и режимом нетрудно было предвидеть, он был запрограммирован, ибо партия носила идеологический, мировоззренческий характер. Можно возразить — ведь в партийной программе был пункт о «позитивном христианстве», предусматривающий сотрудничество с церковью, но его следует рассматривать как тактический: с целью привлечения масс и организации единого с консерваторами фронта против левых (до прихода к власти Гитлера) и удержания (после 1933 г.) симпатий верующих.

Кроме собственно мировоззренческой позиции, церковь занимала и политическую позицию, которая необходимым образом должна была быть компромиссной. Иными словами, бескомпромиссная позиция церкви

в Германии по отношению к нацизму была невозможна уже в силу традиции. Церкви (особенно католическая) и прежде привыкли к компромиссу с государственной властью и никаких иллюзий в отношении сосуществования христианства и национал-социализма не питали, хотя до прихода нацистов к власти католические иерархи время от времени запрещали верующим вступать в НСДАП: в 1930 г. председатель Фульдской конференции епископов кардинал Бертрам впервые объявил одновременную принадлежность к партии и церкви несовместимой, а последний раз подобный запрет католических иерархов был обнародован 17 августа 1932 г. Отношение же к нацизму евангелической церкви следует дифференцировать: с одной стороны, между нацистами и консервативной частью протестантских священников было много общего (неприятие либерализма, демократии, парламентаризма), а с другой стороны, нацистам удалось расколоть протестантское движение, создав диссидентскую ДК (церковь «немецких христиан»), которая искренне надеялась осуществить «рехристианизацию» немецкого народа, поскольку (на их взгляд) еще в XIX в. церковь в значительной степени утратила контакт с простыми людьми. Поскольку католическая церковь в теологическом отношении являлась значительно более единой организацией, чем множество евангелических церквей Германии, то создать в католическом стане организацию, подобную ДК, было невозможно. Попытки, однако, все же были предприняты, но они почти не имели успеха. Гораздо больший эффект имело прямое обращение Гитлера к папскому престолу (в 1929 г. так же поступил Муссолини). Результатом такого обращения стало заключение в 1933 г. конкордата (договора, регулирующего правовое положение католической церкви в государстве и его обязательства по отношению к папскому престолу), при этом каждая из договаривающихся сторон исходила из различных представлений и ожиданий: каждая надеялась, что другая признает ее права и претензии. Гитлер и не думал придерживаться условий конкордата — на его взгляд, католическая цер-

ковь не могла быть равным договаривающимся партнером рейха, а потому последний не мог иметь по отношению к ней никаких обязательств. В Ватикане же (особенно при папе Пие XII) бытовало представление о том, что после исчезновения католической партии Центра только Рим сможет позаботиться об интересах немецких католиков⁶⁸⁰. Иными словами, каждая из сторон имела собственные представления, несовместимые друг с другом, поэтому конкордат имел некоторое значение только в начальной фазе Третьего Рейха.

Гитлер вспоминал, что в юности у него была только одна ассоциация со словом «церковь» — «динамит». Со временем, правда, он начал осознавать глубину укорененности в народе христианской веры и ограничился позиционной войной с церковью. В разговорах, однако, Гитлер довольно резко высказывался о христианстве: «Как жаль, что Библия была переведена на немецкий язык, и таким образом вся эта еврейская белиберда стала известна нашему народу»⁶⁸¹. По приходу к власти Гитлер постарался ограничить всякое политическое влияние церкви. В соответствии с позицией фюрера, нацисты изначально занимали по отношению к немецким церквям нигилистическую позицию, нацистская верхушка была настроена атеистически, отвергала христианское мировоззрение и обрядность (что лишило Гитлера миллионов сторонников до 1933 г.). После бесспорного успеха нацистов на одновременных выборах в рейхстаг и на референдуме по поводу выхода Германии из Лиги наций (12 ноября 1934 г.; на выборах в рейхстаг нацисты получили 92,2% из 43 млн голосов, а на референдуме — 93,4%) Гитлер мог констатировать, что пользуется практически полной поддержкой народа. Гораздо меньшую поддержку Гитлер получил при проведении референдума по поводу объединения функций президента и канцлера (19 августа 1934 г.). СД передавала, что одной из самых существенных причин неблагоприятных итогов референдума являются запреты на деятельность различных религиозных объединений и союзов: таким образом католики выражают

свой протест⁶⁸². Иными словами, антирелигиозность нацистов несла им вред, а влияние церкви было столь устойчиво, что даже большая часть членов партии продолжала платить церковный налог⁶⁸³, являвшийся добровольным.

По всей видимости, именно общественное мнение — а также тактические соображения — остановило нацистов от радикальных мер по отношению к церквям (по переписи 1940 г. 95% немцев считали себя христианами). Большевики отличались от нацистов тем, что прибегли к фронтальному наступлению на церковь, сделав из нее страдальцу за веру (это была их крупная тактическая ошибка); Гитлер же придерживался более гибкой тактики противодействия церкви, не желая усложнять внутриполитическую ситуацию. «Мы должны,— сказал Гитлер 23 ноября 1937 г. в речи перед слушателями одного из орденсбургов,— строго отделять руководство народом от руководства государством. Прежде государство не имело народного руководства — народом руководила церковь; христианство (особенно католицизм) не терпело, когда кто-то, кроме церкви, пытался оказывать на народ моральное воздействие. Ныне же на руководство народом претендуем мы. Только мы, национал-социалисты, уполномочены историей руководить немецким народом как таковым, вплоть до регулирования отношений полов и до формирования принципов воспитания детей»⁶⁸⁴. В другой речи Гитлер сказал, что «церковь, если она стремится иметь решающее влияние на политический режим, должна либо целиком его поддерживать, либо терпеть его и минимально ограничить свое вмешательство в политику. Очень ошибаются те, кто думает, что церковь можно сделать нашей союзницей»⁶⁸⁵. Таким образом, Гитлер был уверен в том, что церковь нужно исключить не только из культурной и экономической жизни Германии, но и из повседневной жизни и сознания немцев. Заменить ее должна была партия. Разумеется, реализовать столь грандиозную задачу планировалось не сразу, а на протяжении долгого времени. Борман, развивая мысль Гитлера, гово-

рил: «Народ нужно излечить от церкви, влияние которой должно быть окончательно сломлено, и лишь тогда, когда это произойдет, будет обеспечено светлое будущее Германии»⁶⁸⁶. В церковных делах Гитлеру был свойствен уклончивый прагматизм и оппортунизм, чего не понимал Борман, со свирепой прямоотой нападавший на «предателей-попов».

Значительную активность в атаках на церковь проявлял и Розенберг, считавшийся главным партийным идеологом. Его борьба против христианства принимала порой гротескные формы — наряду с ДК появилось поощряемое Розенбергом «Немецкое движение веры» (*Deutsche Glaubensbewegung*), которое вовсе отвергало христианство и — под руководством тюрингенского санскритолога Вильгельма Хауэра — проповедовало новое германское язычество: смесь доисторических индийских и германских верований. Розенберг активно поощрял эти чудачества, что противоречило официальному курсу партии, и 23 декабря 1939 г. министр по делам церкви Ганс Керрль писал к руководителю рейхсканцелярии Ляммерсу: «За прошедшее с 1933 г. время Розенберг стал для верующих и неверующих немцев символом враждебности к церкви и христианству»⁶⁸⁷. Выступления Розенберга вызывали резкое неприятие католических иерархов. Католический теолог Брайтенштайн подчеркивал сущность конфронтации нацизма и христианства: «Христианство не знает примата крови... В христианстве неоспоримые позиции занимает дух, для него раса никогда не была духовным, ценностным понятием, а немецкая раса — это такое же случайное творение, как и любая другая»⁶⁸⁸. Это совершенно противоречило теориям, развиваемым Розенбергом.

Деятельность «атеистов партии» (Бормана и Розенберга) в принципе противоречила пункту 24 нацистской партийной программы, который указывал на необходимость введения упомянутого выше «позитивного христианства». Наиболее влиятельными сторонниками «позитивного христианства» были гауляйтер Вильгельм Кубе и бывший председатель фракции НСДАП в прусском

ландтаге Ганс Керрль (с 1933 г. — прусский министр юстиции, а затем министр по делам церкви). Не случайно в протестантских районах Германии командиры СА и СС, чтобы усилить впечатление о «христианском» характере нацистского движения, отрядами отправляли своих подопечных на богослужения. До 1933 г. в протестантских приходах не зарегистрировано ни одного выхода из церкви членов НСДАП по мировоззренческим мотивам⁶⁸⁹. Не только борьба против «безбожников-марксистов» и «еврейского материализма», но и другие аспекты нацистской демагогии были доброжелательно встречены некоторыми верующими Германии: например, борьба с «вырожденческим искусством», с «современным свободомыслием», с «упадком нравов». Значительная часть этой мировоззренческой риторики нацистов сама имела клерикальное происхождение.

Позицию нацистской партии по отношению к христианству официально сформулировал гитлеровский министр по делам церкви Ганс Керрль: «Партия стоит на платформе «позитивного христианства», а «позитивное христианство» есть национал-социализм... Национал-социализм — это волеизъявление господ бога, воля бога воплощается в немецкой крови. Истинным олицетворением христианства является партия, а партия — и в первую очередь фюрер — призывает немецкий народ поддерживать истинное христианство. Фюрер — выразитель новой божественной воли»⁶⁹⁰.

Любопытно, что сам Гитлер считал «достойными» религиями, существующими на прочной духовной основе, только конфуцианство, буддизм и ислам — немцы же, на его взгляд, попались на крючок теологии, начисто лишенной какой бы то ни было глубины⁶⁹¹. Он любил говорить, что если бы в VIII в. после битвы при Пуатье арабы прорвались в Центральную Европу, то они навязали бы германским племенам религию, девизом которой были слова: «мечом насаждать веру и подчинять ей народы». Гитлер считал, что это германцам очень бы подошло; арабы же, «по причине расовой неполноценности», все равно

не удержали бы власть — так что в итоге мировую империю возглавили бы германцы. Обычно Гитлер завершал свои размышления тирадой: «В том то и дело, что мы исповедуем не ту религию. Почему бы нам не перенять религию японцев, которые считают высшим благом жертву во славу отечества? Да и магометанская религия подошла бы нам гораздо больше, чем христианство с его тряпичной терпимостью»⁶⁹².

Назначение А. Розенберга (автора печально знаменитой книги «Миф XX века»⁶⁹³) «уполномоченным фюрера по духовному и мировоззренческому обучению и воспитанию партии и примыкающих к ней организаций» рассматривалось обеими церквями как вызов. Церковников Розенберг называл не иначе как «темные люди нашего времени»⁶⁹⁴; он настаивал не столько на унификации, но, скорее, на уничтожении церкви. Под влиянием Розенберга в Вестфалии целая деревня вышла из церкви, крестьяне объявили себя язычниками, заложили языческое кладбище и на нем воздвигли языческое капище⁶⁹⁵. Карла Великого прокляли как «палача саксонцев», а вместо него стали почитать и превозносить его врага, саксонского вождя Видукинда. В публицистике стало модно критиковать связи немецких императоров с Римом («Западом»), поэтому императора Священной Римской империи германской нации Генриха I Птицелова, который не короновался и не был в Риме, нацисты сделали национальным героем⁶⁹⁶.

Гитлер однажды заявил: «Немецкая церковь, немецкое христианство — это нелепость; можно говорить о существовании либо христианина, либо немца — быть и тем и другим одновременно нельзя»⁶⁹⁷. Если понимать под словом «немец» нациста, то так и есть (принимая во внимание то, что краеугольным камнем нацистской доктрины был антисемитизм). Американский социолог Норман Бирнбаум отметил, что антисемитизм Гитлера был плохо скрытой формой разрыва с христианством⁶⁹⁸. На тему восприятия эсэсовцами Христа, например, существовал мрачный анекдот: офицер СС привез жену в родильный дом и, увидев на стене в покоех роженицы изображение

Христа, потребовал его снять: «Я не хочу, чтобы первым, кого увидит мой сын, будет этот еврей». Просьбу ээсовца исполнить отказались, а на следующий день ему сообщили, что роды прошли нормально и желание родителя исполнилось — ребенок родился слепым⁶⁹⁹.

И все же, несмотря на упорство и фанатизм «партийных атеистов», сломить христианскую традицию в Германии за короткий период Третьего Рейха нацисты не смогли. Во время войны позиции церкви естественным образом усилились: даже люди, ранее не ходившие в церковь, стали систематически посещать проповеди и заупокойные службы; об этих фактах сообщала СД.

В войну позиции церкви укрепились не только в немецком обществе, но и в армии. Служба военных священников была создана еще курфюрстом Бранденбурга Фридрихом-Вильгельмом (1640—1688); именно по его указу солдаты, которые не были протестантами, могли пользоваться услугами священников других вероисповеданий. Удивительно само по себе, что в вермахте сохранили службу военных священников (*Seelsorge*), еще удивительнее, что с расширением вермахта расширяли, а не сокращали (как можно было предположить), и службу военных священников. В Африке и в Польше, на Восточном фронте и на Балканах — везде были «округа» (по военному так именовали приходы) военных священников.

В люфтваффе не было своих военных священников, поскольку этот род войск создавался в начале 30-х гг., но при желании летчики могли пользоваться услугами военных священников из вермахта или кригсмарине. Только в сухопутной армии (без люфтваффе и флота) было 2,9 млн солдат — по традиционным нормам их должно было обслуживать 148 кадровых и 428 призванных на время войны священников евангелической веры и столько же католиков⁷⁰⁰. Интересно отметить, что к военным священникам в вермахте относились вполне серьезно и с уважением. СД передавала следующий анекдот: некий партийный функционер, ортсgruppenляйтер, выступая в госпитале перед выздоравливающими солдатами, уничижительно

высказался о церкви и военных священниках, а также об их роли в войне. Присутствовавший при этом капитан вермахта сказал, что на фронте он часто видел священников, некоторые из них гибли, как солдаты, но он ни разу даже не слышал, чтобы на фронте погибали ортсгруппенлейтеры или крайсляйтеры. Также СД передавала: в обществе было распространено мнение, что в вермахте думают о церкви и ее роли иначе, чем в партии⁷⁰¹. В этом нет ничего удивительного, ибо настроения массовой армии были калькой с настроений немецкого общества, в котором оставалось много верующих.

Немецкие католики и нацизм: антипатия и приспособление

«Католическая церковь — это акционерное общество, которое 2 тыс. лет регулярно получает со своих капиталов тысячи и тысячи процентов и ничего не дает взамен. Это огромная корпорация обманщиков похожа на страховое общество, которое при каком-либо несчастном случае каждый раз указывает, что он не был предусмотрен контрактом. Мы постоянно наблюдаем вмешательство в мировую историю двух крупных сил — католицизма и еврейства; обе они стремятся к мировому господству. В принципе, они враждебны друг другу, но для борьбы с германцами объединились. Одну из упомянутых сил мы в Германии практически свели на нет, со второй мы рассчитаемся после войны. Сейчас, к сожалению, у нас связаны руки, но эти времена пройдут и всё изменится. Тогда-то попом не поможет ни их бог, ни Пресвятая Дева Мария».

*(Г. Гиммлер)*⁷⁰²

После Реформации Германия практически полностью стала протестантской страной. Знаток немецкой истории

Гордон Грейг указывал, что к середине XVI в. $\frac{4}{5}$ всего германского населения стали протестантами — кроме только епархий Кёльна и Вюрцбурга, а также Аугсбурга и остальной Баварии. Выстоять католической церкви в Германии помог Тридентский собор (1545—1563). После Вестфальского мира Майнц, Кёльн, Трир, Вюрцбург, Констанц, Бамберг, Мюнстер, Баден, Бавария и Австрия стали католическими. Иезуиты не только серьезно усовершенствовали программу католических учебных заведений и сделали их жизнеспособными центрами поддержки контрреформации, но миссионерской деятельностью в сельской местности, основанием госпиталей для больных и приютов для нищих, а также экспериментами в области начального образования для бедных продемонстрировали мощь действенного христианства.

Соответственно немецкие католики, почувствовав силу, стали часто и по разным поводам конфликтовать с протестантами. Конфессиональные отличия были усугублены и сильнейшим немецким партикуляризмом. Столкнувшись с перспективой прусского протестантского владычества в Германии без Австрии, один немецкий католик с грустью писал: «Господи Боже, этот мир отвратителен» (*Lieber Georg, die Welt stinkt*)⁷⁰³.

Немецкие католики, впрочем, теологически не были полностью зависимы от папского престола; в Германии — правда, не в такой степени, как во Франции, — имело место национальное своеобразие католицизма. Так, крайний консерватизм папы Пия IX (его понтификат длился с 1846 до 1878 г.) способствовал усилению напряженности между Римом и немецкими католиками; именно немецкие католики наиболее рьяно выступали против догмата о непогрешимости папы (1870 г.). Одним из ярких выразителей подобных умонастроений был Йозеф Игнац фон Дёллингер (1799—1890), сочетавший в себе таланты ученого и проницательность политика. В 1848 г. он сформулировал идею церкви, которая не была бы ни инструментом государства (как это произошло в Австрии и происходило с лютеранами в Пруссии), ни орудием бю-

рократического аппарата. Дёллингер пришел к выводу, что крепнувший абсолютизм папы ведет к ультрамонтанству (направление в католицизме, отстаивающее идею неограниченной верховной власти римского папы, его право вмешиваться в светские дела любого государства) и угрожает независимости немецкой церкви. Получив приказ подчиниться декрету о непогрешимости папы, Дёллингер отказался пойти против собственной совести и подвергся отлучению, что взволновало немецкую католическую церковь и подвигло ряд представителей духовенства присоединиться к Дёллингеру в его духовном изгнании. Подобный раскол нанес бы немецкому католицизму еще более значительный урон, если бы не бисмарковский «культурkampf» (*Kulturkampf*)⁷⁰⁴ — серия мероприятий правительства (в начале 1870-х гг.) против католической церкви. Эффект мероприятий Бисмарка оказался противоположным: давление государства способствовало консолидации католиков). Бисмарк считал католическую церковь надгосударственной силой, особенно большое недоверие вызывал у него «политический католицизм» и партия Центра. Практической пользы политические ограничения на немецких католиков не имели, и к 80-х гг. остались в силе лишь законы «О гражданском браке» и «Об изгнании иезуитов». Но сама «подозрительность» протестантского государства по отношению к католикам сохранялась, и довольно долго.

Один из самых известных теоретиков немецкого экспансионизма Пауль Рорбах не раз указывал, что на католиков нельзя до конца полагаться: «к сожалению, половина немцев принадлежит к католической церкви, которая не может быть национальной, а только римской»⁷⁰⁵. На самом деле, со времен «культуркампа» Бисмарка со стороны немецкого протестантского государства сохранялась определенная дистанция по отношению к католикам. Несмотря на то что в 1918 г. католическая церковь добилась независимости и освободилась от препон, которые ограждали ее деятельность в протестантском государстве, несмотря на то что католические профсоюзы

и крестьяне католического юго-запада Германии выступили в поддержку республики, католический патронат Рейна и Силезии и влиятельные католические иерархи (например, мюнхенский кардинал Михаэль Фаульхабер) встали, как и большая часть протестантского патроната, в оппозицию к Веймарской республике.

Однако летом 1934 г. СД передавала, что католические епископы продолжали, как и до 1933 г., критически относиться к нацистскому режиму и его идеологии — в это конкордат никаких изменений не внес. Наиболее резко католические священники высказывались о расовом учении, несовместимым с христианством⁷⁰⁶.

С другой стороны, не следует забывать, что именно активисты католической партии Центра монсеньер Людвиг Каас и Франц фон Папен оказали поддержку Гитлеру (хотя и недооценив всех последствий), а 23 марта 1933 г. именно голоса партии Центра обеспечили в рейхстаге утверждение «Закона о чрезвычайных полномочиях», который развязал руки Гитлеру. Также можно вспомнить, что были католические теологи (например, тюбингенский ученый-догматик Карл Адам), которые пытались построить теологический мост между национал-социализмом и католицизмом; при помощи нацистов они хотели осуществить реформу церкви, отвергая, впрочем, антисемитизм⁷⁰⁷.

То, что немецкие католики в целом раньше и острее, чем протестанты, отреагировали на нацизм, было обусловлено догматической замкнутостью католиков на Ватикан и организационными структурами католической церкви и католической партии Центра во главе с прелатом Каасом. Все католические епископы были едины в своем неприятии расового учения. Историки также отмечали, что борьба нацистов против католической церкви более обострялась неприятием «традиционалистской» ментальности населения⁷⁰⁸, чем собственно атеизмом нацистов. Острые противоречия между католиками и нацистами отмечались, — не говоря уже о расизме, — в культурной и школьной политике; в 1930 г. католикам было

запрещено вступать в НСДАП, а генеральный викарий Майнца грозил вступившим экскоммуникацией: «как только католик станет членом нацистской партии, он не будет допускаться к таинству причастия»⁷⁰⁹. Это правило, однако, в 1931 г. было отменено, да и Гитлер со своими ближайшими помощниками до 1945 г. формально так и остались в церкви. В принципе, руководство партии Центра во главе с Каасом считало нужным сотрудничество с нацистами во имя борьбы с большевизмом.

После 30 января 1933 г. быстро нарастало воодушевление немецких католиков энергией новых властей, и уже 28 марта 1933 г. католический епископат приветствовал новое государство: единый фронт католических иерархов против национал-социализма превратился в свою противоположность. Гитлера же беспокоила связь католической церкви и «политического католицизма», поэтому он уже 14 июля 1933 г. на заседании правительства заявил о необходимости и желательности заключения имперского конкордата, которого католики жаждали так же, как протестанты — единой национальной церкви. Католические приверженцы нацистского рейха из бюргерской среды еще 3 апреля 1933 г. создали Союз католических немцев «Крест и орел» (с октября — «Рабочее содружество немцев-католиков»), ставившее своей задачей наведение мостов между нацистами и католической церковью. Активистом этой организации был экс-канцлер Франц Папен, собственно, и ведший с Ватиканом переговоры о конкордате⁷¹⁰. Гитлера привлекала идея конкордата: он стремился вывести из игры «политический католицизм» (к тому же он терпеть не мог Пия XII⁷¹¹) и ограничить его влияние чисто религиозными вопросами. Политический инстинкт и на этот раз не подвел фюрера: в конкордате провозглашалась клятва верности католической церкви новой Германии, говорилось об уважении к конституционно образованному правительству и о необходимости воспитания клира в духе этого уважения; католическая церковь обещала свою поддержку нацистскому режиму (в случае соблюдения с его стороны конституционных

норм). Церковь оговаривала себе право на свободное отправление религиозных служб, на деятельность религиозных институтов, право на самостоятельное решение внутрицерковных проблем, на содержание собственных школ, дошкольных учреждений и высших учебных заведений. В соответствии с конкордатов, нацистский режим гарантировал свободу совести, защиту католических организаций, сохранение исповедальных школ, право на распространение пасторских посланий — все эти гарантии казались значительной победой только противникам фюрера, сам он их всерьез не воспринимал. Немцы это чувствовали — в Берлине ходил следующий анекдот об официальном визите Геринга в Рим после подписания конкордата: по прибытии в Ватикан Геринг телеграфировал Гитлеру: «неограниченные полномочия превышены. Рим горит (по аналогии с пожаром рейхстага. — *О. П.*). Папа в тюрьме. Тиара мне к лицу. Ваш Святой отец»⁷¹².

Конкордат был подписан 20 июля 1933 г.; он до сих пор действует на территории Германии. Этот документ должен был умиротворить «политический католицизм» в Германии, и его встретили с воодушевлением, так как в Веймарской республике заключение конкордата встретило сильное противодействие в рейхстаге. Подписание конкордата и, таким образом, нейтрализация католической церкви стало самым значительным достижением Гитлера. Однако между католической церковью и нацистским режимом довольно быстро наступило охлаждение: нацисты начали систематически притеснять католиков во всех сферах (за пределами собственно религиозной) деятельности — в молодежном движении, в профсоюзах, в вопросах о свободе католической прессы и в деятельности светской «католической акции». Католицизм — наряду с «интернациональным еврейством» и марксизмом — считался в нацистской идеологии одним из главных мировоззренческих врагов «нордической германской расы». Примечательно, что за весь период существования Третьего Рейха в гестапо и СД — наряду с отделами, занимавшимися марксизмом и «еврейством» — существовал

отдел «политический католицизм», считавшийся одним из самых значительных. Протестантство такой чести не было удостоено: на сотни католических священников, много лет проведенных в концлагерях, приходилось несколько протестантских пасторов, которых иногда арестовывали нацисты. При этом надо отметить, что растущее давление на католиков, преследование священников, закрытие католических школ и конфискации имущества католических монастырей натолкнулось на малозначительную критику и сопротивление консервативных элементов немецкого государственного аппарата⁷¹³.

То, что Гитлер и не помышлял придерживаться пунктов конкордата, обнаружилось довольно скоро: 27 февраля 1934 г. закон признал 7 католических праздничных дней, из которых 5 вскоре было отменено или перенесено на ближайшие выходные⁷¹⁴. После заключения конкордата нацисты получили возможность рассматривать любое недоброжелательное или негативное высказывание церкви как «противоречащее конкордату»; католическую церковь постоянно держали под прессом этих обвинений, и возможности католической оппозиции были существенно ограничены. Хотя 17 августа 1934 г. в «гамбургской речи» Гитлер подчеркнул значение христианства как фундамента морали и нравственности в Германии,⁷¹⁵ на деле постоянно имели место грубые нарушения конкордата. Однако епископы, поддерживаемые нунцием, продолжали сотрудничать с режимом — входить в открытую конфронтацию с режимом было крайне опасно. Такие попытки, однако, предпринимались: в феврале 1934 г. «Миф XX века» Розенберга был внесен в папский индекс запрещенных книг.

Развернулась борьба и в сфере образования: если первое время нацисты терпели существование католического религиозного воспитания, то в 1935 г. (в соответствии с рекомендациями Розенберга) они перешли к наступлению на него. Первый удар был направлен против священников, преподававших по совместительству в народных школах: так, в 1936 г. в Дюссельдорфе из 21 заявления

на право преподавания религии властями было отклонено 15 — под предлогом деятельности этих священников в молодежных союзах, запрещенных государством негласным «доверительным» указом от 25 июня 1936 г. Распоряжением местных властей (приказ регирунгспрезидента от 8 декабря 1936 г.) все преподаватели религиозных дисциплин должны были подписать обязательство поддерживать ГЮ и не агитировать за участие в конфессиональных молодежных организациях⁷¹⁶. После того как ряд священников отказался подписать этот документ, регирунгспрезидент Дюссельдорфа (с 31 августа 1937 г.) передал право преподавать религию только школьным учителям, священники же были удалены из школы. В старших классах религиозное образование в Дюссельдорфе было отменено в 1937 г. (в целом в рейхе — в 1940 г.). Еще с 1935 г. нацистский союз учителей (НСЛБ) вернулся к старому требованию о создании общих для обоих вероисповеданий школ. В соответствии с «Законом о народной школе» (от 27 июля 1906 г.) коммуны имели право по собственному усмотрению превращать вероисповедальные школы в светские (*Simultanschulen*); этой лазейкой и воспользовались нацисты: например, в Дюссельдорфе на собрании бургомистров по предложению руководства гау было принято решение о превращении всех вероисповедальных школ в светские (**все** школы рейха стали светскими к 1941 г.). В самом же Дюссельдорфе это решение было реализовано уже в 1939 г.⁷¹⁷ Внедренное нацистами всеобщее светское образование сохранилось в ФРГ и после войны, а обязательное преподавание религии в школе не стали восстанавливать и после 1949 г.

14 марта 1937 г. вышла энциклика папы Пия XI (1857—1939) «С большой озабоченностью», в которой он осуждал «идолов расы, нации, государства», а также критиковал нацистский режим и его репрессивную политику. Гестапо, конфисковав все экземпляры энциклики, все же не могло запретить чтение папского послания с амвона. После этого период относительной терпимости по отно-

шению к католической церкви закончился и положение ее ухудшилось. Церковные мероприятия, службы, праздники и процессии стали своеобразным протестом католической церкви против нацистского режима, против посягательств на конституционную независимость церкви; они носили подчеркнуто демонстративный характер и собирали десятки тысяч людей. Геббельс ответил католикам тем, что послал специального корреспондента в бельгийский монастырь, где монах на сексуальной почве убил ребенка — этот репортаж стал поводом для обвинения всех монахов в гомосексуализме, а монастырей — в поощрении содомского греха⁷¹⁸. В 1937—1938 гг. нацистское правосудие устроило несколько процессов против католических священников по обвинению в сексуальных извращениях (обвинения были, по преимуществу, сфабрикованы гестапо). Церковь и церковников объявили погрязшей в разврате. Нацистская пропаганда твердила о тысячах следственных дел против священников и монахов, а на самом деле в 1936—1937 гг. состоялось 250 процессов, носящих явно пропагандистский, идеологический характер. Однако эти происки нацистов ничего не дали — народ от церкви не отвернулся.

После Судетского кризиса и Мюнхенского договора (1938 г.) популярность нацистского режима возросла, и церковное руководство стало тщательно избегать любых конфликтов с режимом⁷¹⁹. Даже во время всегерманского еврейского погрома (8 ноября 1938 г.) католическая церковь молчала... Нацисты пользовались этой пассивной позицией церкви и насаждали новое — в духе «позитивного христианства» (идея, с которой носился министр по делам церкви Ганс Керрль) — толкование религиозных праздников: Пасха должна была стать не напоминанием об искупительной жертве и воскресении Христа, а «днем вечного обновления немецкого народа», Рождество — «днем рождения немецкого Спасителя, духа героизма и свободы немцев». В праздничные дни власти распорядились вывешивать на церквях флаги со свастикой. Во время церковных служб и литургий здания церквей часто

окружали штурмовики. Они регистрировали присутствовавших, устраивали вокруг церквей парады с гимнастическими упражнениями, распевали нацистские песни — это должно было вернуть верующих в реальный мир...

Даже нападение на католическую Польшу не подвигло немецких католических иерархов открыто высказаться против режима, так как степень общественной аккламации агрессивных действий Гитлера была весьма высока, а тех священников, которые осмелились высказываться против войны, арестовывали⁷²⁰. Вскоре после 1 сентября 1939 г. немецкими епископами был создан «Чрезвычайный союз католических священников», который высказал свое возмущение по поводу энциклики только что вступившего в полномочия нового папы Пия XII (1876—1939), где он выразил сочувствие и сострадание полякам, но не упомянул о «страданиях немецкого народа», которому «навязали» войну. Союз этот, однако, отражал точку зрения меньшинства немецких католиков⁷²¹. В 1917 г. новый римский папа (епископ Пачелли) был нунцием в Мюнхене; там он посредничал в переговорах между Антантой и Германией. В 1920—1929 гг. Пачелли был нунцием в Берлине, в 1930—1939 гг. — кардиналом-секретарем папского престола и очень много времени и внимания уделял Германии. После интронизации он продолжал лично заниматься немецкими делами. Пий XII был хорошо знаком с деятелями Сопротивления — адмиралом Канарисом и генералом Бекем. Именно с его помощью немецкое Сопротивление пыталось установить контакты с заграницей (в частности, с Англией): через мюнхенского адвоката Йозефа Мюллера и священника Ляйбера, доверенного лица папы. Решение в пользу посредничества стало одним из удивительных событий в истории папства: этот шаг граничил с безрассудством. В случае разоблачения, нацисты получили бы повод фронтального наступления на католическую церковь в Германии.

Во время войны активизировал свою деятельность высший орган немецкой католической церкви — Фульдская конференция епископов: в меморандуме епископата

от 22 июня 1941 г. было выдвинуто требование обеспечения свободы отправления культа, восстановления преподавания религии в школах, свободы издания церковной прессы и возвращения церкви монастырей с имуществом и землями⁷²².

23 апреля 1941 г. гауляйтер Бадена Вагнер распорядился удалить из школ изображения распятия, но поднялась буря протестов. Дело дошло до того, что даже матери-героини грозились сдать свои награды, а рабочие собирались устроить забастовку. СД передавала, что возмущение носило нешуточный характер. Под давлением общественности Вагнер в конце сентября 1941 г. отменил свое распоряжение⁷²³.

20 марта 1942 г. католические епископы в пасторском послании обвинили нацистский режим в нарушении установленного конкордатом 1933 г. гражданского мира, в преследовании верующих, в установлении слежки за священниками, в запрещении в школах-интернатах НАПОЛА и АГШ преподавания закона божьего, в нарушении заповеди «не убий». 28 июля 1941 г. епископ граф Клеменс фон Гален возбудил в прокуратуре при Министерском земельном суде дело о групповом убийстве душевнобольных; 26 сентября 1941 г. он огласил свой протест с кафедры церкви Ольденбургского округа⁷²⁴. Из-за огромной популярности в народе нацисты не тронули Галена⁷²⁵.

В то же время папа Пий XII отказался публично осудить уничтожение евреев: он счел сведения об этом недостоверными⁷²⁶. Скорее всего, сделал он это не из страха. Пий XII (понтифик в 1939—1958 гг.) вообще был одним из самых загадочных государственных мужей века: аскет, стремившийся сохранить дистанцию между собой и миром, строжайшим образом придерживающийся установленного церемониала. Он старался дистанцироваться от всякого политического доктринерства; никто не сомневался в его благочестии, но его упрекали в цинизме, черствости и оппортунизме. Английский посол в Ватикане сэр Френсис Д'Арси Осборн в 1947 г. записал: «Я давно

понял, что верующие вне Ватикана не могли составить себе представление о папской политике. Савойскую династию, правящую в Италии с 1861 г., в Ватикане рассматривают как временное явление, как преходящий феномен. Там мыслят веками и планируют на вечность»⁷²⁷. Ориентируясь на «суетность» политических проблем, католические иерархи в ряде случаев старались держаться по отношению к властям максимально лояльно. Так, 13 ноября 1941 г. папский нунций объявил немецким епископам, что проводить заупокойные службы по евреям не следует ввиду того, что их в Германии стало мало (?!). По его мнению, с введением обязательного ношения звезды Давида отношение к евреям стало лучше: он видел, как нацист в метро потребовал от пожилой еврейки освободить ему место, при этом тут же двое немцев поднялись и предложили ей присесть.

СД передавала, что несмотря на формальную лояльность церкви, введение отдельного богослужения для евреев-католиков не предвидится⁷²⁸. Характерным для отношения к режиму католиков стало пасторское послание от 1941 г., в котором католические священники отвергали выбор, предлагавшийся Розенбергом в «Мифе XX века» — между Христом и немецким народом. Священники писали, что им одинаково дороги и немецкий народ и Христос. Здесь проявилась двойственность отношения католиков к нацизму: в этом была поддержка режима и оппозиция к нему, патриотизм и протест против действия властей⁷²⁹.

12 марта 1942 г. СД передавала, что отрицательную реакцию вызвало у верующих решение снять большую часть церковных колоколов (военной промышленности нужен был металл)⁷³⁰.

Ажиотаж среди католиков вызвало подметное письмо, содержащее критику церковной политики нацистов (оно было сфабриковано английским пропагандистом Сефтоном Делмером). Листовки с этим письмом, разбросанные с самолетов над Германией, имели большой резонанс⁷³¹.

Письмо якобы было написано знаменитым в начале войны немецким асом полковником Вернером Мельдерсом (в конце 1941 г. он погиб в авиакатастрофе у Бреслау). Узнав о том, что тот был ревностным католиком и не раз в кругу друзей критически высказывался о церковной политике властей, Делмер изменил первоначальный текст письма Мельдерса (случайно попавшего ему в руки) своему духовнику; само письмо не содержало никаких религиозных суждений, но было дружеским посланием героя войны бывшему педагогу⁷³². Решающей предпосылкой для успеха фальшивки было то, что церковь заявила, что не имеет к письму никакого отношения. Ни одно опровержение — даже матери Мельдерса — не возымело действия...⁷³³

После Сталинграда несколько изменилась и позиция Ватикана: выступления Пия XII в декабре 1942 г. и феврале 1943 г. мировая общественность расценила как разрыв с нацизмом. Римский папа провозгласил принцип «этического превосходства демократии над любой другой формой политического устройства», а это не могло не сказаться на деятельности католической церкви в Германии. Активизировалась и Фульдская католическая конференция епископов. В «Слове пастырей» от 15 ноября 1941 г. содержалась резкая критика нацистской политики убийств, разложения человеческой нравственности, осуждались беззаконие и произвол⁷³⁴. Интересно, что несмотря на жесткую критику, сам Гитлер никогда с католической церковью формально не порывал, он ценил ее ритуал, традицию, восхищался католической литургией, его личные суждения и оценки обрядовой стороны и пропагандистских свойств католической церкви были однозначно положительными и с некоторой долей отстраненного восхищения⁷³⁵. Однажды Гитлер сказал, что если бы его мать была жива, то она, без сомнения, ходила бы в церковь, и он не мог бы этому препятствовать⁷³⁶. На Рождество он любил слушать католическую рождественскую песню «*Stille Nacht, heilige Nacht*». Эсэсовский праздник

зимнего солнцестояния, призванный заменить христианское Рождество, Гитлер называл «ужасным» и лишенным возвышенно-праздничного рождественского настроения⁷³⁷. Дочь Геринга Эдду — к неудовольствию партийной верхушки — крестили по протестантскому обряду; Гитлер на это никак не отреагировал⁷³⁸.

Немецкие католики, как и все немцы, сильно страдали от тягот военного времени, особенно от налетов англо-американской авиации. Бомбежки порождали не страх и желание сдаться на милость победителям, а ненависть к врагу и консолидацию немецкого общества, в том числе и католиков. Так, 5 июня 1943 г. во время воздушного налета на Кёльн был сильно поврежден Кёльнский собор; СД передавала: «Это вызвало сильнейшее возмущение в католических кругах. Католики, наконец, пришли к мысли, что англичанам следует отплатить тем же самым и с той же жестокостью»⁷³⁹. Нацистская пропаганда трубила о варварстве англичан, разрушивших великолепный архитектурный, исторический и церковный памятник. Правда, СД передавала также, что частое повторение этого известия стало раздражать немцев — это такая же «долгоиграющая пластинка, как и Катынь», говорили в народе. Простых немцев возмущало и то, что при осуждении варварства англичан не упоминалось о количестве погибших при бомбежке — из этого делался вывод, что в Германии человеческая жизнь ничего не стоит⁷⁴⁰.

В сентябре 1943 г. немецкие войска вошли в Рим и окружили Ватикан — немцы могли бы блокировать это государство, и тогда папа и его кардиналы стали бы голодать. В точно таком же положении был папа Пий VII, являвшийся в 1809—1814 гг. узником Наполеона. Немецкое военное командование, правда, никаких враждебных действий по отношению к Ватикану не предпринимало, что удивительно, поскольку в Ватикане нашли пристанище несколько сотен евреев. Понятно, что папа, во всем зависевший сначала от итальянских фашистов, а потом от немцев, был не совсем свободен в суждениях и оценках.

Когда 4 июля 1944 г. вермахт объявил о сдаче Рима, это известие (в связи с открытием Второго фронта) прошло практически незамеченным. Однако и в этот момент немцы-католики внимательно следили за тем, как поведет себя Римский папа в присутствии англо-американцев⁷⁴¹. Немцы-католики были удовлетворены тем, что и в этот момент и до конца войны папа резко не высказывался против нацистской Германии.

Покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. и католики и протестанты восприняли негативно (это покушение осуждалось и после 1945 г.) — христиане, как известно, не приемлют подобных методов борьбы со злом⁷⁴². После войны католические функционеры помогли бежать в перонистскую Аргентину некоторым нацистским преступникам — эсэсовцам доктору Йозефу Менгеле и Адольфу Эйхману, хорватскому усташскому лидеру Анте Павеличу (в Югославии он был заочно приговорен к смертной казни), коменданту Трешливицы Филиппу Штанглю⁷⁴³.

Нужно признать, что связь католицизма с нацизмом никогда не достигала размеров сотрудничества гитлеровского режима с протестантами, хотя при этом нужно оговориться, что и католики и протестанты упустили возможность занять по отношению к нацизму морально однозначную позицию: не случайно среди верующих было распространено убеждение в недостаточной активности отцов церкви; многие немцы-католики в противостоянии нацизму готовы были идти гораздо дальше своих пасторов.

Немецкие протестанты, нацизм и немецкое общество

Процесс политической унификации Германии не захватил протестантскую церковь: в отличие от единой католической церкви с центром в Ватикане, немецкая протестантство распалось на множество земельных церквей — к началу 30-х гг. в Германии было 45 млн протестантов, 150 тыс. из которых принадлежало к различным

нонконформистским течениям (баптистскому, методистскому и пр.), остальные входили в 28 лютеранских и реформатских церквей, крупнейшей из которых являлась церковь Северогерманского союза, насчитывавшая 18 млн верующих. Протестантское и католическое население в нацистские времена относилось как 3 к 2⁷⁴⁴.

В исторической литературе *лютеранство* порой изображают как веру, которая вследствие верноподданнической традиции во многом содействовала утверждению нацизма — это несправедливо, ибо лютеранство при желании могло быть обращено и обращалось против нацизма, его морали, расового учения, «революционного цезаризма»⁷⁴⁵. Внутри немецкого протестантства было меньшинство, безусловно отвергавшее нацизм из политических (религиозные социалисты), религиозных мотивов (школа протестантского теолога Карла Барта), с моральных позиций (церковный либерализм). Большинство же высказывало свое безусловное одобрение почвенническо-народной позиции нацистов, их стремлению к социальному переустройству общества и столь же безусловное неодобрение расового учения и нацистской политической практики.

Первоначально нацисты подчеркивали национально-христианский характер своей партии, ссылаясь на 24-ю статью партийной программы, которая объявляла «позитивное христианство» основой для борьбы против марксистского атеизма. Поскольку мобилизовать католиков, имевших духовный центр за пределами Германии, было невозможно, то в стремлении осуществить национальную унификацию церкви нацисты сосредоточили внимание на протестантах: они — по причине разнородности и отсутствия единого центра — представляли для этого более благоприятный объект. Надо отметить, что в силу подчеркнуто национального характера (в отличие от «космополитов»-католиков) антисемитизм среди немецких протестантов был распространен шире, чем среди католиков. Так, даже один из лидеров оппозиционной нацизму «Исповедальной церкви» Отто Дибелиус

вспоминал, что в 1933 г. он чувствовал себя антисемитом; в 1963 г. известный деятель протестантского Сопротивления Мартин Нимеллер каялся в том же самом⁷⁴⁶. Понятно, что в среде протестантов антисемитизм был обычным делом. Тем более что нацисты постоянно подчеркивали антисемитизм самого Мартина Лютера. Невероятно, но некий священник упомянутой «Исповедальной церкви» обосновывал свое отрицательное отношение к Гитлеру и нацизму тем, что они (нацисты) «являются продуктом еврейского антихристианского влияния»⁷⁴⁷. Антисемитизм в протестантской среде был столь укоренен, что его можно было обратить и против самих нацистов...

В целом, позитивное отношение к нацизму распространилось среди протестантов задолго до 1933 г.; одобрительная позиция церкви явно преобладала над критической: большинство протестантов, как и многие немцы, считали, что эксцессы нацистского насилия — это временное явление. Евангелическое движение в своем отношении к государству, передавала СД в 1934 г., в корне отличается от католического, которое «единым фронтом старается противостоять национал-социалистическому государству». Среди протестантов же — по информации СД — шла внутренняя борьба мнений, в которой каждая из сторон стремилась в первую очередь выказать свою лояльность национал-социализму⁷⁴⁸.

Впрочем, довольно скоро обозначилось противостояние внутри протестантских церквей, и, следуя своей обычной тактике, в 1933 г. Гитлер решил расколоть протестантское сообщество. Для этого он использовал диссидентскую группу «Немецких христиан» (ДК — DC — *Deutsche Christen*): по приходу к власти нацисты потребовали создания единой евангелической имперской церкви во главе с имперским епископом и 29-ю земельными епископами. Объединение евангелических церквей должно было произойти именно на основе ДК.

ДК оформилась еще в 1932 г. из пронацистски настроенных молодых протестантских диссидентов в Тюрингии, Мекленбурге и Саксонии. Сторонники ДК настаивали

на отказе от Ветхого Завета с его семитскими атрибутами⁷⁴⁹; они объявили Христа арийцем и сделали его покровителем СА (*SA Jesu Christi*). Опираясь на теоретические построения Лагарда и Чемберлена, источником зла в христианстве они объявили апостола Павла. «Еврейскими» (*jüdisch*), помимо Ветхого завета, в ДК считался интернационализм и космополитизм. Именно упомянутый Савл-Павел — в соответствии с убеждениями нацистов из ДК — «извратил» христианскую идею: вместо борьбы против обожествления денег, вместо борьбы против «еврейского эгоизма» и «еврейского материализма» он проповедовал идеи рабов, исполненных ненависти к высшим классам и к высшей расе, к римлянам. Гитлер также утверждал, что религия Павла и вместе с ней все христианство — не что иное, как коммунизм⁷⁵⁰. В ноябре 1932 г. «Немецкие христиане» во главе с 31-летним Иоахимом Хоссенфельдером (фанатичным приверженцем нацистов) добились значительных успехов на выборах в церковные органы Пруссии: в среднем они получили треть мест в церковных общинах (*Gemeindegörperschaften*); в других же земельных церквях они были едва представлены⁷⁵¹.

Согласно теологии ДК, Бог проявил себя не только в Христе и в Писании, но и в народе и в его истории; этот тезис был нацелен на обожествление самого народа, на признание его божественной сущности и его избранности. 5 мая 1933 г. ДК опубликовала свои требования к новой единой протестантской церкви Германии, которая не должна быть государственной, но обязана признавать главенство государства с его ценностями, — прежде всего расовой доктрины; поэтому руководители ДК требовали «объединения христиан арийской расы»⁷⁵². Итак, место интернациональной и космополитической церкви должна была занять «немецкая национальная церковь» (*deutsche nationale Kirche*).

Весьма серьезным является вопрос о том, насколько «Немецкие христиане» были оппортунистами и насколько — истинно уверовавшими в необходимость новой церковной организации и новой веры? Американская иссле-

довательница Дорис Берген пришла к выводу, что распространённое убеждение в чисто оппортунистическом характере этой церкви следует отклонить⁷⁵³. Идеологический смысл движения ДК она сводила к стремлению к новой мужественной, недогматической, чисто немецкой народной церкви; ДК якобы хотела осуществить старую немецкую мечту о единой церкви. Среди священников этой церкви было много националистически настроенных людей, которые с началом войны пошли добровольцами на фронт; там они пытались обратить солдат в свою веру. ДК отражала к тому же антимодернистские культурные представления 20-х гг. Тем не менее, — несмотря на первоначальный значительный успех, — количество членов ДК не превышало 2% от всех немецких протестантов, поэтому масштабы конфронтации ДК с прочими протестантскими церквями никогда не были значительными или более-менее заметными для немецкого общественного мнения⁷⁵⁴.

Первый (и последний) крупный конфликт нацистского государства с протестантской церковью состоялся в 1933 г.; тогда разгорелась борьба за пост главы немецких протестантов — имперского епископа. На это место нацисты прочили главу ДК — бесцветного кенигсбергского военного священника Людвиг Мюллера (23 апреля 1933 г. Гитлер заменил им слишком большого радикала Хоссенфельдера, что было разумным тактическим ходом). Другие церкви выдвинули на место главы протестантов Фрица фон Боденшвинга, но — вследствие интриг нацистов и ДК — церковный комитет Боденшвинга вскоре был распущен, а все полномочия были переданы Мюллеру, и он при помощи СА силой захватил здание Церковного союза и взял руководство протестантской церковью на себя. Эта «революционная» акция была легализована Гитлером. 10 июля был принят выгодный для нацистов церковный устав, в котором были и параграфы об «арийстве». Протестанты оказались под эгидой нацистов, и на евангелических церквях были подняты знамена со свастикой.

Мюллер, не обладавший харизмой и организаторскими данными, не смог унифицировать конгрегацию протестантов в Германии. В Первую мировую войну он был дивизионным военным священником в Константинополе, теологического образования не имел⁷⁵⁵. Немецкий протестантский теолог Карл Барт написал статью «Теология сегодня», в ней гитлеровская «реформа церкви» была подвергнута уничтожающей критике. Эта критика была заострена Вальтером Нимеллером, вскоре ставшим главой протестантской оппозиции нацизму. Нимеллер как-то сказал в проповеди: «Вы (он обращался к Гитлеру) говорите, что мне следует возложить заботу о немецком народе на вас. Отвечаю: ни вы, ни любая другая власть на свете не в состоянии снять с христиан и церкви ответственность, которую на нас возложил Бог»⁷⁵⁶.

Сторонники ДК вели себя буйно. В июне 1933 г. Гинденбург указал Гитлеру на беспорядки, учиненные в церквях «Немецкими христианами». Вернувшись из президентского поместья в Берлин, Гитлер призвал к себе руководителей церкви и призвал их к компромиссному решению⁷⁵⁷. Можно предположить, что к лету 1933 г. Гитлер пришел к мысли, что для консолидации власти лучше выйти из стадии «революции»; это решение повлияло и на стабилизацию положения церкви. По этой причине открытая борьба нацистов против церкви практически прекратилась в августе 1933 г.: из речи Гитлера в Оберзальцберге (5 августа 1933 г.) следовало, что фюрер более не намерен испытывать терпение христиан, являющихся сторонниками национал-социализма⁷⁵⁸. Поэтому последующие радикальные акции в церковной политике фюрером не приветствовались, что означало относительное умиротворение в этой сфере духовной жизни страны. Шпеер рассказывал, что даже после 1942 г. Гитлер утверждал, что полагает церковь совершенно необходимой для государства: «Он счел бы себя счастливым, найдись деятель, который изъявил готовность организовать церковь. Он все еще сожалел, что Мюллер оказался неподходящим для этого человеком». Такой подход к проблеме яв-

ляется еще одним доказательством институционального дарвинизма Гитлера, который часто просто ждал развития событий и принимал ту сторону, в пользу которой эти события развивались.

Ко всему прочему, в среде ДК имели место нелепые еретические инциденты: 13 ноября 1933 г. — на следующий день после триумфального для Гитлера референдума — «немецкие христиане» провели в берлинском Дворце спорта митинг. На нем теолог доктор Рихард Краузе предложил отменить Ветхий завет «с его торговлей скотом и сводниками» и пересмотреть Новый завет, чтобы привести учение Христа в «полное соответствие с требованиями национал-социализма». На митинге была подготовлена резолюция: «один народ, одна вера, один рейх»; все пасторы должны были дать клятву верности Гитлеру и все церкви — принять нацистское расовое учение как руководство к действию и исключить из числа адептов новообращенных евреев. У Мюллера, однако, хватило благоразумия дезавуировать Краузе⁷⁵⁹.

5 сентября 1933 г. Верховный синод Старопрусского союза, во главе которого были ДК, принял закон о церковных служащих; в нем был «арийский параграф»: неарийцы подлежали изгнанию со службы, для них следовало создавать специальные церковные общины. Налицо было не только попрание конституционного принципа основных прав человека, но и нарушение христианских моральных норм. Это вызвало протест части протестантской общественности — 22 священника выступили против расизма и 27 сентября 1934 г. основали «Исповедальную церковь» (*Bekennniskirche*; БК). Ведущим теологом БК стал профессор Боннского университета Карл Барт; составленное им «Барменское заявление» (от названия города — Бармен) осудило ДК за попытку нацификации протестантской церкви. Б К поддержало около 4000 протестантских священников⁷⁶⁰. На первом этапе активную роль в организации БК взяли на себя пастор (в Первую мировую войну — капитан подводной лодки; сначала он поддерживал нацистов, но потом отошел от них) Вальтер Нимеллер,

пастор Герхард Якоби и пастор Айтель-Фридрих фон Рабенау. 21 сентября 1933 г. они направили своим коллегам воззвание с предложением совместных действий против ДК. Нимеллер также призвал к борьбе с антисемитизмом. Сторонниками Нимеллера была треть всех протестантских священников Германии⁷⁶¹, это позволило (в мае 1934 г.) представителям лютеранской, реформированной, объединенной и других церквей объявить на Синоде в Бармене «Исповедальную церковь» законной протестантской церковью; сторонники ДК неумолимо теряли поддержку прихожан. БК окончательно оформилась в октябре 1934 г. в Берлине, ее влияние росло, но имперский министр по делам церкви Ганс Керрль отреагировал на это так называемым «указом о наморднике» (как его сразу называли верующие) от 4 января 1936 г. Этим указом запрещались любые политические высказывания с церковных кафедр.

Появление оппозиции именно в среде протестантов стало неожиданным для Гитлера. Ведущим теологом БК стал Карл Барт, первым высказавшим идею о допустимости сопротивления или неповиновения государству, нарушающему заветы Бога. Никто до Барта не вносил в теологию столь подчеркнутое этическое начало. Позиция Барта и его соратников напоминала о нравственном предназначении и долге человека. Много родственного с Бартом имела этика другого богослова и одного из руководителей БК Дитриха Бонхоффера, участника Сопротивления, повешенного 9 апреля 1945 г.

Составленная Бартом декларация Первого Синода БК Старопрусского союза в Бармене (29—31 мая 1934 г.) была направлена против ДК и их принципа фюрерства. Эта декларация, провозгласившая независимость церкви и веры, стала теологическим базисом БК. Церковная догматика, поддержанная БК, объективно выполнила прогрессивную роль в борьбе с иррационализмом приспешников нацистов. 19—20 октября 1934 г. в Далеме состоялся Второй Синод БК, ставший высшей точкой сопротивления нацизму. Декларации и устремления сторонников БК

выходили за рамки верноподданнической традиции лютеранства, что проявилось прежде всего в отказе церкви от попыток государства вмешиваться в ее дела.

Летом 1934 г. Мюллер еще раз попытался принудить земельные церкви к унификации, но это удалось ему только отчасти — в Баварии, в Вюртемберге и в Ганновере он натолкнулся на сопротивление; епископы, оказавшие ему отпор и отстраненные от паствы, были вскоре реабилитированы Гитлером, которого утомили споры среди церковников. Ряд епископов евангелических общин отказались подчиняться руководству ДК, что означало полное банкротство Мюллера: формально продолжая оставаться на своем посту, он с 1935 г. практически лишился всякого влияния. Казалось, сторонники БК победили, но это было затишье перед очередным обострением и репрессиями по отношению к оппозиционерам. 10 апреля 1934 г. протестантские церковные лидеры писали Гитлеру: «Дело дошло до того, что честь немецкого гражданина подвергается поруганию только потому, что он христианин»⁷⁶². Несмотря на протесты, к концу 1935 г. гестапо арестовало 700 пасторов БК (и среди них Нимеллера).

Министр по делам религии Керрль планировал преодолеть раскол евангелической церкви путем создания в рамках своего министерства церковных комитетов в отдельных землях; в этих комитетах планировалось представить как БК, так и ДК, но БК (не без колебаний) отвергла этот план⁷⁶³. Ганс Керрль, как и Мюллер, оказался слабым политиком: он выдвигал причудливые теологические идеи, за реализацию которых агитировал неубедительно; к тому же он часто болел, поэтому основные решения по церковной политике принимали Борман или СД⁷⁶⁴. Эти решения были, разумеется, неприемлемы для верующих, и пасторы БК вновь протестовали: в пасторском послании 1936 г. указывалось на недопустимость расовой политики, превентивных арестов и произвола гестапо; $\frac{3}{4}$ пасторов «Исповедальной церкви» нашли в себе мужество прочесть это послание со своих кафедр. Гитлер даже собирался провести выборы нового руководства

протестантов, но 25 июня 1937 г. проведение выборов было отменено, и нацистское руководство отказалось от дальнейших попыток унификации евангелической церкви. Вместо этого началось преследование отдельных священников, связанных с Сопротивлением. В 1938 г., например, был снова арестован оправданный судом Нимеллер; 2 марта 1938 г. суд оправдал Нимеллера, но на выходе из здания суда гестапо его арестовало и отправило в Заксенхаузен, затем в Дахау, где он пробыл 7 лет, пока его не освободили союзники⁷⁶⁵. Интересно, что через неделю после начала Второй мировой войны Мартин Нимеллер (из Заксенхаузена) отправил командующему немецким ВМФ гросс-адмиралу Редеру письмо с просьбой вернуть его на субмарину, которой он некогда командовал⁷⁶⁶. Все немецкие церкви — несмотря на антипатию к Третьему Рейху — с началом войны выразили солидарность с государством.

СД передавала, что многие немцы поддерживали обструкционистские установки ДК: после того как ДК (в печально известном Годесбергском обращении) потребовала очистить церкви от еврейских элементов, некоторые «верующие» потребовали вообще не допускать в церковь евреев: они не желали вместе с евреями принимать причастие⁷⁶⁷. Зато БК выпустила листовку, в которой призывала христиан помогать евреям, а не гнать их. Некоторые консистории евангелической церкви дистанцировались от таких заявлений БК: евангелические церкви Саксонии, Гессен-Нассау, Мекленбурга и Любека исключили из своих рядов евреев евангелического вероисповедания⁷⁶⁸. Следует отметить, что католики формировали свою политику гораздо осторожнее.

В середине 30-х гг. за проповеди, содержащие критику нацистского режим, католических священников часто привлекали к суду; гестапо было недовольно мягкостью приговоров: например, в особом суде Мюнхена в 1938 г. из 77 привлеченных священников осужден был только один. Так же обстояли дела и в Кельне (правда, преимущественно протестантском): здесь в 1938 г. суд оставил

без последствий даже дело священника, который в проповеди назвал нацистов «коричневыми насекомыми-вредителями»⁷⁶⁹.

Кроме немецких левых, к «пятой колонне большевизма» нацистами причислялось и «Общество свидетелей Иеговы», которое уже в годы Веймарской республики вследствие своей последовательной интернационалистской позиции и пацифизма стало объектом особенно интенсивных нападок со стороны правых. «Общество свидетелей Иеговы» возникло в 1872 г. в США; по их воззрениям, близится битва между Сатаной и Иеговой; нацисты, на их взгляд, были носителями сатанинских сил. Между полицией и органами правосудия часто происходили споры по оценке общественной опасности «врагов государства — свидетелей Иеговы». В «интересах государства», а также в стремлении пойти навстречу власти, судебные органы в большинстве случаев шли на поводу у полиции. Более всего гитлеровские власти раздражало то, что свидетели Иеговы отказывались служить в армии. В 1933 г. в Германии было 19 268 свидетелей Иеговы, из них 200 было казнено за отказ служить в армии, около 5 тыс. погибло в лагерях⁷⁷⁰. Для нацистов свидетели Иеговы были настоящей головной болью: они не были ни коммунистами, ни евреями, ни гомосексуалистами или тунеядцами, но совершенно аполитичными тружениками⁷⁷¹. Именно вследствие этого качества свидетелей Иеговы чрезвычайно ценили в концлагерях за их аккуратность, исполнительность, порядочность, и эсэсовцы использовали их преимущественно как прислугу, парикмахеров, садовников, поваров, няnek. Прецедент со свидетелями Иеговы указывает на то, что в Третьем Рейхе не только религиозная, но и обычная человеческая терпимость и плюрализм находились в плачевном состоянии.

С другой стороны, глубокая и взаимная неприязнь нацистов и «Свидетелей Иеговы» имела причиной их родство: и та, и другая идеология были глубоко авторитарными, даже тоталитарными. Если нацисты апеллировали

к фюрерскому государству, то «Свидетели Иеговы» — к «теократии», в которой неограниченно правил бог. Член «Общества», принесший клятву верности Иегове, не мог служить нацистскому государству. Отказ от принесения клятвы Гитлеру был для «Свидетелей Иеговы» практическим следствием их веры. В 1966 г. в ФРГ проживало 84 038 свидетелей Иеговы⁷⁷².

Выводы

Итак, десятилетие с 1935 по 1945 гг. было ознаменовано последовательным обострением отношений церкви и нацистов: после того как попытка унификации церкви изнутри не удалась, нацисты перешли к внешнему давлению, усилился государственный контроль и пропагандистские нападки партии и СС; в той же пропорции, что росла радикализация режима, росло и давление на церковь. Главным гонителем церкви был Розенберг и его многочисленные и влиятельные союзники — от Шираха до начальника канцелярии Гитлера и секретаря партии Бормана. И протестанты и католики жестоко ошибались, полагая, что заявления Розенберга о несовместимости христианства и национал-социализма сделаны им на собственный страх и риск: Розенберга нацистский режим всемерно поддерживал. Ширах последовательно стремился к воспитанию молодежи в воинствующем антихристианском духе; министр внутренних дел Фрик требовал «деконфессионализации» общественной жизни; еще влиятельней была поддержка Гиммлера и Бормана. При этом сам Гитлер старался особенно не вмешиваться в религиозную сферу, предоставляя событиям развиваться своей чередой — в русле присущего ему «институционального дарвинизма»: прав тот, кто победит. Прямое же противостояние с церковью Гитлер не принимал, так как, по его мнению, партийная идеология не могла заменить церковь; в случае такой замены эта идеология способствовала бы возврату к средневековому мистицизму и архаике.

В условиях преследований активность верующих выросла. К примеру, если в Кёльне в 1933 г. в Страстную неделю в службе принимало участие 30 тыс. верующих, то годом спустя — уже на 10 тыс. больше; католический праздник тела Господня, паломничества к католическим святыням превращались в демонстрации католического самосознания. В борьбе за сохранение католических воскресных школ родители-католики выказали немалую степень решимости и веры в правоту своего дела, иногда родители не отпускали детей в школу до тех пор, пока в классы не вернут распятия, а в Ольденбурге выступления местного гауляйтера даже подвергли обструкции⁷⁷³.

Решение об окончательной судьбе церкви было отложено до окончания войны (Гитлер заявил, что все конфессиональные проблемы будут решены после победы⁷⁷⁴); пока же режим ограничился репрессиями, запретами и арестами наиболее активных оппозиционеров. Иными словами, Гитлер ожидал, что нацистские боссы воздержатся от высказываний, задевающих чувства верующих. В принципе, однако, можно представить, что сделали бы нацисты с церковью, на примере Австрии, где католическая церковь стараниями Бормана была постепенно сведена до положения частного объединения или клуба, который в любой момент можно было закрыть. Иные всемогущие гауляйтеры (как Йозеф Бюркель в Рейнпфальце) рассматривали церковное присутствие в школе как средневековый анахронизм. Так, Бюркель в 1938 г. первым в рейхе запретил в своем гау преподавание в школе закона божьего, а от оппозиционных католических священников избавился простым запретом на преподавательскую работу⁷⁷⁵. Когда в декабре 1941 г. министр по делам церкви Ганс Керрль умер, его пост уже никто не замещал, что можно было расценивать как дурной для церкви и верующих знак⁷⁷⁶. Впрочем, и самого Керрля Гитлер ни во что не ставил.

Представляется, что Гитлер был одинаково далек и от умеренно-репрессивного курса Керрля и от радикализма Бормана. Такое промежуточное положение сохранялось

до краха 1945 г.⁷⁷⁷ Немецкий историк Брахер писал: «Гитлер был слишком прагматичным и сконцентрированным на имперских целях политиком, чтобы создавать себе лишнюю оппозицию в лице церкви»⁷⁷⁸. Церковь же, со своей стороны, в тяжелые годы нацизма смогла уберечь в человеческих душах те нравственные ростки, которые дали всходы в послевоенное время. Обе церкви явили способность к нравственному самоочищению и покаянию. Церкви Германии оказались единственными учреждениями, избежавшими полной мировоззренческой унификации; это, однако, не означало, что они целиком находились в политической оппозиции и Сопротивлении: консервативно-националистическая ориентация руководства церкви предопределила лояльное отношение церквей к нацистскому государству. Более того, папский престол признал свою долю вины в нацизме только в 1987 г., хотя еще в войну Пий XII публично заявлял о непризнании режимов, основанных на репрессиях, а потом даже провозгласил «принцип этического превосходства христианства над любой другой формой политического устройства»⁷⁷⁹. Протестанты сразу после войны (Штутгартское заявление от 19 октября 1945 г.) заявили о покаянии и вине за нацизм.

ГЛАВА IV

ПРОПАГАНДА И ОБЩЕСТВО В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

«Современная техника пропаганды является более разрушительной, чем какое-либо оружие. Она препятствует осуществлению дальновидных и конструктивных решений и представляет собой весьма опасную тенденцию развития в условиях современной массовой демократии».

(Герман Брюнинг)⁷⁸⁰

«Язык — самое фашистское явление, которое только может быть, поскольку фашизм — это не тогда, когда заставляют говорить, а тогда, когда заставляют слушать».

(Ролан Барт)

«Своеобразие политического развития Германии заключается в том, что у нас политическая демагогия и иллюзии играют значительно большую роль, чем у других народов».

(Альфред Розенберг)

Роль пропаганды в процессе общественной мобилизации в Третьем Рейхе

Пропаганда — это ключевое понятие в истории нацистского движения, в ней сокрыт секрет силы его воздействия на немецкое общество. Воздействие на общественную мобилизацию нацистской пропаганды за 12 лет диктатуры было велико, как никогда в немецкой истории; влияние ее было действенным и незаметным, пропагандистские акции осуществлялись с невиданным мастерством. Не зря американский историк Герцштейн назвал книгу о пропаганде в Третьем Рейхе «Война, которую Гитлер выиграл».

Несмотря на несомненный успех пропаганды, бытующие представления о том, что нацисты «преодолели мифы

1789 г. о свободе, равенстве и братстве» являются ложными, ибо диктаторы от Наполеона до Сталина не смогли их вовсе уничтожить, они скорее извратили их изнутри. Лозунги свободы, равенства, братства — благодаря многократным повторениям — утвердились в массовом сознании и глубоко укоренились в политической культуре, поэтому полностью преодолеть их невозможно, их можно только видоизменить, приспособить к политической реальности, иными словами. Гитлер и Геббельс весьма изобретательно преодолели теоретическую проблему преобразования мифов демократии. Министр пропаганды Третьего Рейха Йозеф Геббельс писал: «Демократия сделала народ свободным, но народ не знает, как быть с этой свободой; то есть сущность (свобода) не включает в себя существования (демократии). Поэтому главная задача пропаганды состоит в том, чтобы подготовить почву для вождя и обеспечить доверие народа к его тяжелым и ответственным решениям»⁷⁸¹. Трудно более точно сформулировать посылку и задачи тоталитарной пропаганды в современной политике — ее отличие от пропаганды демократической партии лишь в целях. Или: как, допустив существование элит, при этом не лишиться контроля над ними? Это хотя и тяжелая, но разрешимая проблема, о чем свидетельствует опыт современных развитых западных стран (той же ФРГ, например).

Нацистский же подход к этой проблеме изначально характеризовался отрицательным отношением к демократическим принципам и институтам, утверждение и распространение которых требовало терпения, кропотливой работы и веры, которые отнюдь не всегда вознаграждались. Эпизодическая неэффективность, однако, вознаграждается относительной безопасностью и контролем над происходящим. Черчилль как-то заметил, что демократия — самая плохая из всех государственных форм, не считая остальных, которые вообще ни на что не годятся. Открытостью демократии для критики в полной мере воспользовалась нацистская пропаганда, упростившая все проблемы до односложных ответов. Когда французский философ Бертран де Жувенель спросил Гитлера о причинах

его успеха, тот ответил: «Говорят о моем голосе, моем даре гипнотизера, моих качествах оратора. Чуть! Мой секрет куда проще: в головах немцев царил беспорядок, а я упростил для них все проблемы»⁷⁸².

Поэтому бессмысленно критиковать нацизм и его пропаганду с моральной и научной точки зрения: нацистская доктрина не была разработана в кабинетной тиши, она выросла из тоталитарного массово-психологического опыта отдельных ораторов-демагогов, в повседневной политической практике. Эта практика во многих отношениях была уникальной, ибо до появления Гитлера политические собрания партии носили преимущественно информативный характер, а он и его приближенные (по образцу левых партий) изменили этот стиль. Такие пропагандисты, как Гитлер, Геббельс, Штрассер, постоянно держали руку на пульсе народа, они в каждый момент точно знали, какие лозунги приведут в движение массы, какие слова разожгут воображение толпы. Каждое собрание и каждый марш завораживали коллективной реакцией, простотой и размахом. Геббельс и Гитлер использовали революционный реквизит рабочего движения — от красных знамен до мелодий песен.

На партийных собраниях дискуссия была почти исключена и могла состояться лишь тогда, когда ею можно было управлять. Охрана залов собраний, организованная штурмовиками, исключала подачу реплик, а организованные попытки коммунистов пресекались в жестоких, подчас кровопролитных сражениях. За короткое время нацисты приобрели репутацию динамичной, боевой партии. Нацисты овладели и улицей; в конце 20-х гг. улица принадлежала красным⁷⁸³, нацисты со своими знаменами и лозунгами осмеливались появляться только на грузовиках. Со временем все изменилось. Гитлер использовал опыт Муссолини, который направлял вооруженных чернорубашечников во враждебные фашистам провинции, там они громили помещения профсоюзов и социалистической партии. Хотя Гитлер и не мог открыто прибегать к насилию, как это делал Муссолини (в Италии в «красное

двухлетие» 1920—1921 гг. практически царила анархия), но принцип этой тактики он освоил и осуществлял, несмотря на давление республиканских властей.

Наиболее ясной чертой нацистской техники пропаганды был «лихорадочный активизм»; нацисты были словно сконцентрированы на том, чтобы вновь и вновь вызывать новые волны эмоций; Бертольд Брехт указывал на «театральность» нацизма, на его способность при помощи сценических средств и ловкой режиссуры подчинять общественные настроения собственным целям⁷⁸⁴. Другие видели в нацистском пропагандистском стиле черты гротеска, судорожности, шаманизма, стремления довести повторение простых лозунгов до пены на губах. Слово «фанатизм»⁷⁸⁵ можно считать любимым и наиболее часто повторяемым Гитлером. Оно точно описывает эпилептический экстаз, почти наркотическое опьянение, вызываемое нацистскими пропагандистскими акциями, не оставившими места разуму и спокойному анализу. При этом Гитлер учитывал, что во время больших маршей зрители теряли масштаб происходящего: прохождение 50 тыс. штурмовиков в колонну по четыре человека по узким улицам какого-нибудь провинциального города при соответствующей режиссуре могло продолжаться 6—8 часов, что создавало впечатление чего-то невыносимого, грандиозного, необъятного. Важнейшим инструментом гитлеровской пропагандистской мобилизации было шествие колонн в ногу; оно принуждало всех к одинаковым движениям и одному ритму, часто имеющему опьяняющее воздействие: тому, кто ходил в строю, известно это чувство. У человека в колонне не было собственной воли и собственных желаний, он слушал команды, держал равнение и ногу по идущим рядом. Марш в колоннах стал нацистской манией. Часто шествие нескольких колонн переходило в перестроение для митинга. Разновидность шествия представляло собой прохождение торжественным (церемониальным) маршем, в процессе которого подразделения партии переходили на строевой шаг («пруссский» или «гусиный» — с прямой ногой, как это было принято

и в строевом уставе Советской армии, а ныне и в российской армии): шеренга за шеренгой они проходили перед фюрером, демонстрируя ему таким образом высочайшую степень почтения и готовности к повиновению. Другую форму церемониального марша представляло собой факельное шествие: партийные режиссеры очень любили это мероприятие, так как оно вызывало самые сильные эмоции и выглядело со стороны чрезвычайно эффектно. Красочные шествия — лакомые зрелища для зевак — устраивались по всякому поводу; особенно грандиозными они были на 1 мая, когда объединялись множество различных подразделений партии. Впрочем, шествия устраивались по самым разным поводам: по случаю 2000-летия немецкого искусства в Мюнхене, по случаю съезда КДФ в Гамбурге и так далее. Во время шествий фасады домов исчезали за цветистыми декорациями, знаменами, вымпелами, драпировкой с колоссальными эмблемами и символами нацистского движения. Шествие, как правило, завершалось проездом автомобилей, на которых были выставлены модели новых строевых, завершаемых при нацистах; это должно было внушать публике, что по-настоящему Германия стала развиваться только после 1933 г. Зрителей подводили к мысли о том, что национал-социализм — это вершина многолетней исторической эволюции Германии, картины из истории которой изображали в начале торжественного шествия.

Практически тот же эффект имели и огромные собрания в больших залах: Геббельс одним из первых оценил, что чем больше толпа, тем быстрее начинается ее экстаз и тем дольше его можно поддерживать в пропагандистских целях. После одного из митингов в берлинском Дворце спорта в 1932 г. он записал в дневнике, что целый час после окончания митинга толпа ревела и неистовствовала, флюиды фанатизма распространялись на всех присутствующих, глубоко и устойчиво воздействуя на личность людей⁷⁸⁶.

Пропагандистским целям в нацистской Германии служило и всеобщее униформирование. Гитлеровцы использовали старую прусскую традицию, в соответствии с которой униформа была почетной одеждой мужчины,

а униформа офицера имела чуть ли не культовое значение. Это на самом деле интереснейший феномен — такого в мире нигде не было. Гитлер всегда подчеркивал, что он является наследником и продолжателем славной прусской традиции. Гитлеровские пропагандисты усугубили отношение к униформе, сделав его инструментом организованного омассовления; всякая организация имела свою униформу, практически весь народ был в униформе, что было действенным средством ликвидации индивидуализма, всеобщей мобилизации, поскольку нацистская система власти требовала орудий, а не личностей.

Помимо униформирования партии, сильный пропагандистский эффект имело введение различных партийных символов: красного знамени со свастикой, официально ставшей символом НСДАП 16 августа 1922 г., имперского орла (в антисемитской мифологии орел считался «арийцем животного мира») на штандартах подразделений партии, партийного приветствия поднятием правой руки (перенятого у итальянских фашистов) и возгласа «Да здравствует победа!» (*Sieg heil!*), восходящего к старинному готскому приветствию. Особенно удачным нужно признать введение в качестве главного символа нацизма свастики: эта геометрическая фигура как бы сама просилась ее нарисовать; свастика покрывала стены домов и заборы, со стенографической лаконичностью напоминая о существовании и борьбе НСДАП. Совокупность символики была важной частью стиля партии и имела громадное пропагандистское значение. До 1933 г. республиканские власти запрещали публичное ношение партийных униформ, на это штурмовики реагировали довольно остроумно: поскольку ношение партийных галстуков и портупей не было запрещено, они надевали их прямо на голое тело — смех, вызываемый видом марширующих полуголых колонн СА, также работал на расширение популярности партии.

Геббельс, будучи еще гауляйтером Берлина, понял намерения Гитлера в отношении формирования партийного стиля. Именно он создал модель нацистского политического собрания. Он изобрел торжественный внос знамен, он ввел

правило, когда прямо от входа до подиума стояли шеренги штурмовиков, которые следили за тем, чтобы реакция зала была только положительной, он установил порядок партийных собраний, по его распоряжению была введена музыкальная увертюра к каждому собранию. Вследствие этих нововведений нацистские митинги и собрания по красочности, страстям, эмоциям, по динамике и задору были вне конкуренции. К ним приближались только коммунисты, но им очень мешало то, от чего в итоге рухнул и большевизм — догматическая немочь и фантастическая ригидность.

Нацистских пропагандистов не беспокоило, что скажут интеллектуалы, — им нужно было завоевать толпу; моральные аспекты и мотивы их не интересовали; эта беззастенчивая эксплуатация чувств людей ради практических политических целей, пожалуй, самое отвратительное, что есть в нацизме, фашизме и большевизме. С другой стороны, нацистские пропагандисты вскоре обнаружили, что массы, толпа, народ — не такие глупые, как их порой изображают интеллектуалы; что если к людям с улицы найти правильный подход, если их воспринимать серьезно, а не просто льстить их низменным инстинктам — у массы может проявиться чувство жертвенности, великодушия, самоотдачи. По всей видимости, впечатляющие достижения армии и в целом военной мобилизации следует отнести в первую очередь не только к эффективной прусской военной организации, но в первую очередь к успехам пропаганды, сумевшей затронуть самые сокровенные струны души народа.

На самом деле, с момента введения всеобщей воинской обязанности пропаганда взялась за благодатную тему — вермахт стали преподносить как неотделимую часть народа, а не как классовую организацию: звание офицера стало доступно любому человеку. Такие суждения были сладкой музыкой для простых людей, ведь в Первую мировую войну рейхсвер во многом оставался кастовой системой и рабочие не особенно доверяли кайзеровским офицерам. Вспоминая Первую мировую войну, Гитлер говорил, что тогда были забастовки и, соответственно, недопоставки боеприпасов

на фронт, а сейчас рабочие якобы знают, что куют оружие для своих товарищей. Такой пропагандистский поворот обеспечивал рост производительности труда гораздо лучше, чем ужесточение дисциплины или карательные меры. В войну Геббельс инсценировал награждение передовых рабочих не гражданскими орденами (как это было, например, у нас в стране), а боевыми Рыцарскими крестами. Это имело весьма значительный пропагандистский успех.

Геббельс и Гитлер, по всей видимости, были первыми политиками, осознавшими, что самая широкая культура и сознание гораздо примитивнее, чем представлялось обычно. Недаром один американский публицист сказал, что если бы Гитлер и Геббельс не оказались у власти в Германии, а эмигрировали в США, то они стали бы там основателями самой крупной в мире и преуспевающей рекламной компании. Английская «Таймс» 25 марта 1939 г. писала, что «Гитлер в своих комментариях циничен, как наши авторы рекламных роликов»⁷⁸⁷. По всей видимости, гитлеровский дар завораживать массы и вести их за собой проистекал из интуитивного знания психологических закономерностей рекламы и умения спекулировать на человеческих слабостях и ошибках. Гитлеровские принципы пропаганды состояли в апеллировании к широким массам, в концентрации на немногих вопросах, в постоянных повторениях одного и того же, в настойчивости и терпении в ожидании результатов⁷⁸⁸. К этим принципам последующая практика пропаганды или рекламы добавила немного.

Для Гитлера — со времен написания «Майн кампф» — пропаганда была важнейшим политическим инструментом; правильное применение пропаганды он рассматривал как искусство, неизвестное буржуазным партиям⁷⁸⁹; собственно, причину успеха социал-демократии и коммунистов Гитлер видел именно в пропаганде. В «Майн кампф» он писал, что во время Первой мировой войны в Германии вообще не было пропаганды; его восхищала действенность и точность английской военной пропаганды, организованной лордом Нортклифом. Это мнение

разделяли Эрих фон Людендорф, Пауль фон Гинденбург, Эрнст Трельч, которые также указывали, что Германия проиграла прежде всего в силе слова и мысли⁷⁹⁰. Немецкую военную пропаганду того времени Гитлер считал по форме совершенно не соответствовавшей заданным целям и психологически ложной: огромной ошибкой было изображать врага смешным, как это делала немецкая и австрийская пропаганда, так как встреча с врагом на поле боя убеждала в обратном, и человек, введенный в заблуждение, терялся и должен был самостоятельно составлять мнение о враге. Напротив, английская и американская пропаганда была психологически точной: рассказывая о немцах как о варварах, она готовила солдат Антанты к серьезной и тяжелой борьбе⁷⁹¹.

В другом месте, сравнивая речи кайзеровского канцлера Бетмана-Гольвега, — по словам Гитлера, умного и образованного человека, — с публичными выступлениями английского премьер-министра Ллойд-Джорджа, Гитлер однозначно отдавал предпочтение последнему и делал вывод о несомненном преимуществе его доступного языка: «Речь государственного мужа должна ориентироваться не на университетского профессора, а на простой народ. В этом — масштаб гениальности оратора»⁷⁹². Гитлер писал, что пропаганда столь же мало похожа на науку, как плакат на искусство: лаконичными средствами и ярким цветом плакат должен привлекать внимание толпы⁷⁹³.

Восхождение к власти Гитлера и подъем нацистского движения — это самый поразительный за всю обозримую европейскую историю пример победы политической партии, еще недавно бывшей в положении аутсайдера и пользовавшейся лишь региональной (Бавария) поддержкой избирателей. При попытке объяснить мощный взлет нацистского движения недостаточно учитывать только виртуозную демагогию Гитлера, отличную организацию СА, благоприятные для Гитлера социально-экономические обстоятельства, но нужно принять во внимание обстоятельства, связанные с проведением в течение 1932 г. пяти (!) крупных избирательных кампаний. Это совпадение

помогло Гитлеру в сжатый срок эффективно показать свое превосходство над всеми противниками в области, где ему не было равных — в пропаганде и агитации. Не случайно ораторское искусство в нацистской Германии высоко ценили, и была разработана целая иерархия партийных ораторов, включавшая 6 категорий: «оратор-специалист», «районный оратор», «областной оратор», «ударный оратор-кадет», «ударный оратор», «государственный оратор»; во время войны было введено звание «фронтowej оратор»⁷⁹⁴.

Весьма важной проблемой при рассмотрении свойств гитлеровской пропаганды является то, что за самыми главными ее категориями, — евреями, коммунистами, маммонизмом, — выполнявшими роль приманки, всегда скрывались истинные цели и мотивы нацистской политики: стремление к политическому преимуществу, аннексионизм, националистические установки. При чтении «Майн кампф» возникает ощущение, что для Гитлера позор Версаля и полная ревизия всего европейского геополитического порядка играли первостепенную роль, а упомянутые пропагандистские категории были только средством для преодоления монотонной и дисциплинированной контрпропаганды противника. Еще в 20-е гг. нацистские пропагандисты начали создавать пропагандистские стереотипы — «обездоленного и преданного немца», «еврея-ростовщика, кровопийцы и банкира», «марксиста — разрушителя нравственных начал и семьи», «негроидных народов — французов и итальянцев», «англичанин — душителей немецких национальных интересов»⁷⁹⁵. Большевицкая пропаганда была менее изобретательна: она долгие годы работала с темой мирового империалистического заговора против Советской России, затем с темой о господстве 300 семей над миром. Интересно отметить, что нацисты предпочитали держаться за один заговор — заговор евреев. Нацистские пропагандисты были первыми, кто открыл, что толпа боится не еврейского мирового господства, а восхищается евреями — как их представляют «Протоколы сионских мудрецов» — и желала бы кое-чему у них поучиться. Нацистская пропагандистская формула

«правильно то, что отвечает пользе немецкого народа» — это плагиат из «Протоколов»: «все, что на пользу еврейскому народу, все является моральным и святым»⁷⁹⁶. Как отмечал Эрнст Топиш, эффективность мировоззрения или пропаганды кроется не в истинности, а в ее психологической действенности и точности⁷⁹⁷.

Большое значение в пропаганде Гитлер и Геббельс придавали современной технике, в этом они были настоящими новаторами. В 1942 г. Гитлера на Украине поразило то, что в каждой избе установлена радиоточка, он сказал: «Советы не только вовремя оценили значение радиовещания, но и осознали, какую опасность оно в себе таит»⁷⁹⁸. Дело в том, что проводное радио позволяло полностью контролировать радиопередачи и в масштабах всего государства строго унифицировать их репертуар. В Германии были только волновые радиоприемники и множество радиостанций; это затрудняло мировоззренческий контроль. Волновые радиоприемники в СССР тоже были, но с началом войны их было приказано сдать; в нацистской Германии сдавать приемники заставляли только евреев, но за прослушивание вражеского радио наказывали (если это доходило до гестапо), и немецкие радиослушатели могли принимать только разрешенные властями радиопередачи: по инициативе Геббельса с 7 сентября 1939 г. прослушивание иностранного радио стало преступлением⁷⁹⁹, и даже высокие партийные бонзы должны были испрашивать особого разрешения с обоснованием служебной необходимости для того чтобы слушать иностранные радиостанции. Только Герингу, Риббентропу, Кейтелю, командующим трех родов войск, Геббельсу, Онезорге, Фрику и Ламмерсу это разрешалось постоянно. СД 18 октября 1939 г. передавала, что распространяются слухи, будто немцы все чаще нарушают запрет на прослушивание иностранного радио⁸⁰⁰.

Гитлер сожалел, что в Германии не смогли своевременно осуществить полное радиофицирование проволочным радио; он говорил, что это самая большая ошибка Министерства пропаганды. «Но в будущем,— считал он, — в Германии будет организована проволочная радиосвязь,

это очевидно. Ибо ни одно разумное правительство не позволит отравлять свой собственный народ»⁸⁰¹. Впрочем, и в нацистской Германии в радиофикации был достигнут весьма впечатляющий успех: к 1939 г. 70% немецких домов было радиофицировано, в стране было 1,8 млн радиоприемников: самый распространенный «народный приемник» (*VE 301*⁸⁰² — *Volksempfänger*) стоил 76 рейхсмарок при средней зарплате в 120 рейхсмарок; перед самой войной появились приемники за 35 рейхсмарок, его ласково называли «немецкий малый» (*Deutscher Klein*). Эти приемники по одинаковым чертежам и технологии изготавливали 28 заводов. Таким образом, по количеству радиоприемников Германия занимала первое место в Европе; только в США их было больше⁸⁰³. Ради справедливости следует отметить, что еще до нацистов у Германии в этом отношении были лучшие показатели: в 1932 г. в каждом втором немецком доме уже был радиоприемник⁸⁰⁴.

По всей видимости, в успешном массовом производстве радиоприемников сыграло положительную роль перевод производителей и торговцев радиоприемниками в ведение Министерства экономики. Геббельсу в этом вопросе явно перешли дорогу, и все его дальнейшие попытки поставить всё, что связано с радио, под контроль Минпропа, остались неудачными⁸⁰⁵. Зато он полностью контролировал содержательную часть радиотрансляций, а с 1933 г. нацистская Германия — вслед за большевистской Россией и фашистской Италией — стала вести радиопропаганду на иностранных языках; если в 1933 г. вещали 2 часа в сутки, то в начале войны — 58 часов в сутки⁸⁰⁶.

Нацистские пропагандисты первыми в больших масштабах применили технические новшества: радио, громкоговорители, цветные плакаты. Во время президентских выборов 1932 г. Геббельс впервые спланировал агитационные поездки Гитлера на самолете: за семь апрельских дней Гитлер побывал в 21 городе, эта пропагандистская акция так и называлась «Гитлер над Германией». За неделю Гитлера выслушал 1 млн человек! И этот рекорд был побит: накануне выборов в ландтаги в том же 1932 г. за 8 дней Гитлер

побывал в 25 городах (1,5 млн слушателей), а в октябре — накануне выборов в рейхстаг — Гитлер, перелетая из города в город, посетил 49 митингов⁸⁰⁷. За 5 кампаний на 200 митингах Гитлера выслушало около 10 млн человек. Тем, что к 1933 г. НСДАП имела в рейхстаге 230 мандатов, она обязана митингам, устроенным Геббельсом, его пропагандистской машинерии, самой важной частью которой был ораторский и гипнотический дар Гитлера.

Кажется не совсем справедливым утверждение известной французской исследовательницы Марлиз Штайнерт о том, что Гитлер выиграл только благодаря радио и проиграл бы, если бы пользовался телевизионными (визуальными) средствами⁸⁰⁸. Как указывал самый большой знаток пропаганды в XX в. Геббельс, изображением и образом гораздо легче манипулировать, чем голосом или текстом⁸⁰⁹.

Огромное значение имело и то, что при помощи технических средств информация об общественно значимых событиях своевременно доносилась до самых широких масс — большую роль в этом сыграло документальное кино. Именно в пропагандистских целях киностудия УФА выпускала ежемесячный «Узкоплечный киножурнал», для которого на 16-мм пленке из кинохроники перепечатывали важнейшие кадры политических событий для некоммерческого показа на всевозможных партийных мероприятиях, в армии, ДАФ и в самых отдаленных углах страны при помощи передвижных киноустановок. Один из организаторов этой кампании в начале 1939 г. писал в отчете, что звуковые киноустановки на колесах проникали в самые отдаленные местности Германии, чтобы принести радостную весть об аншлюсе или о возвращении Судет в «материнские объятия германской родины»⁸¹⁰.

Огромную роль в организации пропаганды сыграл доктор⁸¹¹ литературы Гейдельбергского университета Йозеф Геббельс. Именно он возглавил центральный аппарат пропаганды Третьего Рейха — грандиозное Министерство народного просвещения и пропаганды, резиденция которого до 1941 г. находилась в Мюнхене, а потом переместилась в Берлин, в специально отстроенное зда-

ние. Среди вождей Третьего Рейха Геббельс выделялся интеллектом и ораторским даром. Гитлер однажды сказал, что из современных ему ораторов без скуки можно слушать только Геббельса — он ценил людей, «умеющих повелевать массами»⁸¹². Геббельс был, по-видимому, самым крупным в XX в. экспертом по общению с массами (собственно, это и было сферой его профессиональных занятий), так как он почти инстинктивно чувствовал или знал, как подстроиться под разнообразные вкусы. В нем сочетались, казалось бы, противоположные качества — жестокость и боязнь физической боли, оппортунизм и радикализм, животная злоба и утонченный интеллект, левый⁸¹³ и правый радикализм, цинизм и романтическая возвышенность. Весьма достоверно Геббельс умел изобразить гнев, презрение, ярость, но, по всей видимости, на самом деле он никогда не испытывал этих чувств. По мнению одного из биографов Геббельса Виктора Раймана, он, очарованный магией личности Гитлера, отошел в 1926 г. от левого революционного крыла партии, но революционером при этом быть не перестал; он начал дистанцироваться от левых установок только под впечатлением убийства Рема в 1934 г.⁸¹⁴ Его поведение в еврейском вопросе Райман считает предательством самого себя: антисемитизм не был его изначальным убеждением; его приверженцем он стал только под влиянием Гитлера⁸¹⁵. Райман писал, что Гитлер лгал, искренне веря в то, что говорит, а Геббельс — не веря в свои слова⁸¹⁶.

Большую роль в развитии его личности сыграло то обстоятельство, что он был инвалидом с детства⁸¹⁷ (у него была косолапость); например, в речах он никогда не касался излюбленной Гитлером темы «расы господ», а в быту чрезвычайно остро и злобно реагировал на любое проявление физического превосходства над ним. Не случайно Геббельс часто цитировал немецкого поэта эпохи Просвещения Фридриха Клопштока: «Не стоит слишком искренне говорить о своих недостатках: ведь люди не столь благородны, чтобы оценить вашу любовь к справедливости»⁸¹⁸. Геббельс не служил и не мог служить в армии, что

для нацистской верхушки, почти сплошь состоявшей из ветеранов и героев войны, было негативным фактором.

Он обладал острым, злым, живым и быстрым умом, любил музыку и сам музицировал, почти профессионально разбирался в театре, кино, балете и умел стать душой любого общества⁸¹⁹. Он всегда оставался утилитаристом, сконцентрированным на необходимости фронтальной общественной мобилизации. При этом он отдавал себе отчет в целях и принципах своей работы: «Пропаганда сама по себе не обладает каким-то набором фундаментальных методов. Она имеет одно-единственное предназначение — завоевание масс, и всякий метод, не способствующий его осуществлению, плох. Методы пропаганды проистекают из ежедневной борьбы. Среди нас нет пропагандистов от природы»⁸²⁰. Интересно, что презрение к массам как у Геббельса, так и у Гитлера компенсировалось идеализацией абстрактного «народа», выступавшего как высшее божество.

На своеобразный романтизм Геббельса указывает терминология его первого и единственного романа «Михаэль», ключевыми словами которого были: смерть, Воскресение, борьба, народ, война, отечество, гений, готовность к самопожертвованию, молодежь, товарищ, труд, признание веры, жертва, гордость, миссия, кровь, солдат⁸²¹. Стиль романа и его содержание не оставляли никаких сомнений в возвышенных представлениях Геббельса о Германии и ее будущем. Геббельс искусно манипулировал данными немецкой истории; ему удавалось вызвать глубокий отклик в сердцах немцев, стремившихся к единению и общности. Геббельс умно и ловко противопоставлял «великое прошлое — ничтожеству и никчемности»» тогдашней Веймарской республики, которая, как и любая другая демократия, была открыта критике. Он прекрасно представлял себе специфику демократического политического процесса и указывал, что более эффективными являются методы авторитарной системы: «Государство, принявшее авторитарный режим, не должно позволять себе отклонений от избранного пути, если оно уверено в его правильности. Если в демократическом государстве

национальный политический курс определяет общественное мнение, то в авторитарном государстве именно оно само определяет свою политику и само же руководит общественным мнением, направляя его согласно своим целям»⁸²². Геббельс умел ловко пользоваться внутренними противоречиями и недостатками демократической системы, особенно эффектно были его нападки на либерализм. Так, он писал о свободе печати: «Понятие полной свободы печати насквозь либерально, оно исходит не от народа как единого целого, а от отдельных индивидуумов. Но мы-то знаем, что чем больше свобода мнений зависит от индивидуумов, тем больше это вредит интересам всего народа»⁸²³. Такой подход оправдывал ограничения свободы печати.

Геббельс был достаточно умен, чтобы не понимать, что общественное мнение все равно проявляется, и быть в курсе этих проявлений — предпосылка успеха пропаганды. Сохранилась масса свидетельств о том, что Геббельс всегда пользовался конфиденциальными сведениями о состоянии общественного мнения; их поставляла СД на основании донесений доверенных лиц. Авторитаризм нацистского государства, естественно, вуалировался пропагандой, которая представляла дело так, что если в прошлом политика была делом немногих, то в Третьем Рейхе она стала делом широких народных масс. Следовательно — по Геббельсу — все действия правительства есть результат мгновенного отклика на волю народа, на его желания и устремления.

Геббельс не грешил обжорством и был равнодушен к алкоголю, но он владел прекрасными домами и ценнейшими произведениями искусства⁸²⁴. Он вполне отвечал традиционным немецким представлениям о трудолюбивом и умелом работнике, был дисциплинирован и требовал того же от своих подчиненных; он на самом деле много работал, доводя все свои начинания до логического завершения. Как опытный режиссер общественных настроений он обожал доводить до совершенства детали. Геббельс с достаточным основанием приписывал себе четыре заслуги: создание основы национал-социализма в рабочих областях Рейна и Рура, завоевание Берлина (он гово-

рил, что «без контроля над Берлином партия осталась бы провинциальным движением»), выработку стиля и техники партийных публичных церемоний и создание мифа Гитлера⁸²⁵. Также к его достижениям пропагандиста следует отнести успех в деле создания чувства общности народа и задач, стоящих перед ним.

Трудно поверить, что образованный Геббельс был искренним сторонником примитивного антисемитизма, но как пропагандист он сразу оценил его огромные возможности для возбуждения политической ненависти, для мобилизации и создания образа врага. В этом ему большую помощь на первом этапе оказал сотрудник газеты «Ангрифф» художник-карикатурист Мьёлнир (*Mjölnir* — «молоток» — псевдоним профессора Ханса Швейцера⁸²⁶); вдвоем им удалось создать устойчивый карикатурный образ еврея, долгое время пребывавший в центре внимания пропаганды. Геббельс и Мьёлнир смогли заслужить репутацию остроумных людей даже у берлинцев, славящихся юмором и сарказмом.

Именно Геббельс сделал практические выводы из того факта, что организация режиссуры общественной жизни огромного народа требует создания централизованного и эффективного аппарата управления, который руководил бы всеми сферами общественной жизни и был бы простым (руководил всей пропагандой один человек) и практичным. 13 марта 1933 г. было создано Министерство народного просвещения и пропаганды; через два месяца компетенции министерства были значительно расширены и стали включать в себя «все задачи духовного воздействия на нацию»⁸²⁷. Аппарат был создан Геббельсом в короткий срок после 1933 г. и состоял из отделов радио, прессы, кино, активной пропаганды, театра, музыки, изобразительных искусств и беллетристики; в 1934 г. численность аппарата пропаганды составляла 14 тыс. человек⁸²⁸, но о нем и о его работе мало кто знал. Эта таинственность основывалась на тонком психологическом расчете. Геббельс впал в ярость, увидев в журнале фотографию звукооператора, который ставил пластинку с победными фанфарами после объявления

важного правительственного распоряжения. Он распорядился впредь не выносить на всеобщее обозрение кухни режиссуры: это резко снижает пропагандистское воздействие и снимает с него магический флер. Между тем Геббельс сам вникал в мельчайшие детали режиссуры, лично присутствовал на многочисленных планерках и мероприятиях, не забывая и о сохранении единства стиля и целей различных пропагандистских акций.

Статс-секретарями (по штатному расписанию — трое) Министерства пропаганды во время войны были: Герман Эссер (руководитель департамента туризма), статс-секретарем по делам прессы с 1937 г. был Вальтер Функ (человек скорее консервативных, чем нацистских убеждений), потом он стал министром экономики, а на его пост пришел Отто Дитрих, занятый одновременно⁸²⁹ на посту руководителя партийной печати. Статс-секретарем и заместителем министра по надзору за работой департаментов с 1937 по 1940 гг. был Карл Ханке, затем Леопольд Гуттерер, а в 1944 г. его сменил амбициозный Вернер Науман, продвинувшийся с должности начальника канцелярии министерства. Все они были профессионалами, что не исключало между ними постоянных интриг и борьбы за благосклонность шефа. Важной частью ведомства Геббельса было отделение, занимающееся организацией празднеств, шествий и тингов. Во главе этого ведомства находился крупный специалист по рекламе Хегерт — он был автором многих выдумок, которые прославили министерство Геббельса⁸³⁰. Порой у Геббельса возникали трения с пресс-секретарем правительства Дитрихом, который стремился оказать влияние на содержание пропаганды. Ему это удавалось: он имел постоянный доступ к Гитлеру, который не склонен был координировать собственную пропагандистскую активность с Геббельсом. Впрочем, борьба компетенций в сфере пропаганды и споры между Геббельсом с одной стороны, и Риббентропом, Розенбергом, военными и Шпеером с другой, не отменяют того факта, что Геббельс был самым значительным пропагандистом в Третьем Рейхе.

Нацистская пропаганда и ее воздействие на немецкое общество до войны

«Пусть сколько угодно твердят, что наша пропаганда грязная, крикливая, скотская, что она нарушает все приличия — наплевать! В данном случае всё это не так уж и важно.

Важно, чтобы она вела к успеху — вот и всё».

(Йозеф Геббельс)⁸³¹

Первоначально Гитлер планировал создание Министерства пропаганды сразу после прихода к власти, но из опасения противодействия своих консервативных партнеров он создал Минпроп только после мартовских выборов 1933 г., когда стал полностью контролировать правительство. Указом от 30 июня 1934 г. Гитлер назначил руководителем Минпропа 36-летнего Геббельса и передал ему полномочия в сфере духовного развития и воспитания нации, пропаганды новой национальной общности, а также информирования иностранной общественности о сущности и задачах нацистского государства. Новое министерство переняло у МВД ведомство народного политического просвещения, организацию национальных праздников, радиовещание, руководство Высшей политической школой, цензуру над книжной продукцией, отделы искусства, музыки, кино, театра. У МИД новым министерством были отобраны служба новостей, политического просвещения, искусства, кино и спорта. У Министерства экономики — организация ярмарок и право организации централизованной рекламы. У Министерства почт и связи — важные компетенции в сфере радиовещания. У Министерства народного образования — ведомство искусства. В конечном счете министерство Геббельса охватило не только собственно сферу пропаганды, но и частично науку, образование, искусство, воспитание.

После устранения оппозиционных партий материальные возможности для развития нацистской пропаганды

значительно расширились, правда, не за счет конфискации, как это делали большевики, а законным путем: так, во время войны для приобретения огромного гугенберговского издательства «Шерл-ферлаг» партия заплатила 64,1 млн марок⁸³². В сфере прессы нацистские власти с самого начала действовали весьма радикально — путем запретов по политическим мотивам. В апреле 1933 г. председателем Имперского союза немецкой прессы стал пресс-шеф НСДАП Отто Дитрих, от которого и зависело запрещение или разрешение издания газет и журналов. Председателем же союза издателей стал директор главного партийного издательства «Эхер» Макс Аманн. Параллельно этим назначениям «Законом о редакторах» от 4 октября 1933 г. был заложен фундамент контроля над содержанием публикаций; Геббельс стал ключевой фигурой нацистской политики в области культуры и искусства. «Закон о редакторах» стал крупной вехой в переходе от плебисцитарных методов к административным. По этому закону евреи и левые («марксисты») (около 1300 журналистов) лишились работы. Законом было установлено, что все журналисты должны стать членами Имперского союза немецкой прессы (и одновременно корпоративной Имперской палаты прессы), это обстоятельство использовалось властями для давления на журналистов — они должны были подчиниться властям или потерять работу.

В апреле 1935 г. глава Союза издателей и одновременно председатель Палаты прессы Аманн выпустил ряд распоряжений, преобразивших газетное дело в Германии. Было введено правило «одно издательство — одна газета», «нерентабельные» издательства закрывались. Аманн всевозможными способами стремился ограничить непартийную прессу и со временем добился своего — к 1939 г. Аманн через несколько холдинговых компаний контролировал 150 издательств. К концу Третьего Рейха в Германии было 350 принадлежащих партии газет, что составляло почти 80%⁸³³ от общего количества изданий. Кто в Германии мог быть издателем, а кто нет, — это зависело от Аманна, впрочем, его монополия на содержание про-

паганды не влияла; этим заведовал Геббельс. Интересно отметить, что — по сообщениям журналистов — после запрета коммунистической прессы в рабочих кварталах газеты стали читать значительно меньше, а бывшие подписчики коммунистической прессы отказывались подписываться на какие-либо другие издания. Обеспечивая пропагандистское воздействие нацистского режима на рабочий класс в сфере прессы, Геббельс распорядился продолжить выпуск ряда изданий (бывших коммунистических) под теми же названиями, но с другим содержанием (некоторые названия слегка изменили, чтобы привлечь ассоциативное внимание. Так, популярный среди рабочих иллюстрированный еженедельник *AIZ* — *Arbeiter Illustrierte Zeitung* стали издавать под созвучным названием *ABZ* (*ABZ* — *Arbeit und Zeit*)⁸³⁴.

Помимо контроля над журналистами вскоре после прихода к власти нацисты стали практиковать прямое руководство прессой: в Министерстве пропаганды ежедневно устраивалась пресс-конференция, на которой журналистам растолковывали, что следует писать и каким образом оценивать происходящее. Впрочем, как писал в свое время Оруэлл, «все животные равны, но есть животные равнее других»: газетой, которая порой допускала фрондирование, был еженедельник, в котором часто появлялись статьи самого Геббельса — *Das Reich*. По функциям идеологической отдушины он несколько напоминал «Литературную газету» в СССР застойных времен. *Das Reich* впервые появился в газетных киосках Германии 26 мая 1940 г. Половину объема газеты составляли тщательно подобранные критические материалы на темы литературы, науки, искусства и литературные очерки. Сведущих немецких читателей поразило то, что большинство авторов были крупными либеральными журналистами из старых немецких газет. Не было более или менее заметного журналиста в Германии, который не был бы привлечен к сотрудничеству в газете *Das Reich*. Напротив, журналисты, известные своими пронацистскими настроениями, были там представлены слабо. Тон газеты был

скорее нейтральный. Несмотря на постоянный дефицит бумаги, газета была довольно объемной (до 30 листов большого газетного формата) и к октябрю 1940 г. она выходила тиражом в 500 тыс. экземпляров, а к марту 1944 г. тираж был 1,4 млн. *Das Reich* была очень популярна в среде немецкой интеллигенции и среди офицеров. Ее с удовольствием читали и за границей — по непроверенным данным, только в Швейцарии было 50 тыс. постоянных подписчиков этой газеты⁸³⁵.

Инициатива создания *Das Reich* исходила от молодого журналиста Карла Андерса, которого поддержал его непосредственный начальник Рольф Ринхардт. Последний был руководителем «штаба» Макса Аманна. Аманный, влиятельный функционер и способный организатор, в войну был однополчанином Гитлера. Ринхардт был молодым человеком, претендовавшим на участие в формировании «просвещенного» национал-социализма и отвергавшим «мюнхенский фашизм». Он был сторонником поворота нацизма в сторону правого центра, авторитарного сословного государства, формирования сената, который при необходимости имел бы право тройным вето сместить фюрера; также он высказывался в пользу «позитивного христианства». Во время войны, перспективы которой на Востоке он сразу оценивал весьма негативно, Ринхардт пытался из ветеранов партии создать внутрипартийную оппозицию, которая должна была в подходящий момент «поправить» политический курс Гитлера. Поведение Ринхардта не следует оценивать как попытку Сопrotивления, оно было свидетельством желания «улучшить» нацизм, исправить «ошибки»⁸³⁶. Ринхардт видел свою задачу в «духовном углублении нацизма», этой цели он хотел добиться в контакте с профессиональными журналистами. Ринхардт и Андерс разработали программу новой газеты: она должна была стать изданием самого высокого уровня, в ней должны были сотрудничать лучшие журналисты страны, обсуждаться самые важные для Германии проблемы; у газеты должны быть самые квалифицированные иностранные корреспонденты, подбор

кадров должен проводиться не по политическим, а по профессиональным критериям. Аманн одобрил этот план, поскольку был отличным организатором и понимал финансовые выгоды такого проекта; Геббельс был в восторге от программы новой газеты. Главным редактором *Das Reich* стал крупный либеральный журналист доктор Ойген Мюндлер, а потом — креатура Геббельса Ганс Шварц ван Берк, который сам себя называл «пессимистическим национал-социалистом».

После унификации прессы все-таки остались (кроме *Das Reich*) такие газеты, как «Франкфуртер альгемайне цайтунг», «Кёльнише цайтунг», имевшие за рубежом авторитет старейших либеральных газет Германии. «Кёльнише цайтунг» подтвердила свою репутацию, опубликовав статью Ромена Роллана с протестом против акции сожжения книг. Это, впрочем, было исключение.

Так же быстро нацисты прибрали к рукам и радио — функции управления этой важной сферой пропаганды перешло от Министерства почт к геббельсовскому министерству. До 1934 г. все земельные компетенции в сфере радио также перешли к Геббельсу. Как и в прессе, на радио были проведены колоссальные персональные изменения — все неугодные нацистам редакторы и интенданты были уволены. Столь же эффективно и быстро осуществилась нацистская унификация сферы кино, целиком перешедшего в ведение Министерства пропаганды.

Первым и бесспорным успехом Геббельса на посту министра пропаганды была организация празднования «дня Потсдама» 21 марта 1933 г. (21 марта 1871 г. открылся первый рейхстаг объединенной Германии), когда при помощи удачного сценария церемонии открытия рейхстага нового созыва⁸³⁷ нацисты смогли публично продемонстрировать единство правого политического спектра (которого на самом деле не было). В 12.00 «неизвестный ефрейтор мировой войны»⁸³⁸ канцлер Гитлер и президент Пауль фон Гинденбург встретились на ступеньках потсдамской гарнизонной церкви. На гостевой трибуне почетное место

занимал кронпринц в гусарской форме; кресло, в котором обычно сидел кайзер Вильгельм II, было пусто. После службы Гинденбург поклонился пустому креслу и произнес небольшую речь, смысл которой сводился к тому, что абсолютное большинство немецкого народа стоит за правительство Гитлера. В заключение президент призвал приступить к работе на благо объединенной независимой гордой Германии. Потом говорил Гитлер; он был подчеркнуто торжествен, в общих чертах обрисовал программу своего правительства и призвал рейхстаг к сотрудничеству. После этого президент в одиночку спустился в склеп церкви и возложил венок на могилу Фридриха Великого. В момент возложения венка прозвучал ружейный салют, затем запел хор, все выглядело благостно и торжественно. Геббельс писал, что присутствующие были глубоко тронуты⁸³⁹. Французский посол в дневнике отметил, что торжественный акт был построен так, как будто Третий Рейх продолжает дело Второго⁸⁴⁰. Собственно, Геббельс к этому и стремился. 10 дней спустя Геббельс поставил праздник «национального пробуждения», приуроченный ко дню рождения Отто фон Бисмарка (1 апреля). Редакционная статья ФБ по поводу этого праздника носила характерное название «От Бисмарка до Гитлера»⁸⁴¹. Не менее характерно, что в дальнейшем в пропагандистских инсценировках тему дня рождения Бисмарка больше не использовали — нацистам стали не нужны консервативные ориентиры: они отыграли свою роль. Обстановку национального подъема и воодушевления Геббельс искусно поддерживал на протяжении всего 1933 г. Не в последнюю очередь национальная эйфория, связанная с консолидацией нации вокруг старых консервативных идей в 1933 г., закрыла многим немцам глаза на злоупотребления властью и даже на «дикие» концлагеря штурмовиков.

Стараниями Минпропа первый после прихода к власти партийный «съезд победителей» в 1933 г. в Нюрнберге прошел необыкновенно пышно и торжественно: на Цепелиновом лугу маршировало 10 тыс. человек, на трибунах находилось 120 тыс. человек, торжественным маршем

проходили отдельные партийные формирования; 45 тыс. участников имперской трудовой повинности прошагали с лопатами на плечах. После захода солнца были устроены грандиозный фейерверк и факельное шествие; огромная арена для построений подразделений партии была иллюминирована, десятки оркестров оглушали маршами, гимнами, кантатами; сотни зенитных прожекторов сходящимися в облаках лучами создали «собор света»: возникла иллюзия грандиозного замкнутого пространства, помещения, потолок которого образовывало небо. Все это создавало атмосферу внутреннего подъема и подавляло всякую возможность критической оценки происходящего. Именно на такой результат министр пропаганды и ориентировался. Геббельс так формулировал задачи своего министерства: «Если это правительство (правительство Гитлера. — О. П.) намерено никогда и ни при каких обстоятельствах не отступить, тогда ему нужно прибегнуть не к жесткой и прямолинейной силе штыка: с его помощью не создать за правительством прочного большинства на продолжительное время и не обеспечить уверенности в том, что оставшиеся вне влияния правительства 48% немцев не будут оппозиционными правительственной политике и в дальнейшем»⁸⁴².

Следующие партийные съезды были оформлены с еще большей помпой и их пропагандистское воздействие трудно переоценить. Дабы не быть голословным, следует адресовать читателя к документальным кадрам, до нашего времени сохранившим наглядные примеры такого воздействия. Блестящий знаток истории нацистской Германии Алан Буллок указывал, что вряд ли можно найти более яркое свидетельство изощренности нацистской пропаганды, нежели фильм, снятый Лени Рифеншталь (немцы называли ее «Эйзенштейн в юбке») во время партийного съезда 1934 г. и называвшийся «Триумф воли»⁸⁴³. Этот фильм до сих пор поражает образным решением, многочисленными художественными и операторскими находками, в полной мере донесшими до нас степень эйфории и пафоса, царивших на этом съезде; легко

представить, какое впечатление он произвел на современников.

НСДАП провела десять съездов — два первых в Мюнхене и Веймаре, а все остальные (1927, 1929, и ежегодно — с 1933 по 1938 г.) — в Нюрнберге. В пользу Нюрнберга сыграло то обстоятельство, что в период Священной Римской империи германской нации он долго был «городом рейхстагов» (*Stadt der Reichstage*), что переделали в созвучное — «город имперских партсъездов» (*Stadt der Reichsparteitage*)⁸⁴⁴. Гитлер не скрывал своей любви к Нюрнбергу. Большую пропагандистскую ценность представляло то обстоятельство, что Нюрнберг от Средневековья до Ренессанса был одним из ведущих немецких городов, а в XIX в. он стал олицетворением патриотических идеалов. Лучшего места для демонстрации собственных политических идеалов, чем Нюрнберг — наследник Первого и Второго рейха — Минпропу найти было трудно. Нюрнберг (как Гамбург, Любек и Аугсбург) был свободным городом, подчинявшимся в свое время только императору. Важно еще и то, что Нюрнберг стал первым имперским городом, взявшим сторону протестантизма. В эпоху Просвещения и немецкого идеализма, которые были ориентированы на французские образцы, Нюрнберг оказался забыт и заброшен. В романтическую же пору начала XIX в. он вновь оказался в центре внимания и стал одним из национальных символов, каковыми были «город ярмарок Лейпциг», «ганзейский город Любек», «город-порт Росток». Вагнеровские «Нюрнбергские мейстерзингеры» также подспудно зывали к национальному величию и «святому немецкому искусству». Бургомистр Нюрнберга на каждом съезде преподносил Гитлеру какой-либо символический подарок — на партийном «съезде победителей» (1933 г.) это была знаменитая гравюра Дюрера (уроженца Нюрнберга) «Рыцарь, смерть и чёрт»; на «съезде свободы» (1935 г.) — копия императорского меча, оригинал которого хранился в венском Хофбурге. После аншлюса Австрии Гитлер даже распорядился перевезти из Вены в Нюрнберг имперские инсигнии (речь

идет об инсигниях Священной Римской империи немецкой нации, просуществовавшей почти 900 лет)⁸⁴⁵. В год возвращения инсигний в Нюрнберге завершился очередной партийный съезд — «съезд великой Германии», а на сентябрь 1939 г. был запланирован очередной партийный съезд под девизом «партсъезд мира», но ему не суждено было состояться: в сентябре вермахт уже воевал в Польше...⁸⁴⁶

Интересно, что в 1973 г. место для проведения имперских съездов партии (*Reichsparteitaggelände*) было взято под охрану государства как исторический памятник. Оно вошло в список городских достопримечательностей; в 1999 г. в полумиллионном Нюрнберге побывало 1,3 млн туристов⁸⁴⁷.

Геббельсом были безупречно срежиссированы, оформлены и — что особенно важно — преподнесены общественности Олимпийские игры 1936 г., государственный визит Муссолини 1937 г.; огромный пропагандистский эффект имела инсценировка подписания Компьенского перемирия в музейном вагончике Фоша после поражения Франции в 1940 г. — в том самом вагончике, в котором было подписано перемирие 1918 г.; также значительный эффект имела процедура перезахоронения «мучеников движения» (в 1935 г.), погибших 8 ноября 1923 г. Их останки торжественно провезли через Триумфальную арку в Мюнхене и перезахоронили в специально отстроенном «Храме чести» на Королевской площади баварской метрополии. Все эти мероприятия были настолько профессионально организованы, что вызывали любопытство, а порой и воодушевление даже за пределами Германии.

Не следует, однако, думать, что поводы для режиссуры общественной жизни и настроений предоставлялись лишь по торжественным случаям — это не так. Дело в том, что каждый немец обязательно состоял («был охвачен») в какой-либо из многочисленных организаций партии или примыкающих к ней подразделений, а каждая из них, как правило, один раз в неделю (а на практике гораздо чаще) обязана была проводить собрания, на которых члены этих организаций подвергались интенсивному

воздействию со стороны специально подготовленных инструкторов-пропагандистов. Простейшей и весьма действенной формой создания чувства общности на подобных собраниях были исполнение партийного гимна и торжественный внос знамен. Каждое мероприятие заканчивалось клятвой верности режиму и фюреру.

Одной из самых удачных находок и достижений пропаганды стали нацистские утренники («утренние праздники», *Morgenfeier*), устраиваемые в воскресенья по утрам как раз в то время, когда в церкви начиналась служба и добропорядочные бюргеры направлялись к заутрене. Первый такой утренник был устроен в июне 1935 г.; он транслировался по радио, а в 1936 г. в Берлине устроили первый доступный публике утренник. За два последних предвоенных года партийные пропагандисты устроили в некоторых гау по различным поводам (политические события или исторические памятные даты) множество утренников. Никакой «принудилочки» в посещении этих утренников сначала не было; они инсценировались как литургия, как замена посещения церкви. Нацистское руководство к этому стремилось вполне осознанно, например, в 1935 г. министр внутренних дел Вильгельм Фрик на партийной конференции гау Северная Вестфалия заявил о необходимости полной деконфессионализации общественной жизни Германии⁸⁴⁸. С началом войны утренние праздники стали самостоятельной формой пропагандистской деятельности НСДАП, и одной из их целей стало достижение полной светскости немецкого общества.

По замыслу партийных пропагандистов, утренники должны были воспламенять те чувства и силы души, которые «во все времена были необходимы для борьбы за существование народа, расы: решимость к борьбе, жизнеутверждающее начало, чувство чести, верность, любовь к свободе, чувство долга, волю к победе, послушание, дисциплина, мужество, храбрость, жертвенность»⁸⁴⁹. Оформление помещений для утренников было, как правило, скромным, но достойным; подбирались хорошая музыка (Бетховен, Гендель, Бах). Часто наряду с торжественной

речью зачитывали «слово фюрера», особенно ценилось хорошо скомпонованное действие и «речевка» по теме утренника: чествования какого-либо нацистского иерарха, праздника урожая, по поводу награждения «почетным крестом матери» или по случаю выдачи значков членов партии. Соответствующие партийные инстанции требовали, чтобы местные партийные группы проводили такие утренники не реже одного раза в месяц; в идеале утренники должны были проводиться каждую неделю. ГЮ свои утренники устраивал на предприятиях (их называли «производственными линейками», *Betriebsapelle*), в деревнях проводили деревенские народные собрания (*Dorfgemeinschaftsabende*)⁸⁵⁰.

Сначала выбор темы очередного утренника или линейки был произвольный (всевозможных тем было огромное количество), но с декабря 1941 г. перешли к унификации, и все утренники во всех партийных организациях проходили одновременно и были посвящены одной и той же теме. Всего в рейхе проводилось 200 таких одинаковых утренников: 120 городов с населением свыше 50 тыс. были вовлечены в это мероприятие, остальные 80 утренников были распределены между городами с населением свыше 100 тыс.⁸⁵¹

Широкомасштабная пропаганда порой творила настоящие чудеса. Так, кривая рождаемости и браков к 1933 г. упала до самой низкой отметки. Чтобы преодолеть эту тенденцию, в ход был пущен весь пропагандистский аппарат. Началась последовательная борьба против безбрачия: сотрудники Геббельса следили, чтобы в СМИ не проходил ни один материал, который хоть как-то не работал бы в заданном направлении. Семью изображали идеальной целью всех юношей и девушек; многодетные семьи превозносились в прессе, в кино, в романах, в изобразительном искусстве; пропагандистская активность подкреплялась тем, что многодетным семьям предоставлялась помощь: детские ясли, пособия, налоговые льготы. Поразительный успех этой пропагандистской кампании показал, насколько глубоко пропаганда смогла внедриться в интимную сферу. Выросшая рождаемость

и количество браков преподносились нацистскими пропагандистами как бесспорное доказательство того, что доверие к новой власти растет, что она действительно является основой чувства национальной общности.

Разумеется, в пропаганде гитлеровцы не брезговали подтасовками, иногда и ложью; так, Гитлер утверждал, что в Веймарской республике ежегодно совершалось до 20 тыс. самоубийств, при этом он умалчивал о том, что после 1933 г. число самоубийств выросло⁸⁵². Демагогия, а подчас и откровенная дезинформация были составной частью пропаганды; в Берлине ходил анекдот: Геббельс докладывает Гитлеру о готовности к началу митинга: «мой фюрер, восемь тысяч штурмовиков ждут ваших распоряжений внутри зала и восемь тысяч снаружи, итого восемьдесят восемь тысяч штурмовиков готовы к исполнению любого вашего приказа»⁸⁵³. Таким же преувеличением было утверждение пропаганды (в 1937 г., когда закончился Нюрнбергский съезд) о том, что если сложить стопку газет из ежедневного тиража всей германской прессы, то она вознесется в стратосферу на 20 км (в то время как зарубежные «клеветники» твердили об упадке немецкой прессы); во время визита Муссолини в Берлин писали, что на полотнища и транспаранты для украшения улиц, по которым ехал дуче, ушло 40 тыс. метров ткани⁸⁵⁴. Американский экономист Питер Дракер вспоминал, что еще до 1933 г. слышал одного нацистского пропагандиста: «Нам не нужно повышение цен на хлеб! Нам не нужно и понижение цен на хлеб! Нам вообще не нужны прежние цены на хлеб! Нам нужны национал-социалистические цены на хлеб!»⁸⁵⁵ Пропагандистское воздействие таких демагогических оборотов бывало значительным, поскольку политическая пропаганда, как и торговая реклама — это всегда преувеличение одного в ущерб другому, в ущерб объективности.

Значительное место в работе Министерства пропаганды занимала сфера культуры, за которую было ответственно «Главное ведомство культуры», возглавляемое Герффом. В отличие от сословной организации, каковой была «Им-

перская палата культуры»; ведомство Герффа имело исполнительные функции и было государственным органом. Это учреждение состояло из следующих подразделений: отдел праздников, свободного времени и организации оформления праздников во главе с Германом Лизе, отдел организации культурной работы в сельских общинах во главе с Вильгельмом Ремом (*Rehm*), отдел народной культуры во главе с Адамовски, отдел музыки во главе с Вольфгангом Штумме, отдел изобразительных искусств во главе с Генрихом Харгманом, писательский отдел во главе с Дилем⁸⁵⁶. Эти подразделения соперничали за компетенции с ведомством уполномоченного фюрера по духовному и мировоззренческому обучению и воспитанию в НСДАП Альфредом Розенбергом, который, в отличие от Геббельса, не обладал достоинствами профессионала, но имел непомерные амбиции. Также соперником министерства Геббельса выступал отдел «народных обычаев» в КДФ, главной задачей которого было внедрить и снова сделать важнейшей частью жизни общества традиционные формы проведения праздников и обычаи. Для этих целей отдел выпускал массу печатных материалов и издавал собственный журнал. Большое значение в процессе культурной работы имело то обстоятельство, что все остальные культурные мероприятия, не входившие в планы НСДАП и ее подразделений, запрещались; таким образом, партия получала монополию на оформление и организацию общественной жизни. Борясь за расширение компетенций, 7 мая 1942 г. в рамках министерства Геббельс создал новую организацию «Национал-социалистическая народная культура»; ей подчинились многочисленные творческие союзы — Немецкий певческий союз (750 тыс. активных певцов), Имперский союз народной музыки (12 тыс. хоров в общинах), Объединение смешанных хоров Германии, Союз немецких народных театров, Имперский союз поддержки народных обычаев, Имперский народный книжный союз. Постоянно противодействуя всевозможным проявлениям активности извне, новое подразделение тем не менее развило

довольно большую активность и в иных сферах; результаты его работы были впечатляющими. Большим новшеством для Германии стало и объединение в рамках одной организации всех библиотекарей, книготорговцев и писателей.

Хроническая нехватка денег не позволяла нацистским пропагандистам до 1933 г. развернуться по-настоящему: в стиле, который они избрали, огромное значение имели масштаб, размах, помпа, количество, тяжеловесность и избыточность. После 1933 г. стало возможным использовать государственные средства; на второй год нацистского режима части публичных пропагандистских мероприятий был присвоен государственный статус — Дню прихода к власти (30 января), Дню рождения Гитлера (20 апреля), Дню национального труда (1 мая), Дню празднования урожая (9 ноября). Два последних праздника стали выходными днями. В эти дни по всей Германии проводились празднества, факельные шествия, митинги, парады, утренники и праздничные вечера. Весь праздничный день с утра был заполнен музыкой многочисленных капелл, вечером обязательно был фейерверк. Паузы между большими мероприятиями заполняли бесчисленные собрания, митинги, школьные построения, дни памяти и тому подобное. Все мероприятия в такие дни находились в компетенции Минпропа; соответственно, именно через это министерство шли и выделенные средства.

Новые финансовые возможности позволили Минпропу по-новому оформить и годовой цикл праздников: в нацистской Германии он начинался 30 января с празднования Дня национальной революции и прихода к власти; в праздник основания партии (24 февраля) проводили торжественный прием в ряды партии; День памяти героев был в марте; День рождения Гитлера — 20 апреля; праздник национального труда — 1 мая; День матери — во второе воскресенье мая; был также праздник летнего солнцестояния; в сентябре проводили съезд НСДАП в Нюрнберге; в октябре — праздник урожая; 9 ноября — День памяти

павших (погибших во время «пивного путча»); праздновался и зимний солнцеворот. Все 14 праздников годового цикла были спланированы нацистскими режиссерами.

В 1933—1935 гг. дни рождения Гитлера еще отмечали с подчеркнутой простотой, затем же — с огромной помпой. Три больших серии мероприятий сопровождали празднование дня рождения фюрера. Первое — принятие 10-летних мальчиков в гитлерюгенд, второе — присяга вновь назначенных политических руководителей и функционеров партии Гитлеру, третье — военный парад. Военный парад проходил в Берлине и в каждом городе, где был свой гарнизон. Масштабы этих парадов были разные: так, военный парад в Берлине 20 апреля 1939 г. длился 4 часа, полки проходили в шеренгу по 12 человек, на трибунах присутствовало 20 тыс. почетных гостей.

Геббельсовские пропагандисты смогли превратить 1 мая в собственный праздник, не менее ловко они приспособили для своих целей и Праздник урожая. Нацистские режиссеры сделали его крупным общественным событием, с огромной помпой отмечавшимся на горе Бюкельберг у городка Гаммельн на реке Везер. 1 октября 220 специальных поездов доставляли на место праздника около 500 тыс. крестьян. «День немецкого крестьянина» начинался с грандиозного митинга, на котором Гитлер выступал с хвалебными речами в адрес крестьян как «первых и самых значительных носителей немецкой культуры и народности и гарантов будущего». С 1934 г. праздник урожая стал государственным, в процессе идеологизации первоначальный его смысл — благодарение творцу за урожай — практически исчез. Склоны горы Бюкельберг стали гигантских размеров естественными трибунами: в 1934 г. было 700 тыс. участников праздника, в 1934—1935 гг. — 1 млн, в 1937 г. — 1,2 млн. Многочисленные оркестры, танцевальные группы, море флагов, вымпелов и праздничных венков урожая, самолеты и дирижабли в воздухе — все это создавало непередаваемую атмосферу грандиозного праздника. В первой половине дня Гитлер в Госларе принимал крестьянскую депутацию с поздравлениями

и подарками, а затем на открытой машине, приветствуемый ликующими толпами, сквозь многочисленные разукрашенные цветами ворота он ехал на Бюкельберг. С его прибытием раздавался 21 пушечный залп, что означало начало праздника. От подножия горы сквозь построенные шпалерами группы крестьян Гитлер 800 метров шел к вершине. Восхождение Гитлера на гору и составляло главное событие праздника. В качестве второго по значению события дня фигурировало «чествование крестьян и крестьянок, ведущих героическую и самоотверженную борьбу за пропитание народа»; оно выражалось в хвалебных речах, адресованных крестьянам, в подарках передовикам.

Праздник летнего солнцестояния, первоначально находившийся в компетенции местных партийных пропагандистов, был унифицирован Минпропом в 1935 г.: центром его стала любекская бухта, на берегу которой (и одновременно во всем рейхе) зажигались огни, являвшиеся главным символом праздника; в 1935 г. начали отмечать и День зимнего солнцеворота. Главным действующим лицом этого праздника были СС. На горе Брокен зажигали огонь и он шестью лучами от факелов, которые несли ээсовцы, «расходилась до границ рейха». ГЮ принимал обязательство хранить этот огонь до Дня летнего солнцестояния, когда СС вновь начинали свою факельную процедуру. Эти праздники строились прежде всего вокруг огня; нацистские пропагандисты приняли во внимание ощущения людей, собиравшихся ночью у огромного костра: сама атмосфера такого собрания побуждала к мыслям о бренности существования, о величии и т. д.

В 1934 г., намереваясь противостоять церковному влиянию, геббельсовские режиссеры общественной жизни создали собственное «национал-социалистическое рождество». В этот год было устроено 30 тыс. праздников для нуждающихся детей; только в Берлине в самых оживленных местах для раздач подарков было расставлено 700 столов.

Менее серьезное значение имел праздник Дня матери, который пришел в Германию из США только после окончания Первой мировой войны. Нацистские режиссеры

заявили, что этот праздник происходит из Скандинавии, а не из США, и установили его празднование во второе воскресенье мая. До 1938 г. в день празднования Дня матери нацистская пропаганда ограничивалась речью министра внутренних дел Фрика, который превозносил женщин как хранительниц и продолжательниц национальной традиции и расы, а с 1939 г. — с учетом гитлеровских установок на увеличение рождаемости — был учрежден Почетный крест, который вручался многодетным матерям в День матери во время утреннего праздника.

Три памятных дня в истории партии означали начало, поворотный момент и триумф НСДАП, и их празднование имело целью поддержать в обществе представление об «историческом значении движения»: 24 февраля (день принятия программы в 1920 г.), 30 января — день прихода к власти в 1933 г., 9 ноября — день памяти «мучеников национал-социализма», убитых во время «пивного путча» в 1923 г. Первый праздник со временем становился все менее заметным. Напротив, празднование 30 января со временем обрастало все новыми поводами: в 1934 г. Гитлер избрал этот день для провозглашения закона об унификации земель, в 1935 г. был провозглашен закон о штатгальтерах, 30 января 1933 г. рейхстаг единогласно продлил «Закон о чрезвычайных полномочиях» еще на 4 года, 30 января 1936 г. 35 тыс. старейших членов партии повторили «историческое» факельное шествие, когда в 1933 г. около 700 тыс. человек между 20.00 и 24.00 прошли по Вильгельмштрассе. Организаторы повторения факельного шествия в 1936 г. позаботились даже о коксовых печках для обогрева зевак на зимних улицах Берлина. В войну же из-за бомбежек празднование перенесли во Дворец спорта.

На втором съезде партии в Веймаре Гитлер объявил день «пивного путча» главным траурным днем движения, а «знамя цвета крови», бывшее с путчистами в тот день и «обогрелое их кровью», было возведено в ранг главной партийной реликвии, «магическая» сила которого для освящения других партийных знамен подтверждалась на

каждом последующем съезде партии. Церемония освящения знамен была продумана до тонкостей и вызывала массовую истерию, наподобие религиозной⁸⁵⁷. Напряжение нарастало с каждым новым ружейным залпом, сопровождавшим прикосновение (и таким образом «освящение») нового знамени тем самым окровавленным знаменем партии 1923 г. Так, один современник передавал в мемуарах, что эффект от подобной постановки был даже в кино: 19 сентября 1933 г. в кино как раз показывали ритуал освящения новых штандартов СА, которые Гитлер осеял знаменем 1923 г. Даже в кинотеатре и театральность и текст били без промаха: люди сидели, охваченные благоговейным трепетом — никто не смел кашлянуть, чихнуть, не было ни обычного шороха от кульков со снедью, и вообще — ни звука, ибо партийный съезд был культовым священнодействием, явлением национал-социалистической религии⁸⁵⁸.

Мюнхен был объявлен «столицей движения». 3 ноября 1935 г. там было завершено строительство двух «Почетных храмов», где и были перезахоронены «мученики» движения. Вдоль дороги, по которой их везли к месту захоронений, были возведены сотни пилонов, обтянутых красной материей. Гробы были выставлены перед «Почетными храмами», гауляйтер Баварии выступил вперед и начал выкликать имена 16 погибших. После каждого имени звучало «здесь», тысячекратно повторяемое подразделениями партии, построенными перед храмами. В заключение прозвучал партийный гимн «Хорст Вессель». У храмов был выставлен постоянный почетный караул. В последующие годы заключительную часть этого ритуала партийные пропагандисты повторяли еще с большей помпой. В полночь с 9 на 10 ноября над могилами павших в присутствии Гитлера присягали рекруты СС-Лейбштандарта «Адольф Гитлер». Во время войны программа праздника была сокращена, но он остался. После 1945 г. оба храма были срыты, и сейчас их нет.

День памяти павших под Лангенмарком в 1914 г. — День поминовения — нацистские пропагандисты попыта-

лись превратить в День национальной жертвенности. Миф Лангенмарка в Третьем Рейхе стал немецким соответствием французского и английского культа «неизвестного солдата». В нацистских школьных учебниках Лангенмарк приобрел характер символа героической жертвенности и преданности Германии⁸⁵⁹. Нацистская пропаганда не довольствовалась только собственными идеологическими установками в превознесении настоящих и даже будущих военных достижений и побед, — она хотела обратить в свою пользу даже относящийся к Первой мировой войне старый миф Лангенмарка. Он связан с известным драматическим эпизодом на Западном фронте: с гибелью 24 октября 1914 г. более 10 тыс. немецких солдат, большей частью необученных и неопытных, вчерашних гимназистов и студентов. Они были брошены в лобовую атаку на английские пулеметы; эта бессмысленная бойня (следствие бездарного командования), в немецкой традиции долгое время интерпретировалась как подвиг молодого и возвышенного патриотического энтузиазма и преданности родине. «Миф Лангенмарка» нацистская пропаганда (особенно на первых порах) смогла сделать одним из основных компонентов военной пропаганды, предназначенного для наиболее полной мобилизации немецкой молодежи и народа в целом на войну и жертвы⁸⁶⁰. В 1934 г. правление Имперского союза студентов учредило полугодовые «курсы Лангенмарка» для особо одаренных молодых немцев, имеющих завершенное профессиональное образование, с последующим поступлением в университеты (нечто похожее на советский рабфак). Сдача выпускных экзаменов на этих «курсах Лангенмарка» обеспечивала зачисление в университет. Министерство образования особенно пеклось об этих курсах, которые первоначально действовали только в двух университетах (Гейдельберга и Кенигсберга), а во время войны — еще в 8 университетах⁸⁶¹.

Кульминацию же нацистского цикла праздников и, соответственно, режиссуры общественной жизни представляла собой организация и проведение партийного

съезда. Первоначально это были четырехдневные, затем семидневные и, наконец, восьмидневные пышные и дорогостоящие торжества, проводимые Минпропом. К 1936 г. механика проведения партийных съездов сложилась окончательно. Место для проведения партийных съездов по общей площади составляло 32 км². Дорога для выдвижения марширующих колонн шириной в 90 м была вымощена гранитными блоками. На север эта дорога открывалась на городской силуэт Нюрнберга, на юг — на центр трибун так называемого Майского поля с огромным имперским орлом над трибунами; этот орел должен был символизировать связь прошлого немецкого величия и современных имперских притязаний. Луитпольд-арена находилась в северо-восточном углу поля; там в 1935 г. Гитлер заложил камень в фундамент Дворца конгрессов. Этот дворец должен был вмещать 60 тыс. человек. «Нужно построить такой дворец,— сказал Гитлер,— который вмещал бы в своих стенах всех самых лучших членов партии ежегодно. Если же нашему движению когда-нибудь суждено пресечься, то века после этого должен этот дворец напоминать всем о нашей партии и ее величии. Посреди рощи древних дубов люди с восхищением и почтением будут взирать на самое большое здание Третьего Рейха»⁸⁶². Трибуны на Цеппелиновом лугу для 100 тыс. зрителей были готовы в 1938 г. Гитлер и Шпеер планировали завершить строительство так называемого «Немецкого стадиона» на 400 тыс. зрителей и размерами 445x540 м к 1943 г., но большинство циклопических замыслов так и осталось на стадии проектов (в основном из-за войны).

Первый день партийного съезда под звон колоколов начинался торжественным въездом в Нюрнберг Гитлера. Утром Гитлер с балкона отеля «Немецкий двор» принимал парад ГЮ. Церемония открытия съезда была похожа на литургию: огромное помещение бывшего выставочного зала, в котором проходила церемония открытия, было задрапировано белым шелком, а стена за президиумом — красным; золотая свастика в обрамлении зеленых дубо-

вых листьев довершала картину. Первый день заканчивался «Нюрнбергскими мейстерзингерами», обычно в исполнении знаменитого Берлинского филармонического оркестра под руководством Вильгельма Фуртвенглера. На второй день рано утром Гитлер на балконе гостиницы принимал парад знамен гилерюгенда, свезенных в город со всей страны. В это время на Луитпольд-арену постепенно сходились партийные формирования, гремела музыка, пространство и трибуны были красочно убраны. Приезжал Гитлер и происходило открытие съезда.

Третий день начинался парадом имперской трудовой службы (РАД): 50 тыс. загорелых крепких парней с лопатами на плечах образовывали правильный и синхронно передвигающийся блок. Под колокольный звон и многоголосое пение поднимались бесчисленные знамена ДАФ.

Четвертый день был посвящен всевозможным спортивным представлениям, также необыкновенно красочным.

Пятый день был Днем политического руководителя — если членов СА, ДАФ, СС и вермахта можно было показывать при дневном свете — они демонстрировали дисциплину, выправку и четкость шага, то многие из партийных функционеров были раскормленными неповоротливыми толстяками, которых неудобно было выпускать на Цеппелинов луг. Поэтому по предложению Гитлера колонны функционеров пускали в темноте — именно в этот день поздно вечером устраивался самый грандиозный и впечатляющий митинг, во время которого 100 зенитных прожекторов, расставленных на расстоянии в 12 м друг от друга, выстраивали на высоте 8 км «собор света». Возникло ощущение огромного помещения: присутствовавший на съезде британский посол Гендерсон отмечал, что «было одновременно и торжественно и красиво, словно находишься внутри ледяного собора»⁸⁶³. Под оглушительные фанфары Гитлер проходил к трибуне, и когда он ее достигал, вспыхивали прожектора. Подсветка колонн главной трибуны придавала еще более магический характер действу. Когда наступала полная тишина, то за высокими валами, ограждавшими поле, приходило в движение

огромное море знамен местных партийных организаций — десятью колоннами знаменосцы в десять проходов проходили между шпалерами низших функционеров партии. Все выглядело так, будто красный поток затопляет мощные коричневые блоки. Еще больший блеск зрелищу придавало то, что и красные знамена, и золотые орлы на древках знамен дополнительно подсвечивались мощными прожекторами. Лица и фигуры людей не были видны, но это не уменьшало впечатления. В середине поля Гесс проводил церемонию принятия молодых людей в партию. Затем, после исполнения партийного гимна, Гитлер говорил речь, после чего он спускался с трибуны и под звуки марша обходил молодежные формирования партии, которые его дружно приветствовали. Сам по себе Цепелинов луг, вернее, трибуны, устроенные Шпеером с колоссальным размахом, совершенно точно отвечали своим задачам поразить размахом: как писал сам Шпеер, идея этого сооружения была навеяна большим алтарем Зевса из Пергамского музея. Каменные трибуны и портик были 390 м в длину, в высоту — 24 м; по длине сооружение превосходило колоссальные древнеримские термы Каракаллы на 180 м, то есть почти в два раза⁸⁶⁴.

На седьмой день съезда, в воскресенье, показывали строевую подготовку СА и СС: после завтрака 100 тыс. человек в коричневой форме заполняли огромное пространство Луитпольд-арены. Гитлер говорил в микрофон «*Heil meine Männer*», и следовал тысячеголосый ответ: «*Heil mein Führer*». Затем Гитлер по «улице фюрера» в одиночестве шел к трибуне, звучала траурная музыка. Гитлер поднимался на трибуну и начинался многочасовой парад.

На восьмой день (с 1934 г.) обычно проводился самый впечатляющий парад — военной техники вермахта. Сохранившиеся документальные кадры дают представление об этой демонстрации военной мощи, которая превосходила все мероприятия такого рода, когда-либо устраивавшиеся в Европе, включая и военные парады на Красной площади.

Уменьшенную копию Нюрнбергского съезда представляли собой партийные съезды отдельных гау.

Необыкновенно точно атмосферу съездов передала Лени Рифеншталь; она чувствовала натуру Гитлера, который при всей своей тактической ловкости и необыкновенном политическом инстинкте всегда склонялся к тому, чтобы подчинить сценический элемент политическому. На гитлеровскую склонность к церемониальности и стилизации повлияла драматургия опер его любимого композитора Вагнера, а также католическая литургия. Документальный фильм о съезде партии («Триумф воли») превзошел все ожидания Гитлера — ему уже не нужны были никакие фильмы о себе и их больше и не было: «там было показано все, что он хотел видеть»⁸⁶⁵. Вплоть до 1945 г. эта лента не сходила с экранов, и она во многом определила пропагандистский образ Гитлера в массовом немецком сознании.

Биограф Рифеншталь Одри Салкелд указывала, что ни одна картина в мировом кинематографе не вызывала такой длительной полемики, как «Триумф воли». Среди образов, наиболее цепко застрявших в памяти, — сцена с Гитлером, спускающимся в Нюрнберг с затянутого грозовыми облаками неба: явление давно ожидаемого мессии. Достоинство и сдержанность сочетаются с торжественностью и простотой эпизода⁸⁶⁶. В послевоенной критике Рифеншталь обвиняли в том, что она убеждала народ встать под знамена нацистов. На это Рифеншталь отвечала, что в то время 90% немцев выступало на стороне Гитлера и их не нужно было убеждать. На самом деле все, что есть в «Триумфе воли», идет не от Рифеншталь, а от события. Она же предлагала вниманию зрителя блестяще сработанный и проведенный гипнотический церемониал, великолепно оркестрированный оригинальной музыкой Герберта Виндта, в точности уловившего настроение каждого момента. Поль Рот в монографии «Кино до наших дней» (1949 г.) писал о «Триумфе воли»: «Успех этой картины обязан тому факту, что здесь немислимо отделить друг от друга зрелище, моделирующее германскую действительность, и германскую действительность, срежиссированную в виде шоу — это под силу разве что глазу

опытного аналитика, а также тому, что все это было брошено в плавильный тигель талантом, который мы — хотя и неохотно — вынуждены признать одним из самых блистательных в области кино»⁸⁶⁷.

Наряду с бесспорным пропагандистским успехом «Триумфа воли», следует указать и на другие оригинальные и действенные пропагандистские находки Минпропа в распространении образа Гитлера как национального мессии. Однажды подчиненные Геббельса удачно использовали для этого наивный и незатейливый детский рассказ, опубликованный в газете *Münchener Neueste Nachrichten* от 22 июля 1934 г. Рассказ назывался «Бамбергский всадник и девочка Инга». Бамбергский всадник — это широко известная в Германии скульптура из песчаника (1235 г.) в готическом соборе Бамберга, неподалеку от Нюрнберга. Суть рассказа в том, что 9-летняя девочка Инга ходила в этот собор, где ее зачаровало изображение каменного всадника, она вообразила его Парсифалем и хотела, чтобы он с ней заговорил, но, несмотря на ее мольбы, всадник молчал... Веря в возможность оживления скульптуры, девочка продолжала ходить в собор, и в конечном счете она была вознаграждена. Однажды ночью Инга заблудилась в лесу. Неожиданно к ней прискакал Бамбергский всадник и отвез ее домой. По дороге он расспрашивал девочку, как дела в Германии, как живут немцы, счастливы ли они? Инга отвечала, что Германия теперь вновь едина и счастлива, а не разделена на враждующие группы и несчастна, как было до недавнего времени. Девочка спросила Бамбергского всадника, разве он не видел на домах и соборах флагов, знаменующих освобождение? Всадник отвечал девочке утвердительно. На вопрос Инги, чем он занимается, всадник ответил, что стережет покой Германии. Когда они добрались до места, всадник ссадил девочку, развернул коня и поскакал к Рейну. Инга громко крикнула ему в догонку: «Парсифаль!», на что эхо ей принесло: «Германия». Этот рассказ точно отражал приметы времени: немецкий рыцарь Парсифаль, немецкий лес, немецкие просторы, немецкая бе-

локурая девочка, единство народа, новые знамена, обещание светлого будущего. Нацистская мораль переведена в этой истории на детский язык. Бамбергский всадник — это Гитлер, а также и символ пробудившейся Германии. То, что оживило всадника — это национал-социализм и его активность. Получалось так, что Гитлер после долгой ночи унижения возродил наследие гордой немецкой старины⁸⁶⁸. Знаменитая картина, изображающая Гитлера в средневековых доспехах — это есть Бамбергский всадник, иллюстрация к сентиментальному детскому рассказу. Геббельс сразу оценил пропагандистский потенциал этого рассказа и инсценировал его широкое распространение в средствах массовой информации. Простенький детский рассказик настолько ввелся в сознание немцев, что этот образ имел хождение даже среди противников нацистского режима: «Бамбергским всадником» — за его исключительную энергию в подготовке покушения на Гитлера и спасения, таким образом, Германии — участники Сопротивления иногда в шутку называли полковника Клауса фон Штауффенберга⁸⁶⁹. Это безусловно свидетельствует об эффективности нацистской пропаганды в создании образов и стереотипов, служивших становлению национальной общности, как ее понимали нацисты.

Нацистская пропаганда и общество в войну

«Прусский король Фридрих II, генерал-фельдмаршал Гинденбург и император Наполеон на том свете беседуют о способах и перспективах ведения современной войны. Фридрих говорит, что если бы в годы Семилетней войны были самолеты, то он в семь дней закончил бы войну победой. Гинденбург добавляет, что если бы у Германии было столько танков, сколько у Гитлера, то русские в 1914 г. вообще бы не вошли в Восточную Пруссию. А Наполеон замечает, что

если бы в 1812г. у него в подчинении был доктор Геббельс, то французы вообще бы не узнали о неудаче русского похода».

(Немецкий анекдот времен войны)⁸⁷⁰

«Фанатизм — это единственная “сила воли”, которую можно придать слабым и неуверенным в себе».

(Ф. Ницше)

Война резко прервала эксцессивное расширение режиссуры общественной жизни: такие большие праздники, как 1 мая или День урожая уже не могли отмечаться в прежних масштабах, не говоря уже о том, что партийные съезды в войну вовсе не проводились, а крупные митинги по причинам безопасности устраивались крайне редко. Минпроп, однако, нашел массу других дел, связанных с формированием отношения к войне немецкой общественности и достижением максимальной лояльности немецкого тыла в войну.

Во время войны нацистская контрпропаганда, направленная против вражеских стран, особым успехом не пользовалась и по существу провалилась: большую роль в формировании атмосферы враждебности по отношению к нацистскому режиму в воюющих странах сыграла необыкновенная радикализация войны на Восточном фронте. Своими преступлениями нацисты сплотили против себя весь мир; антигитлеровская коалиция была скреплена единой задачей — уничтожить нацистское государство. Это единодушие и решительность врагов Германии перевесили все ухищрения Геббельса, зато последний торжествовал в борьбе за немецкое общественное мнение.

Целеустремленная борьба Минпропа за немецкое общественное мнение началась с объявлением войны Польше, а когда Англия объявила войну Германии, в немецкой пропаганде мгновенно произошла метаморфоза — нацистские журналисты бросились обличать Великобританию как страну реакционную и — вследствие ужасной капи-

талистической эксплуатации — социально разлагающуюся. От Вернера Зомбарта пропагандисты переняли старый тезис о том, что англичане — это евреи среди арийских народов; развивалась мысль о том, что со стороны немцев война была окутана ореолом романтической борьбы и героизма, а для англичан она была простым капиталистическим предприятием. По распоряжению Геббельса учителя, входя в класс, должны были провозглашать «Боже, покарай Англию», а ученики в ответ говорили: «Он ее обязательно покарает»⁸⁷¹. Геббельс боялся повторить ошибки немецкой военной пропаганды периода Первой мировой войны, он наставлял подчиненных: «Всему миру вновь и вновь нужно предметно доказывать, что именно Англия и Франция объявили нам войну, и теперь они должны за это заплатить. Они попадут в яму, которую рыли для других. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы мы вновь оказались в роли обвиняемых»⁸⁷². Геббельс распорядился принять соответствующие меры против западных пропагандистских «страшилок» (*Greuelpropaganda*), то есть рассказов о немецких зверствах (как в Первую мировую войну о баварцах, поднимающих на штыки младенцев); немецкой прессе было указано учредить в газетах соответствующую рубрику со «страшилками» о противнике. Столь же настойчиво проводилась и кампания по организации ненависти к французам, этим «онегритянившимся садистам» — таким образом им припоминали оккупацию рейнских земель и Рура. Следствием пропаганды стало то, что если до войны к французам существовало какое-то двойственное отношение (многие немцы считали, что Франция против своей воли оказалась в союзе с Англией), то теперь немецкая общественность стала ставить Францию на одну доску с «коварным Альбионом»⁸⁷³.

В первый (успешный для нацистов) период войны немецкая пропаганда полностью принималась немцами на веру, о чем свидетельствуют в целом весьма объективные донесения СД в «Вестях из рейха». Даже шаткое утверждение о том, что нападение на нейтральные Голландию и Бельгию (10 мая 1940 г.) последовало вследствие

сотрудничества этих стран с Францией и Англией, в немецком обществе было воспринято как отвечающее истине⁸⁷⁴. Весьма удачным следует признать и решение Геббельса не давать чрезмерно оптимистичных прогнозов развития французского похода вермахта; тем большей была эйфория после сенсационно быстрой победы над Францией. СД передавала, что с началом войны на Западе немцы были уверены, что теперь события не будут развиваться так быстро, как это было в Норвегии или в Польше⁸⁷⁵. Большого энтузиазма не было, от этого эффектная немецкая победа над Францией стала в глазах немецкой общественности еще более яркой. Согласие народа и правительства было как никогда велико; казалось, ничто более не угрожает единству нации: Геббельс на радостях даже распорядился не контролировать более прослушивание иностранных радиостанций⁸⁷⁶, правда, это распоряжение было впоследствии отменено. Он мастерски организовал встречу Гитлера после победы над Францией — 6 июля 1940 г., когда фюрер вернулся в Берлин, на вокзале его встречала воодушевленная толпа. Гитлер был настолько тронут встречей, что, услышав при обходе почетного караула свой любимый «Баденвейлеровский марш», прослезился. Дорога от вокзала до рейхсканцелярии была усыпана цветами, а когда Гитлер вышел на балкон, сотысячная толпа берлинцев приветствовала его единодушным «хайль» и вытянутыми в «гитлеровском приветствии» руками. Это была настоящая демонстрация единства фюрера и народа⁸⁷⁷.

Так же реагировал Геббельс на скептическое отношение немцев (об этом доносила СД в «Вестях из рейха») к вновь объявившимся союзникам — итальянцам, которые в последней фазе войны с Францией выступили на стороне Германии и которых немецкая общественность — в общем, правильно — расценила как «захребетников». Как только до Геббельса дошли такие отклики, он мгновенно распорядился представить дело так, что Италия не вступала в войну по стратегическим соображениям фюрера, и если бы это потребовалось, Италия вступила бы

в войну раньше⁸⁷⁸. Геббельс, впрочем, прекрасно понимал, что вряд ли удастся сломать стереотип итальянцев как невоинственной нации; он знал, что немцы не забыли «предательство» итальянцев в 1915 г. и в последующем старался обратить общее скептическое отношение к союзникам в более приемлемое или нейтральное русло — это ему удавалось вплоть до выхода Италии из войны летом 1943 г.

Даже в момент триумфа после победы над Францией Геббельс не желал упустить контроля над общественным мнением, в котором, впрочем, в одном вопросе не было полного единогласия — одни считали, что с французами следует обойтись по-рыцарски, другие призывали отомстить за Версаль 1919 г. Геббельс таким образом инструктировал подчиненных: «Не нужно создавать впечатления, что французы останутся безнаказанными, со всей определенностью нужно вновь и вновь повторять, что ни о каком перемирии не может быть и речи, сначала мы должны получить контроль над армией, флотом, вооружениями и полную уверенность, что в ближайшие 300—400 лет Франция будет миролюбивым государством. Нужно помнить предысторию Компьенского перемирия, когда мы с 3 октября до 11 ноября ждали решения о перемирии, которое в действительности стало капитуляцией»⁸⁷⁹. Такая установка Геббельса не совсем соответствовала намерениям Гитлера, который, как известно, обошелся с Францией «великодушно». Так же не совпадала с гитлеровской и с общественной установка Геббельса в оценке героя Первой мировой войны французского маршала Петена. СД передавала, что Петен для немцев был столь же культовой фигурой, как и фельдмаршал Гинденбург. Гитлер и сам испытывал уважение к престарелому французскому главнокомандующему. Геббельс же распорядился не делать из Петена фигуру, достойную сочувствия⁸⁸⁰. Не соответствовала желанию Гитлера и большинства немцев пропагандистская истерия, устроенная Геббельсом по поводу невозможности примирения с Англией. Геббельс, однако, оказался в итоге более прозорливым.

В годы Первой мировой войны немецкая армия по праву гордилась точностью фронтовых сводок, хотя и тогда трудно было избежать романтически-возвышенного восприятия происходящего; но информационные бюллетени, составленные нацистскими военными пропагандистами, превращались в противоположность точному и трезвому языку военных и напоминали скорее стиль сказителей. Это точно отмечал в «Записках филолога» Виктор Клемперер⁸⁸¹.

За сведения с фронта отвечал информационный отдел вермахта, которым с 1939 г. руководил генерал-майор Хассо фон Ведель, но военные находились под постоянным давлением Минпропа. Первоначально Ведель указывал, что говорить правду — это первейший его долг. Вскоре он, однако, понял, что говорить правду ему просто не позволят. К тому же в задачу ведомства Веделя входило составление обобщенных сводок происшедшего на основании ежедневных донесений отдельных родов войск, а проверить адекватность этих сообщений Ведель не мог. В итоге авторы 2080 бюллетеней вермахта всю войну стояли перед сложнейшей задачей определения квадратуры круга, поскольку они должны были объективно информировать общественность о происходящем, но с другой стороны, они должны были противостоять вражеской пропаганде, то есть тоже заниматься пропагандой⁸⁸².

После того как 12 октября 1940 г. Гитлер отменил операцию «Морской лев», немцы, утомленные напрасным ожиданием вторжения в Англию, стали раздражаться монотонностью и шаблонностью военных сводок. Прежний интерес к войне остыл, и появилась необходимость подогреть его искусственно, ибо перспектива второй военной зимы мало кого прельщала. СД моментально реагировала на перемену настроений в обществе и передавала в «Вестях», что наскучившая пропаганда вынуждала немцев обращаться за информацией к другим источникам, в том числе и к иностранному радио.

Летом и осенью 1940 г. в центре внимания немецкой пропаганды были советско-германские отношения: у немецкой

общественности создалось впечатление, что не согласованные с Германией действия Сталина в Бесарабии и Северной Буковине⁸⁸³ свидетельствуют о неудовлетворительном состоянии советско-германских отношений. Живой интерес вызвало у немцев возвращение в СССР воскресенья вместо простого выходного через каждые 6 дней, возвращение знаков отличия для офицеров и отдания чести военнослужащими Красной армии. СД передавала, что многие немцы сомневались в продолжительности советско-германского соглашения и в том, что тогдашняя граница между СССР и Германией надолго останется неизменной. То, что геббельсовская пресса практически игнорировала присоединение к СССР прибалтийских государств, в которых проживало много немцев, вызвало у немецкой общественности недоумение и раздражение. Геббельса в этот момент более всего беспокоила идентификация большевизма и национал-социализма, поэтому в своих инструкциях прессе он указывал, что вся информация об изменениях в СССР, будь то введение знаков различия для советских офицеров или отмена института политических комиссаров в армии, — должна носить нейтральный характер, чтобы у общественности не возникло подозрений о сближении характера большевизма и нацизма⁸⁸⁴. Гитлер, правда, ради стратегического выигрыша иногда вынужден был даже жертвовать пропагандой. Так, тяжелым ударом по его престижу стало нападение СССР на Финляндию. Как в гражданскую войну в Испании 1936—1939 гг. весь мир оказался на стороне республиканцев, так и в «зимнюю войну» весь мир оказался на стороне маленькой финской армии, противостоящей миллионной Красной армии. В этот момент колебался даже Муссолини, являвшийся союзником Гитлера, но последний дал указание Министерству иностранных дел и Министерству пропаганды воздержаться от критики действий Сталина и проявления симпатий финнам. Этот эпизод тем более интересен, что финны были единственными из союзников вермахта, к которым немцы во время войны относились как к равным — к румынам,

венграм, итальянцам, словакам и испанцам отношение в немецкой армии было довольно пренебрежительным.

В 5.30 утра 22 июня 1941 г. по немецкому радио прозвучали фанфары Листа, которые с этого момента в течение всей войны открывали новости с Восточного фронта, и Геббельс дрожащим от волнения голосом зачитал гитлеровскую прокламацию о начале войны. Тон последующей антисоветской пропаганде Геббельс задал обширной программной статьей в *Das Reich*; он представил начавшуюся на Востоке войну как «войну цивилизованной части человечества против кровавой большевистской диктатуры, поправшей нормы человеческого общества». Эта война, уверял Геббельс, носит превентивный характер, и она воспрепятствовала тому, чтобы «дикие большевистские орды вторглись в Европу и опустошили ее, реализуя гегемонистские претензии ленинизма». По словам Геббельса, речь шла о «крестовом походе Европы против большевизма»⁸⁸⁵.

К воскресенью 29 июня информационный отдел генерала Веделя подготовил сообщение сразу о 12 крупных победах; на самом деле, эти успехи были достигнуты в течение недели, но о них сообщали не по порядку, а сразу, для пропагандистского эффекта. Фронтовики протестовали против такой подтасовки, а для тыла такая доза оптимистической информации оказалась слишком сильной. После окружения советский войск под Вязьмой и Брянском (9 октября) Гитлер лично вписал в сводку вермахта: «Советы потеряли последние боеспособные армии». Немецким солдатам на Восточном фронте эти сводки казались абсурдными; в бюро Веделя звонили офицеры с Восточного фронта, знакомые с истинным положением вещей, но тот был бессилен что-либо изменить. Однажды Гитлер, увидев в сводке число — 3000 советских военнопленных, посоветовал Гальдеру не только повысить его порядок, но и сделать число более точным — 30 063. В другой раз Гитлер возмущался тем, что в очередной сводке вермахта речь шла о 28 сбитых британских самолетах, а сами британцы сообщали о 30 самолетах.

В итоге число сбитых самолетов было увеличено до 34, так как, по мнению Гитлера, англичане не могли не уменьшить свои потери.

Немецкая пресса и радио старались представить СССР как жестокую и бесчеловечную извращенную систему, благо объект на самом деле в смысле критики был «благодарный», и материала было предостаточно. Минпроп собрал огромное количество документов о репрессиях в СССР; в пропагандистских материалах часто проводилась мысль о примитивных условиях жизни в СССР. Этой негативной картине противопоставлялись социальные достижения, гармония и согласие в немецком обществе. Первоначальные успехи вермахта, казалось, на самом деле подтверждают пропагандистские утверждения о превосходстве немцев над советскими солдатами: последние сдавались в плен целыми армиями... Уже 14 июля Гальдер отмечал в своем дневнике, что через две недели кампания на Востоке завершится — настолько чудовищными немцам казались советские потери. СД передавала, что упавшее к началу августа (вследствие долгого отсутствия победных реляций) настроение немецкой публики резко улучшилось по причине известия ОКВ о завершении 6 августа Смоленского сражения. Геббельс с удовольствием фиксировал позитивный для нацистов всплеск настроений немцев⁸⁸⁶.

В формировании негативной картины советской действительности большую роль сыграло кино. Телевидение тогда еще не имело широкого распространения в Германии, хотя вещание велось; в 1929 г. был организован первый телевизионный показ. 22 марта 1935 г. германская имперская почта, опередив в этом США и Великобританию, начала регулярное телевизионное вещание, но телевизионный приемник (25x30 см) был доступен немногим. В Олимпиаду 1936 г. телевизионные передачи стали особенно популярными: тысячи немцев собирались в фойе здания имперской почты в Берлине для того, чтобы посмотреть, как проходят состязания. Война надолго прервала развитие телевидения. Теоретики пропаганды не были едины в оценке телевидения — скептики очень недооценили

его возможности, вернее, возможности с его помощью манипулировать общественным мнением⁸⁸⁷. Уму непостижимо, что мог бы сделать Гитлер, имея он телевидение, и странно, что он не заметил его пропагандистского потенциала. Зато в кинотеатрах регулярно показывали документальные еженедельные обзоры (*Wochenschau*), в которых нацистские пропагандисты показывали советских военнопленных — небритых, неухоженных, опухших, опустившихся в нечеловеческих условиях солдат (как гласил комментарий — «типичных преступников»). Немецких зрителей особенно возмущало то, что среди военнопленных попадались женщины в военной форме. СД передавала, что общественное мнение требовало не рассматривать их как военнопленных, а расстреливать. Кадры «Вохеншау», где были изображены пленные евреи, которых заставляли убирать трупы якобы ими же убитых (в акциях НКВД) людей, вызывали у немецкой публики живое одобрение⁸⁸⁸. Нацистские режиссеры общественного мнения умело использовали при этом низменные инстинкты толпы, представляя издевательства над евреями как месть за совершенные ими убийства.

«Вохеншау», по мысли Геббельса, должен был стать «живой и грандиозной хроникой эпохи, важным духовным мостом между фронтом и тылом, между отдельным человеком и временем, в котором он живет»⁸⁸⁹.

Предпосылкой успеха «Вохеншау» было объединение с 20 июня 1940 г. всех четырех еженедельных выпусков киноновостей: *Ufa-Tonwoche, Deulig-Tonwoche, Tobis-Wochenschau, Fox Tönende Wochenschau* в единый «Вохеншау». Объединение касалось как журналистских кадров, так и технических средств⁸⁹⁰.

Неделю за неделей изготавливали до 2000 копий «Вохеншау», то есть каждый третий кинотеатр в рейхе сразу располагал первой копией очередного выпуска. С мая 1940 г. стали создавать кинотеатры для «Вохеншау» — *Wochenschaukinos*. В таких кинотеатрах в Берлине ежедневно с 10 до 22 часов каждый час показывали очередной выпуск; к выпускам прилагались художественные короткометражки⁸⁹¹.

«Вохеншау» достиг технических, художественных и коммерческих высот и несомненного успеха между 1940 и 1944 гг.: он далеко превосходил по своей пропагандистской эффективности аналогичные киножурналы нацистских противников и союзников. «Манчестер гардиан» писала, что английская военная кинохроника по сравнению с немецким «Вохеншау» — это вода по сравнению с виски⁸⁹². Геббельс и его министерство по праву гордились этим документальным сериалом — два вечера в неделю Геббельс полностью посвящал редактированию «Вохеншау»; один вечер он просматривал и компоновал сырой материал, во второй вечер он редактировал готовый выпуск. Обычно из 150 км (!) пленки для одного выпуска оставляли 600—800 м: можно себе представить, каковы были масштабы работы... Немецкие документалисты с гордостью говорили, что народ в Германии ходит в кино не ради художественных фильмов, а ради «Вохеншау». Кроме короткометражек, военными документалистами было смонтировано три полнометражные ленты военных хроник — «Крещение огнем», «Марш на Польшу» и «Победа на Западе». Немецкую армию представляли состоящей из крепких, здоровых и жизнерадостных людей. Военные эпизоды переплетались с фрагментами лагерной или полевой жизни: зритель видел, как солдаты пишут письма домой, бреются, читают газеты. Эти сцены часто перемежались с картинами тихих немецких городов, чистых деревенок — это их защищают мужественные немецкие солдаты... Войной же руководит неутомимый и вездесущий фюрер; он близок своим солдатам и является военным гением, от внимания которого ничего не ускользает. Все три фильма сопровождались комментарием, что немцы якобы не хотели войны, что их вынудили ответить на агрессию и обороняться и т. п. Война во всех этих фильмах трактовалась как некое динамичное состояние: немецкая армия постоянно в наступлении, а противник — несмотря на то, что хорошо вооружен — не способен к действию по причине деморализации или дегенеративности⁸⁹³.

На военные темы снимались и художественные фильмы, наиболее удачные из них — «Концерт по заявкам», «Враги», «Эскадра Лютцова», «Подлодки берут курс на запад», «Разведотряд Хальгартена», «Штуки».

В сентябре 1941 г. в «Вохеншау» демонстрировали колоссальные заводские корпуса Кривого Рога, при этом зрители недоумевали, кто мог спроектировать эти сооружения и как работали эти заводы, если вся советская интеллигенция уничтожена Сталиным? Геббельс сразу реагировал на подобные казусы и вносил в последующие выпуски соответствующие коррективы⁸⁹⁴. Впрочем, после 1942 г. на «Вохеншау» уже стали смотреть как на обязательное и обременительное приложение к художественным фильмам.

5 июля 1941 г. на конференции в Минпропе Геббельс потребовал от своих подчиненных изображать Советский Союз как страну обмана, эксплуатации и кровавого террора. Особый упор он распорядился делать на изображении жалких и бедных условий жизни советских людей, а также на демонстрации материалов, представляющих советских солдат как бандитов и убийц. После оккупации Киева «Вохеншау» показывал толпы советских военнопленных с комментарием: «перед нами нецивилизованные и неграмотные обитатели степей внутренней Азии, которых готовили к тому, чтобы огнем и мечом опустошить Европу»⁸⁹⁵. Один из выпусков «Вохеншау» завершился «символической сценой»: «освобожденный от советского ига» украинский рабочий молотом разбивал бюст Сталина. Символы советской власти — Сталин, рабочий как представитель народа, молот как часть государственной советской символики — сделались инструментами нацистской пропаганды, при помощи которых советская система визуально сводилась *ad absurdum*. Еще режиссер ловко смонтировал кадры с аплодисментами якобы наблюдавших за этой сценой простых людей: казалось, эти люди одобряют новый порядок, который несли немецкие оккупанты.

В 1943 г. живой отклик у немцев вызвали сообщения геббельсовской пропаганды об убийстве советскими че-

кистами польских офицеров в Катынском лесу. Дело в том, что летом 1942 г. в Смоленске среди местных поляков распространился слух о том, что в Катынском лесу НКВД были расстреляны польские офицеры. На свой страх и риск поляки раскопали несколько могил, поставили на этом месте кресты и этим ограничились. Лишь в феврале 1943 г. тайная полевая жандармерия вермахта узнала об этих захоронениях и передала известие по инстанции. С наступлением тепла было выкопано 4143 трупа, из которых эксперты сразу идентифицировали 2805. Геббельс распорядился опубликовать бюллетень по результатам этого расследования, к которому были привлечены и независимые эксперты. В бюллетене говорилось, что среди обнаруженных трупов было 2 генерала, 12 полковников, 50 подполковников, 165 майоров, 440 капитанов, 542 старших лейтенанта, 930 лейтенантов⁸⁹⁶. Также описывалась реакция советской стороны, которая сначала утверждала, что речь идет о доисторических захоронениях, а затем о том, что это дело рук самих немцев.

СД передавала: в обществе иногда говорили, что немцы убивали поляков и евреев гораздо больше, чем русские⁸⁹⁷. Эпизод в берлинском метро, который описывался информаторами СД, подтверждает это: четыре фронтовика с боевыми наградами за кампании 1941—1942 гг. вслух обсуждали газетные материалы о расстрелах в Катынском лесу и возмущались жестокостью большевиков. Один из них сказал: «Судьба евреев не лучше, и если километрах в ста от Смоленска покопаться в земле, то можно будет найти десять тысяч трупов евреев, убитых эсэсовцами». Все услышали эти слова и промолчали⁸⁹⁸. Подобные же высказывания имели место, когда в июле 1943 г. солдаты вермахта нашли в винницком городском парке массовые захоронения жертв НКВД.

По поводу масштабов большевистского и нацистского террора в Польше следует сказать, что — по самым осторожным оценкам — в своей зоне оккупации, которая была в 2 раза меньше нацистской, советские чекисты с 1939 по 1941 гг. убили в 3—4 раза больше людей, чем

нацисты⁸⁹⁹. Нет ничего удивительного в том, что после нападения на СССР многие поляки воспринимали немцев как освободителей.

В связи с войной геббельсовская пропаганда развернула «еврейскую тему»: евреи якобы всегда хотели войны, поэтому святым долгом является оборона от «злодеев», которые в ходе расового противостояния хотят истребить немецкий народ. Если в момент нападения на СССР в нацистской прессе доминировали обвинения в адрес еврейско-большевистской клики, то в декабре 1941 г., в момент объявления Гитлером войны США, — уже в адрес еврейско-плутократической клики. Впрочем, чтобы не травмировать немецкую публику появлением у Германии нового врага, Минпроп распорядился не выносить в заголовки газетных статей слова «объявление войны Германией и Италией США», но лишь — «большая речь фюрера», «окончательное сведение счетов с Америкой» и т. д. Геббельс распорядился, чтобы главным пропагандистским лозунгом в третью военную зиму стали слова «реалистический оптимизм»⁹⁰⁰. 19 декабря Геббельс приказал передать прессе соответствующие указания; информация была направлена и гауляйтерам. Целью этого лозунга, подчеркивал Геббельс, было «придать немецкому народу стойкости и возбудить в нем уверенность в решимости правительства». Отныне, считал Геббельс, в Германии должны говорить не о жертвах, а о «неудобствах войны». Геббельс считал, что пропаганда должна соответствовать действительному развитию событий: те события, известия о которых все равно дойдут до немцев, должны быть обязательно упомянуты и найти свое место в общей картине развития событий на фронтах⁹⁰¹. Но предупреждения министра пропаганды были напрасными: как передавала в своих донесениях СД, простые немцы не доверяли официальной прессе, а все более полагались на письма и рассказы фронтовиков, на слухи⁹⁰². Несмотря на недоверие немцев, с началом войны значение прессы как источника информации стало расти, при этом газетная информация становилась все более пропагандистски окра-

шенной. Оформление и содержание газет резко изменилось: последние сообщения и репортажи с фронта располагались на нескольких страницах, мирным новостям и событиям культурной жизни отводилось все меньше места. В мае 1941 г. Имперская палата прессы «вследствие дефицита бумаги, краски, свинца и рабочих рук» закрыла 500 частных газет⁹⁰³.

Некритическая вера немцев в слухи распространялась и на рассказы фронтовиков, которые, чтобы показать себя героями, описывали невероятные трудности и лишения. Геббельс в дневниках отмечал: Гитлер как-то доверительно сказал ему, что полная картина зимней кампании вермахта невыносима для народа, что все уходит из-под контроля, что приближается катастрофа. Минпроп пытался смягчить впечатление от ужасной зимы. Так, во фронтовой газете «Армейские вести» была напечатана статья «Как писать письма», в которой говорилось, что при написании писем домой фронтовики должны отличать «случайные впечатления» от того, что должны знать на родине: кто жалуется и ноет — тот не солдат. Жаловаться можно своим товарищам, а в тылу должны знать о твердой решимости всех солдат бороться до победы. Как ни странно, эта мера привела к результату — СД передавала, что с февраля 1942 г. тон писем фронтовиков сменился к лучшему⁹⁰⁴. СД также передавала, что улучшение тона писем в феврале — марте 1942 г. было связано с ослаблением морозов, с прибытием пополнения, с медленным, но постоянным улучшением снабжения и обустройства солдат на новых местах. В мае 1942 г. Геббельс писал, что война на Востоке не имеет гордых имперских целей, «это война за продовольствие, война за накрытый к завтраку, обеду и ужину стол, война за сырье, за уголь и железную руду. В конечном счете, эта война ведется за достойное человеческое существование немецкой нации»⁹⁰⁵.

Вследствие односторонней пропаганды и отсутствия объективной информации возрастало значение слухов⁹⁰⁶. Любую информацию стали воспринимать как имеющую

идеологическую подоплеку, поэтому несмотря на большое напряжение на Восточном фронте, в разгар войны немцы утратили интерес к мировоззренческим вопросам, и пропаганда оказалась не в состоянии это преодолеть. СД передавала, что немцы находили противоречия с предшествующими пропагандистскими ориентирами, например, с девизом о «присоединении немецких земель» (на самом деле, к Германии присоединили и ненемецкие земли); в страну, вопреки «расовому учению» и пропагандистским обещаниям, прибыло множество иностранных рабочих. В марте 1942 г. СД доносила: немцы начали осознавать, что «новый порядок» в Европе — это проявление обычного империализма и захватнических планов. Информаторы СД из Лейпцига сообщали, что «гитлеровское мышление категориями больших пространств многим немцам чуждо». Также лейпцигский отдел СД передавал, что в начале 1942 г. на пропагандистских митингах под девизом «Все для победы» была крайне низкая посещаемость⁹⁰⁷. С другой стороны, в начале 1942 г. бесспорным пропагандистским достижением на имперском уровне стал торжественный государственный акт похорон погибшего в авиакатастрофе Фрица Тодта; на церемонии выступил Гитлер, его речь (16 февраля 1942 г.) транслировали по радио и она вызвала у слушателей глубокое впечатление.

Пропаганда Москвы была слишком прямолинейной: например, после английской бомбежки Эссена и Кёльна радио Москвы призывало немецких рабочих к побегу из ставших опасными городов в деревню. При этом оставалось неясным, на что будут жить люди, которые бросят работу, к тому же самовольный уход с работы был запрещен. Кроме того, радио Москвы призывало немецких рабочих к саботажу и к свержению Гитлера. Такая неуклюжая позиция проигрывала по сравнению с английской пропагандой, психологически более точной и выверенной.

5 июня Геббельс инструктировал своих подчиненных: «Никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства»;

агитировать против Сталина и его еврейских приспешников; земля — крестьянам, но колхозы пока сохранить, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий»⁹⁰⁸. Средства массовой пропаганды оккупантов внушали жителям Советского Союза, что Гитлер и его соратники не могли спокойно смотреть на варварство Сталина и коммунистов по отношению к собственному народу. Пропаганда также уверяла, что успехи вермахта неизбежны не только потому, что он является сильнейшей в мире армией, но и потому, что Красная армия не хочет и не может воевать за интересы англо-американских капиталистов и ВКП(б). В июне 1941 г. Геббельс записал в дневнике: «Мы работаем на Россию тремя радиостанциями. Тенденция первой — троцкистская, второй — сепаратистская и третьей — русская националистическая. Все три — решительно выступают против сталинского режима... Около 50 млн листовок для Красной армии уже распечатано, разослано и будет разбросано нашей авиацией... В Москве нам приписывают то, что мы будто бы снова хотим ввести царизм. Этой лжи мы очень быстро отрубим голову»⁹⁰⁹. Первая радиостанция называлась «Старая гвардия Ленина»; в передачах она часто приводила выдержки из знаменитого ленинского «Письма к съезду». В работе радиостанций принимали участие известные в СССР люди. Среди них были Эрнст Торглер⁹¹⁰ и Карл Альбрехт (оба — бывшие коммунисты); Карл Альбрехт в 30-е гг. возглавлял наркомат лесной промышленности СССР, был репрессирован, но бежал и сумел перебраться в Германию; опубликовал книгу «В подвалах ГПУ»⁹¹¹.

С другой стороны, слишком упрощая положение дел в СССР, Геббельс сам попал в тяжелое положение — так, к середине 1942 г. он признал, что тезис нацистской пропаганды о том, что комиссары кнутами гонят красноармейцев в бой, стал казаться слишком примитивным. Наоборот, среди немцев стало распространяться убеждение, что советские солдаты уверены в правоте большевизма

и вполне искренне и самоотверженно за него борются⁹¹². В августе 1942 г. СД передавала, что отношение к СССР очень изменилось и возникло много вопросов о том, как немцев информировали о Советском Союзе. Если в СССР анархия и развал, откуда берутся все новые силы и новые военные материалы? Пропагандисты описывали советских людей как полуживотных, а многие рабочие с нагрудным знаком «Ост» выказывали необыкновенно высокий интеллект, образованность и смекалку⁹¹³. Со временем число контактов с рабочими и военнопленными из СССР росло, и немецкие шахтеры обменивались с ними впечатлениями об условиях работы; часто сравнение было не в пользу Германии, что очень беспокоило Геббельса⁹¹⁴. Это и понятно — таким образом враг принимал для народа человеческий облик. Среди русских военнопленных попадались высокие сильные блондины (это имело значение для воспитанных расистской пропагандой немцев), выказывавшие мужество и, как рассказывали фронтовики, невероятные бойцовские качества и непрехотливость.

Перед сложнейшей задачей оказался Минпроп в период Сталинградского сражения и после него. Геббельсовская пропагандистская машина начала разрабатывать тему Сталинграда и катастрофу немецкой 6-й армии с 23 января 1943 г., когда на первый план в пропаганде стали выступать темы жертвенности и решительности немецких солдат на фронте. Геббельс использовал катастрофу Сталинграда в целях «укрепления сил нашего народа»⁹¹⁵. Он говорил: «каждая деталь героической эпопеи борьбы 6-й армии должна войти в историю». О сдаче в плен Паулюса Геббельс распорядился вообще не упоминать; официально окружение армии было признано в сводке вермахта только через 8 недель — 16 января 1943 г. В сводке говорилось: «В районе Сталинграда наши войска уже несколько недель ведут оборонительные бои против наступающего **со всех сторон** противника». Это выражение «со всех сторон» и стало эвфемизмом для военного термина «окружение».

Когда 3 февраля армейское руководство объявило о завершении боев под Сталинградом, по предложению

Геббельса был объявлен трехдневный траур — все театры, кино и места развлечений были закрыты.

После этого в народе стало распространяться убеждение, что ранее пропаганда представляла слишком оптимистическую картину происходящего на фронтах. Теперь же в представлениях немецкой общественности настала реакция — всё стали видеть в черном свете. Некоторые гауляйтеры доносили, что кризис доверия к информации грозил перерасти в кризис доверия к политическому руководству.

Чтобы увековечить Сталинградскую эпопею, Гитлер приказал подготовить «Книгу памяти». Местные партийные группы получили задания собирать письма солдат 6-й армии и передавать их в Минпроп. Ответственным за публикацию писем был назначен ближайший сотрудник Геббельса Шварц фон Берк, а автором-составителем — военный пропагандист 637-й пропагандистской роты лейтенант Гейнц Шретер. Книга была издана, но получилась очень тяжелой, Геббельс назвал ее «невыносимой»⁹¹⁶. По ряду позиций она совершенно не соответствовала тем целям, которые стояли перед пропагандой, но отступить было поздно: сборник опубликовали.

Информационный отдел вермахта, ведавший фронтовыми сводками, разработал свой особый язык: так, отступление на Восточном фронте называлось «успешные оборонительные бои»; обозначение безнадежных ситуаций — «тяжелые, ожесточенные бои» или «бои с переменным успехом сторон». Сотрудники Веделя умели жонглировать географическими названиями: например, 8 мая 1944 г. говорилось о боях **за** Севастополь, а 9 мая — о боях **в районе** Севастополя, 10 мая — о боях **за плацдарм** Севастополя, 11 мая — о боях западнее Севастополя, 12 мая — о боях **за «наш объединенный плацдарм западнее Севастополя»**, а 13 мая, наконец, о «наших арьергардных боях у Севастополя», что означало сдачу Севастополя.

Важнейшими постулатами геббельсовской военной пропаганды были: то, что война навязана немецкому народу, что в войне речь шла о жизни или смерти немецкого народа,

что война является тотальной. Первый тезис сформировался с началом войны, второй появился после нападения на СССР, третий — после Сталинграда. В одной из инструкций Геббельс заявил: «Мы проиграем войну, если не сможем мобилизовать на борьбу все силы»⁹¹⁷. Он предложил сформировать специальную инстанцию, которая бы получила все полномочия для реализации идеи тотальной войны. В этот орган Геббельс хотел включить рейхс-ляйтера Бормана, рейхсминистра Ляммерса и самого себя⁹¹⁸. Геббельс считал, что для отправки в ближайшее время на фронт 1 млн солдат необходимо закрыть в ближайшее время многочисленные кафе и рестораны, ввести строжайшую трудовую повинность. Указ Гитлера от 13 января 1943 г. начинался словами: «Тотальная война является первой нашей задачей в борьбе за достижение победоносного и долгожданного мира»⁹¹⁹. Этим указом было предусмотрено освобождение всех сил и средств для усиления вермахта и военной промышленности. Вакантные места в важных с военной точки зрения отраслях производства должны были замещаться за счет менее важных в военном отношении производств. Еще 22 ноября 1942 г. Гитлер поручил генералу от инфантерии фон Унру возглавить управление по проверке всех немцев, имеющих «броню» от призыва, и отправления на фронт хотя бы части признанных ранее негодными для фронта (*u.k. — unabkömmlich*). Все крупные гражданские строительные или производственные проекты были заморожены. Геббельс требовал, чтобы все мужчины от 16 до 65 лет и все женщины от 17 до 50 лет зарегистрировались в ведомствах ДАФ. Первоначально народ был настолько воодушевлен тем, что наконец будет достигнуто справедливое распределение всех трудностей, что в пересказах СД часто говорилось о стремлении немцев видеть в последовательной реализации всех установок тотальной войны проверку искренности режима в стремлении действительно последовательной и без оглядки на ранги и звания мобилизации всей страны на борьбу. Геббельса эти вести только обрадовали: «Я позабочусь о том, чтобы дочери

плутократов перестали праздно болтаться, а взялись за работу»⁹²⁰. В этом же выступлении Геббельс сказал, что подобные радикальные настроения народа убеждают его в том, что немцы не утратили мужества и требуют более суровых мер по полной мобилизации всей страны на смертельную борьбу⁹²¹.

18 февраля 1943 г. Геббельс произнес речь во Дворце спорта в Берлине, он обратился к аудитории с 10 наводящими вопросами: верит ли народ в окончательную победу, готов ли страдать и выносить трудности ради этой победы, одобряет ли народ введение смертной казни за мошенничество и спекуляцию, одобряет ли привлечение к производственному труду женщин и т. д., короче, — одобряет ли народ тотальную мобилизацию? Разумеется, на каждый такой вопрос Геббельс получал громогласное «да», аудитория была специально подобрана, тщательно подготовлена и состояла из нацистов⁹²². Не удивительно, что общественные отклики на эту речь были позитивны⁹²³. Аналитики СД отмечали, что на народ большое впечатление произвела осведомленность министра пропаганды и то, что он полностью в курсе настроений немецкой общественности.

В своей речи Геббельс старался использовать немецкий страх перед русскими: он говорил, что европейская культура в опасности, что опасности можно избежать только при условии стопроцентной мобилизации всех немцев, невзирая на их социальное происхождение. Практически это было объявлением войны «господам из высшего общества и их напомаженным и с завитыми волосами дамам, щеголям, которые утром верхом разъезжают по Тиргартену, а вечерами засиживаются в ресторанах»⁹²⁴. В передних рядах перед министром пропаганды сидели специально отобранные инвалиды с ампутированными конечностями, опекаемые сиделками, ветераны войны, 50 кавалеров Рыцарского креста с Дубовыми листьями. Для статистики в зале были собраны рабочие, интеллигенция, крестьяне, женщины — эта публика якобы была точным срезом немецкого общества. Именно к ним были

обращены слова Геббельса: «Вслед за наступающими советскими дивизиями следуют команды ликвидаторов из евреев, а за ними поднимается призрак террора, голодной смерти, анархии»⁹²⁵. Слова министра были обращены и к Западу и к нейтралам, которые должны были осознать исходившую от СССР опасность.

Интересно отметить, что документальный фильм с репортажем о речи 18 февраля произвел на немцев столь же большое впечатление, как и на присутствовавших в зале. Оператор смог передать атмосферу выступления и заразить ею присутствовавших на киносеансе зрителей⁹²⁶. В дальнейшем, однако, началось действие иных факторов в немецком восприятии и оценках пропагандистского напора и давления в процессе «тотальной мобилизации». СД стала доносить, что все чаще пропаганду стали расценивать как нетактичную и грубую, а ее инициатор сильно утратил в доверии. В окружении Гитлера долгое время после Сталинграда считали, что возникшее к пропаганде недоверие вскоре удастся преодолеть. СД передавала 8 февраля 1943 г., что первый шок прошел⁹²⁷, но впоследствии оказалось, что это было не преодоление шока, а состояние полуобморочного равнодушия и растерянности — настолько тяжелое впечатление произвел Сталинград на немецкое общественное мнение.

Все больше немцев для того чтобы представлять объективную картину происходящего, настраивались на иностранное радио — на западе и юго-западе предпочитали швейцарское, а те, у которых родственники пропали или погибли на Востоке, слушали московские передачи — «Военнопленный» (*Kriegsgefangene*) или «Письмо из дома» (*Heimatpost*). Всё меньше немцев рассматривало прослушивание вражеского радио как преступление⁹²⁸ — это весьма показательно при немецкой дисциплинированности. После Сталинграда эти радиостанции стали особенно популярны: дело в том, что советские инстанции категорически отказывались давать даже союзникам или нейтралам какие-либо сведения о пленных, а в этих передачах часто приводили имена с немецкими адресами

пленных, указывали их гражданские профессии и даже зачитывали послания военнопленных родственникам в Германии. При этом, разумеется, советская пропаганда не упускала возможности влиять на слушателей в нужном направлении. Часто советское радио апеллировало даже к религиозным чувствам немецких слушателей, также давались всевозможные рекомендации и советы по организации подпольной работы⁹²⁹. Летом 1943 г. СД повторно передавала, что прослушивание иностранного радио становится все более распространенным, а в политических спорах немцев все чаще возникал аргумент, что в Англии прослушивание иностранного радио официально не запрещалось. Этот аргумент являлся весьма действенным, и осужденные за прослушивание «вражеского» радио вызывали сочувствие и понимание⁹³⁰. По информации СД, немцы часто обсуждали и содержание английских листовок — их авторов хвалили за тонкость работы, а немецкой военной пропаганде доставалось за грубую и примитивную работу. Геббельс почти всегда чутко откликался на эту критику, он призывал своих подчиненных к систематической и четкой работе, указывал, что — как в свое время у Катона Старшего всякая речь завершалась указанием на необходимость разрушения Карфагена (*ceterem censeo Carthaginem esse delendam*) — так и они должны помнить о главной цели Германии — разрушении большевизма⁹³¹. Геббельс требовал от подчиненных четкого знания и использования в пропаганде различий между народами СССР, призывал покончить с рассказами о планировании на Востоке немецких поселений и немецкой колонизации — это, на его взгляд, пропаганде вредило.

В апреле 1943 г. СД передавала, что немецкие представления о русских за последнее время менялись таким образом: во-первых, вопреки пропагандистским утверждениям, русские в большинстве своем оказались религиозными людьми; во-вторых, рабочие с Востока — это не грубые и примитивные роботы, а очень изобретательные и интеллигентные труженики, часто выдающие техническую одаренность; в-третьих, лишь небольшой

процент из них являются неграмотными; в-четвертых, большевизм вовсе не разрушил семью — семейные узы и твердая семейная мораль русских была очевидной; в-пятых, советские люди не подвергались у себя на родине физическому наказанию и принудительной работе⁹³². В свете этих впечатлений геббельсовская пропаганда теряла былую эффективность и действенность, и нацистам все труднее было убеждать немцев, что русские — это олицетворение большевистской опасности.

Во время войны Геббельс даже похороны смог превратить в эффективное пропагандистское средство. Известные солдаты, чьи имена «запечатлелись в сердце народа», удостоивались «государственных похорон» (например, знаменитый ас полковник Вернер Мёлдерс или доведенный до самоубийства фельдмаршал Эрвин Роммель). В каждом случае «государственных похорон» Геббельс лично редактировал сценарии.

Большой успех имела кампания Геббельса «Фронт обращается к тылу». В рамках этой кампании Минпропом организовывались выступления фронтовиков перед рабочими и другими аудиториями. Например, в Кёльне 9 января 1943 г. 36 фронтовиков (12 унтеров и 24 офицера, из них 6 кавалеров Рыцарского креста) выступили на 500 собраниях. Митинги проходили в форме производственных собраний ДАФ, в лагерях допризывной подготовки ГЮ, НАПОЛА, в территориальных ячейках НСФ. Эти выступления очевидцев и участников боев производили на немецкую публику несравненно более сильное впечатление, чем жесткая и однозначная пропагандистская линия в средствах массовой информации. СД передавала, что во время выступлений фронтовиков значительная часть слушателей испытывала симпатии к этим людям, а по интенсивности воздействия на немецкую публику рассказы фронтовиков иногда даже превосходили столь любимую немцами кинодокументалистику. По большому же счету, «взбадривающий» эффект мероприятий Минпропа не мог быть продолжительным по объектив-

ным причинам: военные неудачи напоминали о надвигающемся неминуемом поражении. СД передавала, что с весны 1943 г. среди немцев все более распространялось убеждение, что третью русскую зиму вермахт не переживет, и она будет для него последней катастрофой⁹³³. Немецкое общественное мнение не очень ошиблось в своем прогнозе.

Геббельс, однако, не сдавался и продолжал прибегать ко все новым ухищрениям — поздней осенью 1943 г. он опубликовал «30 военных заповедей для немецкого народа» (*Dreißig Kriegsartikel für das deutsche Volk*). Они производили впечатление тонко продуманного пропагандистского продукта: так, статья первая гласила, что в войну может случиться все, только не то, что немецкий народ будет сломлен; в следующей статье говорилось, что в такую войну не следует заботиться о собственной жизни, ибо речь идет о праве на жизнь всего немецкого народа, указывалось, что нет ничего прекрасней, чем смерть за процветание своего народа. Эти «Тридцать заповедей» завершались словами Великого курфюрста (который для немцев был столь же величественной и значимой фигурой, как для русских Петр I), которые со школьной скамьи знал каждый немец: «Помни, что ты — немец!» (*Bedenke, daß du ein Deutscher bist*). Вслед за этой «хартией» Геббельса в ноябре — декабре 1943 г. последовали две крупные волны лекционных пропагандистских кампаний, которые венчал многолюдный митинг в берлинском Дворце спорта. Однако СД доносила о весьма вялой реакции немецкой общественности на эти кампании⁹³⁴. Геббельсовская пропаганда стремилась выставить «возмездие» Западу и окончание войны как синонимы, но народ расценил эти пропагандистские маневры как стремление руководства представить положение в розовом свете. Народный скептицизм выразился в анекдотах, например: один немец говорит другому, что «возмездие» настанет только тогда, когда на домах престарелых будут висеть объявления «Все ушли на фронт». Или: англичане вместо бомб стали разбрасывать сено для ослов, которые еще

продолжают верить в «возмездие»⁹³⁵. Фанатизм нацистской военной пропаганды был причиной появления очередной злой берлинской остроты: «до тех пор, пока я не повешусь, я буду верить в победу»⁹³⁶.

Однако ужесточение бомбардировок и нарастающее ощущение незащитности перед ними усиливало ненависть к Англии и способствовало мобилизации немцев на борьбу в большей степени, чем пропагандистские ухищрения Геббельса — не деморализация и паника, а сплочение и ненависть стали следствием массированных бомбежек Германии в заключительной стадии войны. Немцы, и без того народ дисциплинированный, вели себя исключительно организованно и сплоченно: сразу после отмены воздушной тревоги они приступали к расчистке завалов, уборке улиц. Собственно, немецкий тыл вследствие бомбежек (а не вследствие пропаганды) становился все более солдатским, жестким, упорным — и это без всяких усилий со стороны Минпропа... Даже церковная оппозиция в лице епископа Галена заговорила о божьей каре для тех, кто ответственен за бомбежки невоенных целей, кто забыл о рыцарской войне, солдатской гордости и чести и руководствуется низменными чувствами мести⁹³⁷.

После удачной высадки союзников и захвата англоамериканцами полуострова Котантен и Шербура настроения немецкой общественности ухудшились, и перед пропагандой встала весьма сложная проблема предотвращения падения доверия к нацистскому руководству. Последнее, памятуя о пресловутом «ударе ножом в спину» (так нацисты называли Ноябрьскую революцию 1918 г.), вообще считало эту проблему ключевой — Гитлер 26 июля 1944 г., обращаясь к руководству промышленности, сказал: «Я ни за что не допущу, чтобы дело дошло до 1918 г. — позор 11 ноября никогда не повторится, ибо Германия уязвима только изнутри, а внешний враг вовек не сможет ее сломить»⁹³⁸.

Что касается военной пропаганды, то ее влияние продолжало падать, хотя были и исключения: так, СД передавала, что большой популярностью у радиослушателей пользовались выступления генерал-майора Курта Диттма-

ра, занимавшегося на радио комментированием военных событий⁹³⁹. Высокая репутация его точных и трезвых комментариев доказывала, что немцев более интересовало реальное положение дел на фронтах, а не всевозможные пропагандистские лакировки.

После покушения на Гитлера (20 июля 1944 г.) Минпропом повсеместно были проведены митинги солидарности и лояльности по отношению к Гитлеру. По указанию Геббельса, лекторы должны были учитывать в своих выступлениях следующие важные моменты: во-первых, за покушение ответственна небольшая группа реакционных заговорщиков; во-вторых, это покушение имело целью отвратить неминуемую победу Гитлера в войне; в-третьих, «преступная группа» хотела воспрепятствовать проникновению национал-социалистической идеологии в армию и настроить вермахт против Гитлера; в-четвертых, армия из этого кризиса вышла еще более сплоченной⁹⁴⁰. В целом эта пропагандистская кампания оказалась весьма успешной — СД передавала, что покушение вызвало повсеместную ярость и потрясение, которые были еще более раздуты пропагандой. На некоторых домах появились плакаты с надписью «Слава Богу, что фюрер жив» (*Gott sei dank, daß der Führer lebt*). Один эсэсовский офицер писал, что ни одно событие войны не сплотило немецкий народ так сильно, как покушение на Гитлера, и что никогда еще не было столь отчетливо видно, насколько народ Гитлеру доверяет⁹⁴¹. Опросы немецких военнопленных также показали, что доверие к Гитлеру после покушения возросло: если в начале июля 1944 г. 57% немецких военнопленных, опрошенных американскими социологами, продолжали доверять Гитлеру, то после 20 июля — 68%⁹⁴².

Выводы

Искушенные в метафизике немцы породили и самую изощренную пропаганду, организаторы которой достигли большого эффекта в своей деятельности благодаря

пониманию того, что проще увлечь народ при помощи темной магии насилия и демагогии, нежели ясными, — но требующими в процессе осознания значительных усилий — идеями и здравым смыслом. Вместе с тем нацистская пропаганда, многоликая и многообразная, была по тем временам в высшей степени технизирована, но при этом нацеливалась на возбуждение примитивных инстинктов, она интенсивно использовала привлекательность техники и одновременно пользовалась широко распространенными в Германии антимодернистскими настроениями; она обещала дезориентированному обществу изменение и сохранение одновременно. Может быть, в этой многообразности и неоднозначности ее обещаний, требований и лозунгов и кроется секрет успеха геббельсовской пропаганды. Также к причинам нацистских пропагандистских успехов следует отнести то, что их пропаганда создавалась на гораздо более высоком художественном и психологическом уровне, чем у других партий, а в войну — и у военных противников.

Массовое тиражирование нацистской пропагандой культурных стереотипов способствовало исчезновению прежних социальных стандартов и идеалов — на их место вступали новые стереотипы, намеренно культивировавшиеся нацистами. Такая подмена была аналогична подмене на Западе в 50—60-е гг. прежних культурных стереотипов идеалами и стереотипами «общества массового потребления». Причем в обоих случаях в ходе этого процесса трудно определить, когда общество само склоняется к определенным ценностям, а когда — под воздействием внешних, навязываемых ему факторов. И само немецкое общество несло часть вины за распространение лжи и ее культивирование, поэтому Геббельс в Третьем Рейхе сыграл практически ту же роль, что и барон Мюнхгаузен, как писал в предисловии к изданию речей Геббельса Хельмут Хайбер: «Тот, кто охотно покупался на истории барона, тот, кто принимал их за чистую монету, тот сам виноват в распространении лжи. “Виноваты” в этом были люди, которые хотели верить Геббельсу и время, в которое они жили»⁹⁴³.

ГЛАВА V

СПОРТ И ФИЗКУЛЬТУРА В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИСТАМИ В СВОИХ ЦЕЛЯХ

Воспитательное общественное и культурное значение физкультуры и профессионального спорта в Третьем Рейхе

Физкультура и спорт в прежние времена воспринимались как праздное времяпрепровождение высших классов общества — таковыми они и были до появления современного «массового общества», в котором роль физкультуры и спорта резко изменилась. На Западе еще в 20—30 гг. спорт прочно занял свое место в культуре общества, со временем он стал «светской религией XX в.». В 1925—1926 гг. и Германия неожиданно превратилась в «царство спорта» — никогда до этого спорт в Германии не имел такой колоссальной популярности, которая пришла к немцам из Англии и США. Себастьян Хаффнер писал, что «спортивные репортажи и спортивные новости стали воспринимать так, как несколько лет назад в Германии воспринимали сводки последних известий о положении на фронте. К примеру, известие о том, что немецкий легкоатлет Хубен пробежал стометровку за 10,6 сек, воспринималось так же, как весть о пленении 20 тыс. русских солдат. А вести о победе Пельтцера на открытом чемпионате Англии по легкой атлетике в 1925 г. (да еще с мировым рекордом) немецкая публика ждала так же, как она в Первую мировую ждала (но не дождалась) известия о падении Парижа или о том, что Англия запросила перемирия⁹⁴⁴. Примечательно, что физкультура и спорт требуют больших усилий не только физических, но и волевых, и в этом смысле спорт, как указывал Ортега-и-Гассет — это родной брат труда. Отличие лишь в том, что спорт не обусловлен никакой практической потребностью и не является

вынужденным, как труд⁹⁴⁵. Это придает спорту особую магию, ибо хотя целенаправленная деятельность в большинстве случаев носит творческий и созидательный характер, но ее вынужденность зачастую снимает спонтанность. В глазах молодежи, стремящейся к самовыражению, спорт иногда стоит выше, чем труд. Поэтому нацисты придавали спорту большое значение, проникая в нем выигрыш для своей идеологии. Не случайно один английский знаток истории спорта писал, что «за противоречиями и ложью нацистской демагогии в отношении физического воспитания и спорта скрывалась весьма последовательная, хотя и не до конца продуманная философия»⁹⁴⁶.

Гитлер в «Майн кампф» весьма определенно отдавал предпочтение физическому воспитанию молодежи, а не ее образованности. «Подлинно народное государство, — писал Гитлер, — не должно ограничиваться механическим пичканьем молодежи знаниями, а должно в первую очередь обратить внимание на воспитание здорового тела. Лишь во вторую очередь следует обращаться к духовному развитию детей, но и здесь на первом месте должно стоять воспитание характера, особенно силы воли и решительности, связанных с воспитанием чувства ответственности. Лишь в последнюю очередь нужно думать о знаниях»⁹⁴⁷. Именно поэтому Гитлер очень любил выражение «физическая закалка» (*körperliche Ertüchtigung*). Такой подход к вопросам физического воспитания противоречил традиции физического воспитания детей в немецкой педагогике. Однозначное предпочтение нацистами сферы физического воспитания носило революционный характер, ибо физкультуре с начала XIX в. педагоги придавали значение компенсирующего фактора, а не заглавного⁹⁴⁸. Существующие в школе учебные планы Гитлер называл балластом; он писал, что 55% полученных в школе знаний совершенно не нужны молодым людям в их дальнейшей деятельности. Поэтому Гитлер требовал сокращения часов на преподавание отдельных предметов: «Вполне достаточно будет, если выпускник школы будет иметь об-

шие, поверхностные знания обо всем, а в сфере, в которой ему предстоит специализироваться — глубокие и детальные познания»⁹⁴⁹. Высвободившиеся после этой «рационализации» часы учебного плана Гитлер хотел отдать физическому воспитанию детей; он указывал, что не должно пройти ни одного дня, когда молодой человек не занимался бы физическими упражнениями хотя бы час утром и час вечером, безразлично — будет ли это гимнастика, легкая атлетика или спортивные игры⁹⁵⁰. Впрочем, впоследствии Гитлер стал отдавать предпочтение боксу, который, на его взгляд, как никакой другой вид спорта воспитывает силу духа. Значению физического воспитания Гитлер посвятил 50 страниц своей «Майн кампф».

Выполняя указания Гитлера об увеличении часов на физкультуру, министр-альтер директор в Министерстве науки, воспитания и образования Карл Кюммель, ответственный за развитие физкультуры в школе и в университете, 30 октября 1934 г. выпустил распоряжение о введении трехсеместрового обязательного курса физкультуры для всех немецких студентов. В этом же году вышло распоряжение о введении к 1937 г. во всех школах еженедельных пяти уроков физкультуры.

Физическое воспитание в системе мировоззрения Гитлера играло значительную роль потому, что способствовало здоровью, которое было необходимым элементом укрепления расы не только в биологическом, но и в духовном смысле.

Бесспорно, большое значение физкультуре нацисты придавали и по причине роли физической подготовки в укреплении армии. Причем Гитлер делал акцент на том, что нет необходимости в допризывной специальной подготовке молодых людей, — нужно просто стремиться к гармоничному физическому развитию. По этому поводу он писал: «Центр тяжести физической подготовки не должен приходиться на военные упражнения. Занятия боксом и джиу-джитсу кажутся мне более целесообразными, чем половинчатое в силу плохого материального обеспечения обучение стрельбе. Дайте нации шесть миллионов безупречно натренированных тел,

исполненных пламенной любви к родине, воспитанных в наступательном духе, и она при необходимости за два года сделает из них армию»⁹⁵¹.

Педагогом, который уточнил и синтезировал суждения Гитлера о спорте и физической культуре в процессе воспитания, был Альфред Боймлер, профессор Дрезденского университета, занимавшийся философией Канта, Гегеля и Ницше, а затем — ведущий специалист по педагогике физического воспитания. По-своему интерпретируя Ницше, Боймлер пришел к выводу, что государство Третьего Рейха будет мужским союзом, ведомым «военным гением». Целью воспитания в таком государстве станет «героический тип», «политический солдат». В процессе обучения будет необходимо разделение полов. Поскольку парамилитаристская жизнь в мужском союзе (к примеру, в СА или позднее — в СС) более соответствовала воспитанию «политических солдат», чем обыкновенная школа, то Боймлер сделал упор именно на них.

Важность физического воспитания оценивалась нацистами так высоко, что министр науки, воспитания и народного образования Бернхард Руст готов был примириться даже с некоторым отставанием ребенка в умственном развитии (вследствие интенсивных занятий физкультурой)⁹⁵². Сам Гитлер считал, что лишние знания вредят молодежи, и процесс воспитания следует строить не на насильственном пичканье ребенка знаниями, а на его естественном к ним стремлении.

Боймлеровская теория и модель «политического физического воспитания» (*politische Leibeserziehung*) восходит к учению и деятельности Фридриха Людвига Яна — пламенного прусского патриота времен наполеоновских войн. Интересно, что Ян первым политизировал традиционное приветствие «*heil*», которое потом использовали нацисты⁹⁵³. Сам Боймлер точно описывал значимость учения Яна для нацистов: «Страстный борец за немецкое единство, который одновременно был основателем современной гимнастики (*Turnkunst*), Ян был одним из первых немцев, которые видели рейх таким, каким мы его сейчас

себе представляем: империей одухотворенной силы и мощи народа»⁹⁵⁴. Причем Боймлер отдавал себе отчет в том, что новое физкультурное движение Яна не могло вырасти из традиции и обычаев буржуазного общества, а только из политических потребностей. Поэтому он изначально расценивал немецкое физкультурное движение как политическое явление, что соответствовало истине. Отсюда Боймлер делал вывод о необходимости ответственности государства за физкультурное движение и поощрение общественно значимых общих занятий физкультурой в противовес индивидуалистической и эгоистической практике заботы о собственном теле⁹⁵⁵. Символом общественно и государственно значимых физических занятий для Боймлера была гимнастическая площадка, в оформлении которой все имело значение, даже порода деревьев, которые ее окружали (липы, ели, клены); если деревьев не было, то их следовало посадить, — писал он.

Но в культивировании физических упражнений Боймлер видел и опасность, которая сводилась к возможности возникновения культа тренированного тела; этот культ Боймлер расценивал как аполитичное филистерство, так же уничижительно он отзывался и о футбольных (или других) спортивных болельщиках⁹⁵⁶.

Параллельно с политическим обоснованием физического воспитания Боймлер пытался изменить и профессиональное самосознание учителей физкультуры. «Десятилетиями, — писал он, — учитель физкультуры находился в тени гуманистической школы. Ныне он выдвигается на первый план, теперь, если он сможет правильно осмыслить новое положение, он становится политическим воспитателем нации»⁹⁵⁷.

Массовое воодушевление спортом было одинаково характерно и для двадцатых и для тридцатых годов, а в кайзеровские времена спорт носил преимущественно аристократический характер и являлся досугом элиты общества или армии. Впрочем, при нацистах интерес к спорту в армии сохранился. Так, в люфтваффе многие офицеры занимались охотой, поскольку это могло способствовать

повышению в должности (Геринг был заядлым охотником). По инициативе Геринга 18 января 1934 г. в Пруссии был принят охотничий закон, которым восхищались далеко за пределами Германии: он предусматривал, к примеру, уголовное наказание за убийство орла, применение в охоте яда или стальных капканов. Вивисекция в Пруссии была запрещена под страхом смертной казни. Геринг даже настаивал на запрещении самозащиты крестьян от кабаньих потрав урожая⁹⁵⁸. Национальный парк Шорнхайде, в котором охотилась только верхушка Третьего Рейха, стал предшественником национальных парков в других европейских странах.

Элитные виды спорта и вообще спорт как времяпрепровождение для верхушки общества стали постепенно исчезать после Первой мировой войны — в процессе постепенного становления массового общества и распространения профессионального спорта. Нацистская КДФ осознанно выдвинула лозунг «Ударим по предрассудкам — нет феодальным видам спорта». Благодаря активной финансовой поддержке спортивного ведомства КДФ, перестали быть сугубо элитарными видами спорта теннис, гольф, горные лыжи и верховая езда. КДФ учредила многочисленные спортивные секции, годовой взнос в которые стоил в среднем около 30 рейхсмарок. Рабочие и служащие теперь могли промчаться с гор на лыжах, ощутить волшебное чувство полета, несясь вскачь на коне по лесу или с азартом гоня теннисный мяч. В рамках программ КДФ за 1 час верховой езды или игры на теннисном корте нужно было заплатить одну рейхсмарку, недельный курс плавания под парусом стоил 30 рейхсмарок, 8-дневный курс горных лыж, включая дорогу в Альпы, питание, гостиницу и инструктора, стоил 52 рейхсмарки⁹⁵⁹. Точных статистических данных нет, но с уверенностью можно сказать, что до начала Второй мировой войны в Германии были построены сотни новых спортивных площадок, спортивных залов, плавательных бассейнов, тиров. Благодаря этому число спортивных секций и кружков значительно выросло, в них занимались милли -

оны желающих. Истоки этого организованного народного спортивного движения находятся в спортивном энтузиазме и воодушевлении, возникших, как уже говорилось выше, в 20-е гг.

Период 20—30 гг. был эрой необыкновенной популярности спортивных единоборств, а не командных видов спорта: героями эпохи были боксер Макс Шмеллинг, автогонщики Готтфрид фон Грамм, Макси Байер, Рудольф Карраккиола, Бернд Розенмайер и конечно же летчики-асы (в том числе и женщины — от Элли Байнхорн до Ханны Рейтч). Самыми знаменитыми автогонщиками были Караккиола и Розенмайер, который погиб в 1938 г. в гонке у Дармштадта. Дуэль этих гонщиков была излюбленным зрелищем немцев. По существу, спортивной организацией был НСКК (союз автомобилистов) во главе с Адольфом Хюнлейном, в ведении которого были автомобильные спортклубы, мотоклубы ГЮ и пр.

Бокс, автомобильные гонки, теннис и фигурное катание были в большой моде. Для нацистов в спорте и в технических достижениях, с ним связанных, выражалось активное и агрессивное мужское начало, красота, опьянение скоростью, экстаз движения — то есть то, что выражается емким французским словосочетанием *élan vital*.

Уже в 30-е гг. дало о себе знать массовое увлечение спортом. Теперь мы воспринимаем его исключительно как послевоенное явление, но это не так. Конрад Гейден писал, что в тот день, когда в Австрии был убит канцлер Дольфус, а сторонники нацистов штурмовали здание, в котором находилось ведомство канцлера, толпы жителей Вены устремились на футбольный стадион, где австрийская футбольная команда встречалась с итальянским клубом⁹⁶⁰. Страсть австрийцев к футбольному зрелищу по интенсивности во много раз превзошла их интерес к политике.

Нацисты всячески поощряли занятия и увлечение спортом; Клемперер вспоминал, что спортивная амуниция автогонщиков — перчатки, шлем, защитные очки — иногда воспринималась как вторая униформа нацистов; героем и образцом для подражания был автогонщик

Бернд Розенмайер; после гибели он некоторое время стоял в нацистской пропаганде на одном уровне с Хорстом Весселем⁹⁶¹.

Прежние спортивные организации (по отдельным видам спорта, конфессиональные и политические) периода Веймарской республики были ликвидированы в 1933 г., а руководство спортом и физкультурой унифицировано. Имперским спортивным руководителем — министриаль-директором в МВД и одновременно руководителем ведомства спорта в КДФ — был Ганс фон Чаммер унд Остен (*H. von Tschammer und Osten*), который в нацистском ежемесячнике таким образом формулировал свою задачу: «Я по своей должности и задачам — воспитатель. Я должен “аполитичных” спортсменов делать убежденными национал-социалистами»⁹⁶². Компетенции Чаммера охватывали все разновидности физкультуры и профессионального спорта, но не распространялись на занятия спортом в отдельных нацистских организациях, школах и вермахте.

Олимпийское движение и нацизм

«Если в 1940 г. Олимпиада еще будет в Токио, то впоследствии — всегда в Германии».

(Гитлер)

Решение о проведении очередных Олимпийских игр в Германии было принято до прихода нацистов к власти; впоследствии многие национальные спортивные организации отказались от участия в ней по причине нацистского расизма и антисемитизма. В США пытались провести решение о бойкоте Олимпиады, однако голосование в среде спортивных объединений Америки при минимальном перевесе дало отрицательный результат — за участие в играх было 58 голосов, против — 55 голосов. Президент Олимпийского комитета США Брандейдж (*Brundage*) был ярким сторонником участия в берлинской Олимпиаде — для него акции сторонников бойкота были

«грязным трюком коммунистов и евреев» в стремлении помешать Олимпиаде при помощи нечестной игры⁹⁶³. В 1934 г., во время ознакомительной поездки по Германии и после доклада руководства Еврейского спортивного движения в Германии, Брандейдж в присутствии руководства СА и имперского спортивного руководителя фон Чаммерунд Остена сказал, что сегрегация в спорте вполне допустима и некоторые спортивные клубы в Чикаго также не принимают в свои ряды евреев⁹⁶⁴.

Немецкие спортивные функционеры заявили, что еврейские атлеты будут включены в состав немецкой национальной сборной, что немецкий НОК берет на себя ответственность за соблюдение всех олимпийских правил, и тогда мировая общественность успокоилась.

Очередные XI летние Олимпийские игры (зимние Олимпийские игры состоялись раньше — с 1 февраля 1936 г. в Гармиш-Партенкирхене, в баварских Альпах) проходили с 1 по 16 августа 1936 г. в Берлине⁹⁶⁵. Ни одно событие не принесло нацистскому режиму столь большую степень внутренней морально-политической стабилизации и международного признания, как великолепно организованные зимние и летние Олимпийские игры; они и в спортивном отношении были необыкновенно удачны для немцев. Собственно, они придали масштабы современным Олимпиадам. Олимпийские постройки и технические приспособления превосходили все современные зарубежные образцы; XI Олимпиада задала современным олимпийским состязаниям даже форму и протокол. Многие олимпийские ритуалы впервые были придуманы Минпропом: олимпийский огонь, факельная эстафета, строительство Олимпийской деревни, торжественное открытие и закрытие Олимпиады, создание условий для средств массовой информации.

Можно сказать, что Берлинская Олимпиада была эмоциональной кульминацией национал-социализма: она буквально потрясла мир — ни одна из прошедших Олимпиад не была столь хорошо организована, не сопровождалась столь впечатляющими зрелищами. Все было сделано на

самом высшем уровне, от олимпийского гимна («Олимпийская праздничная песнь»), сочиненного Вернером Эгком, до торжественной церемонии закрытия Олимпиады. Современник, далекий от нацизма, передавал, что даже в провинции Олимпиаду 1936 г. немцы пережили как национальный триумф⁹⁶⁶. Всеобщее воодушевление было так велико, что французская делегация продефилировала мимо трибун с гитлеровским приветствием; это произвело на Гитлера большое впечатление⁹⁶⁷.

В дни Олимпиады миллионы людей во всем мире смогли впервые стать как бы непосредственными свидетелями событий. Немецкая радиовещательная корпорация обеспечила возможность 67 репортерам из 32 стран вести из Берлина прямые радиорепортажи. Всего было передано 2500 репортажей на 28 языках⁹⁶⁸. Для того времени это было феноменальное достижение.

Нацисты и особенно Гитлер, обожавший античную традицию, с огромным энтузиазмом восприняли Олимпиаду и не жалели на нее никаких средств: трудно себе представить, но бюджет Берлинской Олимпиады вырос с первоначальных 5 млн рейхсмарок до 100 млн! Гитлер остался недоволен старым, вильгельмовских времен стадионом и решил построить новый современный стадион. Его проектированием занимался Альберт Шпеер, предусмотревший перед Олимпийским стадионом большой плац — «Майское поле» (*Maifeld*), 70-метровой высоты башню для олимпийского огня и «зал Лангенмарка» (музей боевой славы, имевший важные функции в процессе патриотического воспитания молодежи).

Все, что касается культуры древних греков, было для Гитлера образцом совершенства, восприятие жизни древними греками он считал здоровым и свежим. Шпеер вспоминал, что портрет красивой пловчихи однажды побудил Гитлера к лирическому высказыванию: «Смотрите, какое красивое тело! Лишь в нашем столетии, благодаря спорту, молодежь приближается к идеалам эллинизма. А как им пренебрегали в прежние века! Но тем и отличаются наши дни от всех предшествующих эпох»⁹⁶⁹. Впрочем, лично

для себя он спорт отвергал: Шпеер никогда не слышал, что Гитлер хотя бы в молодости занимался каким-либо видом спорта. Интересно, что даже симпатию к античной традиции Гитлер связывал с национализмом: говоря о греках, Гитлер подразумевал дорийцев. Разумеется, причиной тому была теория некоторых ученых его времени, состоявшая в том, что пришедшие с севера дорические племена были германского происхождения.

Но в нацистском воодушевлении Олимпиадой была и некая червоточина: дело в том, что античный индивидуализм не совсем соответствовал тем задачам, которые стояли перед спортом в нацистской Германии. Это несовпадение отчетливо видно уже по тому, что идеалы отца немецкого физкультурного движения Фридриха Людвига Яна были далеки от античных представлений о спорте. У Яна на первом месте стояла допризывная подготовка, строй, синхронность коллективных движений, массовость гимнастических упражнений. Такой спорт был скорее спортом квазимилитаристской организации, а спортивные учреждения были в Германии скорее парамилитаристскими. Нацисты просто использовали спорт по той причине, что он дисциплинировал молодежь и преподавал уроки жизни подчас гораздо более действенные и наглядные, чем все проповеди, вместе взятые.

Нацистское восприятие спорта было подобно восприятию его Жоржем Моррасом, который, впервые побывав на Олимпиаде 1896 г., воспринял олимпийские соревнования как соперничество наций, вернее, модель этого соперничества, наглядное его воплощение⁹⁷⁰. В таком же духе геббельсовской пропагандой подавалось спортивное соперничество на Берлинской Олимпиаде.

Накануне Олимпиады негров перестали поносить как «неполноценных», напротив, их стали называть «феноменами из феноменов, которые должны стартовать в собственном классе», о великом спринтере Джесси Оуэнсе немецкая пресса писала, что он недостижим для обычных спортсменов. Нацистская пресса старалась представить международные соревнования не как состязания разных

спортсменов, а как схватку представителей разных рас. К примеру, всемирно известный немецкий автогонщик Бернд Розенмайер (погибший в гонке 1938 г.) не соревновался со своим вечным соперником итальянцем Нуволари, а «боролся против Италии». Макс Шмеллинг, чемпион мира в тяжелом весе в 1930—1933 гг., был для нацистской прессы и общественности «надеждой белой расы». Его роман с известной актрисой Анни Ондра постоянно находился в центре внимания публики, что сделало ранее неинтересных боксеров кумирами народа, общественно значимыми (*gesellschaftsfähig*) персонами. Особенно велик был ажиотаж, когда в 1936 г. Шмеллинг смог выиграть у знаменитого американского тяжеловеса чернокожего Джо Льюиса⁹⁷¹. Когда победитель — Шмеллинг на дирижабле «Гинденбург» возвращался домой, то на границе рейха его встречали истребители люфтваффе⁹⁷². Спортивная победа в идеологизированном нацистском сознании имела политическое значение. Любопытно, что когда в начале спортивной карьеры (в 1928 г.) Шмеллинг в полутяжелом весе победил итальянца Микеле Бонагли, то один из современников отмечал, что эта победа воспринималась как «торжество принципа демократии над фашизмом». Впоследствии и нацисты постарались заработать политический капитал на имени великого спортсмена. Шмеллинг, правда, отказался от почетного кинжала СА, не вступил в НСДАП и демонстративно общался с актерами-евреями.

О том, что для нацистов определяющее значение имели не сами спортивные результаты, а и их идеологическое оправдание с точки зрения расовой теории, свидетельствует история известного боксера-полутяжеловеса Вильгельма Трольманна (1907 г. рождения). Трольманн стал чемпионом Германии по боксу в июне 1933 г. По происхождению он был цыганом. Нацисты поносили его за технически изысканную и утонченную (танцующую, как у Мухаммеда Али) манеру ведения боя. «Знатоки» бокса из СА утверждали, что истинно немецкий боксер должен стоять как вкопанный и мужественно переносить удары

соперника, нанося ему ответные. Манера боя Трольманна была настолько необычной и красивой, что на бои с его участием приходили многие немецкие знаменитости, в том числе Бертольд Брехт и известный актер Ханс Альберс. Нацистские спортивные функционеры организовали травлю Трольманна, задним числом лишив его звания чемпиона Германии. Трольманн был аполитичным человеком и, совершенно не понимая смысла происходящей вокруг него возни, бросил спорт, оставил семью, запил и постепенно опустился. В войну он служил рядовым на Восточном фронте, был ранен в 1942 г., по возвращении после ранения в Гамбург был арестован гестапо, отправлен в концлагерь Нойенгамме и расстрелян 9 февраля 1943 г.⁹⁷³

Моделью для современного олимпизма Пьер де Кубертен (1863—1937), являвшийся в рассматриваемый период почетным президентом МОК, считал Великобританию, вернее, то, что сутью английской системы образования было поощрение атлетизма вкупе с интеллектуальным образованием. Кубертен писал, что если Франция хочет добиться подобных успехов, она должна развивать в школе упомянутый атлетизм; он уверял, что если Британия добилась всего благодаря своей школе, то Германия — благодаря системе высшего образования⁹⁷⁴. Это негласное соперничество англосаксонской и немецкой систем образования и подходов к воспитанию придало сюжету Олимпиады особую напряженность. В итоге на Олимпийских играх 1936 г. англичане получили 4 золотые медали, а немецкие спортсмены — 33, что дало лишние козыри в руки нацистских пропагандистов. Остроты добавляло и участие американцев, рассматривавших Олимпиаду как чрезвычайно престижное мероприятие: ее победители становились в Америке национальными героями. Сами американцы считали немцев самыми опасными конкурентами: секретарь американского любительского легкоатлетического союза Дэниэл Феррис (*Daniel J. Ferris*), побывав в Германии еще в 1930 г., писал в отчете, что немецкие университеты лучше оборудованы спортивными

площадками, чем богатые американские. Феррис предсказывал, что немцы завоюют все медали уже на Олимпиаде в Лос-Анджелесе⁹⁷⁵. Этого, правда, не произошло.

Как и любой авторитарный режим, режим нацистов стремился извлечь из олимпийского спортивного праздника прежде всего политическую выгоду — с помощью спортивных побед доказать превосходство национал-социализма. Проблема, однако, состояла в том, что, начиная с первой Олимпиады, на этих соревнованиях постоянно доминировали американцы. Поэтому когда открылись XI Олимпийские игры, весь мир с напряжением следил, смогут ли нацисты выполнить свое обещание. Во время Олимпиады, дабы избежать явных конфузов, Минпроп распорядился, чтобы в спортивных комментариях не говорилось о расовой принадлежности спортсменов⁹⁷⁶. Распоряжение было весьма разумным, ибо в первый же день Олимпиады американские атлеты, среди которых было много негров, завоевали олимпийские медали. Чернокожий американский легкоатлет Джесси Оуэнс завоевал золотые медали в четырех видах программы: в беге на 100, 200 м, в эстафете 4x100 (39,8 сек) и в прыжках в длину. Несомненно, что Джесси Оуэнс был главным американским героем Олимпиады⁹⁷⁷. Рекорд Оуэнса в беге на 100 м (10,2 сек) продержался с 1936 г. по 1956 г., прежде чем его на 0,1 секунды (!) превысил американский же атлет Уильямс. Еще дольше — до 1960 г. держался рекорд Оуэнса в прыжках в длину (он первым в истории преодолел 8-метровый рубеж — 8,06 м). Гитлер следующим образом оценил достижения Оуэнса: «Люди, чьи предки обитали в джунглях, крайне примитивны и имеют более атлетическое сложение, нежели цивилизованные белые. Они не годятся для конкуренции, так что следовало бы впредь не допускать их к участию в Олимпийских играх и в других спортивных соревнованиях»⁹⁷⁸.

Также нацистская пресса старалась обойти вниманием участие еврейских спортсменов и спортсменов, хотя, как уже говорилось, нацистский НОК для маскировки включил в немецкую команду двух евреев. Так, велико-

лепная фехтовальщица Елена Майер (1910—1953), которая в 13 лет стала чемпионкой Германии по рапире, а в 1928 г. — олимпийской чемпионкой (в Амстердаме), в 1932 г. покинула Германию и поехала учиться в США. На время Берлинской Олимпиады она вернулась и завоевала для Германии серебро в своем виде фехтования. После Олимпиады ей хватило благоразумия вернуться в Америку, где она вскоре получила гражданство и еще 4 раза становилась чемпионкой США⁹⁷⁹. Большой популярностью на Олимпиаде пользовались французский велосипедист Робер Шарпентьер, датская пловчиха Хенрика Мастенбрек, арабский штангист-легковес Кадр Эль-Тоуни, немецкий стрелок Вилли Рогенберг, немецкая дискоболка Гизела Мауэрмайер, немецкий пятиборец лейтенант Готхард Хандрик; также гостем Олимпиады был великий финский бегун Пааво Нурми.

В целом Олимпиада 1936 г. стала триумфом немецкого спорта, о чем свидетельствуют следующие данные о командном первенстве.

Страна	Золото	Серебро	Бронза	Очки
Германия	33	26	30	181
США	24	20	12	124
Италия	8	9	5	47
Финляндия	7	6	6	39
Франция	7	6	6	39
Венгрия	10	1	5	37
Швеция	6	5	9	37
Япония	6	4	8	34
Голландия	6	4	7	33
Англия	4	7	3	20
Австрия	4	6	3	27
Швейцария	1	9	3	26
Чехословакия	3	5	—	19
Канада	1	3	5	14
Аргентина	2	2	3	13
Эстония	2	2	3	13
Норвегия	1	3	2	11

Успехи Германии в зимней Олимпиаде были более скромными по причине сильной конкуренции северных стран, прежде всего — Норвегии.

Страна	Золото	Серебро	Бронза	Очки
Норвегия	7	5	3	34
Германия	3	3	—	15
Швеция	2	2	3	13
Финляндия	1	2	3	10
Швейцария	1	2	—	7
Австрия	1	1	2	7
Англия	1	1	1	6
США	1	—	3	6
Канада	—	1	—	2
Франция	—	—	1	1
Венгрия	—	—	1	1

Триумф немецкого спорта геббельсовская пропаганда использовала для укрепления политических позиций режима. Участник Берлинской Олимпиады Арнд Крюгер констатировал, что пропагандистское влияние Берлинской Олимпиады было очень велико; об этом свидетельствует и решение МОК от 1939 г. о перенесении зимних Олимпийских игр (1940 г.) в Германию, вручение ДАФ (в марте 1938 г.) Олимпийского кубка «за заслуги в организации спортивного движения», а также вручение в июне 1939 г. Лени Рифеншталь *Diplôme Olympique du Mérite* за фильм об Олимпиаде⁹⁸⁰. Примечательно, что сам фильм в США к этому времени уже был запрещен как нацистская пропаганда⁹⁸¹.

Немцы в большинстве своем восприняли Олимпиаду 1936 г. как национальный триумф⁹⁸². Иностранцы гости, особенно из Великобритании и США, были поражены: вид внешне счастливых, здоровых, приветливых людей, сплоченных вокруг Гитлера, далеко не соответствовал представлениям о нацистской Германии, почерпнутым из газет. Французский посол Франсуа-Понсе писал: «Весь мир был потрясен безукоризненной организацией, абсо-

лютым порядком и дисциплиной, гостеприимством, щедро расточаемым хозяевами»⁹⁸³. Стремясь подчеркнуть американскую «некультурность», сам Гитлер жаловался, что американцы — гости Олимпиады — во время приема в рейхсканцелярии стащили 137 серебряных ложек, все щетки, гребни и некоторые другие предметы с его монограммами⁹⁸⁴.

Выводы

В итоге раздела о спорте следует подчеркнуть, что основная функция спорта и физкультуры в Третьем Рейхе носила политический характер, на это Гитлер указывал еще в «Майн кампф»: «Немецкий народ, который ныне пинают все, кому не лень, остро нуждается в стимулах к возрождению былого величия. Эту внутреннюю уверенность немцев в себе поможет возродить спорт. Именно он поможет воспитать молодежь в убеждении, что немцы превосходят все другие нации. В своей физической силе и ловкости наш народ должен вновь обрести чувство превосходства над другими нациями и чувство своей непобедимости»⁹⁸⁵. Такая постановка вопроса соответствовала стремлению нацистов политизировать не только спорт, но и всю жизнь немцев без изъятия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абвер — Abwehr — Армейская разведка и контрразведка.

БДМ — BDM (Bund der deutschen Mädel) — Союз немецких девушек.

БК — ВК (Bekennniskirche) — Исповедальная церковь.

ВХВ — WHW (Winterhilfswerk) — «Зимняя помощь» (организация).

Гестапа — Gestapa (Geheimes Staatpolizeiamt) — Ведомство тайной государственной полиции (в Пруссии).

Гестапо — Gestapo (Geheimes Staatspolizei) — Тайная государственная полиция (общегерманская).

ГЮ — HJ (Hitler-Jugend) — гитлерюгенд.

ДАФ — DAF (Deutsche Arbeiterfront) — Немецкий рабочий фронт.

ДК — DC (Deutsche Christen) — Немецкие христиане (пронацистская протестантская церковь).

ДФВ — DFW (Deutsche Frauenwerk) — «Немецкий женский труд» (организация).

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала.

КДК — KfDK (Kampfbund für deutsche Kultur) — Союз борьбы за немецкую культуру (под эгидой А. Розенберга).

КДФ — KdF (Kraft durch Freude) — «Сила через радость» (подразделение ДАФ).

КВГ — KWG (Kaiser-Wilhelm-Gesellschaft) — Общество кайзера Вильгельма, Немецкая академия наук в 1911—1945 гг.

КХД — KHD (Der Kriegshilfsdienst) — «Вспомогательная военная служба» (подразделение РАД).

НАПОЛА — NAPOLA (Nationalpolitische Lehranstalten) — Национально-политическое учебное заведение.

НСБО — NSBO (Nationalsozialistische Betriebszelleorganisation) — Национал-социалистические производственные ячейки.

НСДАП — NSDAP (Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei) — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

НСДФВ — NSDFW (Nationalsozialistische Deutsche Frauenwerk) — Национал-социалистический немецкий союз женского труда (подразделение НСФ).

НСДШБ — NSDStB (Nationalsozialistische Deutsche Studentebund) — Национал-социалистический студенческий союз.

НСКК — NSKK (Nationalsozialistische Kraftwagenkorps) — Национал-социалистический союз автомобилистов.

НСЛБ — NSLB (Nationalsozialistische Lehrerbund) — Национал-социалистический союз учителей.

НСРБ — NSRB (Nationalsozialistische Rechtswahrerbund) — Национал-социалистический союз поборников права.

НСФ — NSF (Nationalsozialistische Frauenschaft) — «Национал-социалистические женщины» (организация).

НСФО — NSFO (Nationalsozialistische Frauenorganisation) — Национал-социалистическая женская организация.

ОКВ — OKW (Oberste Kommando der Wehrmacht) — Верховное командование вермахта (личный штаб Гитлера).

ОКЛ — OKL (Oberste Kommando der Luftwaffe) — Верховное командование военно-воздушными силами.

ОКМ — ОКМ (Oberste Kommando der Marine) — Верховное командование военно-морским флотом.

ОКХ — ОКН (Oberste Kommando des Heeres) — Верховное командование сухопутными вооруженными силами (Генштаб).

ОТ — (Organisation Todt) — «Организация Тодта».

ПО — PO (Politische Organisation) — Политическая организация (в отличие от СА, собственно политическое руководство НСДАП).

РАД — RAD (Reichsarbeitsdienst) — Имперская трудовая служба (организация).

РАФ — RAF (Royal Air Force) — Британские военно-воздушные силы.

РКФДФ — RKFDV (Reichskommissariat für die Festigung des deutschen Volkstums) — Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности.

РМБЕФ — RMWEV (Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung) — имперское министерство науки, воспитания и народного образования.

РНШ — RNSt (Reichsnährstand) — Имперское продовольственное сословие (организация).

РСХА — RSHA (Reichssicherheitshauptamt) — Главное управление имперской безопасности.

РУСХА — RuSHA (Rasse und Siedlungshauptamt SS) — Расовое и переселенческое главное ведомство СС.

СА — SA (Sturmabteilungen) — Штурмовые подразделения.

СД — SD (Sicherheitsdienst) — Служба безопасности.

СС-ФТ — SS-VT (SS-Verfügungstruppe) — отряды для поручений в СС.

СС — SS (Schütz Staffelei) — Защитные отряды.

ТВ — TV (TotenkopfVerbände) — подразделения «Мертвая голова».

ФБ — Völkischer Beobachter — газета, печатный орган

НСДАП.

ФОМИ — Vomi (Volksdeutsche Mittelstelle) — посреднические бюро фольксдойч.

ЮМ — JM (Jungmädels) — Юнгмедель, девичье подразделение ГЮ.

ЮФ — JV (Jungvolk) — Юнгфольк, юношеское подразделение ГЮ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 28.
- ² *Schäfer H. D.* Das gespaltene Bewußtsein. Über deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933—1945. München, 1981, passim.
- ³ *Арон П.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 77.
- ⁴ *Арон П.* Мемуары. С. 77.
- ⁵ Цит. по: *Ошеров В.* В нравственном тупике // Новый мир. 1996. № 9. С. 173.
- ⁶ *Мангейм К.* Человек и общество в век преобразований. М., 1991. С. 203.
- ⁷ *Мангейм К.* Человек и общество в век преобразований. М., 1991. С. 94.
- ⁸ *Ортега-и-Гассет О.* О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки. 1991. № 12. С. 145.
- ⁹ *Schirach B.* Revolution der Erziehung. Berlin, 1938, цит. по: *Karl Dietrich Bracher, Manfred Funke, Hans-Adolf Jacobsen* (Hg) Nationalsozialistische Diktatur. 1933—1945. Eine Bilanz. Düsseldorf, 1983. (Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte; 21). S. 224.
- ¹⁰ Для будущего важно происхождение.
- ¹¹ Ср.: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 486.
- ¹² *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches, 1963. S. 340.
- ¹³ Цит. по: *Karl Dietrich Bracher, Manfred Funke, Hans-Adolf Jacobsen* (Hg) Nationalsozialistische Diktatur. S. 232.
- ¹⁴ *Schuster W.* Das Ende des Bildungsreiches // Die Bücherei, 1934. H. 2. S. 5.
- ¹⁵ *Hitler A.* Mein Kampf, Bd. 1. München, 1940. S. 235, 238.
- ¹⁶ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 46, 49.
- ¹⁷ *Шнеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 184.
- ¹⁸ *Herbst J.* Requiem for a German Past. A Boyhood among the Nazis. Madison, 1999. P. 29.
- ¹⁹ 29 января 1938 г. вышло распоряжение министра образования о сокращении этого срока на год.
- ²⁰ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik in Düsseldorf 1933-1945. Düsseldorf, 1972. S. 146.
- ²¹ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 151.
- ²² Ср.: *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 157.
- ²³ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade), Bd. 4 (1937). S. 852 (4. Juli).

- ²⁴ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade), Bd. 5 (1938). S. 1404 (5. Dezember).
- ²⁵ «Neuordnung des höheren Schulwesens». In: Deutsche Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung, 1935. № 582. S. 46.
- ²⁶ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. London, 1975. P. 117.
- ²⁷ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 153.
- ²⁸ *Пукер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 201.
- ²⁹ Цит. по: *Eilers R.* Nationalsozialistische Schulpolitik. Köln, 1963. S. 3.
- ³⁰ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 141.
- ³¹ *Stolz H.* Erlebte Schule. 60 Jahre vor und auf dem Katheder. Düsseldorf, 1957. S. 123.
- ³² *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 81.
- ³³ Ср.: *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. Wie die Nazis das Leben der Deutschen veränderten. Reinbeck bei Hamburg, 1979. S. 89.
- ³⁴ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 91.
- ³⁵ См.: *Seidel B., Jenkner S.* (Hg) Wege der Totalitarismus-Forschung. Darmstadt, 1968. S. 112-119.
- ³⁶ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 78.
- ³⁷ Ibid. S. 79.
- ³⁸ Ibid. S. 77.
- ³⁹ Ср.: *Hagen L.* Geschäft ist Geschäft. Neun Deutsche unter Hitler. Hamburg, 1969. S. 77.
- ⁴⁰ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 156.
- ⁴¹ Ср.: *Frei N.* Der Führerstaat. München, 1989. S. 197.
- ⁴² *Пукер Г.* Застольные разговоры Гитлера. С. 178.
- ⁴³ *Scholtz H.* NS-Ausleseschulen. Internatsschulen als Herrschaftsmittel des Führerstaates. Göttingen, 1973. S. 12.
- ⁴⁴ *Scholtz H.* NS-Ausleseschulen. S. 9.
- ⁴⁵ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 271.
- ⁴⁶ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 95.
- ⁴⁷ Ср.: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 295.
- ⁴⁸ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 358.
- ⁴⁹ *Schmitz-Beming C.* Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin, 2000. S. 13.
- ⁵⁰ *Scholtz H.* Die NS-Ordensburgen // VfZ, 1967. H. 3. S. 285.
- ⁵¹ Ibid. S. 286.
- ⁵² Ibid. S. 295.
- ⁵³ Völkischer Beobachter, Norddeutsche Ausgabe, 12.12.1940.

- ⁵⁴ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 608.
- ⁵⁵ *Maser W.* Das Regime. S. 287.
- ⁵⁶ *Креўз Г.* Немцы. М., 1999. С. 195.
- ⁵⁷ Там же. С. 197.
- ⁵⁸ Там же. С. 199.
- ⁵⁹ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 342.
- ⁶⁰ *Stephenson J.* Women in Nazi Society. R 142.
- ⁶¹ *Seier H.* Der Rektor als Führer. Zur Hochschulpolitik des Reichserziehungsministeriums 1934—1945 // VfZ, 1964. H. 2. S. 105.
- ⁶² *Клемперер В.* ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 52.
- ⁶³ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 2, Herrsching, 1984. S. 247.
- ⁶⁴ *Шулер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М., 1990. С. 288.
- ⁶⁵ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 343.
- ⁶⁶ *Шулер У.* Взлет и падение Третьего рейха. С. 289.
- ⁶⁷ *Bracher K. D.* et al. (Hg): Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Düsseldorf, 1982. S. 251.
- ⁶⁸ Ср.: *Креўз Л.* Немцы. С. 187.
- ⁶⁹ *Boberach Ff.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938-1945. Bd. 2, Herrsching, 1984. S. 248.
- ⁷⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945. Bd. 2. S. 249.
- ⁷¹ *Klages L.* Rhythmen und Runen. Leipzig, 1944. S. 349.
- ⁷² *Schneider T.* Ideologische Grabenkämpfe. S. 279.
- ⁷³ *Schneider T.* Ideologische Grabenkämpfe. Der Philosoph Ludwig Klages und der Nationalsozialismus. 1933-1938 // VfZ, 2001. H. 2. S. 275.
- ⁷⁴ *Креўз Г.* Немцы. С. 191.
- ⁷⁵ *Françoise E., Schulze Ff.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. München, 2001. S. 62.
- ⁷⁶ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. S. 68.
- ⁷⁷ Ср.: *Аникеев А. А., Кольга Г. И., Пуховская Н. Е.* НСДАП. Идеология, структура и функции. Ставрополь, 2000. С. 21.
- ⁷⁸ *Zinner E.* Entstehung und Ausbreitung der copemicalischen Lehre. Erlangen, 1943. S. 403.
- ⁷⁹ Ср.: *Remmert V.* Galilei und die Rassenlehre: Naturwissenschaftsgeschichte als Legitimationswissenschaft im Dritten Reich // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2001. N 4. S. 338.

⁸⁰ Ср.: *Шнеер Л.* Воспоминания. С. 317.

⁸¹ Ср.: *Mosse G.* Nazi Culture. Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich. New York, 1966. R 199.

⁸² *Proctor R.* The Nazi war on cancer. Princeton, 1999, passim.

⁸³ Цит. по: *Der Spiegel*, 1999. N 30. S. 199.

⁸⁴ Цит. по: *Моммзен В.* Историография и социология при нацизме // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 9.

⁸⁵ Не в последнюю очередь благодаря ему отмечается, что период 30-х гг. являлся блестящим периодом исследования истории средневековья по причине относительной политической нейтральности исследовательских проектов. Подобный «перекос» в сторону кажущихся нейтральными научных тем отмечался и в советской исторической науке.

⁸⁶ *Wistrich R.* Wer war wer im Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1987. S. 53.

⁸⁷ Как, например, великолепный ученый — философ Эрнст Кассирер (1874—1945); он до 1933 г. был ректором Гамбургского университета и вынужден был эмигрировать в Англию.

⁸⁸ Ср.: *Моммзен В.* Историография и социология при нацистах // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 4.

⁸⁹ *Kрейг Г.* Немцы. С. 193.

⁹⁰ Ср.: *Balfour M.* Withstanding Hitler in Germany 1933—1945. London, 1988. P. 13.

⁹¹ См.: *Peiffer L.* Turnunterricht im Dritten Reich. Erziehung für den Krieg? Köln, 1987. S. 40.

⁹² Цит. по: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 337.

⁹³ *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung in polemisch-didaktischer Absicht. Olden und Freiburg in Breisgau, 1961. S. 18.

⁹⁴ *Mosse G.* Nazi Culture. Intellectual, Cultural and Social Life in the Third Reich. New York, 1966. P. XXIII.

⁹⁵ Ср.: *Гюнтер Х.* Эстетика государства и трагедия смеха // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 87.

⁹⁶ Первым на взаимосвязь эстетики и политики обратил внимание бельгийский социалист и социолог Хенрик де Манн; он призвал руководство социалистическим движением активно использовать в процессе мобилизации потребности масс в мифах и утопиях. Его в 20-е гг., однако, игнорировали, в отличие от Гитлера, использовавшего это открытие в полной мере. Ср.: *Mann H.* Zur Psychologie des Sozialismus. Jena, 1926, passim.

⁹⁷ Bloch E. Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt am Main, 1962. S. 162.

⁹⁸ Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 24.

⁹⁹Ср.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 26.

¹⁰⁰Цит. по: Личность в XX в. М., 1979. С. 71.

¹⁰¹ Впрочем, как Маринетти, так и известный дирижер и композитор Тосканини вскоре отвернулись от фашизма.

¹⁰²Speer A. Spandauer Tagebücher. Frankfurt am Main, 1975. S. 574.

¹⁰³ Цит. по: Dreyer E. Deutsche Kultur im Neuen Reich. Berlin, 1934. S. 11.

¹⁰⁴ Dussel K. Der NS-Staat und die «deutsche Kunst». In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933—1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. S. 261.

¹⁰⁵ Schmitz-Beming C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin, 2000. S. 145.

¹⁰⁶Цит. по: Есенов В. В. Германский фашизм и культура. (Культурно-политическая деятельность НСДАП в 1929-1939 гг.) М., 1991. С. 35.

¹⁰⁷ Brenner H. Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. Reinbeck bei Hamburg, 1963. S. 19.

¹⁰⁸ Petropulos J. Public and Private Debates: the Evolution of the National Socialist Aesthetic Policy // Zeitgeschichte, 1994. Н. 11/12. S. 389.

¹⁰⁹Reuth R. G. Goebbels. Ein Biographie. München, 1995. S. 291.

¹¹⁰ Цит. по: Кракауэр Э. Психологическая история немецкого кино. От Калигари до Гитлера. М., 1977. С. 168.

¹¹¹Langbehn J. Rembrandt als Erzieher. Stuttgart, 1936. S. 45.

¹¹²Ср.: Glum F. Der Nationalsozialismus. S. 292.

¹¹³ Ср.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches, 1992. S. 58.

¹¹⁴ Хотя некоторые источники свидетельствуют, что сам Гитлер, будучи в Вене, восхищался музыкой Малера, несмотря на то что тот был евреем. Ср.: Lucacs J. The Hitler of History. New York, 1998. P. 59.

¹¹⁵ Ср.: Джонсон 77. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. С. 138.

¹¹⁶Ср.: Laqueur W. Weimar: A Cultural History. London, 1974. P. 73.

¹¹⁷ Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. С. 136.

¹¹⁸ Laqueur W. Weimar: A Cultural History. London, 1974. P. 81; цит. по: Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. С. 37.

- ¹¹⁹ *Saldern A.* Mittelstand im «Dritten Reich». Handwerker — Einzelhaendler — Bauern. Frankfurt am Main, 1979, passim.
- ¹²⁰ К 1933 г. «Союз» насчитывал около 4 тыс. человек; в него входили известные деятели искусства: крупный издатель Леманн, Виннифред Вагнер, архитектор профессор Шульце-Наумбург, писатель и литературовед Бартельс. Ср.: *Peters L.* (Hg) *Volkslexikon des Dritten Reiches*, 1994. S. 401.
- ¹²¹ *Boberach H.* (Hg) *Berichte des SD und Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland*. Mainz, 1971. S. 101.
- ¹²² Ср.: *Dussel K.* Der NS-Staat und die «deutsche Kunst». In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) *Deutschland 1933—1945*. S. 258.
- ¹²³ *Merker R.* Die bildenden Künste im NS. Kulturideologie, Kulturpolitik, Kulturproduktion. Köln, 1983. S. 133.
- ¹²⁴ *Peterson E.* *The Limits of Hitler's Power*. Princeton, 1969. P. 9.
- ¹²⁵ *Petropulos J.* *Public and Private Debates*. S. 391.
- ¹²⁶ *Ibid.* S. 393.
- ¹²⁷ *Schirach B.* *Von Ich glaubte an Adolf Hitler*. Hamburg, 1967. S. 288.
- ¹²⁸ Цит. по: *Wulf J.* *Literatur und Dichtung im Dritten Reich*. Frankfurt am Main, 1983. S. 191.
- ¹²⁹ *Hinkel H.* *Das Handbuch der Reichskulturkammer*. Berlin, 1937. S. 19.
- ¹³⁰ Цит. по: *Brenner H.* *Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus*. S. 54.
- ¹³¹ Ср.: *Drewniak B.* *Das Theater im NS-Staat. Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933-1945*. Düsseldorf, 1982. S. 149.
- ¹³² *Brenner H.* *Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus*. S. 107.
- ¹³³ *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. Мефистофель усмеяется из прошлого. Ростов-на-Дону, 2000. С. 142.
- ¹³⁴ *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 146.
- ¹³⁵ *Payer B.* *Aufgaben des Amtes Schrifttumpfleger // Die Bücherei*, 1940. H. 40. S. 204.
- ¹³⁶ Цит. по: *Brenner H.* *Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus*. S. 13.
- ¹³⁷ Ср.: *Шнеер А.* *Воспоминания*. С. 89.
- ¹³⁸ *Lucacs J.* *The Hitler of History*. New York, 1998. P. 70.
- ¹³⁹ Ср.: *Lucacs J.* *The Hitler of History*. P. 70.
- ¹⁴⁰ *Demand A.* *Klassik als Klischee: Hitler und die Antike // Historische Zeitschrift*. 2002: Bd. 274. H. 2. S. 289.

- ¹⁴¹ Цит.: *Thies J.* Architektur der Weltherrschaft. Die «Endziele» Hitlers. Düsseldorf, 1976. S. 119.
- ¹⁴² Цит. по: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 290.
- ¹⁴³ Шпеер вспоминал, что на Гитлера наибольшее впечатление производила разбивка магистралей и новых бульваров, проведенная в Париже между 1853 и 1870 гг. Жоржем Османом, которого Гитлер считал величайшим градостроителем всех времен и народов. Ср.: *Шпеер А.* Воспоминания. С. 122.
- ¹⁴⁴ *Шпеер А.* Воспоминания. С. 224.
- ¹⁴⁵ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 288.
- ¹⁴⁶ Цит. по: *Шпеер А.* Воспоминания. С. 121.
- ¹⁴⁷ *Demand A.* Klassik als Klischee. S. 290.
- ¹⁴⁸ *Шпеер А.* Воспоминания. С. 197.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 204.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 228.
- ¹⁵¹ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 296.
- ¹⁵² Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 25.
- ¹⁵³ *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. S. 130.
- ¹⁵⁴ *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. Darmstadt, 1989. S. 259.
- ¹⁵⁵ *Schmidt M.* Albert Schpeer. Das Ende eines Mythos. Bern, 1982. S. 58.
- ¹⁵⁶ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 262.
- ¹⁵⁷ *Demand A.* Klassik als Klischee. S. 290,
- ¹⁵⁸ *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940. S. 244.
- ¹⁵⁹ Ср.: *Demand A.* Klassik als Klischee. S. 291.
- ¹⁶⁰ *Бережков В.* Рядом со Сталиным. М., 1998. С. 54.
- ¹⁶¹ Цит. по: *Есипов В. В.* Германский фашизм и культура. М., 1991. С. 32.
- ¹⁶² Цит. по: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 275.
- ¹⁶³ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 291.
- ¹⁶⁴ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 274.
- ¹⁶⁵ *Шпеер А.* Воспоминания. С. 209.
- ¹⁶⁶ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 241.
- ¹⁶⁷ *Bose M., Holtmann M., Machule D., Pahl-Weber E., Schubert D.* «...ein neues Hamburg entsteht...». Planen und Bauen von 1933-1945. Hamburg, 1986, passim.
- ¹⁶⁸ *Шпеер А.* Воспоминания. С. 81.
- ¹⁶⁹ *Maser W.* Adolf Hitler: Mythos, Legende, Wirklichkeit. München, 1971. S. 103.

- ¹⁷⁰ Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt*. Berlin, 1986. S. 460.
- ¹⁷¹ Шнеер А. *Воспоминания*. С. 263.
- ¹⁷² Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches*. S. 67.
- ¹⁷³ Ibid. S. 95.
- ¹⁷⁴ Ср.: Petropulos J. *Public and Private Debates*. S. 39Ö.
- ¹⁷⁵ Peters L. *Volkslexikon Drittes Reiches*. S. 275.
- ¹⁷⁶ Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches*. S. 92.
- ¹⁷⁷ Ср.: Brenner H. *Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus*. S. 76.
- ¹⁷⁸ Brenner H. *Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus*. S. 109.
- ¹⁷⁹ Alff W. *Der Betriff Faschismus und andere Aufsätze*. Frankfurt am Main, 1971. S. 124.
- ¹⁸⁰ Petropulos J. *Public and Private Debates*. S. 395.
- ¹⁸¹ Brenner H. *Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus*. S. 39.
- ¹⁸² Brenner H. *Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus*. S. 112.
- ¹⁸³ Schmidt W. «Maler an der Front». *Zur Rolle der Kriegsmaler und Pressezeichner der Wehrmacht im Zweiten Weltkrieg*. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. München, 1999. S. 640.
- ¹⁸⁴ Schmidt W. «Maler an der Front». *Zur Rolle der Kriegsmaler und Pressezeichner der Wehrmacht im Zweiten Weltkrieg*. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) *Die Wehrmacht. Mythos und Realität*. München, 1999. S. 642.
- ¹⁸⁵ Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches*. S. 366.
- ¹⁸⁶ Непобежденным побежденные сегодня, надеющиеся на победу завтра.
- ¹⁸⁷ Ср.: Heiden K. *Adolf Hitler*. Zürich, 1936. S. 80.
- ¹⁸⁸ Ср.: Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches*. S. 369.
- ¹⁸⁹ Цит. по: Drewniak B. *Das Theater im nationalsozialistischen Staat: Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933—1945*. Düsseldorf, 1983. S. 282.
- ¹⁹⁰ Großmann-Vedrey S. *Bayreuth in der deutschen Presse (1938—1944)*. Regensburg, 1983. S. 253.
- ¹⁹¹ Boberach H. (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945*. Bd. 3. Herrsching, 1984. S. 527.
- ¹⁹² Ср.: Dussel K. *Der NS-Staat und die «deutsche Kunst»*. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) *Deutschland 1933—1945*. S. 265.
- ¹⁹³ Reichel P. *Der schöne Schein des Dritten Reiches*. S. 354.
- ¹⁹⁴ Lerg W. *Rundfunkpolitik in der Weimarer Republik*. München, 1980. S. 524.

- ¹⁹⁵ *Drechsler N.* Die Funktion der Musik im deutschen Rundfunk 1933-1945. Pfaffenweiler, 1988. S. 32.
- ¹⁹⁶ *Drechsler N.* Die Funktion der Musik im deutschen Rundfunk. S. 41.
- ¹⁹⁷ Cp.: *Dussel K.* Der NS-Staat und die «deutsche Kunst». In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-J.* (Hg) Deutschland 1933-1945. S. 270.
- ¹⁹⁸ *Maass M.* Aspekte von Kultur und Freizeit in Nürnberg während des Nationalsozialismus. In: Archiv für Sozialpolitik, 1933. Bd. 33. S. 338.
- ¹⁹⁹ Cp.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 345—346.
- ²⁰⁰ *Kroll E.* Verbotne Musik // VfZ, 1959. H. 3. S. 312.
- ²⁰¹ *Reuth R. G.* Goebbels. Eine Biographie. München, 1995. S. 324.
- ²⁰² *Kater M. H.* Carl Orff im Dritten Reich // VfZ, 1995. H. 1. S. 3.
- ²⁰³ *Kater M. H.* Carl Orff im Dritten Reich. S. 9.
- ²⁰⁴ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 348.
- ²⁰⁵ Cp.: *Wulf J.* Martin Bormann — Hitlers Schatten. Gütersloh, 1962. S. 169.
- ²⁰⁶ Cp.: *Potter P.* Most German of the Arts: Musicology and Society from the Weimar Republic to the End of Hitler's Reich. New Haven, 1998. P. 29.
- ²⁰⁷ *Нератова P.* В дни войны. Семейная хроника. СПб., 1996. С. 234.
- ²⁰⁸ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. München, 2001. S. 672.
- ²⁰⁹ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. S. 676.
- ^m *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. S. 677.
- ²¹¹ Cp.: *Dennis D.* Beethoven in German Politics 1870—1989. New Haven, 1996, passim.
- ²¹² *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. S. 679.
- ²¹³ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. S. 250.
- ²¹⁴ Интересно отметить, что музыка Вагнера вдохновляла не только Гитлера, но и венского журналиста Герцля; под ее влиянием Герцлю привиделась «земля обетованная», которая спасет и приютит евреев. Он в этот момент слушал «Тангейзер». См.: *Herd T.* Tagebücher 1895—1904. Bd. 1. Berlin, 1922. S. 3. Для Гитлера «поворотным пунктом» стала опера «Риенци».

- ²¹⁵ *Spotts F.* Bayreuth. A history of the Wagner Festival. New Haven, 1994. P. 165.
- ²¹⁶ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis II. Wien, 2000. S. 166.
- ²¹⁷ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis II. S. 173.
- ²¹⁸ *Spotts F.* Bayreuth. P. 166.
- ²¹⁹ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis II. S. 177.
- ²²⁰ *Spotts F.* Bayreuth. A history of the Wagner Festival. New Haven, 1994, wrapper.
- ²²¹ *Spotts F.* Bayreuth. P 8.
- ²²² *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis II. S. 184.
- ²²³ Ср.: *Сьюард Д.* Наполеон и Гитлер. Сравнительная биография. Смоленск, 1995. С. 42.
- ²²⁴ Цит. по: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 353.
- ²²⁵ Ср.: *Spotts F.* Bayreuth. P. 6.
- ²²⁶ Цит. по: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 353.
- ²²⁷ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. München, 2001. S. 549.
- ²²⁸ См.: *Eberan B.* Luther? Fridrich der Grosse? Wagner? Nietzsche? ...? ...? Wer war an Hitler schuld? Die Debatte um die Schuldfrage 1945-1949. München, 1983. S. 136.
- ²²⁹ *Галь Г.* Брамс, Вагнер, Верди. Три мастера — три мира. М., 1986. С. 306.
- ²³⁰ *Rauschnig Я.* Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940. S. 215.
- ²³¹ *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München, 2001. S. 128.
- ²³² *Mann T.* Leiden und Größe Richard Wagner. In: *Mann T.* Essays. Bd. 3: Schriften über Musik und Philosophie. Frankfurt am Main, 1978. S. 118.
- ²³³ Ср.: *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 63.
- ²³⁴ Ср.: *Prieberg F. K.* Musik im NS-Staat. Frankfurt am Main, 1982. S. 260.
- ²³⁵ *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung in polemisch-didaktischer Absicht. Olden und Freiburg in Breisgau, 1961. S. 41.
- ²³⁶ В 1920 г. состоялась премьера его экспрессионистской пьесы «Король», которую несколько раз смотрел Гитлер; ему драма понравилась тем, что ее героя народ поначалу превозносит, а потом тот, непонятый, погибает. Гитлер в беседе с Йостом сказал, что хотел бы такой смерти — как известно, эта мечта исполнилась. Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 336.

- ²³⁷ Цит. по: *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. S. 39-40.
- ²³⁸ Ср.: *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. S. 43.
- ²³⁹ *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 144.
- ²⁴⁰ *Dahm V.* Die nationalsozialistische Schrifttumpolitik nach dem 10 Mai 1933, in: *Walberer U.* (Hg) 10 Mai 1933. Buecherverbrennung in Deutschland und die Folgen. Frankfurt am Main, 1983. S. 57.
- ²⁴¹ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 186
- ²⁴² Börsenblatt für den deutschen Buchhandel, 24 April 1934. S. 6.
- ²⁴³ Ср.: *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung in polemisch-didaktischer Absicht. Olden und Freiburg in Breisgau, 1961, passim.
- ²⁴⁴ Ср.: *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 279.
- ²⁴⁵ Это тенденциозно антиевропейский и антихристианский роман, превозносящий германские языческие обычаи. В нацистские времена подражателями Бартельса были Ганс Блунк и Мориц Ян.
- ²⁴⁶ *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. S. 27.
- ²⁴⁷ Любопытно, что эта литература имела массу параллелей с произведениями советских писателей-«деревенщиков»; по крайней мере, накал и направленность эмоций аналогичные, хотя, как известно, любое сравнение хромает.
- ²⁴⁸ Автор великолепного философско-исторического романа «Человек без свойств» (1943).
- ²⁴⁹ *Musil R.* Prosa, Dramen. Späte Briefe. Hamburg, 1957. S. 611.
- ²⁵⁰ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 141.
- ²⁵¹ Ср.: *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung in polemisch-didaktischer Absicht. Olden und Freiburg in Breisgau, 1961. S. 42.
- ²⁵² Ср.: *Kaiser H.* Mythos, Rausch und Resektion. Der Weg Gottfried Benns und Ernst Jüngers. Berlin, 1962. S. 6.
- ²⁵³ Ср.: *Wallmann J.* Gottfried Benn. Mühlacker, 1965. S. 55.
- ²⁵⁴ *Бенн Г.* Двойная жизнь // Иностранная литература. 2000. № 2. С. 228.
- ²⁵⁵ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 327.
- ²⁵⁶ *Odal*, 1940. S. 193.
- ²⁵⁷ *Hietala M.* Der neue Nationalismus in der Publizistik Ernst Junger und des Kreises um ihn. Helsinki, 1975. S. 28; *Kaiser H.* Mythos, Rausch und Resektion. Der Weg Gottfried Benns und Ernst Jüngers. Berlin, 1962. S. 153.

- ²⁵⁸ CM.: *Glutz P.* In der Betrachtung liegt Freiheit // Die Neue Gesellschaft, 1990. N 3. S. 269.
- ²⁵⁹ *Bayrd J. W.* To die for Germany. Heroes in the Nazi Pantheon. Bloomington, 1990. P. 137—138.
- ²⁶⁰ *Bayrd J. W.* To die for Germany. P. 156.
- ²⁶¹ CM.: *Barbian J.-P.* Literaturpolitik im Dritten Reich. Institutionen, Kompetenzen, Betätigungsfelder. Frankfurt am Main, 1993. S. 196.
- ²⁶² *Böhme H.* Junge deutsche Dichtung, in: Der deutsche Student. Zeitschrift der Deutschen Studentenschaft, 1934, № 2. S. 634.
- ²⁶³ *Strohmann D.* NS-Literaturpolitik. Bonn; 1960. S. 109.
- ²⁶⁴ Ср.: *Ehrke-Rotermund H.* Die Wehrmacht als Gegenstand der Literatur während des «Dritten Reiches». In: *Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 687.
- ²⁶⁵ *Weil M.* (Hg) Werwolf und Biene Maja. Der deutsche Bücherschrank zwischen den Kriegen. Berlin, 1986. S. 11.
- ²⁶⁶ *Hahn M.* Als Hitler das zweite Paar Schuhe lieb Amerika, Karl May und der «Generalplan Ost» // Deutsche Vierteljahrsschrift, 2003. N 1. S. 148.
- ²⁶⁷ *Hahn M.* Als Hitler das zweite Paar Schuhe lieb. S. 166.
- ²⁶⁸ Ibid. S. 172.
- ²⁶⁹ Ibid. S. 173.
- ²⁷⁰ *Boese E.* Das öffentliche Bibliothekswesen im Dritten Reich. Bad Honef, 1987. S. 200.
- ²⁷¹ *Andrae F.* Volksbücherei und NS. Wiesbaden, 1970. S. 18.
- ²⁷² *Dähnhardt H.* Weg und Ziel deutscher Bibliotheksarbeit // Die Bücherei, 1937. H. 4. S. 2.
- ²⁷³ *Boese E.* Das öffentliche Bibliothekswesen im Dritten Reich. S. 343.
- ²⁷⁴ Ср.: *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 29.
- ²⁷⁵ *Verweyen T.* Bücherverbrennungen. Heidelberg, 2000. S. 145.
- ²⁷⁶ Генрих Манн на самом деле обладал какой-то странной желчностью и неприятием всего немецкого, что очень искажало перспективу и странным образом сужало его кругозор. Ср.: *Крака-уэр З.* Психологическая история немецкого кино. М., 1977. С. 219.
- ²⁷⁷ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 23.
- ²⁷⁸ Цит. по: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 119. См. также: *Brenner H.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. S. 51.
- ²⁷⁹ Цит. по: *Berendsohn W.* Die humanistische Front. Zürich, 1948. S. 16.

²⁸⁰ Brenner H. Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. S. 44.

²⁸¹ Ibid. S. 46.

²⁸² Ср.: *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung in polemisch-didaktischer Absicht. Olden und Freiburg in Breisgau, 1961. S. 60.

²⁸³ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. München, 2001. S. 615.

²⁸⁴ Ср.: *Шупер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. С. 281.

²⁸⁵ Вихерт открыто выступал в защиту патера Нимеллера и за это угодил в концлагерь.

²⁸⁶ Ср.: *Schönauer F.* Deutsche Literatur im Dritten Reich. Versuch einer Darstellung in polemisch-didaktischer Absicht. Olden und Freiburg in Breisgau, 1961. S. 139.

²⁸⁷ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 334.

²⁸⁸ Ср.: *Wistrich R.* Wer war wer im dritten Reich. München, 1983.

²⁸⁹ *Schneider T.* Bestseller im Dritten Reich. Ermittlung und Analyse der meistverkauften Romane in Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004. H. 1. S. 86.

²⁹⁰ *Schneider T.* Bestseller im Dritten Reich. Ermittlung und Analyse der meistverkauften Romane in Deutschland // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2004. H. 1. S. 96.

²⁹¹ *Schäfer H.* Das gespaltene Bewußtsein. München, 1981. S. 81.

²⁹² *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München, 2001. S. 110.

²⁹³ *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München, 2001. S. 106.

²⁹⁴ *Dussel K.* Ein neues, ein heroisches Theater? Nationalsozialistische Theaterpolitik und ihre Auswirkungen in der Provinz. Bonn, 1988. S. 304.

²⁹⁵ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 52.

²⁹⁶ См.: *Düsterberg R.* Mein Reichsführer, lieber Heini Himmler! // Die Zeit, 2004. N 12. S. 82.

²⁹⁷ Премьера этой пьесы состоялась только в 1902 г. — до этого цензура не разрешала постановку революционной вещи.

²⁹⁸ *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München, 2001. S. 113.

²⁹⁹ *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. S. 126.

³⁰⁰ *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 134.

³⁰¹ *Lüth E.* Hamburger Theater 1933—1945. Ein thetegeschichtliche Versuch. Hamburg, 1962. S. 15.

³⁰² Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 339.

³⁰³ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 211.

³⁰⁴ Ср.: *Dussel K.* Der NS-Staat und die «deutsche Kunst». In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen ff.-A.* (Hg) Deutschland 1933-1945. S. 268.

³⁰⁵ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 185.

³⁰⁶ *Maass M.* Aspekte von Kultur und Freizeit in Nürnberg während des Nationalsozialismus. In: Archiv für Sozialpolitik, 1933. Bd. 33. S. 332.

³⁰⁷ *Maass M.* Aspekte von Kultur und Freizeit. S. 333.

³⁰⁸ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 187.

³⁰⁹ Харлан воспользовался тем, что — в отличие от промышленников — к финансистам у немцев существовала устойчивая антипатия. К тому же, в результате давно действовавшего запрета церкви на ростовщичество, самыми расторопными и наиболее удачливыми финансистами были евреи: Оппенгеймер и Вертгеймер в Вене, Либман, Гомперс, Эфраим, Ициг и Исаак в Берлине, Беренс в Ганновере, Леман в Хальберштадте, Барух и Оппенгейм в Бонне, Зелигман в Мюнхене, Каулла в Штутгарте, Ротшильд во Франкфурте и Вене. Конечно, в Германии не очень верили, что банкиры пеклись о чьих-либо интересах, кроме своих собственных. Йозеф Зюсс-Оппенгеймер (еврей Зюс) в 1732 г. стал личным банкиром принца Карла Александра Вюртембергского и начал потакать склонностям своего господина-католика, который не пользовался особенной популярностью, ведь Вюртемберг — протестантский край. Следуя принципам меркантилизма, едва ли уместным в крестьянской стране, Зюсс-Оппенгеймер ввел государственную монополию на соль, кожу, вино и табак; он основал банк и мастерские по изготовлению фарфора, имел доходы от игорных и публичных домов. Все это подняло волну враждебности к нему, а после смерти Карла Александра привело к суду над банкиром и его повешению в 1738 г. Эту историю использовал Вейт Харлан, спекулируя на отнюдь не типичном случае. Ср.: *Kreiß G.* Немцы. М., 1999. С. 121.

³¹⁰ *Теплиц Е.* История киноискусства. Кн. 4. М., 1973. С. 170.

³¹¹ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 2. München, 2001. S. 630.

³¹² *Henning K.* «...oder man geht zugrunde...» // Die Zeit, 2004. N 15. S. 96.

³¹³ *Maass M.* Aspekte von Kultur und Freizeit in Nürnberg während des Nationalsozialismus. In: Archiv für Sozialpolitik, 1933. Bd. 33. S. 337.

³¹⁴ *Drewniak W.* Der deutsche Film 1938—1945, Ein Gesamtüberblick. Düsseldorf, 1987. S. 397.

³¹⁵ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939-1944. Berlin, 1965. S. 297.

³¹⁶ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. Bd. 3. S. 527.

³¹⁷ *Коробков Н. М.* Семилетняя война. М., 1940. С. 314.

³¹⁸ *Peters L.* *Volkslexikon Drittes Reiches*. S. 423; *Reichel R.* *Der schöne Schein des Dritten Reiches*. S. 190.

³¹⁹ *Салкелд О.* Лени Рифенингаль. Триумф воли. М., 2003. С. 13.

³²⁰ *Friedländer S.* *Kitsch und Tod. Der Wiederschein des Nationalsozialismus*. München, 1984, *passim*.

³²¹ Заломон является автором знаменитого в свое время романа «Презренные» (1930 г.), описывавшего борьбу добровольцев в Прибалтике и воспевавшего ценность боевого товарищества, авантюризма, жажды приключений. В его послевоенной беллетристике вина за нацизм очень релятивировалась.

³²² Фассбиндер был одним из самых ярких представителей немецкой художественной интеллигенции, активный деятель «молодого немецкого кино», поставил более 40 фильмов. Одна из самых значительных его лент — «Замужество Марии Браун» (1978г.), в которой он подытожил послевоенный исторический путь Германии.

³²³ Французский писатель, в прошлом преступник, автор романа «Чудо розы» (1946г.), «Дневник вора» (1950г.), в которых он обращался к приемам «черного гротеска», героизации преступления. Известен также пьесами в духе драмы абсурда.

³²⁴ Французский писатель, автор романов «Ольховый король» (1970 г.), «Гаспар, Мельхиор, Бальтазар» (1980 г.).

³²⁵ Японский писатель, автор произведений «Жажда любви» (1959 г.), «Золотой храм» (1956 г.), пьесы «Мой друг Гитлер» (1968 г.), в которых оправдывалось убийство как естественный акт самовыражения личности.

³²⁶ Французская писательница, с 1980 г. член Французской академии, автор философской прозы в духе исторической стилизации, а также романов, повестей, рассказов. Романы «Воспоминания Адриана» (1951 г.), «Философский камень» (1968 г.), автобиографическая книга «Благочестивые воспоминания», книга повестей «Как струящаяся вода» (1982 г.).

³²⁷ Итальянский режиссер театра и кино, один из основоположников неореализма. В его творчестве важна тема противоречия между эгоизмом страсти и нормами общественной морали. Фильм «Гибель богов» (1969 г.) повествует о семье немецких промышленников, о нравственном упадке немецкого общества после 1933 г. Центральный эпизод фильма — сцена «ночи длинных ножей» 20 июня 1934 г. — считается одной из самых выразительных антифашистских реплик в истории искусства.

³²⁸ Итальянский кинорежиссер, в основном ставила фильмы на исторические сюжеты, связанные с болезненными и неразрешимыми проблемами человеческих взаимоотношений.

³²⁹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 950.

³³⁰ Ср.: *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 234.

³³¹ *Борхес Х. Л.* Письмена Бога. М., 1994. С. 296.

³³² *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М., 2001. С. 37.

³³³ Единственное, что необходимо для триумфа зла — это чтобы хорошие люди ничего не делали (Э. Бёрк, 1729—1797).

³³⁴ Ср.: *De Felice R.* Interpretations of Fascism. Cambridge, 1977. P. 14.

³³⁵ Der italienische Faschismus. Probleme und Forschungstendenzen. München, 1983, passim.

³³⁶ *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. München, 1954.

³³⁷ *Burckhardt J.* Weltgeschichtliche Betrachtungen. Berlin, 1935, passim.

³³⁸ *Арон П.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 76.

³³⁹ Нельзя жить правильно в неправильном обществе.

³⁴⁰ Ср.: *Peukert D. J. K.* Das Dritte Reich aus der «Alltags»-Perspektive // Archiv für Sozialgeschichte, 1986. Bd. 26. S. 533.

³⁴¹ *Vollmer B.* (Hg) Volksopposition im Polizeistaat. Gestapo- und Regierungsberichte 1934—1936. Stuttgart, 1957. S. 80.

³⁴² *Vollmer B.* (Hg) Volksopposition im Polizeistaat. S. 146, 160, 170.

³⁴³ Ibid. S. 216.

³⁴⁴ См.: *Дайст В.* Размышления о «вынужденной лояльности» немцев в начале войны. В кн.: *Михалка В.* (ред.) Вторая мировая война. М., 1997. С. 177.

³⁴⁵ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 49.

³⁴⁶ *Mason T. W.* Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 229.

³⁴⁷ *Hellpach W.* Der deutsche Charakter. Bonn, 1954. S. 160.

³⁴⁸ См.: *Jacobeit S. und W.* Illustrierte Alltags- und Sozialgeschichte Deutschlands. Münster, 1995. S. 117.

³⁴⁹ *Wulff E.* Das Winterhilfswerk des deutschen Volkes. Berlin, 1941. S. 8.

³⁵⁰ *Mason T.* Sozialpolitik im Dritten Reich. Opladen, 1977. S. 133, 142.

³⁵¹ Ср.: *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996. S. 176.

- ³⁵² Цит. по: *Frei N.* Der Führerstaat. München, 1989. S. 183.
- ³⁵³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 256.
- ³⁵⁴ *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 278.
- ³⁵⁵ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 180.
- ³⁵⁶ Цит. по: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 285.
- ³⁵⁷ Ср.: *Diewald-Kerkmann G.* Politische Denunziaton in NS-Regime oder Die kleine Macht der «Volksgenossen». Bonn, 1995. S. 23.
- ³⁵⁸ *Diewald-Kerkmann G.* Politische Denuanziaton. S. 91.
- ³⁵⁹ Ср.: *Gellately R.* The Gestapo and German Society: Enforcing Racial Policy 1933—1945. Oxford, 1990, passim.
- ³⁶⁰ Ср.: *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtliche Zeiten. Frankfurt am Main, 1979. S. 288.
- ³⁶¹ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1, 1979. S. 14-15.
- ³⁶² *Креўг Г.* Немцы. С. 8.
- ³⁶³ *Frank H.* Im Angesichts des Galgens. München, 1953. S. 320.
- ³⁶⁴ Ср.: *Zitelmann R.* Adolf Hitler. Eine politische Biographie. Göttingen, 1989. S. 214.
- ³⁶⁵ Цит. по: *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München. 1963. S. 326.
- ³⁶⁶ *Клемперер В.* ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 63.
- ³⁶⁷ Ср.: *Gamm H.-J.* Der braune Kult. Hamburg, 1962. S. 105.
- ³⁶⁸ Ср.: *Fritzsche P.* Germans into Nazis. Cambridge, 1998. P. 169.
- ³⁶⁹ *Fritzsche P.* Germans into Nazis. Cambridge, 1998. P. 219.
- ³⁷⁰ Ср.: *Schmeer K* Die Regie. S. 52.
- ³⁷¹ Ср.: *Schmeer K* Die Regie. S. 53.
- ³⁷² *Söhngen O.* Säkularisierter Kultus. Gütersloh, 1950. S. 11.
- ³⁷³ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 210
- ³⁷⁴ *Schmeer K* Die Regie. S. 58.
- ³⁷⁵ См.: *Schmeer K.* Die Regie. S. 58.
- ³⁷⁶ Illustrierte Zeitung, 1936. 12 марта. № 4748.
- ³⁷⁷ Deutschland-Berichte der SPD (Sopade). Sechster Jahrgang, 1939, Frankfurt am Main, 1980. S. 980.
- ³⁷⁸ Ibid. S. 558, 565, 579.
- ³⁷⁹ Цит. по: *Maier H.* Ideen von 1914 — Ideen von 1939? Zweierlei Kriegsanfänge // VfZ, 1990. N 4. S. 531.
- ³⁸⁰ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 210.
- ³⁸¹ Цит. по: *Maser W.* Das Regime. S. 204.

³⁸² Ср.: *Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen*. S. 92.

³⁸³ Ср.: *Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen*. S. 108.

³⁸⁴ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938-1945*. Bd. 2. Herrsching, 1984. S. 361.

³⁸⁵ Ср.: *Maser W.* *Das Regime*. S. 229.

³⁸⁶ Цит. по: *Maser W.* *Das Regime*. S. 230.

³⁸⁷ *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934-1940*. Frankfurt am Main, 1980. Bd. 1940. S. 222.

³⁸⁸ *Maser W.* *Das Regime*. S. 237.

³⁸⁹ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945*. Bd. 3. Herrsching, 1984. S. 524.

³⁹⁰ *Die Hassel-Tagebücher 1938-1944*. Berlin, 1982. S. 131.

³⁹¹ Ср.: *Steiner M.* *Deutsche im Krieg: Kollektivmeinungen, Verhaltensmuster und Mentalitäten*. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) *Deutschland 1933-1945*. S. 479.

³⁹² *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938—1945*. Bd. 3. Herrsching, 1984. S. 647.

³⁹³ Гитлер с досадой читал страницы донесений СД о подобных настроениях немцев, ср.: *Maser W.* *Das Regime*. S. 244.

³⁹⁴ Цит. по: *Maser W.* *Das Regime*. S. 243.

³⁹⁵ Ср.: *Maser W.* *Das Regime*. S. 244.

³⁹⁶ *Deutschland-Berichte der SPD (Sopade)*. Sechster Jahrgang, 1939, Frankfurt am Main, 1980. S. 583.

³⁹⁷ Ср.: *Broszat M.* (Hg) *Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung*. Bd. 2. München, 1977. S. 621.

³⁹⁸ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938-1945*. Bd. 7. Herrsching, 1984. S. 2217.

³⁹⁹ *Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen*. S. 188—195.

⁴⁰⁰ См.: *Maser W.* *Das Regime*. S. 246.

⁴⁰¹ Цит. по: *Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen*. S. 109.

⁴⁰² *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938-1945*. Bd. 6. Herrsching, 1984. S. 1822.

⁴⁰³ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. Bd. 6. S. 1962.

⁴⁰⁴ *Frei N.* *Der Führerstaat*. S. 134.

- ⁴⁰⁵ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 256.
- ⁴⁰⁶ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 110.
- ⁴⁰⁷ Ср.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 257.
- ⁴⁰⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 119.
- ⁴⁰⁹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 3. S. 623.
- ⁴¹⁰ *Maser W.* Das Regime. S. 286.
- ⁴¹¹ 10 июля 1941 г. Исландию оккупировали американцы — это известие вызвало у немецкой публики повышенный интерес: немцы опасались, как бы это не повлекло за собой вступление США в войну; в этой связи вспоминали обстоятельства вступления Америки в Первую мировую войну. *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 7. S. 2501.
- ⁴¹² *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 127.
- ⁴¹³ *Ibid.* S. 138.
- ⁴¹⁴ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 4. S. 1246.
- ⁴¹⁵ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 133.
- ⁴¹⁶ *Ibid.* S. 130.
- ⁴¹⁷ *Ibid.* S. 130.
- ⁴¹⁸ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 259.
- ⁴¹⁹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 136.
- ⁴²⁰ *Ibid.* S. 134.
- ⁴²¹ *Ibid.* S. 167.
- ⁴²² См.: *Аникеев А. А.* Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов-на-Дону, 1990. С. 44.
- ⁴²³ *Васильчикова М. И.* Берлинский дневник 1940—1945. М., 1994. С. 27-28.
- ⁴²⁴ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 681.
- ⁴²⁵ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933—1941. Berlin, 1996. S. 681.
- ⁴²⁶ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 246.
- ⁴²⁷ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 147.
- ⁴²⁸ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 241.
- ⁴²⁹ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 390.
- ⁴³⁰ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 274.
- ⁴³¹ Ср.: *Stöver B.* Volksgemeinschaft im Dritten Reich. Die Konsensbereitschaft der Deutschen. Aus der Sicht sozialistischer Exilberichte. Düsseldorf, 1993. S. 426.

- ⁴³² *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 278.
- ⁴³³ *Sigmund A. M.* Die Frauen der Nazis. Bd. 1. Wien, 1998. S. 60.
- ⁴³⁴ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 250.
- ⁴³⁵ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 288.
- ⁴³⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 251.
- ⁴³⁷ *Gruchmann L.* Korruption im Dritten Reich. Zur «Lebensmittelversorgung» der NS-Führerschaft // VfZ, 1994. H. 4. S. 585.
- ⁴³⁸ *Domarus M.* (Hg) Hitler: Reden und Proklamationen, 1932-1945. Bd. 2/3. Neustadt, 1962. S. 1254.
- ⁴³⁹ Откровения и признания. С. 177.
- ⁴⁴⁰ Цит. по: *Maser W.* Das Regime. S. 254.
- ⁴⁴¹ Ср.: *Jakobsen H.-A.* Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961. S. 252.
- ⁴⁴² *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich 1938—1945. Bd. 7. S. 2313.
- ⁴⁴³ Цит. по: *Безымянский Л.* Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. С. 48.
- ⁴⁴⁴ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 7. S. 2426.
- ⁴⁴⁵ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 247.
- ⁴⁴⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich, Bd. 7. S. 3473.
- ⁴⁴⁷ Ср.: *Böhme K.* Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. München, 1966. S. 49.
- ⁴⁴⁸ Ср.: *Broszat M.* (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung. Bd. 2. München, 1977. S. 150.
- ⁴⁴⁹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 7. S. 2643.
- ⁴⁵⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 8. S. 2701.
- ⁴⁵¹ Ср.: *Broszat M.* (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung. Bd. 2. München, 1977. S. 150.
- ⁴⁵² Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 252.
- ⁴⁵³ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 259.
- ⁴⁵⁴ Ср.: *Murawski E.* Der deutsche Wehrmachtsbericht 1939—1945. Boppard am Rhein, 1962. S. 61.
- ⁴⁵⁵ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?» Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939-1943. Stuttgart, 1967. S. 213.
- ⁴⁵⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 243.
- ⁴⁵⁷ Ibid. S. 228.
- ⁴⁵⁸ Ibid. S. 254.
- ⁴⁵⁹ Ibid. S. 296.

- ⁴⁶⁰ *Адам В.* Катастрофа на Волге. Мемуары адъютанта Гитлера. Смоленск, 2001. С. 23.
- ⁴⁶¹ *Терпе К.* Zur Sozialpolitik des Dritten Reiches am Beispiel der Sozialversicherung // Archiv für Sozialpolitik. 1977. Bd. 17. S. 250.
- ⁴⁶² *Kardorff U. V.* Berliner Aufzeichnungen aus den Jahren 1942-1945. München, 1942. S. 21.
- ⁴⁶³ *Venohr W.* Stauffenberg. Symbol der deutschen Einheit. Eine politische Biographie. Frankfurt am Main, 1990. S. 251.
- ⁴⁶⁴ Ср.: *Steiner M.* Deutsche im Krieg. S. 481.
- ⁴⁶⁵ *Клемперер В.* ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 122.
- ⁴⁶⁶ Ср.: *Steiner M.* Deutsche im Krieg. S. 48.
- ⁴⁶⁷ Ср.: *Horbelt R. und S.* Sonja: Tante Linas Kriegskochbuch. Frankfurt am Main, 1982, passim.
- ⁴⁶⁸ *Maser W.* Das Regime. S. 285.
- ⁴⁶⁹ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. Смоленск. 1994. С. 377.
- ⁴⁷⁰ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 473.
- ⁴⁷¹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 261.
- ⁴⁷² Ср.: *Frei N.* Der Führerstaat. S. 135.
- ⁴⁷³ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 300.
- ⁴⁷⁴ Ibid. S. 304.
- ⁴⁷⁵ *Kardorff U. V.* Berliner Aufzeichnungen aus den Jahren 1942-1945. München, 1942. S. 43.
- ⁴⁷⁶ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 348.
- ⁴⁷⁷ Ibid. S. 387.
- ⁴⁷⁸ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 318.
- ⁴⁷⁹ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 291.
- ⁴⁸⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 346.
- ⁴⁸¹ Ibid. S. 343.
- ⁴⁸² Ibid. S. 334.
- ⁴⁸³ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 340.
- ⁴⁸⁴ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 4981.
- ⁴⁸⁵ *Maser W.* Das Regime. S. 300.
- ⁴⁸⁶ Ср.: *Broszat M.* (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung. Bd. 2. München, 1977. S. 642.
- ⁴⁸⁷ Ibid.
- ⁴⁸⁸ Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск, 2001. С. 37.

⁴⁸⁹ Смысл куплета в том, что английские «томми» на своих бомбардировщиках должны лететь дальше на Восток, на Берлин, ведь именно в столице было больше всего тех, кто голосовал за нацистов в 1933 г. См.: *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 390.

⁴⁹⁰ *Herbst L.* *Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945*. S. 433.

⁴⁹¹ *Domarus M.* (Hg) *Hitler. Reden und Proklamationen*. München, 1962. Bd. 2. S. 1580.

⁴⁹² *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 273.

⁴⁹³ *Burleigh M.* *Die Zeit des Nationalsozialismus*. S. 908.

⁴⁹⁴ *Ibid.* S. 862.

⁴⁹⁵ *Гренвилл Д.* *История XX в. Люди, события, факты*. М., 1999. С. 281.

⁴⁹⁶ *Steiner M. G.* *Hitlers Krieg und die Deutschen*. S. 286.

⁴⁹⁷ *Herbst L.* *Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945*. S. 430.

⁴⁹⁸ *Herbst L.* *Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945*. S. 431.

⁴⁹⁹ *Джонсон П.* *Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы*. Т. 1. М., 1995. С. 461.

⁵⁰⁰ *Peters L.* *Volkslexikon Drittes Reiches*. S. 708.

⁵⁰¹ *Irving D.* *Goering*. München, 1987. S. 599.

⁵⁰² *Der Luftkrieg über Deutschland 1939—1945. Deutsche Berichte und Pressestimmen des neutralen Auslandes*. München, 1963. S. 57.

⁵⁰³ *Faurisson R.* *Ecrits révisionistes 1974—1996*. Т. 1. Paris, 1999. P. 30.

⁵⁰⁴ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 276.

⁵⁰⁵ Цит. по: *Venohr W.* *Stauffenberg. Symbol der deutschen Einheit. Ein politische Biographie*. Frankfurt am Main, 1990. S. 213.

⁵⁰⁶ *Steiner M. G.* *Hitlers Krieg und die Deutschen*. S. 260.

⁵⁰⁷ *Нератова П.* *В дни войны. Семейная хроника*. СПб., 1996. С. 231.

⁵⁰⁸ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 413.

⁵⁰⁹ *Faurisson R.* *Ecrits révisionistes 1974—1996*. Т. 1. Paris, 1999. P. 32.

⁵¹⁰ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 414.

⁵¹¹ *Sigmund A. M.* *Die Frauen der Nazis*. Bd. 2. Wien, 1998. S. 146.

⁵¹² *Шнеер А.* *Воспоминания*. С. 487—488.

⁵¹³ Ср.: *Джонсон П.* *Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы*. Т. 1. М., 1995. С. 464.

⁵¹⁴ *Burleigh M.* *Die Zeit des Nationalsozialismus*. S. 887.

⁵¹⁵ *Steiner M. G.* *Hitlers Krieg und die Deutschen*. S. 346.

- ⁵¹⁶ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 356, 393, 395.
- ⁵¹⁷ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 398.
- ⁵¹⁸ *Volkmanн H.-E.* *Ende des Dritten Reiches — Ende des Zweiten Weltkrieg.* Eine perspektivische Rückschau. München, 1995. S. 224.
- ⁵¹⁹ *Herbst L.* *Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945.* S. 431.
- ⁵²⁰ *Flemming J.* *Der RAF-Bombenkrieg gegen Deutschland im Meinungsbild der britischen Öffentlichkeit von 1940 bis 1944 // Mütärgeschichtliche Zeitschrift, 2000. N 2. S. 323.*
- ⁵²¹ *Джонсон П.* *Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы.* Т. 1. М., 1995. С. 462.
- ⁵²² *Толанд Д.* *Последние 100 дней рейха.* Смоленск, 2001. С. 165.
- ⁵²³ Там же. С. 168.
- ⁵²⁴ *Джонсон П.* *Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы.* Т. 1. М., 1995. С. 462.
- ⁵²⁵ *Боог Х.* *Военно-воздушные силы и беспощадная бомбовая война до 1942 г.* В кн.: *Михалка В.* (ред.) *Вторая мировая война.* М., 1997. С. 414.
- ⁵²⁶ *Rumpf Я.* *Das war Bombenkrieg.* Oldenburg, 1961. S. 3.
- ⁵²⁷ *Burleigh M.* *Die Zeit des Nationalsozialismus.* S. 883.
- ⁵²⁸ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 5716.
- ⁵²⁹ *Ibid.* S. 5463.
- ⁵³⁰ *Ibid.* S. 5644.
- ⁵³¹ *Ibid.* S. 5478.
- ⁵³² *Ibid.* S. 424.
- ⁵³³ *Maser W.* *Das Regime.* S. 304.
- ⁵³⁴ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 429.
- ⁵³⁵ *Maser W.* *Das Regime.* S. 307.
- ⁵³⁶ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 428.
- ⁵³⁷ *Ibid.* S. 430.
- ⁵³⁸ *Ibid.* S. 429.
- ⁵³⁹ *Ibid.* S. 433.
- ⁵⁴⁰ *Ibid.* S. 435.
- ⁵⁴¹ *Maser W.* *Das Regime.* S. 322.
- ⁵⁴² *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 490.
- ⁵⁴³ *Ibid.* S. 445.
- ⁵⁴⁴ *Maser W.* *Das Regime.* S. 320.
- ⁵⁴⁵ Ср.: *Maser W.* *Das Regime.* S. 321.
- ⁵⁴⁶ На самом деле, первая эскадрилья реактивных истребителей, имеющих скорость 896 км/час, была введена в действие в ноябре 1944 г.

- 547 *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 447.
- 548 *Maser W.* Das Regime. S. 311.
- 549 *Шупер У.* Взлет и падение Третьего рейха. С. 269.
- 550 *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. München, 2001. S. 35.
- 551 См.: *Kaempfe A.* Deutschland eins. Von einem der auszog das Deutschsein zu lemer. Kiel, 1986. S. 117.
- 552 *Choltitz D. V* Soldat unter Soldaten. Konstanz, 1951. S. 256.
- 553 См.: Der Spiegel. 1964. N 36. S. 79.
- 554 См.: *Dürkenföldens K.* «Schreiben wie es wirklich war». Hannover, 1985. S. 123.
- 555 *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 269.
- 556 *Полян П.* Жертвы двух диктатур. С. 314.
- 557 См.: *Maser W.* Das Regime. S. 314.
- 558 *Maser W.* Das Regime. S. 316.
- 559 *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 467.
- 560 *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches, 1994. S. 113.
- 561 *Maser W.* Das Regime. S. 325.
- 562 *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 490.
- 563 *Lucacs J.* The History of Hitler. New York, 1998. R 212.
- 564 *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 860.
- 565 *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 505.
- 566 Ibid. S. 533.
- 567 Ibid. S. 535.
- 568 Ibid. S. 537.
- 569 Ibid. S. 570.
- 570 *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 910.
- 571 *Лич-Аннах Г.* Между жестокостью и добром // Знамя. 1995. № 5. С. 157.
- 572 *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München, 2001. S. 297.
- 573 *Кларк А.* План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха. 1941-1945. М., 2002. С. 432.
- 574 *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 573.
- 575 Ibid. S. 532.
- 576 *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 356.
- 577 *Лич-Аннах Г.* Между жестокостью и добром. С. 158.
- 578 Цит. по: *Лич-Аннах Г.* Между жестокостью и добром. С. 164.

- ⁵⁷⁹ Робертс Д. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003. С. 69.
- ⁵⁸⁰ Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 121.
- ⁵⁸¹ Там же. С. 119.
- ⁵⁸² См.: Бивор Э. Падение Берлина. С. 54.
- ⁵⁸³ Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 118.
- ⁵⁸⁴ Там же. С. 121.
- ⁵⁸⁵ Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000. С. 246.
- ⁵⁸⁶ См.: Бивор Э. Падение Берлина. С. 38.
- ⁵⁸⁷ Найер А. Военные преступления. С. 245.
- ⁵⁸⁸ Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 123.
- ⁵⁸⁹ Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 124.
- ⁵⁹⁰ Лин-Аннах Г. Между жестокостью и добром. С. 159.
- ⁵⁹¹ Откровения и признания. С. 425.
- ⁵⁹² Робертс Д. Победа под Сталинградом. С. 125.
- ⁵⁹³ Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 149.
- ⁵⁹⁴ Борозняк А. И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999. С. 143.
- ⁵⁹⁵ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 929.
- ⁵⁹⁶ См.: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 82.
- ⁵⁹⁷ Balfour M. Withstanding Hitler in Germany 1933-1945. London, 1988. P. 78.
- ⁵⁹⁸ См.: Geschichte und Gegenwart. 1994. N 4. S. 205—221.
- ⁵⁹⁹ Burleigh M. Die Zeit der Nationalsozialismus. S. 28.
- ⁶⁰⁰ Cp.: Jacobeit S. und W. Illustrierte Alltags- und Sozialgeschichte Deutschlands 1900—1945. Münster, 1995. S. 28.
- ⁶⁰¹ Mühlen P. Von zur Die SPD zwischen Anpassung und Widerstand. In: Schmädke J., Steinbach P. (Hg) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994. S. 89.
- ⁶⁰² Beier G. Gewerkschaften zwischen Illusion und Aktion. Wandlungen gewerkschaftlicher Strategie vom potentiellen Massenwiderstand zur Technik der Verschwörung. In: Schmädke J., Steinbach P. (Hg) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994. S. 99.
- ⁶⁰³ Eschel A. Vom eigenen Gewissen. Die Walser-Bubis-Debatte und der Ort des NS im Selbstbild der BRD // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literatur und Geistesgeschichte, 2000. N 2. S. 336.

⁶⁰⁴ *Walser M.* Ein Sprungender Brunnen. Frankfurt am Main, 1998. S. 90.

⁶⁰⁵ *Wehler H.-U.* Deutsche Sozialgeschichte. Bd. 1. München, 1987. S. 20.

⁶⁰⁶ Цит. по: *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 448.

⁶⁰⁷ Ср.: *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Панковский А., Бартошек К, Марголен Ж.-Л.* Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 2001. *Passim*. По подсчетам Куртуа, масштабы коммунистического геноцида были большими, чем у нацистов: 100 млн против 25 млн.

⁶⁰⁸ *Wippermann W.* (Hg) «Roter Holocaust»? Kritik der Schwarzbuchs des Kommunismus. Hamburg, 1998.

⁶⁰⁹ См.: *Wegner B.* (Hg) Zwei Wege nach Moskau. Von Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa». München, 1991. S. 467.

⁶¹⁰ *Weber H.* Die Ambivalenz der kommunistischen Widerstandsstrategie bis zur «Brüsseler» Parteikonferenz. In: *Schmädeke J., Steinbach P.* (Hg) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994. S. 73.

⁶¹¹ *Weber H.* Die Ambivalenz der kommunistischen Widerstandsstrategie. S. 74.

⁶¹² *Weber H.* Die Ambivalenz der kommunistischen Widerstandsstrategie. S. 79.

⁶¹³ Ср.: *Mammach K.* Widerstand 1939—1945. Berlin, 1987, *passim*.

⁶¹⁴ *Bracher K.-D.* Die deutsche Diktatur. Köln, 1970. S. 409.

⁶¹⁵ *Frohn A., Kloth H.* Der Bote aus Berlin // Der Spiegel. 2001. N 37. S. 221.

⁶¹⁶ *Delattre L.* Felix Kolbe. Der wichtigste Spion des Zweiten Weltkrieges. München, 2004, *passim*.

⁶¹⁷ О ней СД впервые узнало в начале августа 1942 г. при ликвидации коммунистического кружка в Брюсселе, а 31 августа 1942 г. СД удалось полностью раскрыть организацию. В декабре того же года были осуждены и повешены первые члены «Красной капеллы». Ср.: *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 707.

⁶¹⁸ *Кларк А.* План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха 1941-1945. м., 2002. С. 151.

⁶¹⁹ *Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1956. S. 107.

⁶²⁰ *Rothfels H.* Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt am Main, 1969. S. 23.

⁶²¹ Фризер К.-Х. Национальный комитет «Свободная Германия». В кн.: Михалка В. (ред.) Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 579.

⁶²² Фризер К.-Х. Национальный комитет. С. 582.

⁶²³ Камю А. Записные книжки // Иностранная литература. 1992. № 2. С. 185.

⁶²⁴ Черчилль о роли немецкого Сопротивления для будущего Германии: «Никогда в истории так много людей не было в такой большой степени обязано маленькой горстке людей столь многим».

⁶²⁵ Цит.: Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 780.

⁶²⁶ Schmädeke J., Steinbach P. (Hg) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994. S. 30.

⁶²⁷ Balfour M. Withstanding Hitler in Germany 1933-1945. London, 1988. P. 166.

⁶²⁸ Venohr W. Stauffenberg. Symbol der deutschen Einheit. Eine politische Biographie. Frankfurt am Main, 1990. S. 265.

⁶²⁹ Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1984. S. 159.

⁶³⁰ Venohr W. Stauffenberg. S. 206.

⁶³¹ Balfour M. Withstanding Hitler in Germany 1933—1945. P. 168.

⁶³² Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 793.

⁶³³ Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха 1941-1945. М., 2002. С. 107.

⁶³⁴ Кларк А. План «Барбаросса». С. 27.

⁶³⁵ Цит. по: Steinbach P. Zum Verhältnis der Ziele der militärischen und zivilen Widerstandsgruppen. In: Schmädeke J., Steinbach P. (Hg) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994. S. 977.

⁶³⁶ Venohr W. Stauffenberg. Symbol der deutschen Einheit. Eine politische Biographie. Frankfurt am Main, 1990. S. 147.

⁶³⁷ Venohr W. Stauffenberg. S. 193.

⁶³⁸ Ibid. S. 273.

⁶³⁹ См.: Benz W. Herrschaft und Gesellschaft im nationalsozialistischen Staat. Frankfurt am Main, 1990. S. 186.

⁶⁴⁰ Venohr W. Stauffenberg. S. 201.

⁶⁴¹ Ibid. S. 208.

⁶⁴² Ibid. S. 209.

⁶⁴³ Ibid. S. 269.

⁶⁴⁴ Ibid. S. 271.

- ⁶⁴⁵ *Balfour M.* Withstanding Hitler in Germany 1933—1945. P. 165.
- ⁶⁴⁶ Ср.: *Dänhoff M.* Gräfin «Um der Ehre willen». Erinnerungen an die Freunde vom 20 Juli. Berlin, 1994. S. 36.
- ⁶⁴⁷ *Venohr W.* Stauffenberg. S. 309.
- ⁶⁴⁸ *Venohr W.* Stauffenberg. S. 317.
- ⁶⁴⁹ *Malanowsky W.* «Mein Führer, Sie leben, Sie leben». S. 38.
- ⁶⁵⁰ *Malanowsky W.* «Mein Führer, Sie leben, Sie leben». S. 39.
- ⁶⁵¹ *Reuth R. G.* Goebbels. Eine Biographie. München, 1995. S. 553.
- ⁶⁵² *Reuth R. G.* Goebbels. Eine Biographie. München, 1995. S. 511.
- ⁶⁵³ *Volkman H.-E.* (Hg) Ende des Dritten Reiches — Ende des zweiten Weltkriegs. München, 1995. S. 294.
- ⁶⁵⁴ *Benz W.* Herrschaft und Gesellschaft. S. 187.
- ⁶⁵⁵ *Jens I.* (Hg) Hans und Sophie Scholl. Briefe und Aufzeichnungen. Frankfurt am Main, 1988, passim.
- ⁶⁵⁶ *Benz W.* Herrschaft und Gesellschaft. S. 187.
- ⁶⁵⁷ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 372.
- ⁶⁵⁸ Der Spiegel. 2003. N 7. S. 49.
- ⁶⁵⁹ Цит. по: *Steinbach P.* Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn, 1994. S. 292-293.
- ⁶⁶⁰ Основной Закон Федеративной Республики Германии. Берлин, 2001. С. 46.
- ⁶⁶¹ *Лукач Д.* Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. СПб., 2003. С. 183.
- ⁶⁶² *Визгин В. П.* Мишель Фуко — теоретик цивилизации знания // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 125.
- ⁶⁶³ *Канетти Э.* Человек нашего столетия. М., 1990. С. 260.
- ⁶⁶⁴ *Арон Р.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 136.
- ⁶⁶⁵ См.: *Силади А.* Тоталитарная культура XX в. // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 157.
- ⁶⁶⁶ См.: *Силади А.* Тоталитарная культура XX в. // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 155.
- ⁶⁶⁷ Under the Sign of Saturn. New York, 1980.
- ⁶⁶⁸ *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 64.
- ⁶⁶⁹ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1942—1945. Berlin, 1996. S. 576.
- ⁶⁷⁰ *Фукуяма Ф.* Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 143.
- ⁶⁷¹ *Крейг Г.* Немцы. С. 69.

- ⁶⁷² Мангейм К. Человек и общество в век преобразований. М., 1991. С. 94.
- ⁶⁷³ Лукач Д. Конец двадцатого века. С. 239.
- ⁶⁷⁴ Bracher K. D. Die deutsche Diktatur. S. 414.
- ⁶⁷⁵ Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 269.
- ⁶⁷⁶ См.: Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000. С. 281.
- ⁶⁷⁷ Arendt H. Essays in Understanding. 1930—1954. New York, 1994. P. 257.
- ⁶⁷⁸ Цит. по: Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler. S. 196.
- ⁶⁷⁹ См.: Broszat M. (Hg) Von Stalingrad zur Währungsreform. In: Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 26, München, 1990. S. 47.
- ⁶⁸⁰ Ср.: Siegele-Wenschkewitz L. Nationalsozialismus und Kirchen. Religionspolitik von Partei und Staat bis 1935. Düsseldorf, 1974, passim.
- ⁶⁸¹ Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942. München, 1963. S. 388.
- ⁶⁸² Maser W. Das Regime. S. 114.
- ⁶⁸³ Meier K. Kreuz und Hakenkreuz. Die evangelische Kirche im Dritten Reich. München, 2000. S. 175.
- ⁶⁸⁴ Цит. по: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 16.
- ⁶⁸⁵ Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. S. 17.
- ⁶⁸⁶ Ibid. S. 18.
- ⁶⁸⁷ Broszat M. Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. München, 1969. S. 299.
- ⁶⁸⁸ Цит. по: Бровко Л. Н. Церковь и Третий рейх // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 57.
- ⁶⁸⁹ Ср.: Broszat M. Der Staat Hitlers. S. 285.
- ⁶⁹⁰ Цит. по: Шупер У. Взлет и падение. С. 277.
- ⁶⁹¹ Ср.: Пукер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 347.
- ⁶⁹² Шнеер А. Воспоминания. С. 150.
- ⁶⁹³ Современников забавляло, что знаток античной традиции, каковым себя считал Розенберг, в названии своей книги вместо правильного «Mythos» написал «Mythus». Ср.: Heiden K. Adolf Hitler. Ein Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Ein Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 370.
- ⁶⁹⁴ Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. S. 439.
- ⁶⁹⁵ Heiden K. Adolf Hitler. Ein Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Ein Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 369.

- 696 См.: *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 257.
- 697 *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. S. 50.
- 698 Ср.: *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 189.
- 699 *Klemperer V.* LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig, 1990. S. 71.
- 700 *Beese D.* Kirche im Krieg (Evangelisch). In: *Müller R.-D., Volkman H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 487.
- 701 *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 300.
- 702 Цит. по: *Kersten F.* Totenkopf und Treue. Hamburg, 1952. S. 197.
- 703 *Крейз Г.* Немцы. М., 1999. С. 94-96.
- 704 Там же. С. 97.
- 705 *Rohrbach P.* Deutsches Leben. Wurzeln und Wandlungen. Wiesbaden, 1948. S. 25.
- 706 *Boberach H.* (Hg) Berichte des SD und Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland. Mainz, 1971. S. 3,5.
- 707 *Scherzberg L.* Kirchenreform mit Hilfe des Nationalsozialismus // Historische Zeitschrift, 2003. Bd. 276, H. 1, passim.
- 708 См. например: *Broszat M.* Bayern in der NS-Zeit. Bd. 2. München, 1977. S. 209.
- 709 *Scholder K.* Die Kirchen im Dritten Reich. Bd. 1. Vorgeschichte und Zeit der Illusionen 1918—1934. Berlin, 1977, S. 167.
- 710 *Бровко Л. Н.* Церковь и Третий рейх // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 48.
- 711 *Cornwell J.* Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII. London, 2000, passim.
- 712 *Крейз Г.* Немцы. М., 1999. С. 303.
- 713 Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 284.
- 714 См.: Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. München, 1958. S. 13.
- 715 *Domarus M.* Hitlers Reden. Bd. 1. S. 440—444.
- 716 *Richer W.* Die nationalsozialistische Kulturpolitik. S. 149.
- 717 Ibid. S. 150.
- 718 *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 206.
- 719 *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 70.
- 720 Ibid. S. 95.
- 721 Ср.: *Бровко Л. Н.* Конформизм и конфронтация. Христианские церкви и нацистское государство// Свободная мысль. 1993. № 2. С. 90.

¹²² Бровко Л. Н. Конформизм и конфронтация. С. 91.

⁷²³ Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 179.

⁷²⁴ См.: Пукер Г. Застольные беседы Гитлера. С. 106-107.

⁷²⁵ Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 257.

⁷²⁶ См.: Maser W. Deutschland. Traum oder Trauma. München, 1984. S. 405.

⁷²⁷ Цит. по: Aaron M., Loftus J. Unholy Trinity: the Vatican, the Nazis and the Swiss. Banks, 1998. R 7.

⁷²⁸ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939—1944. Berlin, 1965. S. 197.

⁷²⁹ Ср.: Zahn G. Die deutsche Katholiken und Hitlers Krieg. Köln, 1965. S. 94.

⁷³⁰ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 232.

⁷³¹ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 233. Денис Делмер до 1939 г. учился и жил в Германии, работал британским корреспондентом, с 1941 г. возглавил британскую пропаганду на Германию. Как и его оппоненты, Делмер не был особенно разборчив в средствах и постоянно применял ложь и фальсификации. См.: Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 142.

⁷³² Witetschek H. Der gefälschte und der echte Mölders-Brief // VfZ. 1968. H. 1. S. 65.

⁷³³ Boberach H. (Hg) Berichte des SD und Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland. Mainz, 1971. S. 628.

⁷³⁴ Ср.: Бровко Л. Н. Церковь и Третий рейх // Новая и новейшая история. 1991. № 4. С. 61.

⁷³⁵ Ср.: Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. S. 406.

⁷³⁶ Goebbels J. Tagebücher aus den Jahren 1942—1943. Zürich, 1948. S. 138.

⁷³⁷ Ср.: Kotze H. (Hg) Heeresadjutant bei Hitler 1938-1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Stuttgart, 1976. S. 71.

⁷³⁸ Sigmund A. M. Die Frauen der Nazis. Bd. 1. S. 58.

⁷³⁹ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 415.

⁷⁴⁰ Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 371.

⁷⁴¹ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 514.

⁷⁴² Zahn G. Die deutsche Katholiken und Hitlers Krieg. Graz, 1965. S. 185.

⁷⁴³ Ср.: Deak /. Der Papst, die Nazis und die Juden // Europäische Rundschau. 2001. N 2. S. 129.

⁷⁴⁴ Balfour M. Withstanding Hitler in Germany 1933—1945. London, 1988. P. 15.

- ⁷⁴⁵ Ср.: *Scholder K.* Die Kirchen im Dritten Reich. Bd. 1. Berlin, 1977. 180.
- ⁷⁴⁶ Ср.: *Gerlach W.* Als die Zeugen Schweigen. Bekennende Kirche und dir Juden. Berlin, 1984. S. 41, 85.
- ⁷⁴⁷ *Gerlach W.* Als die Zeugen Schweigen. S. 165.
- ⁷⁴⁸ *Boberach H.* (Hg) Berichte des SD und Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland. Mainz, 1971. S. 53.
- ⁷⁴⁹ Ср.: *Бровко Л. Н.* Конформизм и конфронтация. Христианские церкви и нацистское государство // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 83.
- ⁷⁵⁰ Ср.: *Jochmann W.* (Hg) Adolf Hitler Monologe im Führerhauptquartier 1941-1942. Hamburg, 1970. S. 413.; *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, 1970. S. 414.
- ⁷⁵¹ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 436.
- ⁷⁵² *Meier K.* Kreuz und Hakenkreuz. Die evangelische Kirche im Dritten Reich. München, 2000. S. 39.
- ⁷⁵³ *Bergen D.* Twisted Cross. The German Christian Movement in the Third Reich. Chapel Hill, 1996. P. 2.
- ⁷⁵⁴ *Bergen D.* Twisted Cross. P. 229.
- ⁷⁵⁵ *Meier K.* Kreuz und Hakenkreuz. S. 40.
- ⁷⁵⁶ Цит. по: *Kreiß Г.* Немцы. С. 101.
- ⁷⁵⁷ *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 246.
- ⁷⁵⁸ *Siegele-Wenschkewitz L.* Nationalsozialismus und Kirchen. Regionspolitik von Partei und Staat bis 1935. Düsseldorf, 1974. S. 131.
- ⁷⁵⁹ См.: *Шулер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. С. 275.
- ⁷⁶⁰ См.: Дневник посла Додда 1933-1938. М., 1961. С. 95.
- ⁷⁶¹ См.: *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. S. 413.
- ⁷⁶² *Schmidt K.* (Hg) Dokumente des Kirchenkampfes. Bd. II, 1 Teil. Göttingen, 1964. S. 703.
- ⁷⁶³ Ср.: *Broszat M.* Der Staat Hitlers. S. 291.
- ⁷⁶⁴ *Kreutzer H.* Das Reichskirchenministerium im Gefüge der nationalsozialistische Herrschaft. Düsseldorf, 2000. S. 323.
- ⁷⁶⁵ *Шулер У.* Взлет и падение. Т. 1. С. 277. Когда Муссолини в сентябре 1938 г. заступился за Нимеллера, Гитлер сказал: «В лагере у него максимальная свобода и с ним хорошо обращаются, но из лагеря он не выйдет никогда». См.: *Irving D.* Der Führer und Reichskanzler. S. 199.
- ⁷⁶⁶ См.: *Михалка В.* Вторая мировая война. М., 1997. С. 179.

⁷⁶⁷ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich*. S. 195.

⁷⁶⁸ *Klepper J.* *Unter dem Schatten Deiner Flügel*. Aus den Tagebücher der Jahre 1932-1942. Stuttgart, 1965. S. 1019.

⁷⁶⁹ *Angermund R.* «Recht ist, was dem Volk nutzt». Zum Niedergang von Recht und Justiz im Dritten Reich. In: *Bracher K. DFunke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) *Deutschland 1933-1945*. S. 62.

⁷⁷⁰ В США свидетелей Иеговы за отказ служить в армии также сажали в тюрьму: с 1933 по 1951 гг. было посажено около 20 тыс. человек.

⁷⁷¹ *Reinaud M., Graffard S.* *The Jehova's Witness and the Nazis: Persecution, Deportation and Murder. 1933—1945*. S. 1. 2001, *passim*.

⁷⁷² *Kater M.* *Die ersten Bibelforscher im Dritten Reich // VfZ*. 1969. H. 2. S. 181.

⁷⁷³ Ср.: *Thamer H.-U.* *Verführung und Gewalt*. S. 444.

⁷⁷⁴ *Zippel F.* *Kirchenkampf in Deutschland 1933-1945*. Berlin, 1965. S. 226.

⁷⁷⁵ *Smelser R., Syring E., Zitelmann R.* (Hg) *Die braune Elite II*. S. 58.

⁷⁷⁶ *Kreutzer H.* *Das Reichskirchenministerium im Gefüge der NS Herrschaft*. Düsseldorf, 2000. S. 323.

⁷⁷⁷ См.: *Scholder K* *Die Kirchen im Dritten Reich // Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1971. N 15. S. 28.

⁷⁷⁸ *Bracher K. D.* *Die deutsche Diktatur*. S. 414.

⁷⁷⁹ *Бровко Л. Н.* *Конформизм и конфронтация. Христианские церкви и нацистское государство // Свободная мысль*. 1993. № 2. С. 91.

⁷⁸⁰ *Brüning H.* *Memoiren 1918—1934*. Stuttgart, 1970. S. 7.

⁷⁸¹ Ср.: *Hagemann W.* *Publizistik im Dritten Reich*. Hamburg, 1948. S. 24.

⁷⁸² *Сент-Экзюпери А.* *Из записных книжек // Звезда*. 1995. № 1. С. 128.

⁷⁸³ Ср.: *Schmeer K.* *Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich*. München, 1956. S. 17.

⁷⁸⁴ *Brecht B.* *Gesammelte Werke*. Bd. 16. Frankfurt am Main, 1967. S. 599.

⁷⁸⁵ На это указывал в своей великолепной книге о языке Третьего Рейха известный филолог Виктор Клемперер, см.: *Klemperer V.* *LTI*. Leipzig, 1990, *passim*.

⁷⁸⁶ Ср.: *Schmeer K* *Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich*. München, 1956. S. 20.

⁷⁸⁷ Цит. по: *Мазер В.* *Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность*. Ростов-на-Дону, 1998. С. 447.

- ⁷⁸⁸ Ср.: *Schmeer K.* Die Regie. S. 11.
- ^m *Hitler A.* Mein Kampf, Bd. 1. S. 179.
- ⁷⁹⁰ Ср.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 85.
- ⁷⁹¹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 184.
- ⁷⁹² *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 2. S. 117-118.
- ⁷⁹³ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 182.
- ⁷⁹⁴ Ср.: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 130-131.
- ⁷⁹⁵ Ср.: *Бланк А. С.* Старый и новый фашизм. М., 1982. С. 81.
- ⁷⁹⁶ *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1955. S. 569.
- ⁷⁹⁷ *Topisch E.* Vom Ursprung und Ende der Metaphysik. Wien, 1958. S. 4.
- ⁷⁹⁸ *Пукер Г.* Застольные разговоры Гитлера. С. 434.
- ⁷⁹⁹ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?» Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939-1943. Stuttgart, 1967. S. 211; *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 268.
- ⁸⁰⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938-1945. Bd. 2. Herrsching, 1984. S. 366.
- ⁸⁰¹ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 2. S. 435.
- ⁸⁰² Цифра в номенклатуре приемника напоминала о приходе Гитлера к власти 30 января 1933 г.
- ⁸⁰³ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 314; *Hagemann W.* Publizistik im Dritten Reich. Hamburg, 1948. S. 45.
- ⁸⁰⁴ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 63.
- ⁸⁰⁵ *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 150.
- ⁸⁰⁶ *Hagemann W.* Publizistik im Dritten Reich. S. 48.
- ⁸⁰⁷ Ср.: *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. München, 1956. S. 21.
- ⁸⁰⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 336.
- ⁸⁰⁹ Ср.: *Lucacs J.* The Hitler of History. P. 209.
- ⁸¹⁰ Ср.: *Теплиц Е.* История киноискусства. Кн. 4. М., 1973. С. 164.
- ⁸¹¹ Диссертацию о романтизме Вильгельма Шютце Геббельс защитил в 1921 г. у еврея — германиста Макса фон Вальденберга. См.: *Smelser R., Zitelmann R.* (Hg) Die braune Elite. S. 54.
- ⁸¹² *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 159.

⁸¹³ Геббельс, как известно, свою карьеру в нацистской партии начинал вместе с братьями Штрассерами, искренне верившими в «социализм» Гитлера.

⁸¹⁴ *Reimann V. Dr. Joseph Goebbels. Wien, 1971. S. 8.*

⁸¹⁵ *Ibid. S. 113.*

⁸¹⁶ *Ibid. S. 99.*

⁸¹⁷ Виктор Райман указывал, что ничего демонического в его натуре не было; все особенности его психики он сводил к физическим недостаткам «маленького доктора». Райман считал, что, имея Геббельс две здоровые ноги и нормальное тело, вся история национал-социализма приобрела бы совершенно иное направление. Ср.: *Reimann V. Dr. Joseph Goebbels. S. 107.*

⁸¹⁸ *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс. С. 163.*

⁸¹⁹ Некоторые авторы по характеру и масштабам влияния на общество даже сравнивали его с Вольтером, правда, с той оговоркой, что если только Вольтера трудно представить себе в нацистской форме... См.: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс. С. 167.*

⁸²⁰ Цит. по: *Герцштейн Р. Э. Война, которую Гитлер выиграл. Смоленск, 1996. С. 57.*

⁸²¹ *Герцштейн Р. Э. Война, которую Гитлер выиграл. С. 53.*

⁸²² Цит. по: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс. С. 93—94.*

⁸²³ *Völkischer Beobachter, 4 Oktober 1933.*

⁸²⁴ *Герцштейн Р. Э. Война, которую Гитлер выиграл. С. 39.*

⁸²⁵ Там же. С. 57.

⁸²⁶ После войны профессор был приговорен к штрафу, а с 1955 г. вновь выступал карикатуристом вплоть до смерти в сентябре 1980 г. См.: *Peters L. Volkslexikon Drittes Reiches. S. 540.*

⁸²⁷ Ср.: *Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 38.*

⁸²⁸ *Schmeer K. Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 32.*

⁸²⁹ Это совмещение, впрочем, не было на пользу Минпропу; Дитрих всегда выдерживал дистанцию по отношению к Геббельсу. В других случаях совмещение было на руку Геббельсу: так, один человек — Хорст Дресслер — в 1933—1937 гг. руководил одновременно департаментом радиовещания Минпропа, партийным бюро радиовещания и государственным управлением радиовещания. Ср.: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс. С. 128.*

⁸³⁰ *Гейден К.* История германского фашизма. М.—Л., 1935. С. 313.

⁸³¹ Цит. по: *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 52.

⁸³² См.: *Der Spiegel.* 1964. N 45. S. 89.

⁸³³ *Longerich P.* Nationalsozialistische Propaganda. In: *Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A.* (Hg) Deutschland 1933-1945. S. 298.

⁸³⁴ *Gerhardt H.* Nationalsozialistische Werbung in der Arbeiterschaft. Die Illustrierte «ABZ — Arbeit und Zeit» // *VfZ.* 1985. N. 2, passim.

⁸³⁵ *Müller H. D.* Hoch über Grab und Gram und Tod und Qual // *Der Spiegel.* 1964. N 34. S. 32.

⁸³⁶ *Müller H. D.* Hoch über Grab und Gram. S. 33.

⁸³⁷ После пожара нацистский рейхстаг заседал в опере Кролля, а здание рейхстага чуть подремонтировали и использовали для выставок и показа пропагандистских фильмов. При строительстве новой столицы Шпеер планировал снести здание рейхстага, но Гитлер запретил это делать — по всей видимости, из уважения к исторической традиции См.: *François E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1; München, 2002. S. 152.

⁸³⁸ Так в пропаганде часто именовали Гитлера. Уже в разгар Второй мировой войны берлинцы рассказывали анекдот, что среди фронтовиков прошел слух: всех ефрейторов после войны расстреляют, дабы еще раз не повторилась история с «неизвестным ефрейтором».

⁸³⁹ *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 271.

⁸⁴⁰ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 88.

⁸⁴¹ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 2. München, 2001. S. 100-101.

⁸⁴² Цит. по: *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. S. 269.

⁸⁴³ *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 1. Смоленск, 1994. С. 425.

⁸⁴⁴ *François E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1. München, 2002. S. 82.

⁸⁴⁵ Сразу после войны инсигнии пропали, и американские оккупационные власти, напуганные перспективой превращения инсигний в символ Четвертого Рейха, тайно предприняли их поиски. В 1946 г. оккупационными властями инсигнии были торжественно переданы австрийскому правительству, которое восприняло эту передачу как символ возрождения национального государства.

- ⁸⁴⁶ Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 182.
- ⁸⁴⁷ *François E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1. München, 2002. S. 85.
- ⁸⁴⁸ Ср.: *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 61.
- ⁸⁴⁹ Цит. по: *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 58.
- ⁸⁵⁰ *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 211.
- ⁸⁵¹ *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 59.
- ⁸⁵² *Hagemann W.* Publizistik im Dritten Reich. Hamburg, 1948. S. 118.
- ⁸⁵³ *Gamm H.-J.* Der Flüsterwitz im Dritten Reich. München, 1964. S. 91.
- ⁸⁵⁴ *Клемперер В.* ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 275.
- ⁸⁵⁵ *Крейг Г.* Немцы. М., 1999. С. 352.
- ⁸⁵⁶ *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 34.
- ⁸⁵⁷ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933-1941. Berlin, 1996. S. 57.
- ⁸⁵⁸ *Клемперер В.* ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 49.
- ⁸⁵⁹ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. München, 2001. S. 309.
- ⁸⁶⁰ См.: *Bayrd J.* To Die for Germany. Heroes in the Nazi Pantheon. Bloomington, 1990. P. 10.
- ⁸⁶¹ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 460.
- ⁸⁶² *Schmeer K.* Die Regie des öffentlichen Lebens im Dritten Reich. S. 107.
- ⁸⁶³ Цит. по: *Шнеер А.* Воспоминания. С. 100.
- ⁸⁶⁴ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 95.
- ⁸⁶⁵ *Leiser E.* «Deutschland erwache!» Propaganda in Film des Dritten Reiches. Reinbeck bei Hamburg, 1989. S. 30.
- ⁸⁶⁶ *Салкелд О.* Лени Рифеншталь. Триумф воли. М., 2003. С. 222, 235.
- ⁸⁶⁷ *Салкелд О.* Лени Рифеншталь. С. 248.
- ⁸⁶⁸ *François E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1. München, 2002. S. 323.
- ⁸⁶⁹ *Venohr W.* Stauffenberg. Symbol der deutschen Einheit. Eine politische Biographie. Frankfurt am Main, 1990. S. 269.

- ⁸⁷⁰ *Gamm H.-J.* Der Flüsterwitz im Dritten Reich. S. 88.
- ⁸⁷¹ См.: *Герцштейн Р.* Война, которую выиграл Гитлер. С. 390.
- ⁸⁷² *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 127.
- ⁸⁷³ *Ibid.* S. 129.
- ⁸⁷⁴ *Ibid.* S. 125.
- ⁸⁷⁵ *Ibid.* S. 126.
- ⁸⁷⁶ *Boelcke W.* (Hg) Kriegspropaganda 1939—1941. S. 363.
- ⁸⁷⁷ *Reuth R. G.* Goebbels. Ein Biographie. München, 1995. S. 454.
- ⁸⁷⁸ *Boelcke W.* (Hg) Kriegspropaganda 1939-1941. S. 392.
- ⁸⁷⁹ *Ibid.* S. 396.
- ⁸⁸⁰ *Ibid.* S. 406.
- ⁸⁸¹ *Klemperer V.* LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig, 1990. S. 230. Аббревиатура в названии книги расшифровывается как *lingua tertii imperii* — «язык Третьего Рейха».
- ⁸⁸² *Murawsky E.* Der deutsche Wehrmachtsbericht 1939—1945. Ein Beitrag zur Untersuchung der geistigen Kriegsführung. Boppard am Rhein, 1962, passim.
- ⁸⁸³ Северная Буковина никогда не принадлежала России, а была провинцией Австро-Венгрии; в ней была значительная немецкая колония.
- ⁸⁸⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 168.
- ⁸⁸⁵ *Reuth R. G.* Goebbels. S. 482.
- ⁸⁸⁶ *Reuth R. G.* Goebbels. S. 483.
- ⁸⁸⁷ *Lebor A., Boyes R.* Surviving Hitler. Corruption and Compromise in the Third Reich. London, 2002. P. 100.
- ⁸⁸⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 211.
- ⁸⁸⁹ Цит. по: *Bucher P.* Goebbels und die Deutsche Wochenschau // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1986. H. 2. S. 53.
- ⁸⁹⁰ *Bucher P.* Goebbels und die Deutsche Wochenschau // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1986. H. 2. S. 54.
- ⁸⁹¹ *Bucher P.* Goebbels und die Deutsche Wochenschau // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1986. H. 2. S. 54.
- ⁸⁹² *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 202
- ⁸⁹³ Ср.: *Теплиц Е.* История киноискусства. Кн. 4. М., 1973. С. 141.
- ⁸⁹⁴ *Bucher P.* Goebbels und die Deutsche Wochenschau // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1986. H. 2. S. 57.
- ⁸⁹⁵ *Pietrow-Enker B.* Die Sowjetunion in der Propaganda des Dritten Reiches. Das Beispiel der Wochenschau // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1989. H. 2. S. 95.
- ⁸⁹⁶ Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Berlin, 1943. S. 10.

- ⁸⁹⁷ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 383.
- ⁸⁹⁸ *Steiner M. G.* *Hitlers Krieg und die Deutschen.* S. 256.
- ⁸⁹⁹ *Gross J. T.* *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia.* Princeton, 1988. P. 299.
- ⁹⁰⁰ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?». S. 200.
- ⁹⁰¹ *Ibid.* S. 202.
- ⁹⁰² *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 211.
- ⁹⁰³ *Hale O.E.* *Presse in der Zwangsjacke, 1933-1945.* Düsseldorf, 1965. S. 283.
- ⁹⁰⁴ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 236.
- ⁹⁰⁵ *Reuth R. G.* *Goebbels. Eine Biographie.* München, 1995. S. 504.
- ⁹⁰⁶ *Steiner M. G.* *Hitlers Krieg und die Deutschen.* S. 98.
- ⁹⁰⁷ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 251.
- ⁹⁰⁸ *Ржевская Е. М.* *Геббельс. Портрет на фоне дневника.* М., 1994. С. 13.
- ⁹⁰⁹ *Откровения и признания.* С. 290.
- ⁹¹⁰ В прошлом — один из руководителей КП Г, депутат рейхстага. Он был обвинен в поджоге рейхстага 27 февраля 1933 г., но на Лейпцигском процессе вел линию не политической, а личной защиты. После оправдательного приговора сотрудничал с нацистами.
- ⁹¹¹ *Ковалев Б. Н.* *Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001.* С. 278.
- ⁹¹² *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?». S. 261.
- ⁹¹³ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 289.
- ⁹¹⁴ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?». S. 281.
- ⁹¹⁵ *Ibid.* S. 329.
- ⁹¹⁶ *Steiner M. G.* *Hitlers Krieg und die Deutschen.* S. 328.
- ⁹¹⁷ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?». S. 317.
- ⁹¹⁸ *Ibid.* S. 318.
- ⁹¹⁹ *Jacobsen H.-J.* (Hg) *1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten.* Darmstadt, 1959. S. 173.
- ⁹²⁰ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?». S. 322.
- ⁹²¹ *Ibid.* S. 329.
- ⁹²² *Hagemann W.* *Publizistik im Dritten Reich.* Hamburg, 1948. S. 465.
- ⁹²³ *Boberach H.* (Hg) *Meldungen aus dem Reich.* S. 359.
- ⁹²⁴ Рестораны на самом деле вскоре были закрыты, чего один из этих «щеголей» — Геринг — никак не мог простить министру пропаганды.

⁹²⁵ Ср.: *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 891.

⁹²⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 365.

⁹²⁷ Ibid. S. 352.

⁹²⁸ Ibid. S. 372.

⁹²⁹ Ср.: *Krause J.* (Hg) Die Schumann-Engert-Kresse-Gruppe. Dokumente und Materialien des illegalen antifaschistischen Kampfes. Berlin, 1960, passim.

⁹³⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 419.

⁹³¹ *Boelcke W.* (Hg) «Wollt ihr den totalen Krieg?». S. 336.

⁹³² *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 423.

⁹³³ Ibid. S. 379.

⁹³⁴ Ibid. S. 440.

⁹³⁵ Ibid. S. 475.

⁹³⁶ *Клемнерер В.* ЛТИ. С. 73.

⁹³⁷ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. S. 443.

⁹³⁸ Цит. по: *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 465.

⁹³⁹ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 161.

⁹⁴⁰ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 473.

⁹⁴¹ Ibid. S. 478.

⁹⁴² Ibid. S. 479.

⁹⁴³ *Heiber H.* (Hg) Goebbels Reden. Bd. 1: 1932-1939. Düsseldorf, 1971. S. 33.

⁹⁴⁴ *Haffner S.* Geschichte eines Deutschen. Erinnerungen. 1914—1933. Stuttgart, 2001. S. 73.

⁹⁴⁵ Ср.: *Ормега-и-Гассем Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни // *Философские науки.* 1991. № 12. С. 137.

⁹⁴⁶ *Dixon J. G.* et al. Landmarks in the History of Physical Education. London, 1957. P. 148.

⁹⁴⁷ *Hitler A.* Mein Kampf. S. 452.

⁹⁴⁸ Ср.: *Friese G.* Anspruch und Wirklichkeit des Sports im Dritten Reich. Studien zum System nationalsozialistischer Leibeserziehung. Leipzig, 1973. S. 8.

⁹⁴⁹ *Hitler A.* Mein Kampf. S. 468.

⁹⁵⁰ Ibid. S. 454.

⁹⁵¹ Ibid. S. 611.

⁹⁵² Цит. по: *Friese G.* Anspruch und Wirklichkeit des Sports im Dritten Reich. Studien zum System nationalsozialistischer Leibeserziehung. Leipzig, 1973. S. 42.

⁹⁵³ *Françoise E., Schulze H.* (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3. München, 2001. S. 311.

⁹⁵⁴ *Boemler A.* Politik und Erziehung. S. 130.

- ⁹⁵⁵ *Boemler A.* Politik und Erziehung. S. 135.
- ⁹⁵⁶ *Boemler A.* Sport und Staat. Bd. II. S. 143.
- ⁹⁵⁷ *Boemler A.* Sport und Staat. Bd. II. S. 136.
- ⁹⁵⁸ Ср.: *Irving D. Goering.* S. 267.
- ⁹⁵⁹ Ср.: *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. S. 261.
- ⁹⁶⁰ *Heiden K.* Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Bd. 1. Zürich, 1936. S. 52.
- ⁹⁶¹ См.: *Klemperer V.* LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig, 1990. S. 10.
- ⁹⁶² Nationalsozialistische Monatshefte, 1934. S. 386.
- ⁹⁶³ *Krüger A.* Die Olympische Spiele 1936 und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA. Berlin, 1973. S. 125.
- ⁹⁶⁴ *Krüger A.* Die Olympische Spiele 1936. S. 84.
- ⁹⁶⁵ За двадцать лет до этого очередные Олимпийские игры тоже должны были состояться в Берлине, но их проведению помешала Первая мировая война. После войны немцы впервые приняли участие в Олимпиаде 1928 г. в Амстердаме (зимняя Олимпиада тогда проводилась в Сент-Морице). В 1932 г. Олимпиада была в Лос-Анджелесе (зимняя — в Лейк-Плэсиде).
- ⁹⁶⁶ *Focke H., Reimer U.* (Hg) Alltag untern Hakenkreuz. Bd. 1. S. 15.
- ⁹⁶⁷ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 119.
- ⁹⁶⁸ *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 187.
- ⁹⁶⁹ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 151.
- ⁹⁷⁰ Ср.: *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. S. 101,
- ⁹⁷¹ Бои чернокожих боксеров с белыми стали вызывать ажиотаж в США с 1908 г., когда чернокожий Джек Джонсон выиграл финальный бой мирового чемпионата среди боксеров-тяжеловесов. Сразу же на американском Юге расисты организовали линчевание негров. Дело дошло до того, что Джонсон вынужден был эмигрировать. Он защищал свой титул до 1915 г., но из-за страха расовых беспорядков бои редко проводили в США. Джонсон, как и Джо Льюис, много сделал для эмансипации негров.
- ⁹⁷² Ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 162.
- ⁹⁷³ См.: *Der Spiegel.* 2003. N 49. S. 161.
- ⁹⁷⁴ Ср.: *Mandell R.* The Nazi Olympics. New York, 1971. P. 17.
- ⁹⁷⁵ *Mandell R.* The Nazi Olympics. P. 43.
- ⁹⁷⁶ *Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р.* Йозеф Геббельс. С. 186.

⁹⁷⁷ Ср.: *Mandell R.* The Nazi Olympics. P. 209.

⁹⁷⁸ *Шнеер А.* Воспоминания. С. 119.

⁹⁷⁹ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 511.

⁹⁸⁰ *Krüger A.* Die Olympische Spiele 1936, 1973. S. 220.

⁹⁸¹ *Diem C.* Die Entscheidung von London, in: *Olympische Rundschau*, 1939. Н. 7. S. 1.

⁹⁸² См. например: *Focke H.; Reimer U.* Alltag unterm Hakenkreuz. Bd. 1. S. 15.

⁹⁸³ *François-Poncet A.* Als Botschafter in Berlin 1931-1938. Mainz, 1947. S. 267.

⁹⁸⁴ *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. С. 328.

⁹⁸⁵ *Hitler A.* Mein Kampf. S. 456.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
ЧАСТЬ I. СТАРЫЕ И НОВЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ.....	
Введение.....	14
Глава I. Народное образование и наука.....	17
Начальная и средняя школа.....	17
Университеты и наука при нацистах.....	33
Выводы.....	49
Глава II. Немецкое искусство при нацистах.....	52
Нацистские тоталитарные претензии в сфере искусства.....	53
Архитектура и ее значение в процессе национальной мобилизации в Третьем Рейхе.....	78
Изобразительное искусство и его место в культурной политике нацистов.....	90
Место музыки в нацистской мобилизации общества.....	99
Художественная литература и ее место в нацистской культурной политике.....	116
Театр и кино.....	134
Выводы.....	148
ЧАСТЬ II. ОБЫДЕННОЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЖИЗНИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ.....	
Введение.....	153
Глава I. Повседневная жизнь: эволюция и реакции общественного мнения при нацистах.....	155
Перспективы исследования повседневности в Третьем Рейхе.....	155

Повседневная жизнь и общественное мнение в Германии в 1933—1939 гг.....	161
Праздники и их роль в общественной мобили- зации	167
Немецкая обыденная жизнь и общественное мнение в войну.....	173
Бомбовая война.....	210
Германия накануне поражения.....	223
Выводы.....	246
Глава II. Сопротивление и конформизм в Третьем Рейхе.....	248
Предварительные замечания.....	248
Коммунисты в Сопротивлении.....	257
Консервативное Сопротивление и немецкое об- щество	266
Выводы.....	284
Эпилог.....	286
Глава III. Церковь, нацизм и немецкое общество: диалек- тика взаимодействия.....	299
Нацизм и христианство — идеологическое проти- востояние	299
Немецкие католики и нацизм: антипатия и при- способление	307
Немецкие протестанты, нацизм и немецкое об- щество	321
Выводы.....	332
Глава IV. Пропаганда и общество в Третьем Рейхе.....	335
Роль пропаганды в процессе общественной моби- лизации в Третьем Рейхе.....	335
Нацистская пропаганда и ее воздействие на немец- кое общество до войны.....	353
Нацистская пропаганда и общество в войну.....	377
Выводы.....	403

Глава V. Спорт и физкультура в немецком обществе и их использование нацистами в своих целях.....	405
Воспитательное, общественное и культурное значение физкультуры и профессионального спорта в Третьем Рейхе.....	405
Олимпийское движение и нацизм.....	412
Выводы.....	421
Список сокращений.....	422
Примечания.....	425

Олег Юрьевич Пленков

Тайны Третьего Рейха. Культура на службе вермахта

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*
Редактор *В. О. Бутомо*

Редактор предисловия *Д. А. Коцюбинский*

Корректор *А. А. Федоренко*

Оформление обложки *А. Ф. Щавелева, С. Ф. Щавелева*
Верстка *Н.Н. Караваевой*

Подписано в печать 21.01.11

Гарнитура «Ньютон». Формат 84 x 108 ¹/₃₂.

Бумага газетная. Печать офсетная. Уч. изд. л. 20,25. .

Усл. печ. л. 25,2. Изд. № ОП-10-0442-СМ.

Доп. тираж 1500 экз. Заказ № Р-116.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»

129626, г. Москва, Проспект Мира, д. 102, стр. 12

Почтовый адрес: 143421, Московская область,
Красногорский район, 26 км. автодороги «Балтия»,
Бизнес-парк «Рига Лэнд», стр. 3

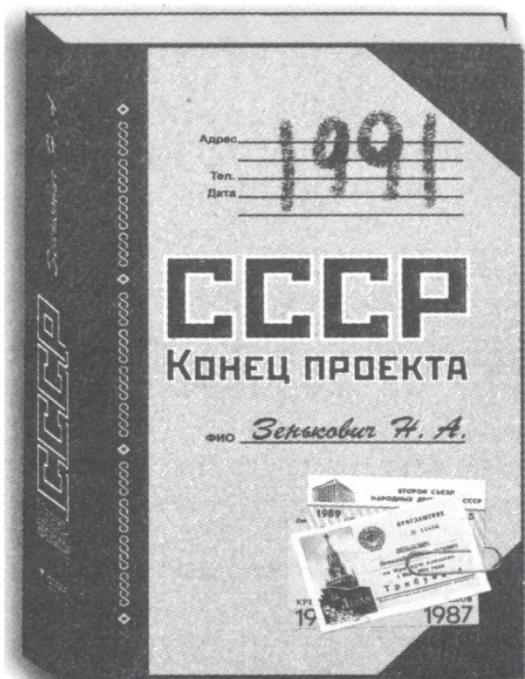
www.olniamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

Н. А. Зенькович

1991.
СССР.
КОНЕЦ
ПРОЕКТА

Новая книга известного исследователя новейшей истории России Николая Зеньковича создана на основе его личных дневников, которые он вел на протяжении последних 50 лет. Многолетняя работа в ЦК КПСС, Госдуме и Совете Федерации РФ дала ему возможность не только находиться в центре событий, изменивших облик страны, но и самое главное – получить доступ к эксклюзивной информации.

Все о самых скандальных событиях 1991 года:

Как развалился Советский Союз?

Кто и в какой мере способствовал краху великой державы?

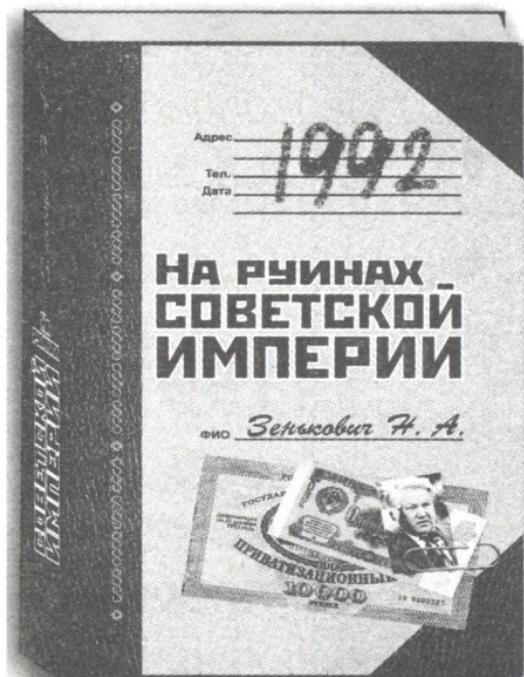
Почему КПСС стала разменной монетой в руках политиков?

Что происходило за кулисами августовского путча?

В книге использованы материалы из богатого личного архива автора: оригиналы документов ГКЧП с рукописными правками членов ГКЧП, предсмертные записки Пуго, Ахромеева, Кручины, а также эксклюзивные фотографии, передающие атмосферу того времени.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

Н. А. Зенькович

1992.

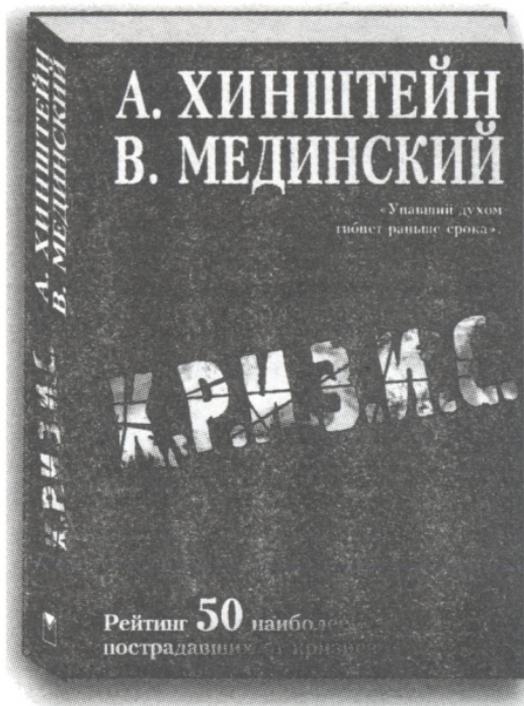
НА РУИНАХ
СОВЕТСКОЙ
ИМПЕРИИ

В новой книге дневниковых записей «1992. На руинах советской империи» известный исследователь тайных страниц недавнего прошлого Николай Зенькович рисует драматическую картину обвала, случившегося после роспуска СССР. События подаются так, как они воспринимались в тот смутный год.

Через личное эмоциональное восприятие автор рисует картинку паники, растерянности и страха, охватившие общество. Отпуск цен на свободу с 1 января 1992 года, гиперинфляция, угроза голода, крах политики «правительства реформ» во главе с Егором Гайдаром, громкие отставки Бурбулиса, Полторанина, других младореформаторов, первые разногласия в команде Ельцина... Подоплека этих событий стала известна только сейчас.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

А. Хинштейн,
В. Мединский

КРИЗИС

Мировой кризис – почти как третья мировая война: все им пугают, но никто его по-настоящему еще не прочувствовал. Но так ли страшен черт, как его малюют?

Кризис – вполне естественное состояние для России. Их было великое множество – во все века, при всех правителях, – столько, что о большинстве мы уже давным-давно забыли.

И зря. Потому что кризис – это всегда шанс. Вопрос лишь в том, что им надо уметь правильно воспользоваться.

Сегодня – этот шанс у нас в руках. И от того, как мы распорядимся им, зависит судьба не только России, но и всего мира...

Александр Хинштейн и Владимир Мединский знают о кризисе все, и своими знаниями они готовы поделиться с читателями.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

В. Мединский

О РУССКОМ
ПЬЯНСТВЕ,
ЛЕНИ И.
ЖЕСТОКОСТИ

Люди склонны думать о себе хорошо. Обычно даже лучше, чем они есть на самом деле. Это относится и к целым народам, всегда старающимся сформировать о себе самое положительное мнение. Но только не к русским, с удивительным мазохизмом культивирующим о себе самые негативные стереотипы, причем со ссылкой на классиков: все, мол, «пьют», «воруют» (Карамзин), «ленивы и нелюбопытны» (Пушкин), хотя, чтобы у них, Емель, все было «по шучьему веленью»...

Так правда ли это всё или мифы? Откуда это пошло? Сами про себя придумали, или подсказал кто? Есть ли у этих утверждений историческая основа и какая? А как с теми же проблемами обстоит дело в «цивилизованных» Европе и Америке? И главное – в чем опасность такого поразительного самоуничтожения для современного ДУХА НАЦИИ, для нашей сегодняшней жизни?

Давайте окунемся в нашу историю и постараемся разобрать самые живучие, самые яркие и самые нелепые МИФЫ О РОССИИ.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

проект

Александра ХИНШТЕЙНА

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

История болезни первого российского президента Бориса Николаевича Ельцина всегда оставалась одной из самых страшных тайн российской власти. Накануне выборов 1996 года оппозиция готова была выложить за нее 5 миллионов долларов. Но только сейчас у общества появилась, наконец, возможность раскрыть главный секрет новой России.

В этой книге нет ни слова выдумки. Она основана исключительно на свидетельствах очевидцев и документах, скрывавшихся Кремлем много лет.

История болезни Ельцина – это история болезни всей России. Уже хотя бы потому мы имеем право знать всю правду о первом президенте страны, какой бы шокирующей она ни была.

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

проект

Александра ХИНШТЕЙНА

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

БЕРЕЗОВСКИЙ и АБРАМОВИЧ

олигархи с большой дороги

Новая книга Александра Хинштейна продолжает серию его коррупционных скандалов и разоблачений, и на этот раз объектом пристального внимания автора становятся «сильные мира сего» Борис Березовский и Роман Абрамович.

Что они за люди, эти так называемые олигархи? Как получилось, что в тяжелые для всей страны 90-е годы, в период всеобщего обнищания и потери идеологических ориентиров, им удалось прибрать к рукам не только огромные суммы денег, но и природные богатства России? С помощью каких схем и механизмов возможно в столь короткий срок стать миллиардером? И, наконец, как Абрамович и Березовский намерены распорядиться своим баснословным состоянием?

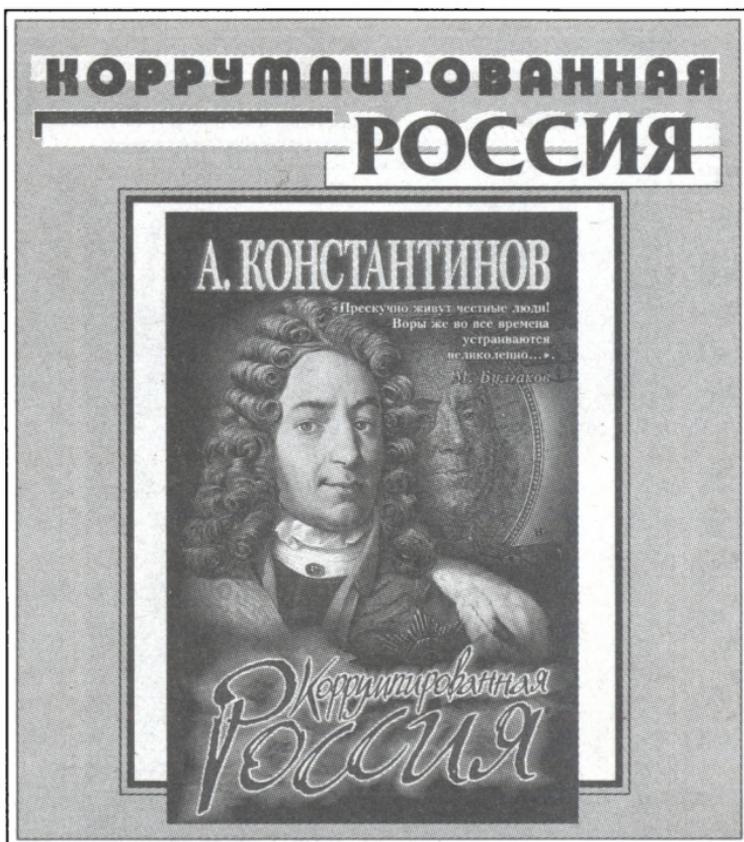
Читателей ждут шокирующие факты, подробно иллюстрирующие и объясняющие невероятный успех этих знаменитостей, за считанные годы взлетевших на Олимп российского бизнеса и политики. Какими они были детьми, где и как росли, как учились, в кого влюблялись, как отстраивали свою жизнь и что думают о них те, кто все эти годы был с ними рядом...

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

проект

Александра БУШКОВА

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Коррупция родилась не вчера, и корни этого явления уходят в далекое прошлое. Еще древние законодатели пытались искоренить ее силовыми методами, но безрезультатно. Коррупция живет и процветает.

В России взятки брали всегда, но масштабы современных злоупотреблений служебным положением уже угрожают национальной безопасности страны. Государство не может излечить само себя, потому что те, кто должны это делать, сами являются носителями болезни.

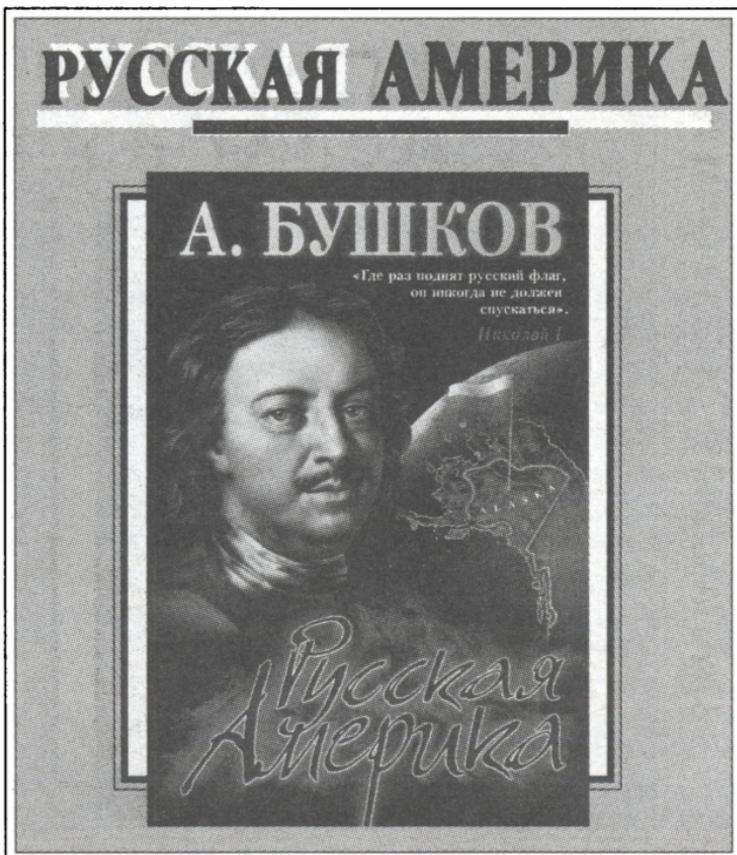
Андрей Константинов и журналисты Агенства Журналистских Расследований в своей новой книге впервые исследуют проблемы российской коррупции.

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

проект

Александра БУШКОВА

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Часть Америки когда-то была русской, но большинство славных имен ее покорителей напрочь забыты в нынешней России. И даже когда об этом вспоминают сегодня, сплошь и рядом в ходу всевозможные дурацкие мифы, ничего общего не имеющие с реальным историческим прошлым.

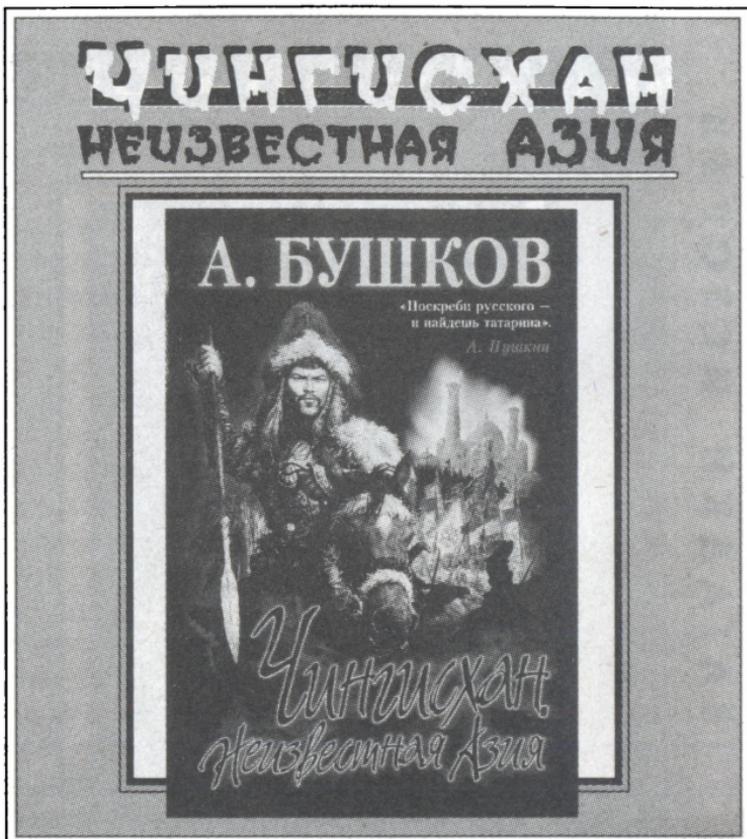
Новая книга А. Бушкова «Русская Америка» – это попытка ликвидировать одно из «белых пятен истории» – рассказать правду о наших славных предках, нечеловеческими трудами покоривших огромные сибирские и американские пространства и присоединивших эти земли к Российской империи. Как выяснилось, ненадолго...

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

проект

Александра БУШКОВА

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Русские — это и есть тюрки! А точнее, одно из многочисленных тюркских племен, пришедших некогда из Азии. И в средние века на Руси исповедовали не христианство, а магометанство! И вообще, не только Россия, но и Европа родом из Азии! А Чингисхан — не только могущественный воин, герой и реформатор, но и наследник тысячелетних культур, существовавших в те времена, когда будущие «просвещенные» европейцы еще разгуливали в звериных шкурах и дубасили друг друга каменными топорами... Эти громкие заявления Александра Бушкова способны ошарашить любого, кто хоть мало-мальски знаком с традиционной историей России. Именно Чингисхан, по его мнению, показал всему миру настоящую Азию — не дурацкие необозримые степи, по которым носятся примитивные кочевники, а Великий континент, Великую цивилизацию, на просторах которой существовали могучие империи, опережавшие Европу по всем параметрам...

«ОЛМА Медиа Групп» представляет

проект

Александра БУШКОВА

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Почему Сталин, в высшей степени прагматичный и трезвый глава государства, накануне войны обезглавил армию? В чем подлинные причины чисток 1937 года? За что был расстрелян Михаил Тухачевский? И какое отношение ко всему этому имеет Адольф Гитлер? На эти и другие «неудобные» вопросы нашей истории ищут ответы журналист Елена Прудникова и петербургский историк Александр Колпакиди. Их версия событий хотя и не бесспорна, но оригинальна и отвечает на многие вопросы...

ТАИНЫ Третьего Рейха

КУЛЬТУРА НА СЛУЖБЕ ВЕРМАХТА

Германия 30-х годов. Все области культуры без исключения становятся жертвами государственного и партийного вмешательства. Неслыханный расцвет отдельных областей искусств и массовый исход из страны еврейских и либеральных деятелей культуры.

«Восстание немецкого духа против произвола бесплодного и холодного интеллекта»; эстетический прорыв Лени Рифеншталь на службе позорной идеологии Альфреда Розенберга.

Чем закончилась пропагандистская дележка великого художественного наследия немецкого народа?

За что Гитлер презирал школьное и университетское образование и ненавидел учителей и преподавателей?

Для каких целей в спешном порядке создавались так называемые «школы Адольфа Гитлера»?

Возможно ли, чтобы новым министром науки, образования и народной культуры стал бывший школьный учитель, уволенный со службы из-за психических отклонений?

Как нацисты препятствовали вторжению в немецкую культуру чужеродных элементов: джаза, новой архитектуры, новых направлений живописи: футуризма, кубизма, экспрессионизма?

Кто обеспечивал беспрецедентную финансовую поддержку отраслям и деятелям культуры, согласившимся обслуживать Третий Рейх?

За что Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Стефан Цвейг, Эрих Ремарк, Альберт Эйнштейн, Джек Лондон, Герберт Уэллс, Зигмунд Фрейд, Эмиль Золя, Марсель Пруст и другие деятели культуры объявлены врагами немецкого народа?

ISBN 978-5-373-01992-7

9 785373 019927

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru